

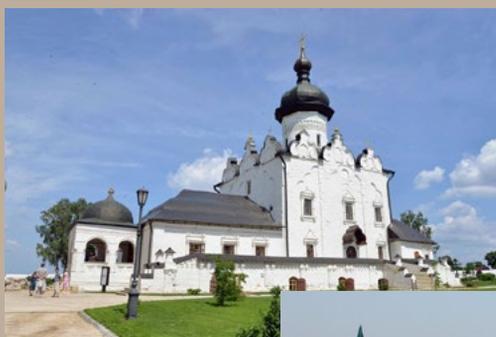
ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

Арҗамак

12+

ТАТАРСТАН

№2 (26)
сентябрь
2017

**09.07.2017 в польском городе Кракове решением 41-й сессии
Комитета Всемирного наследия ЮНЕСКО Успенский собор
и монастырь острова-града Свяжск включены
в Список Всемирного наследия.**

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

Арҗамак

ТАТАРСТАН

Основан в августе 2009 года

*Главный редактор
Алешков Николай Петрович*

№ 2(26) • СЕНТЯБРЬ • 2017

*И неподкупный голос мой
Был эхо русского народа.
Александр Пушкин*

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ

Василенко Светлана Владимировна – *первый секретарь
Правления Союза российских писателей;*

Ларионова Татьяна Петровна – *исполнительный директор
республиканского фонда «Возрождение» (Татарстан);*

Зарипов Айрат Ринатович – *руководитель
республиканского агентства по печати
и массовым коммуникациям «Татмедиа»;*

Руденко Гульзада Ракиповна – *генеральный директор Елабужского
государственного историко-архитектурного
и художественного музея-заповедника;*

Суворов Виктор Семёнович – *ректор Набережночелнинского государственного
торгово-технологического института, доктор педагогических наук.*

РЕДКОЛЛЕГИЯ

А. Н. Бабаев – *председатель попечительского Совета Русской православной церкви
в Набережных Челнах, член Союза российских писателей (Набережные Челны);*

Н. М. Валеев – *доктор филологических наук,
член Союза писателей России (Казань);*

Н. А. Вердеревская – *кандидат филологических наук,
член Союза российских писателей (Елабуга);*

Р. Б. Гайнетдинов – *заведующий отделом Департамента Президента
Республики Татарстан по вопросам внутренней политики (Казань);*

В. Н. Гофман – *протоиерей, член Союза писателей России (Нижний Новгород);*

В. А. Ермаков – *заслуженный работник культуры РФ,
член Союза писателей России (Орёл);*

И. В. Лимонова – *член Союза писателей СССР (Москва);*

Д. Е. Кан – *член Союза писателей России (Оренбург);*

С. Д. Кузнецихин – *член Союза российских писателей (Красноярск);*

О. В. Кузьмичева-Дробышевская – *член Союза российских писателей (Набережные Челны);*

Г. С. Морозов – *член Союза писателей России (Касимов, Рязанская обл.);*

Н. В. Переяслов – *секретарь правления Союза писателей России (Москва);*

Н. Б. Рачков – *секретарь правления Союза писателей России (Тосно, Ленинградская обл.);*

Р. Ш. Сарчин – *доктор филологических наук, член Союза российских писателей (Казань);*

М. А. Чванов – *президент Международного Аксаковского фонда,
член Союза писателей России (Уфа).*

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-58009 от 08 мая 2014 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Заместитель главного редактора – Александр Воронин

Технический редактор – Сергей Алешков

Корректор – Любовь Сивко

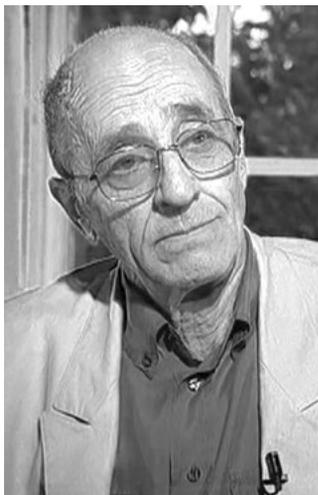
Дизайнер-верстальщик – Виталий Павлов

Художник – Ольга Белова-Недовизий

РОССИЯ, ВЫРАЖЕННАЯ В СЛОВЕ

*Интервью с доктором филологических наук
Валентином Семёновичем Непомнящим*

«С Пушкиным на дружеской ноге» — этого Валентин Непомнящий про себя не скажет даже в шутку, хотя о главном русском поэте опубликовал десятки статей, издал несколько книг, сделал не одну серию телепередач и, по признанию многих, является самым ярким и глубоким пушкинистом. Гении не прощают панибратства. Никому. Даже лауреатам Госпремии, которую Непомнящий получил за просветительскую деятельность, а именно — за книгу «Пушкин. Русская картина мира». Никто из гигантов отечественной словесности, считает автор, не представил эту картину полнее, чем Александр Сергеевич. Никто проникновеннее, чем Пушкин, не постиг душу русского человека, его духовный строй. Когда-то Непомнящий так и написал: «Пушкин — это Россия, выраженная в слове».

Не убит ли сегодня в России интерес к Пушкину — не столь давней юбилейной вакханалией по случаю 200-летия поэта, использованием его строк в рекламе, поминанием имени классика в программах политических партий, тиснением знакомого профиля на чём попало, осточертевшими остротами про «наше всё» и прочими пошлостями? Как это ни удивительно — нет, не убит. Тому подтверждение — реакция зрителей на показанный по каналу «Культура» телецикл (18 передач) Валентина Непомнящего о «Евгении Онегине». «На ТВ потом оборвали все телефоны, завалили редакцию письмами, вопросами: «Когда повторят? Где купить?»

Он работает в Институте мировой литературы (ИМЛИ) РАН. Руководит Пушкинской группой Отдела русской классики и возглавляет Пушкинскую комиссию Института.

— *Валентин Семёнович, Пушкинская комиссия что из себя представляет?*

— Пушкинская комиссия ИМЛИ — это неформальное подразделение при нашем институте, которое по существу — постоянно действующая Пушкинская конференция в Москве. Притом не собственно московская, но общероссийская и международная. Докладчики приезжают к нам из разных городов мира. Существует комиссия вот уже двадцать лет, и на ней сделано и обсуждено около трёхсот докладов (часть напечатана в наших институтских сборниках «Московский пушкинист»).

— *Вот я шёл сейчас к вам и в вестибюле ИМЛИ увидел объявление: «Заседание Пушкинской комиссии. Слово „Бог“ в «Капитанской дочке». Неужели в творчестве Пушкина что-то ещё осталось неизученным? Неужели ещё возможны открытия?»*

— А как же! Вот, например, после упомянутого вами доклада с его простодушным названием завязался интереснейший разговор не только о России XVIII века, но и о русской ментальности вообще, а ведь как это важно сегодня! Да, конечно, неясен целый ряд подробностей биографии Пушкина, неизвестны какие-то письма его и к нему, а всё это может иметь отношение к самому главному — его творчеству. Но фактология — такая вещь, которая никогда не может быть прощупана «до конца». И вот одна из самых мучительных для нас проблем — датировка многих пушкинских текстов, порой очень важных. Это мучительная работа, потому что мы в ИМЛИ составляем новое, совершенно небывалое Собрание сочинений Пушкина: в нём произведения размещаются не так, будто в хранилище на полках (лирика отдельно, поэмы отдельно, проза, драмы и пр. — всё по отдельности), а в том хронологическом порядке, в каком произведения создавались. В результате творчество Пушкина, его путь предстанут как живой процесс, словно идущий на наших глазах, и это позволит ответить на множество вопросов, многое по-новому понять.

— *А есть ли в пушкинистике вечные вопросы?*

— Настоящая, великая литература только и занимается «вечными вопросами» (они же — «детские вопросы»): что такое жизнь, смерть, добро, зло, любовь, наконец, главное — что такое человек. Проблема человека, проблема соотношения в нём предназначения и реального его существования — вещь бездонная. Валерий Брюсов сказал, что Пушкин похож на реку с необычайно прозрачной водой, сквозь которую дно кажется совсем близким, а на самом деле там страшная глубина. Простота Пушкина и есть его бездонность; и главная его тема — именно проблема человека. Возьмите хоть стихотворение «Я вас любил...», написанное самыми простыми словами, хоть поэму «Медный всадник», вещь, изученную вроде бы вдоль и поперёк; там такая бездна, такое сплетение смыслов...

— *Проблематика «Медного всадника» действительно многослойна. И на каждом витке российской истории что-то в этой поэме приобретает для современников особую актуальность, а что-то отступает на второй план. Вот, скажем, сегодня нас может интересовать, как Пушкин относился к петровским преобразованиям. Из «Медного всадника» это можно понять?*

— Можно. Пушкин сознавал величие Петра и со временем хотел написать его историю. Мало того, сам государь заказал ему такой труд. И Пушкин увлёкся темой, буквально вцепился в неё. В одном из писем он сообщает: «Скопляю матерьялы — привожу в порядок — и вдруг вылью медный памятник, которого нельзя будет перетаскивать с одного конца города на другой, с площади на площадь, из переулка в переулок». Но чем дальше он углублялся в историю Петра, тем страшнее ему становилось. И вылился медный памятник, но совершенно иной. Вылился «Медный всадник» — очень страшная вещь. В ней величие Петра — такое величие, которое сверхчеловечно, может быть, даже внечеловечно. Медного всадника никуда не «перетаскивают» — он

сам скачет, чтобы раздавить человека (хотя происходит это не наяву, а в помутневшем разуме Евгения). Понимая величие царя-реформатора, Пушкин в то же время понимал, что этот «первый большевик» (так скажет потом М. Волошин) решил Россию, что называется, через коленку переломить, силой «поменять менталитет» народа (о чём нынче мечтают некоторые наши деятели). Было немало толкований «идеи» этой поэмы: «власть и народ», торжество «общего» над «частным» и т. д. Но есть ещё один смысл, на сегодня, по-моему, самый актуальный, а именно — страшная «обратная» сторона того, что называется цивилизацией, каковая призвана вроде бы улучшать условия существования человека, но при этом самого-то человека уродует, изничтожая в нём человеческое.

— *Ещё один сегодняшний вопрос: Пушкин был либералом в европейском значении этого слова?*

— Ну, это вещь общеизвестная. Пушкин с молодости был воспитан в духе западного рационализма, просвещения, вольтерьянства, атеизма и т. п. И в этой духовной атмосфере он чувствовал себя как рыба в воде. Но вот его стихотворение «Безверие», написанное в 1817 году по экзаменационному заданию (требовалось описать, как несчастен неверующий человек или обличить его), с такой искренностью передаёт муки безверия, что перевод его в прозу, немного поменяй строй речи, и получится прекрасная церковная проповедь.

— *Дружба Пушкина с декабристами — тоже свидетельство его либеральных воззрений?*

— Да нет, дружба у него всегда основывалась только на человеческих симпатиях, идеология тут была ни при чём. Просто и он, и они воспитывались в одном духе — либеральном. Но ему было свойственно много и независимо думать. И вот, живя в Михайловском, среди народа, с декабристами он начал расходиться во мнениях очень скоро — нисколько не жертвуя при этом чувством дружбы. А после «Бориса Годунова», оконченного в 1825 году, как раз к 7 ноября (правда, по старому стилю), он уже монархист. Но не «кондовый»: просто он утвердился в том, что монархия — оптимальный для России способ правления. «Демократическую» Америку Пушкин презирал. Вяземский называл его «либеральным консерватором».

— *Вы тоже, насколько я понимаю, завязали с либерализмом.*

— Да я, в сущности, либералом никогда и не был. Был обычный советский человек. Родители — совершенно советские люди, так сказать, «честные коммунисты». Отец в сорок первом ушёл добровольцем на фронт, мама долгие годы была секретарём парт-организации. В конце пятидесятых я окончил классическое отделение филфака МГУ (греческий, латынь), а работать стал в фабричной многотиражке, куда меня устроил отец-журналист. В то время, после смерти Сталина и XX съезда партии, в среде думающей интеллигенции распространялось мнение, что «порядочные люди должны идти в партию». И когда мне начальство фабрики велело вступать в партию (как «работнику идеологического фронта»), я, не задумываясь, пошёл. Потом оказался в «Литературной газете», в литературной среде, много думал о том, что происходит в литературе, в стране, и во мне рос какой-то протест. И постепенно я стал воспринимать свою «партийность» с тоской, будто не в своей тарелке сию, будто у меня путы на ногах...

— *А кончилось тем, что вас из партии исключили.*

— Да, в 68-м году. За письмо в защиту Гинзбурга и Галанскова, выпустивших «Белую книгу» о «процессе Синявского и Даниэля».

— *Это знаменитое письмо — ваших рук дело?*

— Моих. До этого мне не раз предлагали подписать письма протеста, но они мне все не нравились.

— *Чем же?*

— А вот этим своим либерально-крикливым, истеричным тоном, дурным вкусом. Но я же был и всерьёз возмущён тем, что людей много месяцев противозаконно держат в заключении. В общем, я сел и написал своё письмо — спокойное, я бы сказал, толерантное, основанное только на публикациях нашей прессы, а не на сообщениях «вражеских голосов». И под этим письмом подписались двадцать пять человек — от Паустовского и Каверина до Максимова и Войновича, его потом так и стали называть «писательским». А вот Юрий Карякин отказался подписать: «Знаешь, если либералы придут к власти, они во многом будут похлеще, чем большевики», — как в воду глядел... Ну, так или иначе, это спокойное письмо вызвало в «верхах» самую отчаянную злобу. Меня быстро взяли за шиворот и протащили по всем ступенькам лестницы допросов, дознаний, угроз...

— *Вами занимался КГБ или это было партийное разбирательство?*

— Партийное. Была даже должность такая — партследователь. Началось с разговора в редакции журнала «Вопросы литературы», где я в ту пору работал. Ну а дальше райком, горком, обком... я тогда насчитал двенадцать или пятнадцать разных ступенек. Но я стоял, как вкопанный в землю столб.

— *Вас потом с работы не погнали?*

— Представьте себе, нет. Главным редактором «Вопросов литературы» был Виталий Михайлович Озеров — писатель и критик насквозь партийный, но человек очень порядочный. Он меня просто понизил в должности: я был завотделом, а сделался младшим редактором. И вместо двухсот тридцати рублей стал получать 110. И, кроме того, мне на год запретили выступать по радио, публиковаться в печатных изданиях. Плюс к тому я лишился возможности издать книгу о сказках Пушкина. И за это я благодарю Бога. Потому что если бы книга вышла в том виде, в каком была написана в 68-м году, мне потом было бы стыдно.

— *Неужто образы Попа и его работника Балды там трактовались с классовых позиций?*

— Да нет, такого у меня быть не могло. Там было много хорошего, прочувствованного, верного, но в целом я тогда, видно, до темы не дорос, до настоящей глубины не достал. Позже я эту книжку написал заново, теперь она считается одной из лучших на эту тему: я даже слышал её определение как «классической» — во как!

— *Где-то вы сказали, что ваш метод исследования пушкинской поэзии включает в себя, помимо прочего, ещё и публичное чтение стихов. Объясните, почему вам без этого трудно обходиться.*

— Дело не в публичности. Мне для понимания пушкинских строк требуется их произнесение, а не просто чтение глазами. Стихи — идеальное проявление языка. А русский язык — самый гибкий, самый выразительный. У нас огромную роль играет интонационная музыка. Причём музыка не только в фоническом значении, но и в смысловом. И это всегда меня пленяло в русском языке. Тут большую роль сыграла моя мама, которая мне читала «Медного всадника» на ночь. Я с пяти лет помню эту поэму наизусть. Так вот, в самой музыке стиха таится смысл. Я как-то размышлял над стихотворением «Послание в Сибирь» («Во глубине сибирских руд...»). И вдруг последнюю строчку я прочёл не так, как её обычно читают. Не «и **братья** меч вам отдадут», а — «и братья меч вам **отдадут**». Отдадут — значит, вернут обратно то, что взяли. А что было взято у декабристов? У них отняли шпаги и сломали. Их лишили чести дворянской. У них отобрали дворянство. И вот оказалось, что стихотворение это — не революционная прокламация, как считалось, а намёк на возможную в будущем амнистию, надежду на которую Пушкин вынес из своего разговора с Николаем I

после возвращения из ссылки. В результате получилась большая статья «История одного послания». Или вот «Евгений Онегин». Его невозможно понять по-настоящему, читая глазами. Там половина смысла — в интонации, а её подсказывает чуткому уху сам пушкинский стих.

— *Впервые ваше имя широко прогремело в 1965 году. Известность вам принесла статья «Двадцать строк». С подзаголовком: «Пушкин в последние годы жизни и стихотворение „Я памятник себе воздвиг нерукотворный“». Скажите, чем эта статья так зацепила тогдашнюю читательскую публику?*

— Статья была молодая, романтическая, задиристая, со скрытыми шпильками на тему отношения власти к писателям, да ещё с дуновениями неосознанной религиозности. А главное — Пушкин был в ней не «классик»-идол, а живой и страдающий человек. В ней же возникло и зерно моего метода: через одно произведение «просматривается» едва ли не весь Пушкин — его жизнь, большой контекст его творчества.

— *В те времена литературоведческая статья могла стать бестселлером. Сильнейшее влияние на умы производили, к примеру, «новомирские» публикации Владимира Лакишина о русских классиках. Потому что в произведениях Пушкина, Толстого, Чехова автор «вычитывал» и проклятые вопросы современной жизни, и делал это остро, с публицистическим темпераментом. Такое литературоведение ныне отошло в область предания. Как думаете, почему?*

— Думаю, потому, что и сама литература перестала быть тем, чем она раньше была, когда учила мыслить и страдать. Теперь ей отведена роль служанки, источника развлечений. Я не раз напоминал, что по программе Геббельса покорённым народам полагалось только развлекательное искусство. Культура как духовное воздвигание человеческой души (культура по-латыни и есть «воздвигание») теперь прислуживает цивилизации — устройению удобств житейского быта. Это страшней, чем всякие преследования и запреты. Начальника, цензора можно было иногда обойти, обмануть, можно было найти другой способ высказаться; а деньги — это такой цензор, которого не обойдёшь и не обманешь. Это счастье, что среди большевиков попадались люди, выросшие на великой классике XIX века, на прежней системе ценностей, — может, благодаря этому вся русская литература не была запрещена, как был запрещён Достоевский. Если бы это случилось, ещё неизвестно, как и чем закончилась бы Великая Отечественная война. Ведь дух нашего народа формировался и укреплялся Пушкиным, Лермонтовым, Толстым, Гоголем, Тургеневым...

— *А может, это хорошо, что литература у нас, наконец, перестала быть общественной кафедрой? Общественной кафедрой литература, так же как и театр, становится только в условиях несвободы. Так, наверное, стоит порадоваться тому, что литература в России теперь не больше, чем литература, поэт — не больше, чем поэт?*

— Чему тут радоваться? Для других стран такое положение литературы, может, и не беда; для России это национальная катастрофа. Русская литература по природе своей была проповедником высоких человеческих идеалов, а мы такие люди, что, вдохновляясь высоким идеалом, можем совершать чудеса. А под знаменем рынка... Помню, как в начале девяностых русскую литературу обвиняли во всех наших бедах. Она, мол, виновата в революции, виновата во всем... Появилось ироническое определение: «так называемая великая русская литература». А обращённые к Толстому знаменитые слова Тургенева «великий писатель Земли Русской» были остроумно заменены на ВПЗР. Под знаменем «деидеологизации» (помню, с каким трудом Борис Николаевич Ельцин выговаривал это слово) рыночные понятия стали активно внедряться в массовое сознание, диктовать идеи и идеалы, и в конце концов сам рынок превратился в идеологию, а культура-служение — в культуру-обслужу.

— *Вы считаете, рыночная идеология чужда русскому сознанию, отторгается им?*

— Надо различать рынок как орудие житейского устройства и рынок как идеологию: это совсем разные вещи. Рынок как орудие был всегда, это и из евангельских притч ясно: Христос пользовался в них примерами рыночных отношений. Еда необходима для жизнедеятельности человека, но если на интересах еды построить все человеческие отношения, они перестанут быть человеческими, превратятся в животные. Примерно то же и с рынком. Когда выгода, прибыль становятся основой идеологии, определяют систему ценностей общества, общество превращается в стадо — либо дикое, хищное, либо тупо-конформистское. Рынок в России был всегда (советское время — случай особый): без обмена услугами общество немислимо. Но рынок никогда не был у нас точкой отсчёта человеческих ценностей. Вспомним А. Н. Островского, одного из современнейших сейчас классиков: во всех этих его толстосумах и хищниках рано или поздно обнаруживается человек. А тема денег... Она в нашей литературе присутствовала, но почти всегда — с оттенком какой-то душевной тяжести, трагизма и... я бы сказал, стыдноватости, что ли... Ведь наша иерархия ценностей складывалась веками как именно духовная, и за века это устоялось. У нас духовное выше материального. У нас идеалы выше интересов. У нас нравственность выше прагматики. У нас совесть выше корысти. Эти очень простые вещи всегда были краеугольными камнями русского сознания. Другое дело, что русский человек в своих реальных проявлениях мог быть ужасен, но при этом он понимал, что ужасен. Как сказал Достоевский: русский человек много безобразничает, но он всегда знает, что именно безобразничает. То есть знает границу между добром и злом и не путает первое со вторым. Мы в своих поступках гораздо хуже своей системы ценностей, но она — лучшая в мире. Центральный пункт западного (в первую очередь американского) мировоззрения — улучшение «качества жизни»: как жить ещё лучше. Для нас всегда было важно не «как жить», а «для чего жить», в чём смысл моей жизни. Это ставит нас в тяжёлое положение: идеалы Руси всегда были, по словам Д. С. Лихачева, «слишком высоки», порой осознавались как недостижимые — от этого русский человек и пил, и безобразничал. Но эти же идеалы создали нас как великую нацию, которая ни на кого не похожа, которая не раз то удивляла, то возмущала, то восхищала весь мир. Когда много лет назад в Гватемалу после огромного стихийного бедствия съехались спасатели из разных стран, большинство их с наступлением пяти или шести часов застёгивали рукава и шли отдыхать: рабочий день был кончен. А наши продолжали работать дотемна. Наши идеалы породили и неслыханного величия культуру, в том числе литературу, которую Томас Манн назвал «святой». А теперь вся система наших ценностей выворачивается наизнанку.

— *Вам некомфортно в нынешней культурной ситуации?*

— Я живу в чужом времени. И порой у меня, как писал Пушкин жене, «кровь в желчь превращается». Потому что невыносимо видеть плебейзацию русской культуры, которая, включая и народную культуру, всегда была внутренне аристократична. Недаром Бунин говорил, что русский мужик всегда чем-то похож на дворянина, а русский барин на мужика. Но вот недавно один деятель литературы изрёк: «Народ — понятие мифологическое». Что-то подобное я уже слышал в девяностых годах, когда кто-то из приглашённых на радио философов заявил: «Истинность и ценность — понятия мифологические. На самом деле существуют лишь цели и способы их достижения». Чисто животная «философия». В такой атмосфере не может родиться ничто великое, в том числе в литературе. Людей настойчиво приучают к глянцековой мерзости, которой переполнены все ларьки, киоски, магазины, и неглянцековой тоже.

— Вы думаете, кто-то осознанно и целенаправленно истребляет в народе тягу к разумному, доброму, вечному?

— Скажу честно — не знаю. Просто, думаю, это делают люди с другим кругозором, с совсем иными представлениями о ценностях, о добре и зле. Одним словом — «прагматики», то есть те, для кого главная «ценность» — выгода, и поскорее. Но Россия — страна Пушкина, Гоголя, Гончарова, Достоевского, Платонова, Белова, Солженицына, Твардовского, Астафьева, — не может жить «прагматикой», истинность и ценность для неё не мифологические понятия. Но сегодня ей усердно навязывают «прагматическую» идеологию. Посмотрите на так называемую «реформу образования» с её тупой, издевательской лотереей ЕГЭ вместо экзамена, с введением «болонской системы», в которой основательность и широта образования приносятся в жертву узкой специализации, наконец — с самым чудовищным: с выведением русской литературы из категории базовых предметов. Последнее — повторю ещё и ещё раз — это крупнейшее преступление против народа, против каждого человека, особенно молодого, убийственный удар по нашему менталитету, по нашей системе ценностей, по России, по её будущему. Ведь свойство «прагматиков» — не уметь и не желать видеть дальше своего носа. И если «реформа образования» в таком её виде осуществится, через три-четыре десятка лет в России появится другое население. Оно будет состоять из грамотных потребителей, прагматичных невежд и талантливых бандитов. Это будет уже другая страна: Россия, из которой вынули душу. Вот что сейчас не даёт мне покоя.

Беседу вёл Валерий ВЫЖУТОВИЧ
«Российская газета».
Федеральный выпуск № 4859

ГЕННАДИЙ МОРОЗОВ

В ГОСТЯХ У ПРАВНУКА

С настоящей, большой русской поэзией я познакомился довольно рано, когда учился в третьем классе в сельской начальной школе. Я жил тогда у родственницы по материнской линии — у тётки Поли. В избе висел настенный календарик, и там были напечатаны стихи известных русских классиков. И первым, кого я там прочёл, был именно Пушкин. Помню, как трепыхнулось и замерло моё детское сердце от первой пушкинской строки: «Унылая пора, очей очарованье!»

Этот скромный календарик и есть та отправная точка, тот импульсивный внутренний толчок, разбудивший во мне таинственную тягу к стихам, которые я начну писать через два года, учась в пятом классе. Это как-то само собой, совершенно естественным образом случилось. Именно литературное творчество способствовало тому, что в моей жизни происходили удивительные встречи с замечательными людьми. Одна из них — встреча с правнуком гениального поэта Григорием Григорьевичем Пушкиным.

А было это 14 февраля 1983 года в Москве. В этот благословенный день встретил я на пороге издательства «Молодая гвардия» двух своих друзей-однокашников по Литературному институту. Они-то и уговорили меня поехать к Гри-Гри, так они фамильярно называли Григория Григорьевича, а меня всего передёрнуло. Подумалось: ну зачем же так запанибратски... Да ведь с кем! С прямым, самым близким потомком Пушкина.

Сначала ехали на метро до станции «Сокол», а далее троллейбусом до остановки «Улица Тухачевского». Дверь нам открыл сам Григорий Григорьевич. Улыбается. Мерцают лущистые морщинки возле голубовато-синих глаз. Во всём его облике, в мягкости голоса, душевной открытости легко угадывается естественная русская сердечность и отзывчивость. Помню, как он тепло принял нас, произнося: «Слава Богу, приехали мои ребятушки!» Ну и, конечно, сразу же по старой московской привычке провёл нас на кухню, предложив сесть за небольшой столик, на который мы выложили скромную снедь, помогая хозяину разложить её на тарелки. Григорий Григорьевич поставил на столик пузатенькие рюмашки. Они быстро наполнились спиртным... Мои друзья — ребята заводные, азартные. Ещё не шибко известные, но форсистые, занозистые, читают с потягом стихи. По правую руку от меня горбатенький, очки на тонком, как фанерка, носу. Чуть сдвинутый вбок, в виде павлиньего хвоста, яркий галстук, торчащий из-под клетчатого, ладистого пиджачка. Но что там внешность! Её тут же забудешь... А вот голос, стихи — нет! Кованая, литая строка, оперённая мыслью. Это Игорь Крохин — поэт из города Орла.

А по левую руку от меня — рубаха-парень из Ижевска Владимир Емельянов. До сих пор живёт во мне смятенное чувство восторга и тревоги, ибо его стихи являли мне

драматические картины человеческих судеб на фоне приближающихся перемен. До начала так называемой «перестройки» оставалось буквально несколько лет.

Простите, немного отвлекся от главного: мы в гостях у пушкинского потомка. Весь его внешний облик во многом напоминает самого Александра Сергеевича: крутой, покатый лоб, чётко проступает выпуклость надбровных дуг, резкий вырез ноздрей (вспомните автопортреты поэта), чуть как бы приплюснутый кончик носа. Но более всего поразили меня вскинутые вверх руки во время нашего весёлого разговора. Манжеты рубашки были отстёгнуты, рукава опали и до самых локтей увиделись открытые руки, а пальцы, как брызги, разлетелись в разные стороны — филигранные, точёные, особенно их крайние фаланги, изящно закруглённые. Мне сразу же вспомнился портрет Пушкина, написанный Орестом Кипренским.

Мои друзья-поэты шумно вспоминали недавнюю творческую поездку по Удмуртии. Вместе с ними выступал и Григорий Григорьевич, рассказывая о своём великом предке, о малоизвестных семейных преданиях, но прежде всего — эмоционально и выразительно читал стихи своего прадеда. Остановимся. Вдумаемся. Григорий Григорьевич — самый близкий по родословной к поэту. Он наш современник. Тембр голоса Григория Григорьевича, верилось мне тогда, созвучен голосу его прадеда. Это же сам Пушкин разговаривает с нами — вот такая мысль постоянно мелькала у меня в голове.

В то время он вступал в своё семидесятилетие. Стало быть, год его рождения 1913. Он только на один год, подумал я, старше моего отца. Их можно считать ровесниками. Как многие его предки, он с честью служил Отечеству, участвовал в Финской кампании, а в годы Великой Отечественной войны сражался с немцами. Воевал стойко и достойно, за что получил боевые награды. Но о самой войне мы, к сожалению, поговорить не успели. Очень жаль. В тот вечер Григорий Григорьевич показал свою трёхкомнатную квартиру. Мы рассматривали старинный семейный фарфор, а рядом стоял чернильный прибор, когда-то принадлежавший дочери поэта Марии Александровне. На стене висело прекрасно исполненное художником генеалогическое древо пушкинского рода, уходящее своими глубокими корнями к Благоверному великому русскому князю Александру Ярославичу Невскому. Знакомясь с родовым древом Пушкиных — вспоминали сельцо Михайловское, где расположен Пушкинский заповедник, в котором проводятся ежегодные Пушкинские праздники поэзии.

...Шёл февраль. Дни стояли короткие. Было снежно и вьюжно в Москве, но тепло и уютно в гостеприимной квартире пушкинского потомка. Наша беседа затянулась далеко за полночь. Заторопился на поезд Владимир Емельянов, а Игорю Крохину и мне чета Пушкиных предложила переночевать у них. Как сладко и блаженно спалось нам на раскладном диване той метельной февральской ночью у потомка нашей национального поэта! Я долго не мог заснуть, вспоминая стихи Пушкина и особенно то стихотворение, что было напечатано в отрывном настенном календарике, висевшем в простой избе тёти Поли.

А потом, после неоднократного посещения Пушкиногорья, я написал стихотворный цикл, которым и закончу это коротенькое эссе.

СВЕТЯСЬ, КАК ПУШКИНА, ДУША...

1

На горке Савкиной – часовня
И каменный массивный крест,
Блеск ослепительного полдня...
Божественней не сыщешь мест.
Они овеваны пахучим
Черёмуховым ветерком...
Как «мчатся тучи, выются тучи»,
Представить здесь нам так легко!
Лесной тропинкой одиноко
Бродил поэт... Хандру гоня,
Летела мысль его высоко,
Пространства грозные тесня.
Сей край объят великой тайной,
К ней устремляемся, спеша...
Вот Сороть! Облако в ней тает,
Светясь, как Пушкина душа.
И все о нём воспоминанья
Живою явью предстают.
Его томленья и страданья
Острее чувствуются тут.
И ты на старенькой скамейке
Сидишь, угрюма и строга...
И нежным голосом жалейки
В нас плачет Пушкина строка.

2

Повсюду зелень проросла,
Темнел Воронича откос...
Крылами бабочка мигала,
Таясь за листьями берёз.
Сквозь толчею узорных листьев
Мигнула раз, другой и... нет!
И хоть слилась с небесной высью,
А вот поди ж, остался след.
Остался след! А разве мало
Прожить так ярко майский день?!
Пусть ты из глаз тогда пропала,
Зато так долго трепетала
Твоя порхающая тень!

3

В Пушкиногорье нынче жарко...
Но ветром дунуло с полей –
И засинела неба арка
Сквозь сумрак липовых аллей.
Там, в этом сумраке лучистом,
Струящемся из-за леска,
Холодным светом серебристым
Отсвечивают облака.
И летний день, как вечность, длится...
Аллея Керн, зашелести!
Ведь серебристый свет стремится,
Дробясь, в алмазный перейти.

4

Свистит, чивичит птичья молодь...
Вон света столб стоймя стоит!
Виясь, посверкивает Сороть,
Ультрамарин её горит.
Искрится росами низина.
И, видно, всё же неспроста
Здесь веют силою былинной
Благословенные места.
Бежит в Михайловское тропка...
А что ни час – яснее день.
И ветерок легко и робко
Качает лип старинных тень.
Ах, что за дивные прогулки!
Как славно быть здесь одному!
Должно быть, часто в Петербурге
Всё это виделось ему:
И эти царственные липы
В багровых гроздьях снегирей,
И половиц широких скрипы...
И шёпот: «Сашенька, скорей
Иди сюда!» И шелест платья.
И мягкая покорность плеч...
И снова шёпот: «Дай мне... счастья!»
И поцелуи и объятия...
И – потуханье – тёплых свеч.

ДОСТОЯНИЕ РЕСПУБЛИКИ

АЛЕКСАНДР ВОРОНИН

ВОССТАНОВЛЕНИЕ СОБОРА И СПРАВЕДЛИВОСТИ

Год назад мы писали о воссоздании в Казани собора иконы Божией Матери, первый камень в основание которого заложили Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл, Президент Татарстана Рустам Минниханов и Государственный советник РТ, председатель Попечительского совета республиканского фонда возрождения памятников истории и культуры, герой России Минтимер Шаймиев.

И вот — можно уже говорить о храме не как о президентском поручении, а как о вполне свершившемся факте. Возведены стены, все тридцать две колонны, своды и купола, к зиме обещают вставить окна и дать внутри тепло, чтобы зимой заниматься отделкой. Конечно, работы ещё не на один год. Однако появилась надежда, что к 440-летию обретения Казанской иконы Божией Матери собор, построенный в XIX веке во имя Её, но взорванный в двадцатом столетии, будет готов. И по нынешним временам это чудо! Впрочем, самый известный и почитаемый в России образ Богородицы потому и называют чудотворным. Вот лишь некоторые из чудес, случившихся в разное время.

XVI век

Летом 1579 года в Казани случился сильнейший пожар, выгорела половина города к востоку от Кремля, в том числе двор сотника Данилы Онучина. Вскоре его дочери Марфе приснилась сама Богородица, повелев найти Её изображение на пепелище... Трижды повторялось сновидение, наконец, мать девочки поверила и поведала о том архиепископу Иеремии, который благословил поиски на месте пожарища. 8 июля (по старому стилю) случилось обретение образа Пресвятой Богородицы, который перенёс в ближайшую приходскую церковь Николы Тульского священник Ермолай.

Примечательно, что именно Ермолай вскоре станет первым митрополитом Казанским Гермогеном и напишет «Сказание о явлении Казанской иконы Божией Матери и совершившихся от неё чудесных исцелениях» (переиздано в 2005 году — в честь 450-летия Казанской епархии и 1000-летия Казани). Гермоген же составил службу Божией Матери в честь Её иконы Казанской и написал тропарь «Заступнице Усердная». При нём на месте Её обретения был возведён первый каменный храм. Подросшая Марфа постриглась в монахини — и стала первой настоятельницей Богородицкого женского монастыря Матроной.

XVII век

А сам Гермоген вскоре стал Патриархом Московским и первым предложил на трон Михаила Романова. Заточённый поляками в темнице Чудова монастыря (там

он и умер от голода) святитель в своих посланиях призывал соотечественников на борьбу с интервентами. По его просьбе митрополит Казанский Ефрем велел написать список чудотворной иконы и вместе с казанским отрядом ополченцев отправить его в Нижний Новгород. Народ истово молился перед чудотворным образом — и освобождение Москвы приписал Заступнице. Слава о Казанской иконе разнеслась по всей стране ...

В прошлом году казанские археологи, ведущие раскопки на месте воссоздаваемого собора Казанской иконы Божией Матери, освободили фундамент утраченного собора и обнаружили следы того пожарища, эксгумировали множество человеческих останков, относящихся к XVI–XVII векам, нашли серебряные и медные монеты времён Ивана Грозного, нательные кресты и сотни других артефактов далёкой эпохи.

XVIII век

Святитель Митрофан Воронежский, который участвовал в коронации Петра I, а позже поддерживал его усилия по созданию флота, пожертвовав все свои сбережения на строительство кораблей, перед смертью предсказывал молодому государю: «До тех пор, пока Казанская икона будет в столице, в город не ступит вражеская нога». Царь участвовал в похоронах святителя, лично нёс гроб его... а через год заложил на Неве новый город. В 1721 году, провозглашая создание Российской империи, Пётр I повелел доставить из Москвы в новую столицу список Казанской иконы Божией Матери, исполняя волю святителя Митрофана. Образ поместили в храме Рождества Богородицы на Невском проспекте, позже на его месте возведут Казанский собор — одну из главных достопримечательностей Санкт-Петербурга.

В 1768 году во время посещения Казани императрица Екатерина II передала в Богородицкий монастырь свою корону с бриллиантами — на оклад чудотворного образа. Спустя тридцать лет её сын Павел I вместе с сыновьями Александром (будущим императором, взявшим Париж!) и Константином на месте обретения образа заложил в основание будущего собора медную плиту весом свыше четырёх пудов!

Современные археологи не теряют надежды найти ту памятную плиту, исследования на месте воссоздаваемого собора Казанской иконы Божией Матери не прекращаются и, будем надеяться, приведут к новым научным открытиям.

XIX век

Казанский собор в Санкт-Петербурге достроили в 1811 году, а в 1812 перед Казанской иконой молился фельдмаршал Кутузов, только что назначенный главнокомандующим. Заступница услышала молитвы — и 22 октября (по старому стилю), в день празднования Казанской иконы Божией Матери, в сражении под Вязьмой части генерала Милорадовича и атамана Платова разбили арьергард маршала Даву — и это была первая победа русского оружия в Отечественной войне! В тот же день выпал первый снег, ударили морозы, и Наполеон покинул погибающую армию. Кутузов завещал похоронить себя в Казанском соборе, ставшем памятником героям 1812 года. А иконостас его отлили из серебра, отбитого у французов.

XX век

В 1904 году Казанскую икону украли и сожгли. Надо ли перечислять, сколько бедствий после этого испытала Россия! Японская война, революция 1905 года, первая мировая, отречение императора, Октябрь 1917 года, братоубийственная гражданская война... Между тем в народе продолжала жить вера в Заступницу Казанскую. До сих пор жива легенда, что украли не подлинник, а копию (якобы игуменья после

нескольких попыток ограбления стала на ночь прятать святыню), поскольку воров интересовал лишь драгоценный оклад. Легенда же и то, что явленный образ Казанской иконы Божией Матери якобы сохранился — и находится в храме Ярославских чудотворцев на Арском кладбище.

К Богородицкому монастырю продолжали идти паломники. В связи с чем в 1910 году состоялась закладка «подземной церкви» — на том святом месте, где некогда нашли завёрнутую в сукно икону, уцелевшую после пожара, как и предсказала Дева Мария. На церемонию закладки приехала великая княгиня Елизавета Фёдоровна (до замужества Элиза фон Гессен-Дармштадтская, вдова дяди императора Николая II, московского генерал-губернатора, убитого террористом Иваном Каляевым в 1905-м). Она сделала значительное пожертвование на строительство и через три года приехала на освящение Пещерного храма. Благотворительница возглавляла Императорское Палестинское православное общество, помогала раненым, спасала сирот, а после Октября была арестована в Московской Марфо-Мариинской обители, выслана на Урал, где вместе с членами царской фамилии приняла мученическую смерть — 18 июля 1918 года в восемнадцати километрах от Алапаевска их сбросили живыми в шахту. Лишь в ноябре белье достали останки погибших и доставили её прах в Иерусалим, согласно последней воле новомученицы, и теперь её могила находится под храмом равноапостольной Марии Магдалины. В 1992 году Елисавета была канонизирована и сегодня является одной из самых чтимых российских святых.

Казанская икона Божией Матери явила своё заступничество и в годы Великой Отечественной войны. Считается, что её образ пролетал в самолёте над Москвой — и враг был остановлен в двадцати километрах от столицы. Крёстным ходом Казанскую пронесли вокруг Ленинграда — за 900 дней блокады город на Неве так и не был покорён.

В Дамаске антиохийский патриарх Александр III выступил с обращением к христианам всего мира — поддержать молитвенно и материально Россию. Откликнувшись на призыв патриарха, митрополит гор Ливанских Илия (Карам) Селиб спустился в подземелье — и три дня не пил, не ел, не спал, продолжая молиться перед иконой Казанской Пресвятой Богородицы... пока потолок келии не растворился — и в столпе огненном подвижнику явилась Сама Мать Божия: «Сын мой, встань, не плачь, молитва твоя услышана», — троекратно произнесла Пресвятая Дева Мария. — Передай волю Божию народу российскому: успеха в войне не будет, доколе не отворят все закрытые по страхе храмы и не допустят священство для богослужения... Пусть вынесут чудотворную икону Казанскую и обнесут её крестным ходом вокруг города Святого Петра... Необходимо отслужить молебны перед иконой Казанской Божией Матери под Москвой, под Сталинградом. Икона с войсками должна идти до границ России. По окончании войны митрополит Илия должен приехать в Россию и рассказать о том, как она была спасена».

Митрополит связался с представителями Русской православной церкви, передал советскому правительству волю Господа (письма его и телеграммы сохранились в архивах, хотя десятилетиями оставались под спудом секретности). Как известно, в сорок третьем Сталин встретился с митрополитом Ленинградским Алексием и другими церковными иерархами, после чего по стране стали открывать храмы, а священников возвращать в них из лагерей и окопов. Вождь пригласил в 1947 году митрополита Илию посетить СССР, наградил Сталинской премией. Тот от денег отказался, наоборот, привёз с собой крупную сумму — для поддержки сирот войны.

XXI век

В августе 2004 года папа Римский Иоанн Павел II передал в дар Русской Православной Церкви чудотворную икону Казанской Божией Матери, которая хранилась в его

личных покаях. Так называемый Ватиканский список проделал длинный путь — в двадцатые годы большевики продали икону в Англию, в 1963 году она оказалась в Сан-Франциско, два года выставлялась на всемирной выставке в Нью-Йорке... Наконец, её выкупило фатимское братство и переправило в Португалию. И везде Казанская Божия Матерь продолжала являть чудеса. В 1993 году чудотворный образ передали в Ватикан при условии, что она должна вернуться в Россию. 28 августа 2004 года на праздник Успения Богородицы в кремлёвском Успенском соборе делегация из Ватикана во главе с кардиналом Вальтером Каспером передала икону Казанской Божией Матери Патриарху Московскому и всея Руси Алексию II. А 21 июля следующего года, перед самым празднованием 1000-летия Казани, патриарх отслужил литургию в Благовещенском кафедральном соборе Казанского Кремля и торжественно передал образ Казанской епархии, попросив воссоздать для иконы утраченный собор... А пока чудотворный образ поместили в Крестовоздвиженской церкви Богородицкого монастыря.

С возвращением домой Казанской иконы Божией матери, как вы помните, связано немало положительных изменений в российской жизни, о чём можно судить не только по резкому росту ипотечного жилищного кредитования и лавинообразному увеличению автомобилей на дорогах. Впрочем, хорошее быстро забывается, вот и преодоление «естественной убыли населения» и рост продолжительности жизни, политическая стабильность и экономический рост «тучных 2000-х» теперь скрыты за тучами мировых кризисов и санкций. И снова остаётся уповать на Заступницу Казанскую!..

Об одном чуде хотелось бы вспомнить особо. 7 апреля 2011 года космический корабль «Юрий Гагарин» доставил на Международную космическую станцию... Казанскую икону Божией Матери, подаренную космонавтам патриархом Алексием II. Помните, первому в истории человечества космонавту приписывали фразу: «Я был в небе, а Бога не видел»? Накануне полувекового юбилея покорения космоса чудотворный образ разместили в российском сегменте МКС! И вот уже седьмой год, несколько раз в сутки, Заступница облетает Землю, оберегая всех нас своим Покровом.

* * *

Сто лет назад Казанский Богородицкий женский монастырь в наших краях считался одним из самых благоустроенных. Обитель имела около трёхсот гектаров пахотных земель, дойное стадо, пасеку, плодоносящий сад, иконописную и золотощвейную мастерские, собственный «свечной заводик». В комплекс монастырских сооружений, помимо главного «летнего» собора Казанской иконы Божией Матери, построенного в 1798–1808 годах по проекту питерского зодчего Ивана Егоровича Старова, входили огибающие храм полукругом Никольский и Настоятельский корпуса, шестиярусная колокольня XVII века высотой пятьдесят пять метров, надвратная Софийская и Крестовоздвиженская церкви, а также храм Николы Тульского, первоначально деревянный. Большая часть сооружений была построена и реконструирована по проекту губернского архитектора Якова Михайловича Шелковникова (1744–1809) в годы служения игуменьи Софьи (до пострига — княжны Любови Борисовны Волховской). Впрочем, большое строительство в обители пришлось приостановить — по причине знаменитого пожара 1815 года, в результате которого Казань пришлось заново отстраивать губернатору края — деду великого русского писателя Льва Толстого, который в юности жил возле самого монастыря, в доме тётушки!

С установлением в Казани советской власти монастырские строения и земельные владения, конечно, национализировали, в здании приходской школы разместили 1-ю Советскую школу. Однако в годы нэпа церковная община смогла зарегистрироваться

в форме «коллективного товарищества» и получить культовые здания в бессрочное и безвозмездное пользование. В год «коренного перелома» (1929) с такой кооперацией решительно покончили — главный собор отдали под зернохранилище, в братских корпусах обосновалось общежитие педагогического техникума... Будущие педагоги за пару лет привели жилые помещения в полную негодность, выбив окна и двери, порубив на дрова мебель и лестничные перила, во дворе из «идейных побуждений» разбили старинные надгробия и выкорчевали брусчатку.

В 1931 году территорию бывшего монастыря передали под кинофабрику «Восток-кино», ради этого на следующий год главный Казанский собор взорвали. И среди казанцев это событие сохранилось в памяти, как страшное святотатство. Надо ли говорить, что ничего доброго и славного на месте погубленной святыни построить не удалось. Уже через год кинопроект закрыли, а съёмочные павильоны на фундаменте храма долго не устояли. В 1942 году на том же фундаменте стали устанавливать оборудование Казанской табачной фабрики, которая образовалась в процессе слияния старой московской фирмы «Дукат» и молодой Выборгской «табачки», эвакуированных в Татарию и срочно наладивших выпуск продукции для нужд фронта (табак входил в обязательный солдатский паёк). «Табачка» просуществовала более шестидесяти лет, позже её работники вспоминали о странных видениях и «голосах», кто-то даже слышал неизвестно откуда звучавшие «песнопения»...

Остатки табачного производства удалось вывести из монастырских стен лишь к 2005 году. К тому времени архитектурный ансамбль по сути был утрачен. Больше повезло надвратным церквям, выходящим на Большую Красную (бывшую Казанскую) улицу, так как Софийский храм долго оставался коммуналкой, а в Крестовоздвиженской церкви чуть ли не до конца XX века русскую классику изучали студенты филфака педагогического института.

Софийский храм передали верующим в 1993 году, Крестовоздвиженку освободили позже — и Богородицкий монастырь стал возрождаться, но теперь как мужской.

* * *

Восстанавливать главный собор Казанская епархия, разумеется, была не в состоянии, а республиканские власти после Миллениума сосредоточились на подготовке Универсиады-2013 и проведении Чемпионата мира по водным видам спорта 2015 года. Но обещанного патриарху Алексию II, уже почившему в бозе, руководство не забыло. К тому же Республиканский фонд возрождения памятников истории и культуры, созданный по инициативе первого президента Татарстана, недавно награждённого золотой звездой Героя Труда РФ, Государственного советника РТ Минтимера Шариповича Шаймиева за пять лет сумел успешно завершить основную часть по восстановлению древнего города Болгар и острова-града Свияжск, главных духовных святынь мусульман и христиан, накопив огромный опыт реставрационных и археологических работ, а также привлечения и рачительного использования колоссальных финансовых средств, вносимых как частными лицами, так и крупными фирмами. Большой победой стало включение древнего города Болгар в список Всемирного наследия ЮНЕСКО, куда до этого уже включили Казанский Кремль.

Президент Татарстана Рустам Минниханов решил следовать примеру предшественника — и подписал указ о создании Болгарской исламской академии и воссоздании собора Казанской иконы Божией Матери, строго соблюдая паритет межконфессиональных и межнациональных интересов, приурочив подписание указа к Дню народного единства, то есть празднику Казанской иконы Божией Матери — 4 ноября

2015 года. Фонд «Возрождение» снова стал главным локомотивом, вдохновителем и координатором обоих проектов.

И если строительство Болгарской исламской академии велось «с нуля» (в основу проекта разработчики взяли образ Белой мечети в современном прочтении), «в чистом поле» и на сегодняшний день уже завершилось — с 1 сентября в академии официально начался учебный год, то с воссозданием старинного собора, повторяющего оригинальный проект Ивана Старова, изначально были сопряжены серьёзные трудности. И первая — археологические работы, без проведения которых на месте древней святыни обойтись невозможно. Научные изыскания начались с апреля 2016 года и с самого начала сопровождались сенсационными открытиями. На археологических раскопках до самой осени без выходных работали до пятидесяти человек. Вскрыв могучие бетонные плиты, которые заливали под производственное оборудование фабрики, археологи убедились, что нижние помещения «Пещерного храма» сохранились в значительной степени — и позволяют восстановить исторический памятник в первоизданном виде, обеспечив должную консервацию и дальнейший доступ паломников к «святым святым», тому самому месту, где и был обрётён чудотворный образ. Среди значимых находок можно назвать образок Казанской иконы Божией Матери XIX века, а также фрагменты настенных фресок.

Одному из первых вскрытые пласты истории и уникальные артефакты показали Патриарху Московскому и всея Руси Кириллу, который 21 июля 2016 года (в «летний» праздник Казанской иконы Божией Матери) принял участие в торжественной церемонии закладки первого камня и памятной капсулы воссоздаваемого собора — об этом мы писали ровно год назад.

За этот год фонду «Возрождение» удалось провести колоссальную работу по привлечению средств благотворителей и согласованию целого комплекса проблем. После подготовки необходимой проектно-сметной документации специалистами «Татинвестгражданпроект» за дело взялись подрядчики.

Главным отличием воссоздаваемого собора станет система отопления, ведь по проекту Ивана Старова главный храм монастыря был «летним», то есть неотапливаемым — в начале XIX века сооружения такого масштаба обогревать считалось нецелесообразным. Воздуховоды приходилось выкладывать внутри стен, воздух подогревали малопроизводительные печи на дровах. В холодное время года монахи жили в других монастырских церквях, и так было не только в Казани.

Да и сегодня решить проблемы централизованного теплоснабжения монастырского комплекса оказалось не так просто. И вот 7 июня 2017 года Государственный советник РТ Минтимер Шаймиев провёл выездное совещание, в котором приняли участие митрополит Казанский и Татарстанский Феофан, заместитель Председателя Государственного Совета РТ, исполнительный директор Республиканского Фонда «Возрождение» Татьяна Ларионова, руководитель ТУ Росимущества в РТ Гульнара Сергеева, генеральный директор ГУП «Татинвестгражданпроект» Адель Хуснутдинов и другие официальные лица. Участники совещания прошли по строительной площадке, ознакомились с предложениями двух компаний-производителей декоративных элементов для собора Казанской иконы Божией Матери. Окончательный выбор будет осуществляться на конкурсной основе.

Через неделю практически в том же составе председатель Попечительского совета республиканского фонда «Возрождение» созвал совещание в Казанском Кремле. За это время удалось решить вопросы по подключению собора Казанской иконы Божией Матери к действующей газовой котельной, производительности которой достаточно для обслуживания всего комплекса Казанского Богородицкого мужского

монастыря. Также был рассмотрен порядок проведения консервационных и охранно-спасательных работ на этом объекте культурного наследия местного (муниципально-го) значения. Директор института археологии имени А. Х. Халикова Айрат Ситдииков подчеркнул, что если при прокладке коммуникаций могут вскрыться уникальные исторические объекты, тогда придётся внести изменения в текущий проект. В совещании приняли участие министр культуры РТ Айрат Сигабагуллин, генеральный директор «Татинвестгражданпроекта» Адель Хуснутдинов, руководитель Исполнительного комитета г. Казани Денис Калинин и другие официальные лица.

* * *

Также в минувшем июне состоялось открытие в Казани регионального отделения Изборского клуба, созданного пять лет назад известным писателем и общественным деятелем, главным редактором газеты «Завтра» Александром Прохановым. Вместе с ним в столицу Татарстана приехали десять постоянных членов клуба, среди которых были первый заместитель председателя клуба, генеральный секретарь Всеславянского Союза Олег Розанов, питерский писатель и историк, коммерческий директор «Первого канала» в Санкт-Петербурге Николай Стариков, профессор Российского университета дружбы народов, востоковед Юрий Тавровский.

В Государственном совете Татарстана видных интеллектуалов-консерваторов принимал председатель республиканского парламента Фарид Мухаметшин. Там же прошло учредительное заседание отделения «Изборского клуба» в Татарстане. По словам Проханова, к ним обращались с предложением открыть республиканскую «изборскую» ячейку несколько инициативных групп из Татарстана, в итоге утвердили декана факультета промышленной политики и бизнес-администрирования КНИТУ-КХТИ, профессора, доктора социологических наук и члена-корреспондента Академии политической науки РФ Андрея Римовича Тузикова. Он и стал модератором круглого стола на тему «Идеология и современные ритмы Евразии», в котором с татарстанской стороны приняли участие заместитель муфтия РТ и ректор Российского исламского института Рафик Мухаметшин, заслуженный профессор Казанского федерального университета и академик Академии

наук РТ Индус Тагиров, член Совета Ассамблеи народов Татарстана и директор Дома дружбы народов РТ Ирек Шарипов и другие.

Казанский филиал в Изборском клубе стал 28-м региональным отделением. Таковые уже имеются в Новосибирске, Владимире, Брянске, Нижнем Новгороде, Оренбурге, Донецке, есть они даже в Латвии и Молдове. Всего в клуб входят более сорока постоянных членов, среди которых ведущие экономисты Сергей Глазьев и Михаил Хазин, известные писатели Захар Прилепин и Иван Охлобыстин, телеведущие Максим Шевченко и Михаил Леонтьев, кинорежиссёр Владимир Бортко и генерал Леонид Ивашов, епископ Тихон (Шевкунов) и нобелевский лауреат Жорес Алфёров.

Сам основатель клуба — Александр Проханов так сформулировал изборскую доктрину: «алтари и оборонные заводы». И с удовлетворением отметил, что в Татарстане им продемонстрировали жизнённость такого подхода: в первый же день гостям показали остров-град Свияжск и Казанский авиационный завод имени С. Горбунова. «Возрождение алтарей в Свияжске — это создание над Россией мистического оберегающего покрова, который защищает нас от бед, от этих враждебных вихрей, которые желают нашей стране гибели и разрушения, — сказал Александр Андреевич, — А когда мы побывали на авиационном заводе, великом и могучем в советские годы, создававшем невиданные боевые машины, а потом погубленном, разрушенном до такой степени, что бывший директор не вынес страшного погрома, учинённого либералами в „святые девяностые“, и застрелился... Теперь на этом заводе восстанавливаются разорённые прежде производственные линии. В этих цехах модернизируются грандиозные бомбардировщики дальнего действия, которые летают в небе Сирии, стратегические бомбовозы, именуемые в народе „белыми лебедями“ и „медведями“... И один такой назван в честь Изборского клуба! Наши оборонные заводы возрождаются и несут России безопасность материальную наряду с безопасностью небесной, которую обеспечивают алтари. Соединение этих двух начал — возрождённых алтарей и оборонных заводов — и является нашей „изборской“ доктриной. И так получилось, что в первый же день своего пребывания в Казани мы получили наглядное подтверждение своей философии, доказательство, что она возникла не на пустом месте».

Первый зампреда «Изборского клуба» Олег Розанов в своём докладе затронул тему славяно-тюркского единства: «Все народы России равны, но вторым государствообразующим мы по праву считаем тюркскую семью этносов. Общие государственные проекты удавались нам потому, что у двух великих славянских и тюркских общностей были близкая система ценностей и уважительное отношение друг к другу. Ни славяне на тюрков, ни тюрки на славян никогда не смотрели так, как английские колонизаторы смотрят на аборигенов, — подчеркнул Олег Васильевич. — Всё плотнее смыкается „кольцо Анаконды“, военные базы НАТО уже на западных границах России, а к 2022 году США планируют замкнуть свою систему ПРО и с наших восточных рубежей. Наши „партнёры“ всегда пытались разбить союз тюрков и славян, стараясь играть на их противоречиях. Создаются целые теории, доказывающие историческую неприязнь славянских и тюркских народов. Наряду с идеологией „украинства“ была изобретена идеология „пантюркизма“. Особый акцент пантюркисты делали на объединении с тюрками в Крыму и на Волге. Так в своё время заезжими историками насаждалась европейская версия о татаро-монгольском иге. Миф о вражде русских с татарами Лев Гумилев называл чёрной легендой, губительной и страшной».

Тем не менее, Розанов верит, что разорвать тюркско-славянский союз не удастся, и особо подчеркнул роль Президента Татарстана Рустама Минниханова в крымских событиях весны 2014 года, когда при его участии удалось без крови присоединить Крым к России. «И мы ему очень благодарны, — заявил Розанов. — Для нас, для

„Изборского клуба“, Татарстан является локомотивом. Во многом на вас равняются. Ваш Иннополис, безусловно, большое достижение, ни один регион, за исключением Москвы с её „Сколково“, ничего подобного не может себе позволить. Вы всё время ищите новые формы, находите решения и транслируете их на всю Россию!»

Известный писатель и публицист Николай Стариков считает, что попыток разворочить Россию наши «заклятые друзья» не оставят. «То, что мы сегодня видим в Сирии, уже предпринималось в расширенном масштабе на Кавказе, в первую очередь, в Чечне. То, что происходит в Сирии, — это попытка заново создать разрушительную силу, подвести её к нашим границам и попытаться вызвать смуту в России на любой почве — международной, межконфессиональной, — уверен Николай Викторович. Ислам представляют международной угрозой „западной цивилизации“. Для России это просто неприемлемо. Ислам — часть российской культуры и цивилизации. Но при потере бдительности может произойти вспышка. И регион Поволжья — та цель, куда Запад будет бить. Здесь многоконфессиональность, здесь мозаика народов. И тем важнее сформулировать силами „Изборского клуба“ новую идеологию России».

Профессор Российской университета дружбы народов, востоковед Юрий Тавровский (кстати, единственный «иноземец», которому ЦК Компартии Китая доверил писать биографию председателя КНР Си Цзиньпина!) в своём выступлении остановился на российской мечте. И показал, как благодаря чётко сформулированной «китайской мечте», прописанной в виде программы до 2049 года (к 100-летию КНР), Поднебесная смогла выйти в лидеры мировой экономики. Причём в ней указаны такие цели, как уничтожение нищеты в Китае к 2021 году. «Вот в нашей замечательной стране нищета растёт, а в Китае нищих переселяют из бедных деревень, дают землю, строят бесплатно дома и так далее. И китайцы уже богаче, чем россияне, к примеру, средняя зарплата там выше нашей, — сказал Юрий Вадимович. — Также Китай активно продвигает программу „Один пояс — один путь“ по развитию Нового шёлкового пути, который по задумке должен пройти и по территории Татарстана. Это программа доставки китайских товаров в Западную Европу. А нам выгоден этот транзит? У нас выбор один — формулировать русскую мечту, убеждать Владимира Владимировича в необходимости резкого поворота в экономике, в политике, в идеологии. И тогда мы победим!»

Руководитель Татарстанского отделения «Изборского клуба», профессор Андрей Тузиков хотел бы видеть нашу республику идеологом нового smart-консерватизма. «Консерватизм ошибочно путают с ретроградством. Консерватизм не против всего нового, он лишь сохраняет верность традициям, отстаивает непреходящие ценности, отвергая разрушительные тенденции. В доктрину „алтарей и оборонных заводов“ Татарстан мог бы привнести успешный опыт межконфессионального и международного согласия наряду с уникальным проектом строительства Иннополиса — с одноимёнными университетом и особой экономической зоной, — считает Андрей Римович. — Российское государство в XVI–XIX веках развивалось под покровом Казанской иконы Божией Матери. Изгнание поляков из Москвы шло с образом Казанской Богородицы, Казанский собор в Санкт-Петербурге построили в честь победы над Наполеоном. И в этом смысле Казань — сакральное место. Она реально может претендовать на роль не только спортивной, но духовной столицы страны, поскольку именно здесь была обретена Казанская икона Божией Матери».

* * *

В тот же день члены Изборского клуба встречались с митрополитом Казанским и Татарстанским Феофаном. Владыка принимал гостей в Богородицком мужском

монастыре, сопровождал по строительной площадке собора Казанской иконы Божией Матери, показал вскрытый археологами Пещерный храм, где впервые был явлен образ Пресвятой Богородицы, а потом провёл к самой иконе, находящейся в Крестовоздвиженской церкви обители.

В зале заседаний Его Высокопреосвященство ещё раз тепло приветствовал членов Изборского клуба и его председателя Александра Проханова. Архипастырь рассказал гостям о текущей деятельности Татарстанской митрополии, о ходе воссоздания святыни, отметив роль Президента Татарстана Рустама Минниханова и Государственного советника РТ, председателя Попечительского совета республиканского фонда «Возрождение» Минтимера Шаймиева.

«Только что мы с вами посетили воссоздающийся собор. Где-нибудь в русской глубинке восстановление храмов казалось бы делом обычным, а когда идёт воссоздание такого величественного собора и такими интенсивными темпами в республике многонациональной — это яркий пример межконфессионального примирения, — сказал митрополит Феофан. — Вновь и вновь участвуя в совещаниях по строительству собора, приятно получить урок от Минтимера Шаймиева. Сейчас мы рассматривали малые детали декора собора. Насколько профессионально, я бы сказал, проницательно и ответственно он подходит ко всему, для него мелочей нет. И у него постоянно звучит слово „воссоздание“ — и это не формальное понимание, мы идём буквально по ступеням, сантиметр за сантиметром, так именно проходили раскопки, так воссоздавался Пещерный храм, так укреплялся фундамент и многое другое. Слава богу, строительство идёт благодаря тому, что есть фонд „Возрождение“, его создатель и локомотив, идеолог и главный наставник — Минтимер Шарипович. Конечно, невозможно было бы без команды. Это и архитекторы, и строители, и археологи. Задействован

огромный комплекс, это свидетельствует о том, вместе мы можем сделать любое дело, вместе мы победим!»

«Шаймиев — грандиозный человек, грандиозный мыслитель. Осторожный, тонкий, чёткий. У него колоссальный опыт государственного управления, он государственный», — сказал Александр Проханов в ответном слове. — Он взял на себя миссию перенесения опыта из одной эры в другую. Личность его ещё не оценена. Я горжусь, что знаком с ним. Он великий татарин!»

Позже, в своей статье «Татарстан — евразийское чудо!» на сайте Изборского клуба, Проханов изложил свои впечатления в характерной для него поэтически возвышенной манере: «Во все века своей имперской истории Россия умела создать симфонию пространств, народов, верований, языков. Волга, мистическая река евразийского времени, река-богиня собрала на своих берегах удивительные народы: славян, тюрок, угро-финнов, окропила их своей священной водой, сочетала в нерасторжимое единство. Русские, чуваша, татары, марийцы, удмурты, башкиры пришли на водопой к этой великой реке, поставили на берегах мечети и православные храмы, возвели города и плотины, показали уникальный пример союза народов, явившихся, казалось, из разных уголков Вселенной, и здесь, на берегах священной реки, нашедших свою восхитительную обитель. Смотришь на Волгу — и кажется, что это река без устья и без истока, истекающая из небес и в небеса утекающая.

Народы на этой бесконечной реке творили на протяжении веков свою историю. В Костроме рождалась династия Романовых, начиналось новое русское царство.

В Симбирске, ныне Ульяновске, появились на свет два человека, бурей ворвавшихся в русскую историю: Керенский, положивший в феврале 1917 года конец романовской империи, и Ульянов-Ленин, создавший невиданное советское государство.

В Сталинграде произошла сакральная битва, где в предельно беспощадном ударе сошлись силы ада, вторгшиеся сюда вместе с армией Паулюса, и силы русского поднебесного рая, одолевшие ад. Здесь, на волжских берегах, создавались грандиозные творения, сочинялась великая музыка, строились фантастические корабли, поднимались в небо невиданной красоты самолёты. Этой волжской цивилизации были посвящены наши изборские раздумья и наши духовные поиски.

Загадкой является судьба иконы Казанской Божией матери, которая была обретена здесь, в Казани, в период её покорения Грозным, в дни кровавой кровешной вражды между московским царём и казанским ханом... И после всего побеждённые царём Иваном татары избежали истребления, не познали горькой участи покорённого народа, а сразу же по приказу умного царя были включены в поток русской государственности. Татарские мурзы и татарские ханы были приближены к царскому двору, получили должности, земли, были поставлены во главе полков. А в момент, когда зашаталась Москва, ополчение с Казанской Божьей матерью пошло избавлять столицу. Икона собрала под свою хоругвь татар, мордву, чувашей. И она, Казанская, стала общерусской святыней. С ней победили Наполеона, и татарская конница первой ворвалась на улицы Парижа. Она же, Казанская, во время страшных боёв побывала в Сталинграде. Её обносили вокруг Москвы. И теперь она, православная, молится за всех, кто живёт в пределах государства Российского: за мусульман, за язычников, за неверующих. Молится за татар и за русских. Икона Казанской Божьей матери, как священный ковчег, проплыла по всей Волге».

*Фото tatarstan.ru/
Использованы материалы tatarstan-mitropolia.ru,
business-gazeta.ru, izborsk-club.ru.*

P.S. ДОБРАЯ НОВОСТЬ

09.07.2017 в польском городе Кракове решением 41-й сессии Комитета Всемирного наследия ЮНЕСКО Успенский собор и монастырь острова-града Свяжск включены в Список Всемирного наследия.

Об этом по традиции ударом молоточка объявил председательствующий на заседании Посол Португалии в ЮНЕСКО Хосе Филип Мендос Морес Кабраль.

Номинационное досье «Успенский собор и монастырь острова-града Свяжск» было представлено в Комитет Всемирного наследия в начале прошлого года. Масштабные восстановительные и реставрационные работы на острове-граде, в том числе и в Успенском монастыре, также и подготовка номинационного досье были проведены при содействии Республиканского Фонда «Возрождение» под руководством Первого Президента Республики Татарстан, Государственного Советника Республики Татарстан Минтимера Шаймиева.

На заседаниях 41-й сессии Комитета Всемирного наследия в Кракове присутствует делегация Российской Федерации во главе с Постоянным представителем РФ при ЮНЕСКО Александром Кузнецовым. В состав российской делегации также вошли заместитель Председателя Государственного Совета РТ, Исполнительный директор Республиканского Фонда «Возрождение» Татьяна Ларионова, заместитель министра культуры РТ Светлана Персова, глава Зеленодольского муниципального района и мэр города Зеленодольска Александр Тыгин, вице-президент Российского национального комитета ИКОМОС, проректор по научной работе Казанского института культуры Рафаэль Валеев, директор музея-заповедника «Казанский Кремль» Зияя Валеева, директор Свяжского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника Артём Силкин.

Номинацию к обсуждению представила эксперт Международного совета по сохранению памятников и достопримечательных мест ICOMOS (ИКОМОС) Сьюзен Деньер из Великобритании, которая в августе 2014 года побывала в Свяжске с консультативной миссией. Она вкратце охарактеризовала Успенский собор и монастырь, рассказала о реставрационных работах, проводимых в них и раскрыла всемирную универсальную ценность монастырского комплекса. «В целом ИКОМОС поддерживает номинацию Успенского монастыря для включения в Список Всемирного наследия», — сказала она, завершая своё выступление.

Затем свою поддержку выразили постоянные представители стран — членов Комитета всемирного наследия при ЮНЕСКО: Ливана, Зимбабве, Казахстана, Финляндии, Турции и других стран.

С благодарственным словом от имени Российской Федерации выступил Постоянный представитель РФ при ЮНЕСКО Александр Кузнецов. Он поблагодарил Председателя 41-й сессии, членов Комитета Всемирного наследия, Центра Всемирного наследия, консультативные органы ЮНЕСКО, в частности, ИКОМОС, за поддержку включения объектов острова-града Свяжск в Список ЮНЕСКО.

«В этом мы видим признание всемирной универсальной ценности исторических сокровищ Успенского собора — фресок XVI века. Остров-град Свяжск находится на территории Республики Татарстан и Российской Федерации. Не случайно, что в Республике Татарстан уже есть два объекта, которые включены в Список ЮНЕСКО. Первый — это Казанский Кремль, где расположены рядом православный собор и мусульманская мечеть. Второй — древний город Болгар, где официально был принят Ислам. А сегодня принимается третий — жемчужина христианства Успенский собор и монастырь Свяжска. Эти три объекта — проявление мудрой политики руководства Татарстана по укреплению мира и согласия между разными религиями,

это особо актуально в сегодняшнем мире, полном конфликтов на религиозной почве. Татарстан также является верным партнёром ЮНЕСКО, это сотрудничество — пример воплощения в жизнь высоких ценностей ЮНЕСКО. Пользуясь случаем, хотелось бы поблагодарить делегацию Республики Татарстан за профессиональную работу по подготовке номинации», — сказал он.

Успенский монастырь стал 29-м российским объектом, включённым в Список ЮНЕСКО. 28-м стал природный объект «Ландшафты Даурии», расположенный на территории России и Монголии, который 7 июля также был признан Всемирным наследием.

Для справки:

Успенский собор входит в ансамбль Успенского монастыря XVI–XIX вв. Строительство собора осуществлялось с 1556 по 1560 г. псковскими мастерами под руководством архитектора Постника Яковлева. В интерьере собора сохранился полный цикл настенной фресковой росписи второй половины XVI — начала XVII века площадью 1080 кв метров, иконостас с иконами XVI–XVII вв. Фресковый и архитектурный ансамбль являются отражением нового направления в русском искусстве и амбициозной культурно-цивилизационной идеологии, инициированной Русским государством в XVI–XVII вв. Идеологическая программа, иерархичность, монументальность, высокое художественное мастерство исполнения, стиль фресок демонстрируют пример особого направления развития христианского искусства России и Европы. Уникальность фресок состоит и в том, что они являются графическим отражением решений Стоглавого собора 1551 г., соборов 1553–1555 гг., историческое значение которых важно не только России, но и в целом для восточно-православной церкви и истории иконописи. Предпочтение определённых иконографических вариантов восходит к широкому просветительскому характеру программы росписи храма и подтверждает контакты с православным Востоком. Успенский монастырь представляет собой единый архитектурно-художественный комплекс с документально, археологически и научно обоснованной засвидетельствованной историей, историко-культурной и архитектурной структурой, природным ландшафтом и многовековой преемственностью функционального использования в культурно-духовных целях.

**Нурсюя ШАЙДУЛЛИНА,
пресс-служба Президента РТ,
г. Краков, Республика Польша.**

«В СПОКОЙСТВЕ ИХ ДУШИ И Я СПОКОЕН БУДУ...»

Сейчас, когда подведены итоги Всероссийского поэтического конкурса имени Гавриила Каменева «Хижичицы»¹, самое время ещё раз вспомнить о нём, талантливом поэте, прозаике, переводчике конца XVIII — начала XIX века. Тем более, уже через полгода будем отмечать 245-летие со дня рождения первого романтика России. Но до сих пор нет даже мемориальной таблички на одном из его домов — а Каменев всю свою жизнь прожил в Казани и немало сделал для города (будучи в 1790-е бургомистром Казанского магистрата), но ещё больше для литературы, обогатив жанр кладбищенской элегии, создав великолепную балладу «Громвал» по мотивам казанской легенды о крылатом змее Зиланте, оставив после себя превосходные переводы немецких поэтов и письма к друзьям — талантливейшие образцы эпистолярия. Нет и полного собрания произведений Каменева, а отдельные сочинения прошлых лет стали библиографической редкостью. И если издание в прошлом году казанской инициативной группой презентационного сборника «Гавриил Каменев. Избранное» хоть немного сдвинуло чашу весов в пользу увековечивания памяти Гавриила Петровича, то идея с возведением ротонды или установкой каменной глыбы в Сосновой роще Кизической слободы, где поэт находил вдохновение и был упокоен, до сих пор не нашла отклика в сердцах нынешних градоначальников — дескать, дорого везти камень из Карелии. Отчаявшись надеяться, та же инициативная группа возложила в Сосновой роще символический камень в день рождения поэта в марте 2016-го. А ещё провела вечера, посвященные памяти и творчеству Гавриила Каменева, в дом-музее Аксёнова и в Центральной библиотеке в литкафе «Калитка».

Третий год проект по увековечиванию памяти Гавриила Каменева возглавляет Эдуард Учаров — поэт, эссеист, культуртрегер, ныне руководитель казанского литературного кафе «Калитка». Помимо Эдуарда в инициативную группу вошли Е. И. Карташёва, краевед, заместитель директора Государственного музея-заповедника «Остров-град Свияжск»; А. Н. Пашуров, профессор кафедры русской литературы и методики преподавания КФУ, доктор филологических наук; Инесса Фахрутдинова, общественный деятель, доцент кафедры теории и истории архитектуры КГАСУ, а также автор этих строк Галина Булатова, поэт, переводчик, редактор-составитель литературных изданий.

Книга «Гавриил Каменев. Избранное» издана на коллективные средства крошечным тиражом в двух вариантах: классическом — в типографии «Плутон», и с использованием ручного труда и крафт-бумаги в «Издательстве Вадима Гершанова». Весь

¹ Об итогах конкурса читайте на стр. 31

тираж разошёлся (раздарился) практически моментально — осталось всего несколько экземпляров на призы победителям конкурса «Хижицы», объявленного в марте 2017-го Центральной библиотекой Казани (директор ЦБС Р.Н. Исмагилова) под кураторством Эдуарда Учарова и с солидным составом жюри.

Немного биографических фактов. Гавриил Петрович Каменев родился, как явствует запись из метрической книги Покровской церкви города Казани, 9 (20) марта 1773 года. Эта дата была обнаружена совсем недавно в Национальном архиве республики Татарстан, а до сего времени во многих биографических справочниках и словарях в качестве даты рождения ошибочно фигурирует 3 (14) февраля 1772 года.

Два века назад Каменевым, чей богатый купеческий род ведётся от татарского мурзы Макула, принадлежали несколько домов в центре города, в частности, на улицах Воскресенская, Черноозёрская, Покровская. Отец поэта, Пётр Григорьевич, был купцом первой гильдии, казанским городским головой, президентом губернского магистрата, мать Татьяна Ивановна — дочь купца-старообрядца. Гавриил Петрович, рано потерявший родителей, воспитывался вместе с дворянскими детьми в лучшем казанском частном пансионе М. Вюльфинга. Там он изучал русскую и западноевропейскую литературу, немецкий язык, а позднее, самостоятельно, — французский. В это же время увлёкся сочинительством и переводами. В его «послужном списке» как переводчика — Клейст, Козегартен, Геснер.

В 1802 году Каменева — единственного непетербуржца — приняли в действительные члены петербургского Вольного общества любителей словесности, наук и художеств. Поездки в Москву и Санкт-Петербург позволили поэту иметь знакомство и вести беседы с такими знаменитостями как Н.М. Карамзин, М.М. Херасков, И.И. Дмитриев. А ближайшим другом поэта стал чиновник и литератор Савва Андреевич Москотильников.

В юности поэт пережил любовную драму, влюбившись в дочь казанского врача-немца, позднее был несчастливо женат на красавице-дворянке Марии Подладчиковой, но двух дочерей, рождённых в этом браке, очень любил и заботился о них.

Каменевская звёздочка просияла на небосклоне всего 30 лет: поэт скончался 26 июля (7 августа) 1803 года, причиной смерти в метрической записи Воздвиженской церкви указана чахотка. Каменев был похоронен рядом с отцом на кладбище Кизического монастыря, где любил гулять и размышлять и где, как уже говорилось выше, находил вдохновение. Роща-кладбище Кизического монастыря как место действия и литературный образ присутствует в его произведениях и письмах, здесь было написано его последнее стихотворение, найденное после смерти в кармане сюртука: «Вечер 14 июня 1801 года», или «Хижицы».

30 лет спустя Пушкин скажет: «Этот человек достоин был уважения: он первый в России осмелился отступить от классицизма. Мы, русские романтики, должны принести должную дань его памяти...»

Галина БУЛАТОВА

МЕЧТА

Доколе тусклыми лучами
Нас будешь ты венчать, мечта?
Доколе мы, гордясь венцами,
Не узрим — что есть суета?
Что всё влекут часы крылаты
На мощных — к вечности — хребтах;
Что горды, сильные Атланты
Вмиг с треском раздробятся в прах.

Где дерзкие теперь Япеты,
Олимпа буйные враги?
Гром грянул — все без душ простерты!
Лишь не успеем мы ноги
Взнести на твёрдые ступени —
Скользим — повержены судьбой!
Мы жадно ищем вверх ступени,
Взойдём — но ах! конец какой?

«Какой? — Вельможа так вещает. —
Я буду знаменит, велик!
Таких вселенна примечает, —
Веселья, хоры, радость, крик
Со мною будут непрестанно;
Чтить станет, обожать народ;
Моё из золота изваянно
Лицо пребудет в род и род!»

Изрёк... и смерть тут улыбнулась,
Облокотившись на косу;
Коса на выю вдруг пригнулась —
Погиб надменный в том часу.
Исчезла с ним его и слава —
Осталась глыба лишь земли.
Мечта! мечта! сердец отрава!
Исполнена одной ты тли!

Очаровать воображенье,
Вскормить надежду, возгордиться,
Представить грёзы, самомнение,
Рассыпав маки — сны родить...
Вот милые твои законы!
По коим слабый человек,
Без умной шедши обороны,
Блуждает, колесит весь век.

Давно ль на лоне я спокойства
Утехи кроткие вкушал?
И слёзы бисерны довольства
Я с другом нежным проливал?
Настроив голос, сладку лиру,
Бренчал я на золотых струнах.
Доволен, весел, пел я миру
Весну моих дней во псалмах.

Завыли бурны аквилоны —
И вздрогнул бранный мой состав.
В груди сперлися тяжки стоны;
Зла фурия, на сердце пав,
Терзала, жалила, язвила;
Пропало здравие! — болезнь
Свой бледный, страшный лик явила.
Осталась бытия — лишь тень!
Как ветер ревет в полях пространных
Между серебристым ковылём;
Как вихрь в реках золотопесчаных
Крутит, мешая воду с дном;
Как буйны, мощны ураганы

Всё ломают, низвергают, прут —
Так нас болезни, страхи, раны
Колеблют, рушат и мятут.

Под розово-сапфирным небом,
При блеске огненных лучей,
Возжжённых светозарным Фебом,
Гулял я с милою моей.
Вдали от нас ключи шумели,
Бия каскадами с холмов;
С журчащей песнью вверх летели
Со зланных жавронки лугов.

Обняв грудь розово-лилейну,
Садился с нею на траву;
От восхищенья изумленну
На груди преклонял главу.
Тут с жарким поцелуем Маша,
Взяв арфу томную свою,
Играла песнь: «О милый Саша!»
Бывало, с ней и я пою!

По струнам персты пробегали,
Ах, долго ль, долго ль для тебя?
Часы, минуты пролетали
В восторге долго ль, вне себя?
На струны канула слезинка
И издала унылый звон.
Сверкнула майская росинка!
Исчезло всё — как сон!

Почто, Атропа, перервала
Ты жизни тихой нить ея?
Почто ты, не созрев, увяла,
О роза милая моя?
Услышав жалобы с презреньем
Пан в роще стон и голос мой,
Схвативши арфу, с сожаленьем
Попрал мохнатую ногой.

Так, стало, всё мечта на свете?
Мечта в уме, в очах, в любви?
При всяком — счастье — лишь обете
Несьто плавает в крови!
Сулит нам <...> золотоканы,
Богаты теремы, чины
Велики, знамениты, славны —
Потом карает без вины.

Сулит нам долгу жизнь, веселья,
Но вдруг накинёт чёрный флёр.
Рассыпятся состава звенья –
Останется единый сор!
Трещат и мира исполины
Судьбы под сильною пятой;
Падут – се горсть презренной глины
Из тел, напыщенных собой.

Едина правда, добродетель
Не будет ввек не суета!
Прямой кто всем друг, благодетель,
Того есть цель – уж не мечта,
Того дела живут в преданьях,
По смерти самой – не умрут.
Дни, тѣкшие в благих деяньях,
Ему бессмертье принесут.

1796

СТАРИК

За горы солнце закатилось,
Долины облеклись в мрак,
Едва лишь только небо рдилось,
Пурпуровый явля зрак.
Там влажные пары струились
По разноцветным гор верхам;
Туманы белы там сребрились,
Клубясь по бархатным лугам.
Глубока тишина настала
В кудрявых рощах и в полях;
Забава шумна умолкала
Увеселять игрой в селах.
Луна янтарный луч пустила
Из синих яхонтных небес
И слабым светом осветила
Там хижинку среди древес,
На праге коея сидели
Сын в тишине с отцом своим,
На звѣзды, на луну смотрели
И мирно занимались сим.
Вдруг старец горькими слезами
Молчанье мѣртвое прервал,
С прискорбием сплеснув руками,
«Великий боже!..» – он вскричал,
«О чем ты плачешь, мой родитель?» –
Спросил тут юноша, стена.
«Я зрю – небесная обитель

В объятія зовѣт меня.
Ах, сын мой нежный, сын любезный!
Уж скоро кончится мой век.
Так! скоро ты, несчастный, бедный,
Лишишься и отца...» – он рек.
И слѣзы частые ручьями
Из томных потекли очей.
«Я беден был всегда, и нами
Гнушалось счастье в жизни сей.
С каким мученьем умираю,
Тебе что, мой любезный сын,
Наследства мало оставляю!
Но сим богат хоть будь один:
Люби сердечно добродетель
И ближнего, как сам себя;
Будь и врагам ты благодетель –
То бог помилует тебя,
Бог сделает счастливым верно».
Лишь только он ему сказал,
В последний раз обнявши нежно.
Как вдруг весь побледнел – упал.
Сын добрый всё исполнил точно,
Отец что добрый говорил:
Провѣл жизнь тихо, беспорочно,
До самой смерти счастлив был.

1796

ПЕСНЯ

При утренней прохладе
Уж веют ветерки,
И пастушков к отраде
Струятся ручейки.

Долины зеленеют
Пушистой муравой,
Стада овец пестреют
У речки под горой.

Из рощи в слух несѣтся
Свист громкий соловья,
Звучит и раздаѣтся,
Восторгом дух поя.

Играют, веселятся,
Все нежатся в любви,
В объятія стремятся
К пастушкам пастухи.

Приход весны румяной
 Всё движет, всё живит,
 Моей души печальной
 Отрада лишь бежит...

О, Хлоя! ты причиной,
 Что я тоску терплю,
 Брожу с душой унылой,
 Поля слезой кроплю.

Природа потеряла
 Всю прелесть для меня,
 И жизнь несносна стала
 Лишённому тебя.

Прохладны ветерочки
 Палят лишь пуще кровь,
 Лазоревы цветочки
 Не расцветают вновь.

Уныло речка плещет
 В тенистых берегах;
 Луч солнца тускло блещет,
 Резвясь в её струях.

Поёт весну и радость
 Счастливый соловей,
 А я — печальну младость,
 Тоску души моей!

1802

ВЕЧЕР 14 ИЮНЯ 1801 ГОДА (ХИЖИЦЫ)

Вчера с друзьями я ходил
 В тени сосновой тёмной рощи,
 Прохладной ожидая ночи,
 Там с ними время проводил.
 Природа сумраком оделась, —
 Угрюмо на закате рделась
 Тускло-червлёная заря.

Туман спустился на луга,
 Зефир заснул, древа молчали,
 Нахмурясь, небо покрывали
 Черногостые облака.
 Луна из-за горы лесистой
 Явила нам сквозь воздух мгlistый
 Бледно-багровое чело.

Явила — и печальный свет
 По роще тихой разливался,
 В тоску и мрачность облекался,
 Казалось, каждый там предмет.
 Уныние в признаках чёрных
 На нас, безмолвных, утомлённых,
 Простёрло свой свинцовый жезл.

Отрада удалилась прочь,
 Моё тут сердце приуныло,
 Забывши тише, говорило:
 «В твоей душе темно, как ночь!
 Надежды тусклый луч затмился,
 Оставлен всем — всего лишился,
 И цель твоя — одна лишь смерть».

В глазах, где жизни огонь погас,
 Слезу мне горесть наворачула;
 При сумраке она блеснула
 Печально в сей прискорбный час.
 «Друзья! — сказал я. — Я несчастен,
 Мой жребий беден и ужасен,
 Страданье — жизнь, темница — свет.

На всё гляжу сквозь чёрный флёр,
 Нигде, ни в чём красот не вижу,
 В весёлых кликах стоны слышу,
 При солнце мрачность кроет взор.
 Вино мне в яд преобразилось, —
 Восторгов сердце тех лишилось,
 Что чувства нежат и томят.

Я вздохом начинаю день,
 Смущённые взоры вокруг вращаю,
 Ищу отрад — тоску встречаю,
 Печаль следит за мной, как тень.
 Исчезла радость, наслажденье,
 Прошли забавы, и мученье
 Рукой железной сердце жмёт.

Влачится в скуке жизнь моя,
 Лишась подруги кроткой, милой,
 В сей жизни горестной, унылой
 Томятся сердце и душа.
 Но скоро я глаза закрою
 И смерти хладною косою
 В могилу тёмную сойду.

Тогда как солнце, скрывшись в Понт,
Оставит в тучах свод лазурный,
Померкнет свет серебристый, лунный,
Туман задёрнет горизонт,
Как ночь разверзет мрачны недры
И заревут, завоят ветры, —
Друзья! придите вы сюда.

Придите! Древних сосн в тенях
Надгробный камень там белеет,
Под ним — ваш друг несчастный тлеет,
Слезой его почтите прах,
Почувствуйте в душе унылой,
Как над безмолвною могилой
Во мраке ночи воеет ветер».

ОБ ИТОГАХ ВСЕРОССИЙСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО КОНКУРСА ИМ. ГАВРИИЛА КАМЕНЕВА «ХИЖИЦЫ-2017»

Конкурс, объявленный казанским литературным кафе «Калитка» Центральной библиотеки 20 марта, в день рождения первого русского романтика, завершён. Его итоги порадовали и количеством присланных работ (99), и географией — Москва, Санкт-Петербург, Нижний Новгород, Самара, Ульяновск, Челябинск, Екатеринбург, Ярославль, Новосибирск, Оренбург, Иркутск, Ростов-на-Дону, Пермский край, Алтай, Марий Эл, Дагестан, Карелия, Башкортостан, Краснодар, Севастополь и др. — всего сорок четыре российских города и села! Почти треть работ — от авторов Татарстана (Казань, Арск, Нижнекамск, Алексеевское, Мамадышский р-н).

Жюри в составе известных казанских поэтов, деятелей культуры, редакторов, среди которых был и главный редактор журнала «Аргмак» Николай Алешков, определило финалистов конкурса. Его победителями стали: Сергей Брель (Москва, первое место), Евгений Морозов (РТ, Нижнекамск, второе место) и три автора, разделивших третье место: Светлана Чернышова (Севастополь), Юлия Долгановских (Екатеринбург) и Андрей Дмитриев (Нижний Новгород). Они получают главный приз: книгу «Гавриил Каменев. Избранное» (редакторы-составители Эдуард Учаров и Галина Булатова, изд-во В. Гершанова, 2016, крафт-бумага, оформление «hand made»). В числе финалистов конкурса казанцы Альберт Сайфуллин и Марина Подольская, Дмитрий Мурзин из Кемерово, Владимир Перцев из Ярославля, Миясат Муслимова (Махачкала), Павел Великжанин (Волгоград), Николай Марянин (Ульяновск), москвичи Витольд Райкин, Владимир Мялин, Николай Борский, Дмитрий Артис и Елена Окорокова, Сергей Сумин из Тольятти, Сергей Пахомов (Вологда), самарец Владимир Попович, Марина Калмыкова (РТ, Мамадышский р-н, с. Тавели), Сергей Балиев из г. Ирбит. Поздравляем победителей и финалистов, которые будут поощрены публикацией в казанских журналах.

Эдуард УЧАРОВ, поэт, куратор конкурса;
Галина БУЛАТОВА, поэт, переводчик, член жюри.

Я ШАГАЮ ПО НАБЕРЕЖНЫМ ЧЕЛНАМ

От редакции. Рубрика фоточерно-белых «Я шагаю по...» (Казани, Елабуге) появилась в нашем журнале не впервые. Работы известнейших фотохудожников и фоторепортёров Татарстана мы сопровождаем, как правило, рассказами о них.

Сегодня мы «шагаем» по Набережным Челнам. И рассказывать будем не об авторах фотографий, а об авторе проекта «В объективе — история города». Это Гульзада Мухаметовна Рзаева, урождённая челнинка, ставшая в родном городе личностью, которую знают все. Фотографии для публикации помог отобрать не менее легендарный фотолетописец «автограда на Каме» Николай Петрович Туганов...

В течение трёх минувших лет (обычно в конце апреля) все стены лучшего в городе Дворца культуры — «Энергетик» — обвешиваются уникальными снимками. Какими были Набережные Челны в начале минувшего — двадцатого — века? Как преобразился город сейчас? Всегда ли — к лучшему? Фотовыставки стали пользоваться вполне заслуженной популярностью, они оказались визуальными проводниками в историю родного края. Нужно ли говорить, как это важно, особенно для молодёжи?

Разумеется, это не единственное, что сделала для родного города Гульзада Мухаметовна Рзаева. За что же её любят? Об этом вы узнаете из очерка поэтессы Светланы Летяги.

«БЕЗ МЕНЯ НАРОД НЕПОЛНЫЙ...»

«Где родился, там и пригодился». С народной мудростью, казалось бы, не поспоришь. Однако у жизни разные сценарии, и «бабушкины советы» порой не актуальны. Есть множество примеров, когда люди прекрасно раскрывают свои таланты и обретают дом далеко от малой родины. Было бы умение да желание работать. И незаменимых, говорят, нет (хотя с этим трудно не поспорить).

Но не так давно жизнь свела меня с женщиной, воплотившей упомянутую пословицу на все сто. Она коренная челнинка, и вся её жизнь, работа, душа — всё связано с родными местами. И не скажешь, кто кому нужен больше — город ей или она ему.

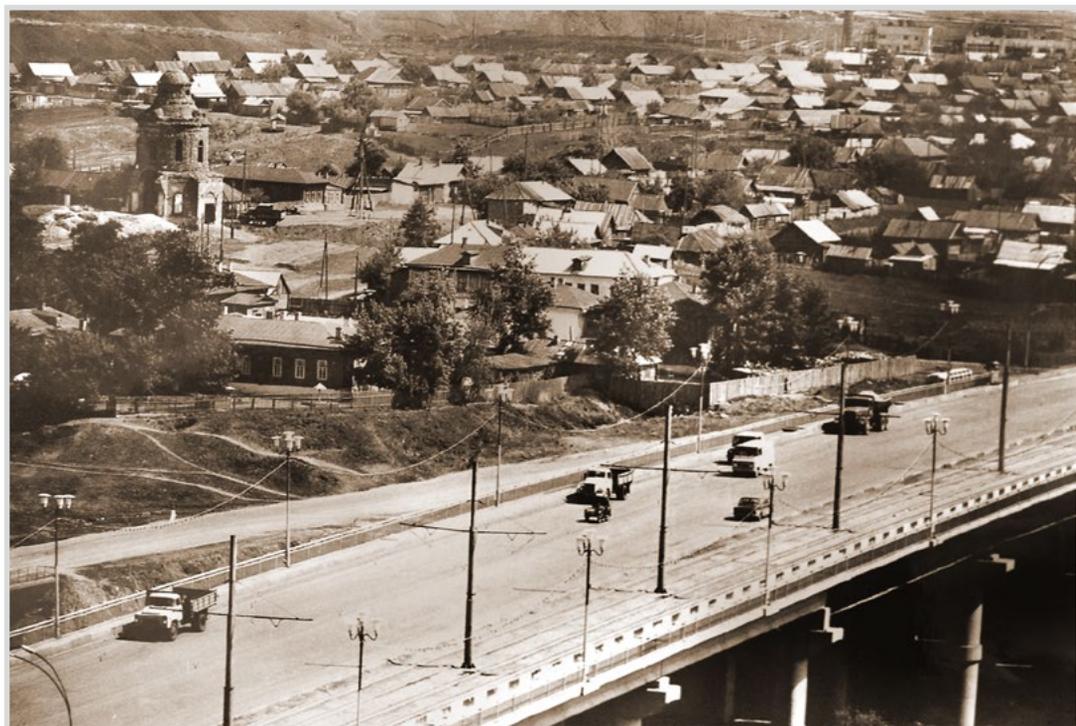
Гульзада Мухаметовна Рзаева — человек достаточно известный, и не только в Набережных Челнах. Знают её прежде всего как директора ДК «Энергетик» и бессменную ведущую всевозможных городских праздников, многие знают как коренную челнинку, стоящую у истоков челнинского землячества, друзья юности — как заводилу и «артистку», люди из её окружения знают о звании «Человек — золотое сердце», а те, к чьей судьбе она прикоснулась, скажут, что это не звание, а, скорее, призвание.

ФОТОВЕРНИСАЖ

Я ШАГАЮ ПО НАБЕРЕЖНЫМ ЧЕЛНАМ

ФОТОВЕРНИСАЖ

Я ШАГАЮ ПО НАБЕРЕЖНЫМ ЧЕЛНАМ

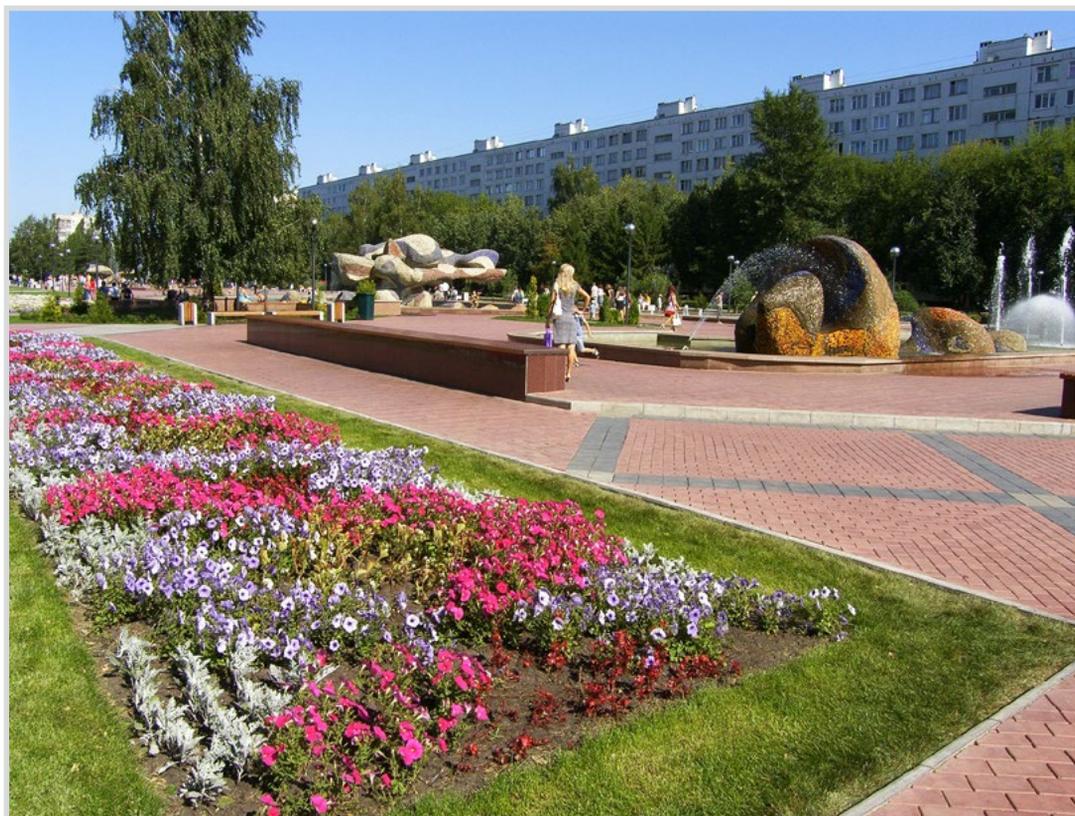
ФОТОВЕРНИСАЖ

Я ШАГАЮ ПО НАБЕРЕЖНЫМ ЧЕЛНАМ

ФОТОВЕРНИСАЖ

Я ШАГАЮ ПО НАБЕРЕЖНЫМ ЧЕЛНАМ

Я не раз видела её на сцене или со стороны: уверенность, строгий взгляд, не менее «строгий» поставленный голос. Она может показаться кому-то таким «генералом в юбке». Но когда она, выкроив в своём плотном графике время, пригласила меня побеседовать, я была удивлена, даже трижды. А приятное удивление — это, на мой взгляд, редкая радость. Вспомните, когда с вами в последний раз такое случилось.

Вот именно...

Итак, во-первых, за «генеральским» статусом я увидела женщину — добрую, заботливую, но не скажу простую, хотя высокомерия не было и тени. Во-вторых, поразила её энергия — неуёмная, кипучая, позволяющая много лет воодушевлять огромное количество людей — очень разных — и питать своими силами любимое дело, а ещё нести порой совсем не женский груз ответственности. Ну, и в-третьих, когда речь зашла о её предстоящем юбилее... «Не может быть!» — это была моя первая и на какое-то время единственная мысль.

Есть у Гульзады Мухаметовны свой секрет. Но об этом позже. А сейчас хочется рассказать о двух судьбах: города и человека, которые так тесно сплелись, что и не расплести...

СТАРИННЫЙ И ЮНЫЙ

Есть такое определение — «старинный юный город Набережные Челны». На первый взгляд — оксюморон, но лишь на первый...

Родилась Гульзада Мухаметовна в большой дружной семье в старинном городе, а детство проходило уже в юном — он тогда начал расти и обновляться. Жили большой дружной семьёй в своём доме на Элеваторной горе. Раньше она называлась Красной Горкой — состояла из хорошей красной глины. Места вокруг города были красивейшие, богатые: леса, поля, в карьерах шла добыча известняка, со дна Камы — гравия, а побережья рек Челнинки и Мелекески во все века были богаты «белым камнем» — до сих пор сохранились двухэтажные дома: первый этаж каменный, второй — деревянный. Работали и заводы — кирпичный, крахмальный, лесозавод.

Тепло вспоминает Гульзада Мухаметовна о своих соседях, с которыми жили очень дружно. Например, Хуснулла Зиятдинов был самым лучшим портным в городе. Пальто, костюмы, шапки — Хуснулла-абый умел всё! Он стал родоначальником портновского дела в Челнах. Тогда и ателье ещё не было — все шли к мастеру, и у его ворот всегда стояли машины, бывшие по тем временам большой редкостью.

Недалеко жили Нуртдиновы. Габдрахман-абый был гуртовщиком. В заготконтору приводили крупный рогатый скот, здесь откармливали и из Челнов до Москвы живьём гнали гурт.

Кроме этого, поставляли в Москву рыбу и яйца, которые в столицу отправляли речным путём.

Самые дорогие воспоминания Гульзады Мухаметовны связаны с семьёй. В пять лет она впервые встретила со старшим братом, который, отучившись в Иркутске, вернулся домой. Брат стал первым в городе бульдозеристом. Помнит она и голос старшей сестры, удивительной красавицы, к сожалению, рано ушедшей. Папа — настоящий глава семьи, и не только семьи, ведь он всегда занимал руководящие должности, в том числе и в Муслюмовском районе до переезда в Челны. Мама — мудрейшая женщина, которую и по сей день вспоминают старожилы Элеваторной горы. Каждое мамино выражение — это афоризм, такая великая мудрость была заключена в её словах. И в семье все без исключения были голосисты. И песни звучали, и (уже тогда) выступления с трибуны на демонстрациях.

Вообще в семье был культ добрых дел. Трудолюбие, строгость и рачительность позволили родителям заложить верную основу в характеры детей. Всем работа находилась, и никто не спорил. Но легко ли было маленькой девочке носить полные вёдра с реки в гору? Особенно если так хотелось скорее закончить и бежать поиграть. А каково было получить от брата взбучку за потерянные деньги? И цепко держится в памяти, как сжималось сердце, когда соседи свою старенькую мать с ранней весны и до осенних холодов переселяли в сарай... И слова родителей: «Вот такого никогда быть не должно».

А как хотелось учиться! Вокруг столько всего интересного! Детство было послевоенное, но благодаря родителям голода особенно не чувствовали. В школу ходила с радостью. Хотелось схватиться за жизнь и выпить всё. А учителя вкладывали в детей любовь не только к знаниям, но и к родному краю, к своему поколению. И мечтала маленькая Гульзада стать то врачом, то учителем, а то и вовсе кем-то вроде проповедника, чтобы наставлять на правильный путь хулиганов в колонии или помогать ребятам в детском доме.

Гульзада всегда была заводилой и с юных лет слышала: «Вон артистка идёт!» А на настоящую сцену она вышла в татарском народном театре при Доме культуры, что на улице Центральной. Руководил театром уважаемый человек, фронтовик, Мансур Кашапович Кашапов — личность легендарная. Именно таких людей, к которым относится и Юрий Иванович Корнев (о нём речь пойдёт далее), и называют обычно Учителями.

Спустя годы «артистка» стала директором этого ДК.

Гульзада Мухаметовна считает несправедливым, что годом рождения города считают 1626, ведь и до этого был город, и, по материалам некоторых источников, более тысячи лет назад на Красной горе существовала Булгарская крепость. Но, в отличие от Елабуги, где нашли древнюю монету, в Челнах никто этим основательно не занимался. Об этом на открытии Набережной Тукая, показывая старинные дома на улице Центральной, Гульзада Рзаева и сказала президенту республики, чем немало его удивила.

И слова «вдруг в степи появился завод...» или «мы сюда приехали и цивилизацию привезли...» кажутся коренной челнинке странными и даже оскорбительными. О какой степи идёт речь? Город, пусть небольшой, но со всем необходимым, уже был! А на чернозёмах вокруг деревни Гардали труженики совхоза «Гигант» собирали рекордные урожаи пшеницы; в городе был свой народный татарский театр, выступавший в Кремлёвском Дворце Съездов; в районном Доме культуры на танцах играл свой джаз-ансамбль, а челнинская футбольная команда занимала призовые места на республиканских соревнованиях.

СЕСТРЁНКА

С началом строительства КамАЗа Челны стали стремительно расти. Но ни в одной школе или больнице города так и не появился специалист с именем Гульзада Мухаметовна. Судьба приготовила ей другой путь...

Однажды первый секретарь горкома партии Раис Киямович Беляев дал напутствие работникам культуры города, которое запомнилось на всю жизнь: «Вы, коренные жители, должны сделать всё, чтобы приехавшие сюда из разных уголков нашей родины полюбили вас, вашу землю, культуру, язык и обычаи». И все старались. В красивейших местах со смешанным лесом, а позже на затопленных ныне Чутчевских лугах проводили Сабантуй, праздники песни и танца. Люди приходили после работы

с желанием, с душой, собирался огромный хор, а танцевальный коллектив насчитывал более ста человек. И звучали песни — на русском, на татарском... А с 1980 года на Майдане стал проходить уже привычный нам Сабантуй.

Важным уроком в жизни молодого работника культуры стало появление нового директора Дворца культуры «Энергетик» Шамиля Зиннуровича Закирова — на тот момент аспиранта института культуры. Жизнь закипела! Воодушевлённая Гульзада с такими же энтузиастами стала проводить «пяточки» для приехавших на челнинскую стройку по комсомольским путёвкам молодых ребят. И умела она безошибочно узнавать прежде всего своих — татарстанских: кто — из Мамадыша, кто — из Актаныша, кто — из Муслимовского района, а кто — из Азнакаевского... Люди общались, дружили, рождались семьи. Так возникла идея создания землячеств районов Республики Татарстан (их на сегодняшний день тридцать четыре).

А началось всё, конечно, с челнинского землячества, точнее, со спортзала школы № 1, куда всеми любимым учителем и директором школы Юрий Иванович Корнев приглашал бывших учеников поиграть в волейбол. Со временем встречи эти переместились на базы отдыха, куда некоторые из учеников, став «большими начальниками», стали приглашать остальных. Это и Альберт Николаевич Петров — нынешний председатель землячества, и Фоат Нурутдинов, Ирек Галеев, Валерий Байнов, Олег Малобродский.

Мужчины встречаются на старый Новый год и сначала возлагают цветы на могилу своего неофициального лидера, уважаемого земляка, Геннадия Ивановича Филатова. Затем отдают дань памяти двум людям, чьи имена по праву вошли в историю города: Раису Киямовичу Беляеву, руководившему городом почти полтора десятка лет, и Евгению Никаноровичу Батенчуку, «Бате», — участнику Великой Отечественной, руководителю Всесоюзной стройки. Далее встреча продолжается в ДК «Энергетик», где слушают отчёт председателя землячества, подводят итоги, строят планы: здесь и проведение праздников и других культурных мероприятий, и оказание материальной помощи, и подарки,

и визиты, и приглашение гостей. Одним словом, землячество активно участвует в общественной жизни города. А в «лихие 90-е» оно выступало против национал-радикалов из ТОЦ. До серьёзных конфликтов не доходило, но на собраниях земляки говорили о наблевшем, выражали своё несогласие. И были тогда рядом и русские, и татары.

Почему здесь речь идёт только о мужчинах? Да потому что костяк землячества состоит примерно из ста коренных челнинцев, причём исключительно мужчин. И входа в это «славное братство» лишь одна женщина... Для старших она — «сестрёнка». И дело не только в особом к ней отношении — она просто незаменима и необходима. Начать хотя бы с того, что каждый новогодний «мальчишник» традиционно завершается застольем. И надо ли говорить, чем могут заканчиваться мужские споры? Но когда рядом женщина... И не чужая, а «сестрёнка Гульзада»... С ней не поспоришь!

Главная же заслуга Гульзады Мухаметовны в том, что она создала городской праздник. Вот так, ни больше и ни меньше. Речь идёт о втором — общечелнинском — празднике, когда в последнюю пятницу июля на улицу Центральную (с детства именуемую местными «Бродвеем») приходят коренные челнинцы уже семьями, а это не меньше тысячи человек. Именно Гульзада Рзаева и начала эту традицию: сначала народ собирался перед городским Домом культуры, где она работала, а позже, когда появилась наша знаменитая арка, переместились туда. Кстати, на сегодняшний день люди, родившиеся в начале стройки, тоже считаются коренными челнинцами.

Гульзада Мухаметовна сама готовит всю концертную программу и сама же является ведущей. Поздравить ветеранов и юбиляров, вспомнить тех, кого уже нет, но кто внёс большой вклад в жизнь города, и значимые даты напомнить: в этом году юбилей — 70-летие старого аэропорта за Мелекеской (он был построен в 1947 году и сейчас уже не действует, но не забыты имена сотрудников: Матвеева, Новосёлова, Хасанова...); 140 лет исполняется земской больнице, что из красного кирпича; 80 лет назад появился Госбанк — именно в нём совсем юной начала свою деятельность известная ныне в городе Иванова Венера Бахтигараевна (позднее — управляющая Автоградбанком).

В толстой папке аккуратным почерком — «Всё обо всех». Регулярно это пересматривается, перечитывается. И архив этот не в компьютере и телефоне, а в душе

и в памяти. Уже собрано огромное количество материала, и хочется со временем передать всё это в хорошие, надёжные руки.

А ведь есть ещё тридцать три землячества, где у руля стоят мужчины, «серьёзные люди»: депутаты, директора предприятий и школ, адвокат, полковник, врач... Добившись успеха в Набережных Челнах, они стараются помогать своей малой родине, свято верят в то, чем занимаются. Однако все они, в общем-то, довольно занятые. И тогда Гульзада Мухаметовна, как флагман, впереди: «Ребята, не отставать! Мы делаем важное и нужное дело!» И организация встреч земляков — тоже забота: рассылка писем, бегущая строка на телевидении, выезд на места, общение с руководством с неременной благодарностью за тех людей, которых они отправили к нам.

Сожалеет Гульзада Мухаметовна о том, что молодое поколение отходит от традиций, люди тяжелее откликаются. И однажды пришло решение: пусть каждый берёт с собой на встречу сына, внука. Пусть знают о своей родине. И гордятся.

Запомнилась её фраза: «От многого можно отречься, даже партбилет можно на стол бросить, но от Родины — нельзя, от родителей тоже, какими бы они ни были. И ещё есть земляки. Это как братья». В унисон этим словам звучат и строки поэта Николая Алешкова, обращённые к сыну:

*Нельзя менять ни Родину, ни веру.
Я это знал, и ты на этом стой!*

Следует отметить, что землячество всегда на связи с депутатским корпусом города, где каждый реализует свою программу, направленную на развитие города. Программа Альберта Николаевича Петрова, например, звучит так: «Историю города не предать забвению».

И снова мужчин вдохновляет и поддерживает женщина: «Пока живы, мы не должны бросать это благое дело».

ЗОЛОТОЕ СЕРДЦЕ

Немногие из нас, выбрав жизненную позицию, остаются ей верны. Люди по природе своей часто непостоянны. Но есть те, кто чётко знает свой путь. Цельность ли характера тому причиной, потребность душевная или ответственность, но именно они и могут вести за собой...

Вот уже много лет Гульзада Мухаметовна приходит на работу к семи утра. В прошлом директор городского ДК, а с 1979 года директор Дворца культуры «Энергетик», она никогда не начинает свой рабочий день без настроя в тишине. Читает прессу, художественную литературу, любит поэзию, подчёркивая талант наших местных авторов: Николая Алешкова, Людмилы Дорженковской, Петра Прихожана, Евгения Кувайцева... А запах типографской краски... Кто же из книголюбцев не знает, как он может волновать предвкушением!

Иногда, сталкиваясь с недоумением: «Зачем читать стихи? Кому это сейчас нужно?» — она, не пускаясь в объяснения, берёт книгу и начинает читать вслух своим, таким узнаваемым, голосом. И происходит таинство — люди преображаются...

Вообще, голос Гульзады Мухаметовны — это её визитная карточка. Глубокий, сильный, но ровный и душевный. Без него не обходилось ни одно важное мероприятие в городе. Именно она была на них «челнинским Левитаном». А как не вспомнить первомайские и октябрьские демонстрации? Да и сейчас все городские праздники,

особенно 9 Мая, сложно представить без неё. Однажды на одном из «военных» праздников (посвящались они танкистам, Дню ВМФ, пограничникам) военком даже попросил её организовать людей, которые, собравшись на мероприятие, в ожидании начала разбрелись группами и непринуждённо общались. Но как только раздалось её звучное: «Внимание! Построились!» — всё моментально изменилось.

Казалось бы, только скомандуй, и всё будет, как надо. Однако быть «хозяйкой большого дома», точнее Дворца, — дело нелёгкое. При ДК «Энергетик» вот уже много лет существует огромное количество творческих коллективов. С Дворцом культуры также связаны и имена известных в городе артистов: Лилии Букеевой — заслуженной артистки Татарстана, Фёдора Кузнецова, чей тенор является украшением любого праздника, недавно ушедшего Рината Губайдуллина — певца и композитора... Люди творческие, как правило, своеобразны и ранимы, и найти общий язык с каждым — это талант.

Сама Гульзада Мухаметовна считает, что её связь с культурой и искусством не позволяет ей стареть — ни душой, ни внешне. А ещё она благодарна всему, что даёт жизнь, не копит обид и никогда не проходит мимо чужой беды или нужды. Сердце не даёт. Хочется голодного накормить, обогреть, помочь. А при виде нищего, больного рука тянется за кошельком: «Это же чей-то сын...»

Когда-то в Елабуге, считавшейся городом благотворительности, ей приходилось посещать интернат для инвалидов и Дом престарелых. Как же тяжело было видеть чужую боль! Об этом Гульзада Мухаметовна рассказывает, будто заново переживая те впечатления: «Евгений Никанорович Батенчук сказал мне тогда: „Гуленька, давай возьмём над ними шефство, будем помогать“. И мы помогали. Стариков было человек 100–150. Мы привозили им подарки. Когда угощали, к примеру, яблоком, они так ласково его брали, старались твою руку погладить. Старенькие, не ходячие уже. Сердце сжималось. Я тогда подумала: „Не дай Бог, и у нас такое будет...“ Но пришло время, и в Челнах появились такие дома. К началу девяностых уже было пятьсот тысяч населения. Появились и Дом малютки, и Дом престарелых, где, несмотря на запах неухоженной старости, который потом несколько дней будто преследовал, каждый человек был как родной. Я знала про каждого: этот — из Мамадыша, эта — коренная челнинка, это дядя Петя, это тетя Маша... То была наша беда, наша жизнь».

За годы работы приходилось получать немало подарков, в том числе и в конвертах. Этим деньгам всегда находилось применение на стороне — до дома они не доходили, хотя у самой в семье ситуация была нелёгкая. Отсюда и мнение бытовало, что нужды не знает. Конечно, это не так. Но хватает на всё. Вот и к пенсии тысячу прибавили, как почётному гражданину города. Льгот, правда, никаких это больше не даёт — оно и ладно.

Гульзада Мухаметовна не делит всех на людей первого и второго сорта, не оценивает по достатку, нации или религии: «Все мы равны, все родились от мамы». Она человек верующий, но не считает нужным демонстрировать это одеждой или ритуалами, просто любое дело, пусть даже полив цветов, начинается со словами «Дай Бог...» Радуетса тому, что город молодеет. Стараются жить по совести, по родительским заповедям и желает людям только мира и добра. И все пропускает через сердце...

Слова Андрея Платонова из рассказа «Старый механик»: «Без меня народ неполный!», ставшие заголовком к этому очерку, обычно цитируются как утверждение значимости каждого человека — как гражданина и личности.

В идеале так и должно быть. Но в последнее время жизнь стремительно меняется. Так стремительно, что дух захватывает. И не всегда от восторга... Мы живём в мире навязанных ценностей, чужих интересов и порой верим в откровенный бред. Особенно страшно за молодых. Что в их головах и душах? Кто они? Потерявшее ориентиры поколение потребителей? Манкурты?! Пожалуй, события на Украине — красочная иллюстрация к сказанному.

И становится ясно — нельзя, нельзя нам рвать корни! Превратишься в перекачено поле, и непонятно каким ветром унесёт тебя...

Нельзя без уважения к людям, к труду, к традициям, веками по крупиночкам сложенным. А с веками спорить глупо — на них крепкая печать стоит: «Проверено временем». Без любви к родному языку и песням тоже нельзя. И ведь простые, в общем-то, понятия, но без них никак, потому что — главные. А в нашем уникальном городе, сотканном из национальностей, культур и характеров, тем более. И Гульзада Мухаметовна это знает. Не это ли залог её человеческого счастья? Жить на своей земле и видеть, как растёт и хорошеет город, найти себя в жизни и быть нужной, дело своё любить, идти к людям с открытой душой и видеть, как души навстречу открываются — это дорогого стоит.

Дописывая эти строки, я (поскольку склонна мыслить образами) увидела у открытого окна девушку — Гульзаду — и огромный, с ароматами разнотравья, букет полевых цветов, таких разных, который она бережно ставит в чистую воду, расправляя каждый стебелёк. А неба так много — спокойного, прозрачно-синего, с ленивыми облаками; и тёплый ветерок — летний, пряный... Девушка что-то тихонько напевает, улыбается...

И вспомнились слова любимого мною Антона Павловича: «Если каждый человек на куске земли своей сделал бы всё, что может, как прекрасна была бы земля наша».

Светлана ЛЕТЯГА

ДВА БЕРЕГА¹

* * *

Предисловие

Мы долго ждали этого события. Наша землячка — астраханка, писательница, ныне живущая и работающая в Саратове, — Гульсара Сагиндыковна Туктарова (Суйналиева) порадовала новым произведением — романом «Два берега». И название, и содержание произведения олицетворяют и раскрывают важный и глубинный смысл: про войны правителей и про дружбу и любовь между людьми. Роман — о связи поколений волжан, их мирной жизни, их хозяйственном укладе. А ещё — о семейном негромком бытии и о шумных походах с набегами.

Столь же изящно выписано переплетение судеб героев романа. В первую очередь, Мариам-Анны, дочери ногайского мирзы Бекбулата и его супруги Галимэ, дальней родственницы казанской царицы Сююмбике, и Ивана Устюгова, сына Петра и Марьи из Крутого Яра, станицы новоповерстанных казаков волжского левобережья. А также родных из близкого окруженья этих главных персонажей.

Благодаря хорошо известному в России литературному журналу «Аргатак. Татарстан», листаем страницы романа, по сути дела, ключевые страницы тюрко-славянского кочевого, полукочевого и осёдлого (аграрного, речного «ловецкого», служилого) освоения побережья Волги и окрестных просторов. Писательница, уважаемая Гульсара Сагиндыковна хорошо знает русскую традицию поймы и дельты. Особый же её интерес — связи с кочевыми ногайцами и осёдлыми татарами. Поскольку в одном тюркском этносе она сама имеет корни, а с другим, тюркским же, связана по линии мужа.

Повествование разворачивается в самой середине XVI века на обширнейших просторах левобережья, то есть на восточной, «луговой» стороне Волги: от Казани до переправы на саратовское городище Увек — Укек. И южнее — до выхода тогдашних малых судов с «переволоки» под будущим Царицыным, охраняемой стрельцами и ранним казачеством между Доном и Волгой. А после — до только что основанной российской Астрахани, быстро обустроившей свой, пока ещё деревянный, кремль, заполнявшей посад и разноразличные предместья. И вплоть до «хазарского», каспийского озморя.

А восточнее, в стороне (это три с небольшим дня пути для конного отряда), в красивых степях археологически богатой оконечности Общего сырта, «меж Узеньями» до Рын — барханов, располагался ногайский кочевой аул, становище знатного и богатого мирзы Бекбулата, отца главной героини. Он долго искал свою дочь, унесённую скакуном

¹ Журнальный вариант

в неизвестную даль, заболевшую, но благополучно нашедшуюся в поселении *“урусов”* три года спустя.

Исторический фон событий выписан в романе вполне основательно. Весьма точно намечен и прослежен ход присоединения к Московскому государству ханств с центрами в Казани и Хаджи-Тархане (прежней Астрахани). Как раз в описываемые годы (1552-58) состоялся первый раскол единой Ногайской орды на две, тоже весьма крупные: «Большую» у рек Волги и Джайыка — Урала (дружественную России) и «Малую», откочевавшую к Кубани в подданство крымского хана и турецкого султана. Упомянут автором в этой связи и разлад среди ногайских мурз из разных ветвей потомков эмира Эдигея (Идиге) после гибели Мусы, бия Орды, произошедшей в 1554 или в 1555 годах.

«Крымско-кубанский фактор» тоже отмечен в авторском изложении, хоть и вскользь. Не так уж далеко от описываемых мест располагались всегда беспокойные Приазовье и Причерноморье. Эмиссары оттуда подстрекали и большеордынских ногайцев, а целые улусы и родовые группы брали — и «уходили в Крым». Малая орда ногайцев (иначе — *“Казыев улус”*) сражалась постоянно и с соседями — горцами, и с русскими, и со своими сородичами: конница её несколько раз (даже и при Петре I) доходила, минуя Саратов, почти до Пензы.

Уводила Орда с Руси большой полон, но оставляла она и своих ногайцев, пленённых царскими воинами, а в саратовско-пензенских селениях — служилых татар, мишарей, поселяемых властями на рубежах тогдашнего «Дикого поля».

Зато тянулись подопечные других мурз под защиту крепостных стен Астрахани... Автор романа верно называет среди них родоплеменные группы: сначала *“канглы-коньга”*, а затем *“джетисан-келечй”*. Не утихали кровопролитные столкновения и по окружающим Волгу и её дельту степным и пустынным просторам. Предостаточно бывало и эпидемий, а также снежной бескормицы.

Жизнь, конечно, не завершилась эпилогом романа. Восстания и смуты, кровавые столкновения по всей описанной территории принёс XVII век. Но назревал и переломный для региона «век развития» — XVIII. И к памяти о его свершениях обращаются всё чаще нынешние астраханцы.

Какие же дальнейшие события увидели своими глазами в астраханской жизни правнуки и праправнуки Ивана Петровича и Анны-Мариам Бекбулатовны? В прочный камень оделись стены волжских крепостей. Прощённая царём Петром мятежная в прошлом Астрахань ровно триста лет назад стала центром обширной губернии — и к юбилейному празднику (ноябрь-декабрь 2017 г.) готовится весь наш многонациональный регион.

Ранним летом 1722 года император Пётр Великий прибыл в центр подвластного ему Нижневолжья во главе мощных армии и флота, направляясь в Персидский поход.

Сопутствовала вооружённой рати и большая группа *“лашманов”* (слово пришло из голландского и немецкого языков) — служилых казанских татар из свободных крестьян, назначенных обслуживать военные корабли Адмиралтейства. А в походной типографии военной экспедиции вышла в Астрахани первая в мире печатная брошюра на тюрко-татарском языке — «Манифест о вступлении в поход». Благодаря казанским коллегам, мы, астраханцы, имеем теперь у себя копию этого документа. Так и остались многие из служилых татар жить в низовьях Волги и на Северном Кавказе, постепенно сблизившись с местным населением и сблизив его тюркские этногруппы между собою.

Особая судьба была и у первых казаков Царицына и «переволоки». Казачество не зря носило тюркское название: жизнь постоянно связывала его с соседями — кочевниками и полукочевниками. Интересующее нас «Волжское», или «Волгское», казачье войско при императрице Екатерине было разделено. Основная часть его была перемещена на

«Кавказскую линию» по реке Терек под новую тогда крепость Моздок, где представители всей массы этносов до сих пор на праздниках по-ногайски поют. Оставшиеся же «волгские казаки» вошли в войско Астраханское, со станицами вдоль реки до пригородов Саратова. На освобождённые ими прибрежные земли вблизи Царицына стали селиться, тоже для службы, татары-мишари из Мордовии и из-под Пензы.

От Кизляра и Прикаспия, где поселившиеся рядом ногайцы и татары петровского похода перешли на кумыкский язык, как родной, от Моздока осуществлялось всякий раз при объявлении войн наступление на турецкие и крымские владения. Не раз ногайские улусы из состава кубанской Малой орды попадали в плен или же сами шли к Волге — земле их предков. Была среди них и группа «карагаиш», хорошо сохранившая диалект и важные древние традиции ногайцев, выдвинувшая из своей среды ряд видных деятелей этнокультуры, к которой наша писательница, собственно говоря, и принадлежит.

«Эби-патша (Бабушка-государыня)» установила формы управления крымскими и волго-уральскими мусульманами, с участием их собственной знати. Только её генералы и атаманы сурово наказывали тех, кто принимал присягу на верность империи, а после поднимал восстание с убийствами и набегами, откочёвкой «к туркам» за реку Кубань. Но с середины 80-х годов XVIII столетия императрица Екатерина II несколькими Указами (прочитанными нами, по нашему студенческому везению, зимой 1973 года в копиях Астраханского Госархива), наделила удобной землёй «карагаишей» в Красноярском уезде губернии, повелела им обустроить два главных селения...

А дальше пришли времена уже близкие нам. С новой, приграничной ролью в РФ и СНГ полиэтничного Астраханского края, готовящегося сейчас к важному юбилею. Произведение Гульсары Сагиндыковны Туктаровой-Суйналиевой оказывается как нельзя более «к месту» в общей канве современных свершений. Да, исторические романы — жанр сложный и совершенно особый. А «этноисторическая» российская романистика, думается, ещё только начинает складываться. Пусть же авторские «Два берега» займут в её перечне достойное место.

Большое дело сделано автором — притом талантливо и добротнo. Но ведь творчество вообще безбрежно — и многое ещё намечено на горизонте. Теперь дело за реакцией читающей публики, за изданием полного текста и ещё за его переводами. Считаю уверенно: произведение явно призвано «звучать» так же и на тюркских языках, на каких изъяснялись сами его персонажи.

А сейчас искренне и от души пожелаем нашей землячке, уважаемой писательнице — сил и энергии, творческого вдохновенья и новой удачи.

Виктор Михайлович ВИКТОРИН — кандидат исторических наук, этнолог и краевед, доцент кафедры восточных языков Астраханского государственного университета, председатель Учёного совета Астраханского государственного объединённого музея-заповедника.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Летит и кружится земля, солнце расплывается в зарево, заполняет обжигающим светом пространство, ветер, кажется, сдирает кожу, до того он горяч и зол, и только ровный цокот копыт, убаюкивая, спасает от кошмара раскалённой степи. За гриву лошади, которая всё бежит и бежит, изо всех сил цепляется девочка.

Но вот повеяло прохладой, поток влажного воздуха принял в свои объятия колеблющиеся тени и вернул им прежние очертания... Маленькая всадница с трудом разлепила глаза, увидела совсем близко серебристую полоску реки и в дикой жажде потянулась к воде. Страшно отпустить руки, оторваться от надёжной опоры, но жажда ещё сильнее. Она со стоном свалилась с лошади на песчаный берег. Ползком добралась до воды и, даже не напившись вволю, вдруг застыла в глубоком обмороке, устремив детское лицо к ненасытно-горячему небу. А оно свысока обливало ярким светом распластанную на берегу фигурку девочки и припавшего к воде белого коня.

Жизнь и смерть склонились над телом, прислушиваясь к слабому дыханию. «Ты устала, ты очень устала, отдохни, оставь этот зной, я дам тебе прохладу и покой!» — шептала безликая смерть. Но цепкая жизнь заставляла сквозь туман беспомощности биться жилкам крови, заполняла бесконечной тоской по родному краткие мгновения пробуждения. Как подгоняет река к берегу волны, так неугомонная жизнь подгоняла к угасающему сознанию образы и воспоминания. Вот одна тень оказалась живительной — «Анэ!»¹ Тёплые нежные руки обнимают, прижимают к сердцу, сухие губы целуют в закрытые глаза: «Девочка моя! Где ты?» И дрогнуло сердце в ответ, забилось прерывистым током горячей крови... И смерть, стоявшая в ожидании покорной души, равнодушно отвернулась от дыхания и испарилась в знойном мареве. Хватит ей других жертв, сегодня богатая жатва, целое поле неостывших тел ждёт её последнего поцелуя.

«Анэ! Анэ!» — шептала потрескавшимися губами девочка. Прохладная вода омыла её ноги, полоскала подол длинного платья, влажный песок, словно мягкий мендер², покоил разбитое тело. Не было сил поднять руки и закрыть лицо от палящего солнца. Сквозь радужные круги перед глазами, словно во сне, стали проплывать лица...

Вот отец, важный, рано поседевший, проходит в главную юрту, а за ним идут странные люди с крашеными бородами и руками. А это сестра, красавица Мадина, низко опустив голову, мелко перебирая ногами, плывёт между женге³. Косы чёрными змеями бьются по спине, тонкий стан перехвачен узким обхватом каптала⁴, под ним — богатое платье с длинными широкими рукавами, а высокий девичий убор, кажется, сейчас слетит с её головы. Сестра никогда не замечает маленькую Мариам, а тут оглянулась и даже улыбнулась.

«Какая она красивая!» — не перестаёт каждый раз удивляться маленькая сестрёнка. И вправду, белолицая, большеглазая, с чёрными дугами бровей, с пухлыми яркими губами Мадина очень хороша, особенно, когда улыбается. Говорят, что она в мать, такая же красавица, только слишком гордая. Матери не видно, она редко выходит из белой юрты.

Вот и бабушка в зелёном платье, которое надевается только по праздничным дням, шагает, переваливаясь, между старухами. Мариам подбегает к ней. «Уйди с глаз долой!» — шипит та на внучку. Горькая обида подкатывает к горлу, девочка начинает задыхаться и отбегает в сторону: ей плохо — только на днях она встала с постели, пролежав в болезни почти месяц. Кто-то хватает её за руку и тащит за юрты. Это вторая сестра, Фатима, любимица отца и горе матери. С растрёпанными косами, с грубыми руками, с вечно оборванным подолом платья, гоняющая на лошадях не хуже любого джигита, сестра не похожа на дочь знатного мурзы⁵ Ногайской большой орды.

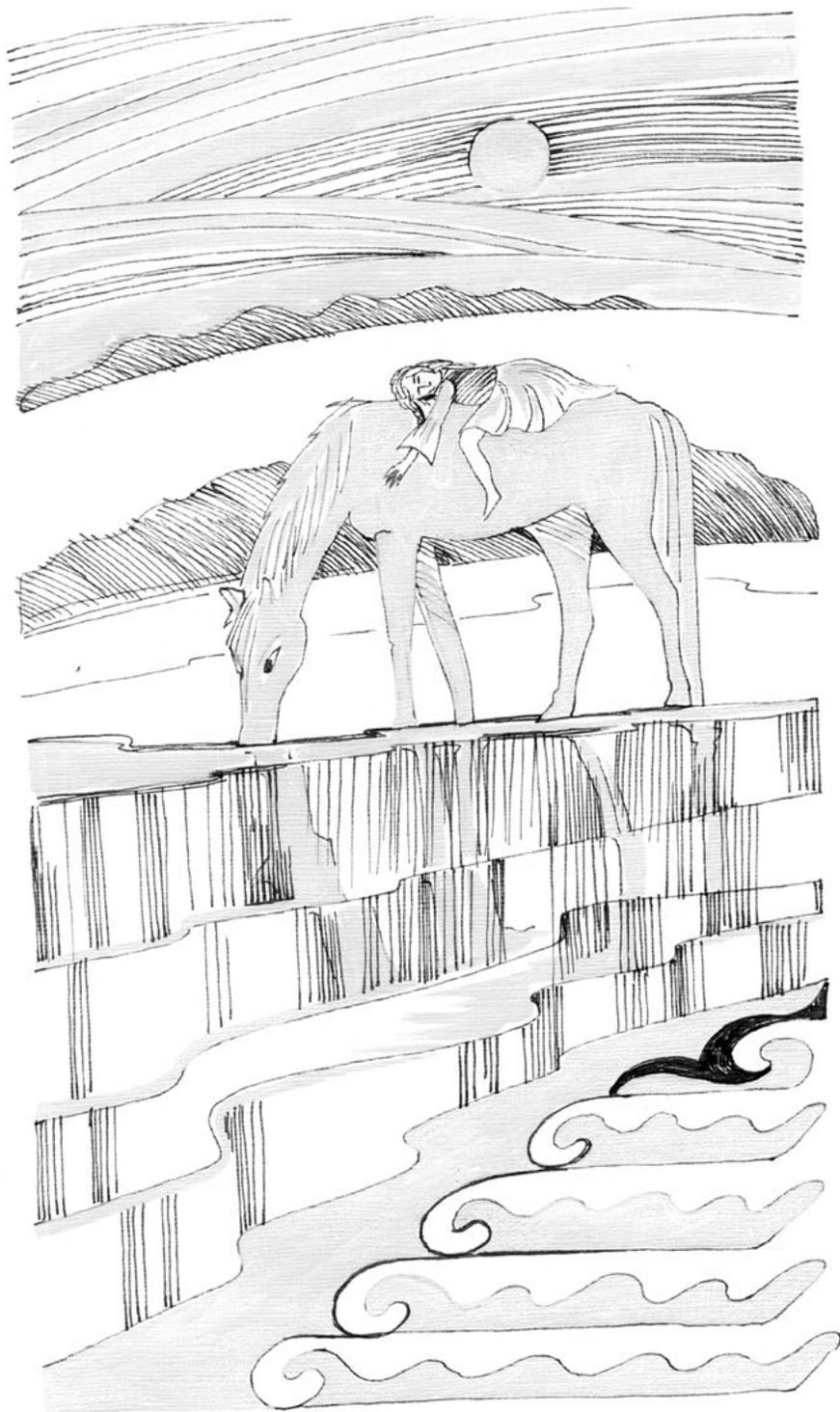
¹ Анэ — мать.

² Мендер — набитый овечьей шерстью небольшой матрас для сиденья.

³ Женге — жена старшего брата или старшего родственника.

⁴ Каптал — безрукавка.

⁵ Мурза — средний аристократический титул, ниже бия, нурадина.

Возраст девичий, пора бы замуж выходить, а Фатима носится вдоль аула на коне, громко смеётся, умеет загнать зайца, легко управляется с отарой. Если бы не заступничество отца, то девушку давно бы засадили за прялку. Мариам любит Фатиму: та ей рассказывает смешные сказки, катает на лошади, а один раз взяла её с собой к реке.

— Что, малышка, обижают тебя? Я твоего обидчика на аркане проташу сквозь тургай¹!— Фатима скалит зубы, изображая злую собаку.

Мариам смеётся, представив грузную бабушку на аркане. Фатима продолжает:

— Сестру замуж отдадут, заберут, наконец, от нас! Пусть новые родственники с ней мучаются!

Две старшие сестры не очень ладят, хотя в короткие периоды перемирия нежны меж собой, доверяют друг другу девичьи тайны, любят обсуждать молодых женге и местных джигитов. Но слишком гордый нрав одной и упрямство другой быстро приводят к размолвкам.

— Богатые, из Казани приехали! Ехали через всю степь за головной болью! — В голосе Фатимы слышится досада. Мариам любопытно: радуется сестра или злорадствует.

— Пусть уезжает, она злая, — заискивающе поддакивает младшая сестра, — анэ никогда её не любила!

— Уходи отсюда! Что привязалась ко мне! — вдруг резко отталкивает её Фатима и, рыдая, убегает куда-то.

Бродит с отяжелевшей головой больная девочка среди шумного аула, но никто не обращает на неё внимания. Тогда девочка решается уйти, куда глаза глядят, раз она никому не нужна. «Пусть ищут меня долго-долго, найдут мёртвую, и будут плакать от горя! И анэ пожалеет, что оттолкнула меня! И мама пожалеет, что бросила меня!...»

Нашли Мариам на второй день у реки. Девочка была жива, но ничего не помнила. Чтобы отвести от себя наказание, нянька заявила, что девочку заманили шайтаны². Хотя никто болтливой старухе не поверил, но осталось за Мариам прозвище, втихомолку произносимое, когда она проходила мимо, — «замороженная».

Вдруг Мариам ясно вспоминает начало этой истории: отец стоит на коленях перед бабушкой. Девочка сидит в углу за сундуками, где её никто не видит.

— Матушка, не обижайте сватов, умоляю, выйдите к людям!

— Ты умеешь кланяться врагам! Быстро ты забыл брата! Убийцам отдаёшь свою кровь! Пусть собаки грызут таких сватов! Сам женился на приبلудной, так и дочь бросаешь волкам!

— Никто не видел, кто убил Арслана. Сам Исмаил-бий поклялся, что в тот день урусы³ напали на брата. Нельзя отказывать Али-Акраму, вокруг вражда и война, сотрут нас и развеют по степи, как пепел!

— Вот как заговорил! Урусы! Всё списываете на урусов! А почему твой Исмаил-бий с ними дружит? Сплавили тебе полукровку, связали по рукам, вот ты и поёшь чужие песни! Сидит чертовка в юрте, глаз не жает к дочери! Вот умрёт ребёнок, даже на похороны не придёт! — застарелая ненависть кипит в гневных словах старой женщины.

— Матушка! Галимэ полна уважения к Вам!

— Полна уважения! А почему жениться тебе не даёт? Разве плоха дочь Нурсултана, красавица?! А Нуржан, дочь почтенного Сабита, говорят, и красавица, и рукодельница! Не полукровки! И сыновей бы тебе понарожали, не как эта бездушная! Что скажешь? Мать не права? Где твой наследник? Где твои сыновья?!

¹ Тургай — небольшой кустарник.

² Шайтан — злой дух, способный принять облик человека, враждебный Аллаху и людям.

³ Урус — русский.

От каждого слова вздрагивает согнутая спина отца. Он крепко сжимает в руках борьк¹. Мариам никогда не видела отца таким униженным, ей хочется обнять его и утешить.

— Это я не хочу жениться, матушка, Галимэ тут не при чём. Нам нельзя идти наперекор — сам Али-Акрам просит руки Мадины для сына: она в Казань почти царицей пойдёт, властвовать будет, и нам защита. Ослабели совсем, десять сотен джигитов не наберётся. Не гневайтесь, матушка. Уважьте гостей!

— Значит, очень плохи дела, если ты, мурза, кланяешься целый час старухе? Есть новости? — мать протягивает руку к сыну. Тот садится рядом, поднимает голову и смотрит устало на старую властную женщину.

— Урусы строят города, Идиль² заплонили, сгоняют всех. И до нас доберутся. Сил мало, каждый сам по себе. Казань сильна. Можем уйти туда.

— Эх, время, время... Всё бежим и бежим, боимся... А раньше как бывало...

Старуха застывает в молчании. Мариам боится шелохнуться. Наконец, бабушка важно произносит:

— Выйду к гостям, но кланяться не буду. А твоя Мадина пусть помучает Казань, ей и быть царицей, уродилась такая! — и начинает смеяться, отбивая пухлыми ладошками по бокам, — Мадина им покажет, за всех отомстит!

Опять бредит девочка, опять запёкшиеся губы шепчут: «Анэ! Анэ!» И склоняется над ней доброе морщинистое лицо, целует в горячий лоб, гладит по щекам. «Забери меня, забери, анэ!» — умоляет девочка, но слышит её только белогривый конь, облизывающий свою хозяйку...

— Вот Акбала, твоя лошадка, будешь ездить верхом!

Девочка не верит отцу, она оглядывается на бабушку.

— Дочь мурзы должна уметь ездить на лошади! Это подарок от сватов тебе! — говорит отец.

— Она не кусается? — осмелевшая девочка тянет худенькие ручки к тёплым губам лошади. Её начинает переполнять головокружительное счастье, как в моменты встречи с матерью. Девочке легко ладить с умной лошадью. Все давно заметили, что Мариам понимает животных, как будто знает тайный язык. Это великий дар. Все собаки ходят гурьбой за девочкой, а самая бодливая корова обходит её на дороге.

С этого дня начинается другая жизнь, все внимательны к Мариам, она учится ездить на лошади, женге, молодые, смешливые, показывают ей рукоделие, позволяют нянчиться с малышами. Мариам чувствует себя взрослой. Только бабушка ревниво смотрит на новое положение любимицы, ворчит, но не смеет мешать воспитанию...

Широкое смуглое лицо с весёлыми щёлками узких глаз, небольшое крепкое тело, жёсткие горячие руки, — девочка видит сестру, свою защитницу от многих бед. Фатиму никогда не интересовали разговоры и взгляды, она ровно переносила любовь отца, воспитывающего её, как джигита, равнодушные бабушки и вечный страх матери за неё. Подружек у Фатимы не было, девочки её возраста, всегда занятые по хозяйству, побаивались резкой дочери мурзы, да и матери не советовали дружить с ней, втайне осуждая мужские повадки девушки.

Фатиме весело только с Муратом, они вместе учат Мариам верховой езде, скачут наперегонки по степи... Вдруг поползли липкие слухи: кто-то что-то увидел в кустарниках, вольное поведение подростков вызвало толки, и Фатиму отправили

¹ Борьк — меховая шапка.

² Идиль — Волга.

к женщинам перебирать шерсть, приставили следить за ней молодых женщин, говорили, что её отдадут замуж за старика.

Мадины уже нет в ауле, увезли её в куйме¹ в далёкую Казань, но кроме матери и Фатимы мало кто по ней скучает. Мать стала выходить из юрты чаще, один раз Мариам подошла к ней сама, и женщина зацеловала доченьку, крупные слёзы катились из тёмных глаз, она прижимала девочку к большому тяжёлому животу. Они никогда не говорили друг с другом, только раз за много дней приводили дочь в белую юрту, а потом уводили назад к бабушке.

Взрослеющая девочка понимала вкрадчивые разговоры, она уже знала, что бабушка выходила её в младенчестве после долгой детской болезни, когда молодая женщина отказалась кормить грудью третью девочку — она ждала мальчика. А потом Аллах наказал мать — все её сыновья умирали сразу. И сейчас, говорят, ждёт сына. «Поэтому она меня обнимает, хочет задобрить Аллаха», — иногда так думала Мариам, не переставая горячо любить родную мать.

Со жгучей злобой шипела бабушка о змее, о нелюбимой невестке, которая отняла мужество у сына. Сын был славный батыр², его имя гремело по всей степи, он безрассудно кидался во все сражения и прорекли, не было счёта победам Бекбулата, пока властвовал его отец Казы-мурза. Вспоминали старые женщины синий дворец, большой город бывшего великолетия рода канглы³, когда не было равных им во всей степи. Сколько пленников таскало воду, сколько отар и табунов бродили по займищам, сколько тоев⁴ устраивали для гостей! И вздумал Юсуф-бий воевать с русскими, и других ногайцев подговорил. И полилась жаркая кровь на полынь, оттого она стала горька и седа. Пал в бою глава рода Казы-мурза, дед Мариам, и пришло в упадок его племени. Бросили родное стойбище, синий город, ушли подальше от беды. После смерти отца правил родом старший сын, мурза Арслан. Две жены у него было, две красавицы. Поехал молодой мурза высматривать третью жену, юную дочь родственного племени, уже и имя её забыла старуха, век бы не знать это проклятое имя. Не вернулся её кровинка домой, только пришли к ней другие несчастные матери, чтобы оплакать вместе своих сыновей... Стал главой юрта⁵ Бекбулат, остепенился, пора давно брать жену, а там и другую, многие князья не прочь породниться со славным родом. И тут, на беду, подвернулась эта полукровка, эта шлюха... У бабушки всегда меняется голос, когда она говорит о невестке, ни разу не назвала килен⁶ по имени, смотреть на неё не может. Посоветовал Исмаил-бий, шутя, мурзе Бекбулату взять в жёны дочь своего сотника, на которую заглядывался его собственный старший сын. Негоже брать князьему сыну дочь незнатного ногайца. И в наложницы нельзя, отец больно свиреп, убьёт, не задумается, за единственную дочь. Посмеялись, но Бекбулат решил посмотреть на такую недотрогу. Посмотрел, и как заболел. Сколько дней вымаливал он у матери разрешение на женитьбу! Как унижался! Говорила, бери второй женой, не буду противиться, пусть байбише⁷ станет девушка знатного рода. Или укради, сделай её наложницей, слова не скажу.

«В каком бреде уступила, сама не помню, видно, шайтан закрутил голову. И что он в ней нашёл? Говорила, прощу, если родит сына! Тут дочь, дочь, дочь! А эту сироту

¹ Куйма — свадебная повозка.

² Батыр — герой, доблестный воин.

³ Канглы — одно из ногайских племён.

⁴ Той — пир, застолье.

⁵ Юрт — род, владенье рода.

⁶ Килен — невестка.

⁷ Байбише — старшая жена.

она готова была порвать на куски, еле спасла от смерти! Верблюжонок мой, сердце моё!» — разговор всегда обрывался на нежном вздохе неугомонной души.

И Мариам, падая в сладкую дрему, начинала видеть сказочный синий город: сначала она бродит вокруг блестящей громады лазури, вода капельками обрызгивает её, словно тёплый дождь, рождаясь, как цветок, из-под земли... А потом девочке кажется, что она, как птица, взлетает над землей, внизу в слабом тумане колыхнется большой синий город, а вокруг бескрайняя степь, жёлтая-жёлтая...

ГЛАВА ВТОРАЯ

— Живей, братцы! Не поспеем до темноты! — подгонял гребцов крепкий русобородый молодец, сам усердно налегающий на вёсла.

— Ты, Петро, к Марье под юбку торопишься? — обернулся к водящему хитроглазый рябой казак, — Она, тоть, без тебя не управится?

Гребцы спрятали усмешку, не желая обижать Петра.

— Хватит, Егор, задираться, бабу мою не трожь, свою посторожи, Маланья-то и при тебе управляется, как хошь!

Тут мужики загоготали, видимо, зная про Егора и Маланью что-то особенное. Егор подскочил с лавки, двинулся было к обидчику, но резкий толчок струга опрокинул его назад, да так, что он ударился затылком о весло соседа. Назревала ссора. Артель, уже несколько дней бороздившая Волгу и возвращающаяся домой, уже устала, все были до крайности раздражены неудачным походом.

«Ой, ты волюшка вольная, Волга синяя, Волга синяя да раздольная!» — запел старый дед Алёха, который сидел на носу лодки. Несколько гребцов подхватили песню застуженными голосами. Песня росла, ширилась, тенорком влился слабосильный Егорка, низким басом бубнил его сосед Михаил, ровно вели мелодию брата-близнецы, неотличимые молчуны Степан и Семён. Но душой раздольной песни был сильный голос Василия, урядника. Все невольно заслушались и почти перестали грести. Уплыла последняя высокая нота, утонула в чешуе серебристой ряби матушки-Волги, благодарно вдохнувшей от великого дара. На минуту все замерли, именно в эту минуту донеслось до них ржанье лошади.

— Глянь-ка, кто там? Басурмане? — зашептались рыбаки.

Молодой и остроглазый Архип, оберегаемый всеми от тяжёлой работы за умение выглядеть в темноте любую тень, важно сказал:

— Коняга, один, да тряпка на берегу. Татар не видать.

— Видать, не видать... А, неровен час, наскочут из-за угла?

— Где той угол-то? Степь на три версты!

Между тем по молчаливому знаку Василия лодка медленно приближалась к берегу. Конь тоже нажива, если хорош.

— Знатный коняшка! Не дастся, поди.

— Татарская, наши не водят таких.

— А у есаула под седлом кто? Татарский конь!

— Стой, ребята! Вёсла держать, Петро, следи! Веревь не топчи! — распорядился властно Василий. И куда подевался задумчивый певун: глаза сузились, потемнели, коршуном встал на корме, хищный да сильный. На струге урядник отвечал за боевой ряд, а Пётр — за рыбный промысел.

— Стёпа, Михаил — со мной, а вам сидеть. Если что, то не ждите.

Не надо много слов знающим дело. Прыгнув сразу в воду, споро пошли к берегу. По невидимому знаку разошлись: Василий пошёл к груде тряпья, а другие двинулись к белогривому красавцу, который на удивление быстро был пойман. Михаил уже вёл под уздцы добычу, когда увидел на руках Василия девочку в длинном светлом платье.

— Тююю, кого споймал, Василь! Кабы осетра, а то девку. Живая?

— Живая! В беспаятстве, кажись...

— И что, на лодку её попрёшь, басурманку?

— А что, бросить живую на смерть? Сердце у тебя есть?

Василий стоял с ношей в руках и думал: «До урочища осталось немного, солнце уже клонится, берег здесь ровный, река глубока до берега, коня можно вести, степь ровная, засады не будет». Приняв решение, он скорым шагом двинулся к стругу. Михаил бросил верёвку через борт, сам забрался быстрым перекидом и молча ждал сотоварищей. Следом поднялся медленный Степан. Все обратились к Василию, который протягивал найдёнку гребцам. Никто не откликнулся. Брать басурманку с собой — это немислимо! Дед Алёха двинулся, перешагивая через вытянутые ноги гребцов:

— Убери грабли! Ишь, журавель какой устроился! А у тебя третья нога, что ли? Откуда растёт?

Все грохнули от смеха: о мужской силе малорослого Григория слышал каждый.

— Отдай-ка мне девку, какая махонькая да лёгкая, дитё совсем. Как внучка моя, Настёнка, только чернявая, подружка ей будет для игрищ.

Василий поднялся на борт, из-под светлых бровей оглядел товарищей, поди, заглянул каждому не в глаза, а в самую душу.

— Лошадь — артели, девку возьмём с собой, там решим.

Иногда не надо много слов, чтобы убедить в своей правоте, сильнее убеждения — твёрдый голос, властный взгляд. Быстро снялись с берега, ровно забились по воде вёсла. Застывшие от неожиданности ловцы через какое-то время стали тихо переговариваться. Близость дома, тихо надвигающийся вечер расслабляли души, слышались смешки. Смеялись по-доброму над смирным Семёном, которого ждала молодая жёнка, над бобылём дедом Алёхой, советуя ему искать счастья у бабки Соловьихи. Переговариваясь, будто по сговору, не смотрели на лавку, где лежала в забытии обожжённая солнцем девочка, но всё же исподлобья замечали золотые мониста на шее, жёлтые браслеты на тонких лодыжках и на запястьях, тяжёлые кольца серёг. Грязное платье было богато — шёлк, поверх что-то вроде душегрейки, красное, бархатно-парчовое, с золотыми застёжками. Прикидывали в уме, сколько на ней золота-то, чуть ли не пуд, знать, мурзы какого дочка, беды не оберёшься, коль узнают.

За последним поворотом потянуло домашним дымком, длинные тени деревьев коснулись вёсел. Лодка добавила ходу. И откуда только силы взялись!

— Рыбу на столы, к есаулу пойду сам, лишку не болтать, коня к Архиповым!

К Архиповым — это значило, пока скрыть: был у артели дальний сенник для такой добычи. Не впервой приводить коней с рыбалки.

На подходе к станице притормозили, прыгнул в воду Михаил, увёл коня в схоронку, от глаз подальше, мало ль чего, не надо мозолить глаза люду. Вот и долгожданный берег! Все подскочили, споро подхватывая и передавая крупную рыбу встречающим юнцам. Пёстрым кругом толпились бабы, но они не лезли в суматоху — каждому своё время. Вот пойдёт рыба помельче, и налетят на раздачу детвора да бабы, всё сметут, потащат по дворам потрошить да чистить. Только дед Алёха сидел на носу лодки, охраняя живую находку. Но никто не обращал на него внимания. К Василию подошёл Пётр:

— Куда девчонку?

Василий был пришлый, служивый, жил сам на постое — ни кола ни двора. Говорили, что жена его умерла при родах, вот он и ушёл от горя в казаки. Не давали скучать ему местные бабёнки-вдовушки, но ни к одной он не шёл на руки. Куда ему сиротинку девать!

— Бабке Соловьихе отдать, ей все черти нипочём! — брякнул стоявший рядом Егорка.

— Отдай её мне, выхожу, не обижу! — не унимался Пётр.

— Выходит он! Марья и тебя прибьёт, и девку пришибёт! — не унимался Егор. Рыбаки, передав всю рыбу, потихоньку подходили к вожатому. Никто не спешил домой. Не в лодке, можно и слово сказать.

— Богатого дочка, мурзы али хана: сколько на ей побрякушек! Искать будет...

— Мы ж спасли дочку, не накинется.

— А вдруг помрёт, да узнается дело?

— Да нет уж татар в околотке, погнали за Увек, отбилась малая.

— Марья обрадуется дочке, а Петру достанется!

Время было неспокойное, татары налетали тучей ниоткуда, также в никуда убегали, прихватив добро и пленников. Сколько уже сгнуло людей! Оставить при станции басурманку — залезть в петлю.

— Отдай! Помрёт, хуже будет! Живая душа, поди! — взмолился Пётр.

— Бери покуда, да не жалуйся после. Ежель порешим отправить куда, не противься! Дед Алёха! Отдай ребёнка!

Когда Василий произнёс «ребёнка», все невольно оглянулись на деда Алёху с девочкой на руках, разглядели впервой спасёнку — она была мала, худа, слабо дышала. Бабы, почуяв необычное, грудились неподалёку, ждали, когда мужики начнут расходиться.

— Золото припрячь, мало ль чего.

— Сдать, что ль, есаулу?

— Сказал тоже! Припрячь, и всё!

— Приданое невесте будет! — съехидничал Егор, но никто не подхватил его смешок.

На том и порешили. Усталые рыбаки разбрелись по домам невесёлыми: и рыбы мало, всего несколько осетров, и татар не углядели, и незнамо кого приволокли. Кабы беды не вышло! Тут их стали цеплять жёнки, дети. Старые, что сидели на завалинках, вставали, кланялись. И им дадут долю, вдовам да старым. Вечерело, зазвенели подойники, зазывали матери детей-пострелёньшей домой.

За Петром увязалось несколько человек, больно занятно было посмотреть, как встретит Марья мужа с подарком. А Марья никогда не ходила на привоз, только дома за порогом обнимала горячо мужа. А тут будто чуяла. Выскочила из хаты и встала, как вкопанная: перед ней виновато стоял муж родной с живой ношей. За ним толпились выжидательно соседи. Марья, не моргнув глазом, степенно сошла с порога, поклонилась низко в пояс, распевно низким голосом сказала:

— Здравствуй, муж! С возвращеньцем! Выглядываем аж с утра, банька истоплена, мать в гостях дожидается.

И повела муженька домой. Постояли ещё под окном любопытные — тишина, ни крика, ни шума. Вот те Марья-крикунья! Как воды в рот набрала. Неужто приняла найдёныша?

Пётр положил на лавку девочку, огляделся: прибрано, на столе ужин, мать-старуха смотрит молча из угла, Ванятки, сына, не видно. И Марья смотрит тяжело, покусывает пухлые губы. Лучше бы кричала. Не обняла, не суетится от радости, как всегда бывало, а молчит. Мать боится невестки до одури, тоже молчит. Ушёл в баню,

видел — из-за плетня глазают ещё. Молодец Марья, утёрла всем нос: в пояс поклонилась! Когда ж такое бывало!

— Батя! — налетел сын, — я не успел к рыбе, за коровой ходил в займище.

Подрос Ванятка, волосы выбелились от солнца, глазами в мать — глубокие, синие. Покойница Наталья была синеглазая.

— Батя! А много наловили? А татар видели? А припоздали чего? — вопросы летят, как птички, голос то басит, то звенит — стал ломаться, взростеет сын!

— Расскажу потом, жди меня!

Сын в хату не торопится, тоже мачехи боится, лишний раз на глаза не попадается.

Станица Крутой Яр кормилась Волгой. Жили здесь казаки, считались на государственной службе. Давно беглые лихие люди облюбовали высокий берег для временного пристанища да обжились. Тайком пробираясь в родные сёла, приводили жён да невест. Оглядываясь, осторожничая, сначала чувствовали себя гостями на богатой земле. Да и время такое — вокруг татарва, чуть ли не страшнее басурман свои злыдни-хозяева да царёвы приспешники, лютующие по городам и сёлам. Не от хорошей жизни бросались в бега земляпашцы, становились «ловцами», вольными рыбаками. Забегали детки, заровнялась улица между плетнями, многолетней чешуёй покрылся берег, капустные ряды тянулись по задкам дворов. По весне сады наливались цветом, а потом вплоть до холодов радовали детвору сочными плодами. Хлеба сеяли мало, не родился он тут, приспособились менять на красную рыбу в других городищах. Но опасно было пускаться в дальнюю дорогу, поэтому часто сидели без хлеба, на одной рыбе. Тут-то и разыскали их царские слуги, гнать не стали, обещали хлеба за службу. Приехал есаул, поставили ему избу. Надо было следить за татарами, по надобности идти в поход на них. Так вольница стала станицей.

Кое-где сохранились временки — обмазанные глиной стены из плетня, наполовину врытые в землю, с плоской крышей. Теперь туда загоняют на отёл коров или держат птицу, а дома уже строят высокие, деревянные, с печью. Леса своего строевого нет, срубы по реке сплавляют от верха. Возни много, но зато какие избы встали улицей!

Старожилы вспоминали мор, когда слегли и не встали малые, в каждой семье оплакивали детей. Вспоминали лютую зиму, когда спаслись, набившись в избы по нескольку семей, под горою снега, рассказывали, как прорывали ходы, чтобы выйти к реке и за дровами в лесок. А как заводили коров, лелея каждого телёнка пуще собственного дитя! Это сейчас спокойно пасётся целое стадо круторогих ведёрниц, а тогда носили траву в дерюге, боялись, что волки задерут или убежит неразумная скотина. Лошадей добыли скоро, старики говорят, иногда пробегали целые табуны, лишившиеся в боях хозяев. Их выслеживали, устраивали загоны, заново приручали к седлу или к телеге. Позже заблеяли овцы, тоже добыча ночных походов. Несколько кур и петушок, кем-то принесённые из первых поселенцев, дали потомство, сегодня уже неисчислимо: в каждом дворе кудахтали и копошились глупые птицы. А вот гуси, по решению общины привезённые из соседнего городка в обмен на краснорыбицу, не прижились, хотя река была рядом.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Марья знала все повадки мужа. Пока Пётр отсиживался в бане, она решала, что делать с найдёнышем. Несдержанная порой до грубости, Марья быстро вспыхивала, недаром её за глаза называли кипятком, за словом в карман никогда не лезла. Притихшая свекровь завозилась в углу:

— Живая? Помрёт, и в землю не закопаешь, у них, говорят, в степи бросают...

— Накараете! — Но страх перекрыл гнев, и женщина осторожно подошла к девочке, наклонилась и облегчённо вздохнула. — Дышит!

Марья, если принимала какое-то решение, то действовала мгновенно. И тут она рванулась к корчажке с водой, не думая, плеснула в лицо басурманке. Та сразу встрепенулась, закрылась рукавом.

— Вот и умылась с дороги! — ловкими руками Марья приподняла девочку, усаживая её на лавку. Увидев потрескавшиеся губы, опухшее лицо, задохнулась от острой жалости: дитё малое, обожжённое солнцем...

— На те водицу, попей... Пей! — ткнула корчажку к губам. Благодарно блеснули глаза на грязном лице. Вода потекла по подбородку — девочка даже глотнуть не смогла. Мария забрала посуду назад, бросила в сердцах обратно в деревянное ведро. Помыть бы девочку, вся в песке, да боязно — тело горит, пышет жаром. Всё ж стала раздевать, прикрикнула на старуху:

— Да помогите же!

Стали в четыре руки разбирать одёжку. Сначала сняли всё золото. Дивились красоте украшений: узорное, с переплетениями, особенно удивительными были тяжёлые браслеты с рук. Бабка завязала богатство в платок, сунула узелок снохе, словно страшась такого богатства. А той, что золото, что камушек, лишь бы с глаз долой, сунула узелок в запечье.

— Портки какие, шёлковые да в полосочку, — удивлялась старуха. Сняли безрукавку, тяжёлую от всяких золотых и серебряных украшений по краям. С платьем повозились, девочка ныла от каждого прикосновения. Но сняли и платье, под ним было исподнее, вроде рубахи, серое, тонкого полотна.

— А говорили, как нелюди ходють, не моются и бельё не носят, а тут тельце белое, худущая!

И вправду, девочка оказалась до того худа, что косточки просвечивали, а телом была не чернява, а бела. Обмыли кое-как тёплой тряпочкой, завернули в старый сарафан.

— Молочка ей надо, молочко силу даёт, — шамкала свекровь.

Дали молока, уговаривать не пришлось — так жадно припала к молоку, как телёнок к мамке.

— Воду не стала, а молоко-то пьёт, — бурчала хозяйка. — Пей, пей, своё молочко, не жалко!

Мужики давно стояли за дверью, ждали, когда можно будет войти. К Петру заглянул в баньку Василий и шепнул:

— На меня кивай, мол, Василий заставил взять. Есаулу обсказал, думку думает, пойдёт с Маланьей совет держать. Коня, сказал, сплавить надоть, оставлять нельзя, видный конь, но запалённый, в городище продадим. А зря. Здесь бы и не нашли. А там увидят, концы отыщут... А Марье своей скажи, хлеба добавим, пусть оклемается у вас, узнаем, чья будет, ежель мирного татарина, то и отправим домой.

Ладно говорил Василий, но сам не верил ни во что, уже и жалеть начал, что приволок головную боль.

— Небось обойдётся! — и, махнув рукой, ушёл в проулок.

Ванька угорал от любопытства, но с вопросами не лез, вытягивал шею и прислушивался к возне в избе. Вошли. Было уже темно, лучину пора зажигать. Молча сели за стол вечерять. Мария подала отварную рыбу, репку запаренную, в кринке белело молоко, хлеб чернел горкой да перья лука были сложены на краю стола. Вот и нехитрый ужин семьи. «Даже пирог не испекла!» — с детской обидой подумал Пётр. А пирог

был, ждала мужа Марья, старалась, капусту молодую притомила да начинила сдобу, но подавать не спешила. И жевали все молча в почти полной темноте. Ваня не сводил глаз с лавки, где лежала девочка. Трудно было что-то разобрать в груди тряпья, но жгло любопытство. Заметив его вытянутую шею, мачеха вскипела:

— Смотри, смотри, тятка тебе сестрёнку наловил! Басурманку узкоглазую, нехристя! — Смотрела на мужа в упор, будто швыряла в него словами. — Самим исти-птиги нечего, двор зарос, мужик от двора бегаёт, в реке живёт, а вон, принёс добычу! Майся тут, жёнка, корми-пои да обстирывай! А придёт орда! Порубят нас за детёныша, убьют почём зря! — и сорвалась на плач, причитая, как по покойнику. Пётр спокойный, но если разозлится, то краю нет. Не углядела Марья, когда стал приподниматься муженёк, не видела, пока выла, что кулаки начал сжимать да шею набычивать. Поздно опомнилась — муж скидывал уж всё со стола, рвался к ней с мутными глазами, достал до волос и давай хлестать её в дикой ярости. Мычал, дыхания не хватало:

— Ты хозяйка?! Попрекать меня, попрекать меня?! Ваньку замучила, мать загоняла, убью!

Ванятка кинулся под руки, отнимает мачеху, и ему перепало, отец двинул так, что отлетел к печке. Опять полез, висит на руках: «Тять, тять!» Пётр грохнул напоследок, в сердцах, ногой по лавке, ушибся сам, стал отходить. Тяжело дыша, смотрел на жену, валяющуюся на полу с растрёпанными волосами, на онемевшую мать, на сына, сжавшего кулаки... Дурь отступала, душно колотилось сердце. Вот так всегда, не помнит себя в ярости. Добро, когда в бою, а дома...

Сел. Марья и выть уже боится, собралась-поднялась, начала убирать посуду и сор с полу. Мать кинулась, зажгла лучину, только сын смотрел прямо на отца, готовый снова повиснуть на руке. Ушёл во двор. Ведь знал, что не примет жена найдёныша, почему сам назвался в охотники, не понимал. Жалко стало умирающую девочку. Детей своих схороненных вспомнил. Думал, что Марья тоже пожалеет. Живут справно, не голодают, слава Богу. А Маша не злая, он-то знает, боится только показать свою доброту, прячется за грубостью, как за щитом, а ночами, бывает, плачет. «Что с тобой, Машенька?» — спросит, а она в ответ только обнимет горячо, спрячет мокрое лицо у него на груди...

Марья выгребла весь мусор, заново собрала на стол — тут тебе и пироги, и взвар из вишни с мёдом, и крынка неснятого молока. Виноватится Пётр, но виду не подаёт, в избу не спешит. Жена сама вышла к нему, подошла близко, не боится, знает, что уже отошёл, заглянула в глаза:

— Иди за стол, пироги стынут.

Лукавит жёнка, говорит так, будто только пироги из печи вынула, будто не было крика и боя. Уж потом отыграется, ох как отыграется! Квасу поднесла:

— Угорел, поди, в бане, жарко натопила, сама помыться не успею уж...

Хитра, хитра женщина, всегда обойдёт неласкового мужика... Услышит он скрытый призыв: проводишь, мол, в тёмную баньку, да спинку потрёшь и от ласки не уклонишься...

Ночь примирила всех. Сладко уснул Пётр, довольный женой, всхрапывает на подстилке гостя — мать-старуха, Ванятка разметался на постели... Только Марья никак не может успокоиться, у ней думки про завтра. Добро бы только с мужем разбираться, так вся станица ждёт, как обернётся история с неожиданным подарком. Кабы нашенскую приволок, и то легче, что не приняла, вон сколько бобылок, переплавили бы им да не судили — у каждого свой склад. Так ведь несхристь в дом принёс! А она маленькая да худющая, да побитая скачкой. И никто не возьмёт некрещёнку. Можно, конечно, покричать у есаула, но увезут тогда в городище, а как по дороге девочка

помрёт... Своих четверых отнесла на кладбище, до месяца не доживали, одна только за год переступила, уже ножками пошла, но лихоманка в зиму унесла ребёнка, только колыбелька пустая осталась. На ночь Марья укрыла девочку, хоть та пылала жаром, и тряпицу мокрую ко лбу приложила, прислушалась, как постанывает во сне басурманка. «Анна! Анна! Анна!» — слышится женщине.

«Может, мать у ней русская, вон, беленькая тельцем какая, много наших баб за татарами живут, каждый год они утаскивают девок...»

Тут и нашла решение Марья: «Скажу, мать у найдёнки русская, крестик при ней нашла, убежала с матерью от татар да отбилась, или мать померла по дороге». Как она узнала о матери и обо всём прочем, о том уже Марья не думала, заснула сразу, как провалилась в сон.

И приснилось ей детство, смутным облаком — мать родная да она сама, всё идет, идет куда-то, а дойти не могут...

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

Разбудили Мариам петухи. Свет молочным потоком лился через мутное окно, все ещё спали. Странно и страшно было просыпаться от непонятого крика среди чужих людей и незнакомых вещей. Утро в ауле начиналось мычанием коров, ржанием и топотом табуна, щёлканьем кнута пастухов. Это были родные привычные звуки, под них больная девочка могла спать ещё долго, пока бабушка не будила. Мариам стала вспоминать события последних дней.

Весь аул тронулся на летние пастбища, джайляу. Это был праздник для всех — оставляли зимние домики-мазанки, вытопанные на много вёрст вокруг земли. На этот раз их аулу повезло, они пришли на низину, река была недалеко, не отгоревшая степь серебрилась во все стороны ковылём.

Мариам пошёл двенадцатый год, хотя на вид она была совсем маленькой. Обучение, прерванное болезнью и зимой, продолжалось: дочери мурзы, как и любой ногайской девушке, надо было знать женские ремёсла, секреты готовки, уметь ухаживать за малышами. Акбала ждала любимую всадницу, каждый день Мариам скакала вокруг аула. Произошли события, изменившие жизнь юрта, — у мурзы родился сын! Хоть и не верили многие, что очередной наследник выживет, но вопреки всем прогнозам он жил, рос, требуя громким криком молока и заботы. По ору старухи определили — будет жить, станет властелином, батыром. И имя подобрали великое — Юсуф. Бабушка радовалась, но ласковее к снохе не стала. Мариам даже казалось, что бабушка недовольна рождению внука — попрекать килен стало нечем.

Вторым событием стало сватовство к Фатиме. Старый вдовец, мангыт¹ Мансур решил породниться с родом Бекбулата и прислал сватов. Видимо, дошли до него слухи о чудачествах невесты. Подарки для новой родни были скудные, о калыме торговались долго. Наконец, всё было решено, и началась подготовка к свадьбе. Мариам плохо помнила свадьбу старшей сестры Мадины, тогда сторожили маленькую беглянку, не выпускали далеко от юрты, лишь на проводы попала: столько верблюдов, столько нарядных всадников — степь гудела от крика и топота.

Настала очередь Фатимы. Чтобы поддержать честь рода, Бекбулат выделил целое стадо для забоя. Под навесами множество казанов кипели с верблюжатинной, с бараниной. Из конины за три дня вперёд наделали казы². Гости из других родов и богатые

¹ Мангыты — один из родов монгольского происхождения.

² Казы — традиционная колбаса из конины у ряда тюркских народов.

аульчане сидели в больших юртах и объедались мясом. Другие праздновали на воле, на кошмах¹ за большим дастарханом². Отовсюду слышались песни, смех. Брал за душу кабыз³, звонкоголосо разлетаясь по степи. Тогда и услышала Мариам легенду о ногайцах, запомнила её на всю жизнь от первого до последнего слова:

Время струилось золотым песком через золотые руки солнца. Замирали перед бесконечностью все желания и страдания. Как большая больная верблюдица, рыдала великая степь по погибшим детям.

Лишь одна живая душа уцелела от огнедышащего пламени судьбы и укрылась под крыльями ночи у подножья съеденной горы, у камней, истолчённых в песок на дне моря, высохшего от великого огня. Это был мальчик, не ставший воином, не обагривший руки в крови, не успевший выпить из кубка страстей, тёплый комочек человеческой плоти. И уготована ему была участь остаться у края бездны, чтобы запомнить гибель рода, а потом и самому исплеть от одиночества.

Выла синяя небесная волчица по щенятам, выхваченным в бурю от сосцов и брошенным в пучину, выла мать-волчица по прошлому и по будущему...

И сошлись два горя в утешении — нашла мать-волчица дитя человеческой утробы, а сирота племени людского — звериную любовь и заботу. В центре выжженной земли по капле сладкого молока выживала кровь, росла сила, сохранялась любовь. Горячие ветры сушили горе, нежная луна грела в холода, а тёплый снег поил жажду. И увидело однажды беспощадное солнце, что не вышло семя, должное исчезнуть, что выросло дерево на песке пустыни, и взяло назад свой гнев, стало равнодушно поднимать и опускать взор над жерновами времени, сеющего песок из бывших гор.

И народились от крылатой синей волчицы и от юного мужчины девять сыновей. Через много лун вышли они из великой пустыни к народам и стали племенем неистребимых батыров, отцами великого ногайского рода.

Отдать дочь мурзы вдовцу, похоронившему уже двух жён, небогату, не родовитому, было обидно для древнего рода. Но выбирать не приходилось: степь слухами полнится, а про Фатиму знали многое. И не красавица она была, которой многое простительно. Поэтому и сластили обиду большим тоем, громкими песнями и хорошим приданым.

Даже богатый свадебный убор не мог скрыть неуклюжесть Фатимы в праздничном платье: её тёмное лицо блестело от жира, узкие глаза потуплены вниз — вся в отца, только ровные высокие дуги чёрных бровей — от матери. Этот лучик от красоты матери странным образом придавал девушке милое выражение задора. Мариам подошла к сестре, чтобы проститься перед разлукой, и заплакала, прижавшись к бархату праздничной одежды.

— Ну что ты, сестра, плачешь! За меня не бойся, я там оседлаю и коня, и мужа, — весело шепнула Фатима, и карие глаза её по-прежнему лукаво заблестели под тонким покрывалом.

— Ты красивая сегодня! — ласкалась сестрёнка к невесте.

— Чёрная, как хромая лошадь Даута? — засмеялась Фатима. — Иди, приедешь скоро в гости, помотришь на красавицу!

И уехал свадебный караван, оставив за собой заплаканных женщин. В куйме дремала спокойная невеста, удивляя своей беспечностью сопровождающих.

¹ Кошма — войлочный ковёр из овечьей или верблюжьей шерсти.

² Дастархан — скатерть.

³ Кабыз — струнный смычковый музыкальный инструмент.

Через месяц их пригласили к новым родственникам, прислали богатые подарки. Все изумлялись неожиданной щедрости, а Мариам, вспомнив прощальные слова сестры, про себя смеялась: «Оседлала старика!»

Чтобы не ударить в грязь лицом, собрали сватам достойные подношения: отрезки дорогой ткани, расписную деревянную посуду, оружие, мёд. Аул проснулся затемно. Все разошлись, несмотря на жару, в праздничные тяжёлые наряды. Тщательно одевали Мариам — ещё одну будущую невесту: пусть увидят, что много золота и серебра у рода Бекбулата. Одежда понравилась Мариам, она с удовольствием гладила рукой новый каптал и платье. Неудобно было с украшениями: серёжки оказались тяжёлыми и больно оттягивали мочки ушей, браслеты соскальзывали с тонких рук, пришлось их заменить. На головном уборе звенели монетки, нанизанные по краям, на воротах платья блестели нашитые золотые пластинки. Наконец, выехали. Впереди ехали мужчины, маленького Юсуфа вез в колыбельке за собой сам отец. Мать, похудевшая, по-прежнему привлекательная, ехала недалеко от младшей дочери. Незаметно подъехала к ней, загляделась на тонкую фигурку, на ясные глаза.

- Не устанешь, джаным? — негромко спросила мать.
- Я давно научилась сидеть в седле! — с гордостью ответила дочь.
- Осторожнее! Лучше бы на верблюда села, доченька!

Сама Галимэ, ехавшая на верблюде, светилась от счастья: растёт, не болеет горластый Юсуф, долгожданный сын, Мадина благоденствует в Казани. И непослушную Фатиму хорошо устроили, пусть старик, но полюбил доченьку: как богато отдался после свадьбы! И Мариам, её вечное тайное страдание, стала почти невестой, перестала болеть. Вот и едет, качаясь на белой верблюдице, вся во блеске богатства и красоты, счастливая мать. Но не знает, что сказать дочери, не умеет с ней разговаривать.

— Анэ говорит, что нас пригласили в Казань! И меня, может, возьмут! А Вы поедете?

У Галимэ кольнуло сердце, — она не знает новостей про собственную семью, опять от неё всё скрывают, и заметила в который раз, что Мариам её никак не называет, а к бабушке обращается «анэ», называя её матерью при живой матери... Чувство радости и счастья улетучилось сразу. Подкатила обида, змейкой перехватила белую шею, стала душить...

— Хотите урюк? Он такой сладкий! Как наша Фатима из кислого старика такой сладкий урюк выжала? — Мариам подъехала близко к матери, сунула ей в руки тёплую горсть сладости.

И снова засверкало солнце, улыбнулась женщина вниманию дочери, её незаметной ласке. Одно слово «наша» опять тайно сблизило две души. Бабушка издали ревниво наблюдала за ними. Долго терпеть она не умела, поэтому подозвала одну из женщин из свиты, велела ей передать внучке наказ вернуться на своё место. А сама со злорадством наблюдала, усевшись удобно между мягкими горбами верблюда, как униженно опускает голову нелюбимая сноха. И не заметила, что Мариам на миг коснулась руки матери горячей липкой ладонью, извиняясь за слова бабушки.

Но в девочке тоже бушевали страсти, она любила и бабушку, и мать, ей было невыносимо больно наблюдать вражду между ними. «Всё из-за меня!» — думала несчастная девочка. Откуда ей знать, что свекровь и невестка не уживаются во многих семьях, что такое соперничество ищет внешние причины, чтобы выплеснуться в колкостях, в обидных замечаниях и в злобных взглядах.

Мариам поскакала не к бабушке, а вперёд, поближе к отцу. Но её оттеснили джигиты, и всадница оказалась сбоку от каравана.

Страшно заглядывать в колодец воспоминаний... Помимо воли всплывают крики ужаса, клубы пыли, словно вихрь мчащийся по пустыне, суматоха и плач женщин, страшный клич битвы... Акбала, обезумевшая от криков, понесла всадницу в степь... Мариам, потерявшая голову, подстёгивала лошадь, желая убежать подальше от смерти... А потом, одумавшись, девочка пыталась вернуться, гнала и гнала коня вперёд... Очнулась у воды, смутно помнит как оказалась на берегу и лица незнакомых людей... В забытьи ей мерещилось, что она едет, покачиваясь, на верблюде. Потом страх разбудил сознание, и девочка увидела себя среди чужих мужчин на большой лодке, но ничем не выдала себя, стала наблюдать из-под полузакрытых век за незнакомцами. Со страхом, слушая грубые голоса, она пыталась что-то понять, но ничего не уловила из незнакомого языка. Одно было ясно — убивать её не будут. Недалеко сидел бородатый мужчина, молчаливый, но добрый, как почувала сердцем Мариам. К нему и потянулась девочка, молила безмолвно, чтобы он защитил её. Это был Пётр. Может, и вправду он услышал мольбу умирающей девочки, а может, и нет. Но именно он забрал её домой. Успокоившись, Мариам то впадала в забытье, то вновь приходила в себя. И вот она проснулась в чужом доме с чужими запахами и с чужими людьми. Что будет дальше?

ГЛАВА ПЯТАЯ

Щедрый август торопил сонное солнышко, выгоняя его на безоблачное небо, как выгоняют пастухи корову на выпас. Сначала разнежено, розово-ало, как молодая после сладкой ночи, солнце медленно выкатилось из-за бугра, начало округляться и уменьшаться, поднимаясь всё выше и выше, потом оторвалось от матушки-земли и поплыло звонким мячиком по небу, раскаляясь на ходу. Так же и Марья, разоспавшаяся после встречи с мужем, растрёпой походила по избе, но вдруг разом подобралась, взглянув на лавку, где птенчиком свернулась чужая девочка. Подошла, пощупала, жар спал. Выдохнула «Живая!» И забегала, накидывая на крепкое тело затрапезный сарафан, побежала доить Пеструшку, на ходу схватила со стола чашку с водой, плеснула в печь — домового водица. Ставили бабы на ночь воды и хлеба охране дома, чтоб от беды уберегал. Под ровный плеск молока решала, как не осрамиться перед миром, что же делать. Встала довольная — Пеструшка не дёргалась, полный подойник молока дала! — и поплыла павой к крыльцу. На выгоне Марья уже выглядывали соседushки, не торопились бежать по домам.

— С доченькой тебя! — не выдержала криворотая жена Степана Катерина.

— Завидуешь? — одним словом припечатала Марья — года не прошло, как Катеринка дочь схоронила.

— Живая? — с беспокойством спросила подруга сердечная Марфа.

— Что с ней станется, живая, Бог спас! Аней зовут, мать ейная наша, русская, — пропела Марья. Не только для Марфиных ушей, многие услышат, тут же разнесут по селу.

С Марьей редко кто вступал в споры, она могла перекричать любую бабу, при этом могла метко сказать обидное слово, так ловко приплести прозвище, которое потом другие повторяли по любому случаю. Может, кому и хотелось поговорить про найдёнку, но промолчали. Победно вскинув смуглое лицо, Марья вернулась к дому, чтобы покормить семью. Парное молоко и хлеб — вот и завтрак.

Всё утро Пётр томился в ожидании: Марьюшка молчала. Ванятка наскоро умылся, глотнул молока и засел за стол, стараясь не показывать любопытство. Девочка зашевелилась, застонала.

— А ну, вставай, соня-засоня! — подскочила к лавке хозяйка, — Вставай полегоньку да иди завтракать. Ходить за тобой некому, Аня, неча тут разлёживаться!

Мужчины переглянулись. Свекровь, уже почти переступившая порог (спешила к своему хозяйству), повернулась так резко, что не удержалась и упала.

— Ноги посшибаете, скажут, что Марья перебила! Что уставились? Анна она! Рыбу-то вчера никто не приволок, опять обошли! Почто на привоз не ходил, неслух? — и понесла-понесла всё, что накопело. Но краем глаза следила за мужем: как бы ни перехватить лишку. Рывком подняла послушное тело девочки, усадила ловко за стол, почти швырнула перед ней малую крынку с молоком. Девочка боялась поднять глаза, вздрагивала от каждого выкрика Марьи, но чуткое сердце подсказало, что нет злобы в резкой речи. И бабушка всегда ворчала на всех, часто кричала, но была добрее всех на свете. Руки в кровавых мозолях почти не слушались, но Мариам ухватила крепко посуду и отпила молока. Крикливая женщина сунула под нос ей кусок тёмного хлеба. Кислый запах был незнаком девочке, ногайцы не ели такой хлеб. Но она откусила немного от ломтя, проглотила, не прожевав, и опять припала к молоку.

— Вот те телёнок! — прыснула вдруг Марья. И все разом за столом засмеялись.

Так стала приживаться в чужом доме, в чужом мире Мариам, которую переименовали с лёгкой руки Марьи в Аню. Ох, и непросто было семье, пуще всего от призора станицы, которая глаз не спускала с «родственников». Кабы не слыла Марья бой-бабой, не уберечься бы им от дурной молвы. Перешёптывались, в хату к ним, будто бы за огоньком, забегали, в глаза заглядывали, но ничего не угадывали. Не выпытать, что правда, а что Марья приплела! Общий сказ таков: мать найдёнки девкой забрали в плен, стала она женой татарина, родила девочку, а потом сбежала от мужа с приплодом, умерла по дороге.

Верилось, так и выходило — и в плен угоняли, и из плена бежали.

А как девочка первый раз выглянула на улицу (рядом Ваня идёт, сторожит), чуть ли не полстаницы высыпало посмотреть. Марья никогда ничего зазря не делала: загодя сшила сарафан названной дочери, искупала девчущку, косы заплела и лентой красной перевязала, лапти новые приобула да слух с вечера пустила через подружек и соседей — мол, завтра к бабушке идём конопатить избу, и Анечка попросилась помочь. А живёт свекровь за две улицы, на краю села. И время выбрала — не утро, не вечер, а ясный полдень. Тут ротозеи растарасились, почитай, ощупали глазами-то всю. Девочке сказано было идти ровно, глаз не опускать, улыбаться. Не понимала она ещё языка, поэтому несколько дней Ваня обучал её по приказу мачехи — вот так да этак, без слов. Как она выдержала прогулку, уже никто не расскажет, должно быть, солоно ей пришлось, раз ноги дрожали, ручки вспотели. Но прошла ровнёхонько, улыбаясь. Во многом уверились односельчане — девочка не темна лицом, кто и конопутки разглядел на ровном носике, карие глаза с прищуром, но не малы, волос тёмный, но не вороной масти, рот немного большеват для худенького лица, улыбка мила и застенчива. «А брови, а брови-то какие! Глянь-ко!» На бледном лице ласточками летели чёрные брови, оттого и казалась девочка нездешней. А так — не хороша, не плоха, не русская, но и не басурманка, только больно худа, тонка. По-доброму вздохнули бабы: «Тело нагуляет, здорова бы была! Натерпелась, бедняжка! Легко ли мать потерять!» Так и приняли Мариам-Анечку в Крутом Яре.

Были разные догадки, почему крикунья Марья оставила басурманку. Кто шептал, что из-за золота, но кому это золото нужно здесь? Кто думал, что позарилась на хлеб,

что обещал есаул. Но хлеба так и не добавили, никто и не требовал — ни Пётр, ни Марья. Жалости за Марьей сроду не водилось, пасынка хворостинной лечила от безделья, потому и разговору про жалость не было. За спиной сошлись в одном — Марья нашла работницу: Ваньке воду таскать и за скотиной ходить, а Ане уготован огород да обиход.

В степи девочек готовят к смирению: часто отдают на сторону, в чужой род, где и речь может быть отлична от родной, обычаи другие, муж и родня часто пеняют, гоняют, припоминая все грехи родственников. А поводов для раздора среди кочевников всегда много: угоняют друг от друга скот, воруют невест, мало ли ещё чего водится за каждым родом. Вот и терпит бедная женщина молча все обиды, работает, не покладая рук, стараясь угодить родичам, рождает детей. Только через много лет истинная ногайка, сохранившая женское достоинство, поднимает голову, начинает руководить семьёй, а бывает, и аулом. Мужчины уходят раньше, они воины, редко кто доживает до глубокой старости, на долю старух выпадает воспитание детей, сохранение обычаев.

Мариам выросла под боком своей бабушки, многое знала из разговоров. Хоть и берегли её, большую младшую дочь мурзы, от обычных занятий девочек, но белоручкой она не была. «С тобой замуж пойду, у порога спать буду, мой птенчик! — часто шутила старуха. — Не прогонишь старую?» Мариам зарывалась в душный мех телогрейки, обнимала бабушку и смеялась счастливо: «Возьму, возьму с собой замуж!»

Вот теперь она вырвана от родного имени-племени, нет рядом ни отца, ни матери, ни бабушки. А надо жить, надо выживать. И стала Мариам выживать: забыла для начала своё имя, заново родилась для земли и неба. И запретила себе вспоминать родное: от этого болит сердце, и руки опускаются. Стала учиться новому.

Марья поначалу сама не знала, что делать с Анечкой: языка не знает, слабая да худая. Кормила, как попрекала — кинет перед ней репку, кусок хлеба, словно кошке или собаке. Пётр, если был за столом, сразу складывал кулаки на стол и смотрел грозно на жену, та и остывала. Потом стала шептаться с мужем по ночам: «Не слышно ничего? Девка здорова, не болящая боле, ест-пьёт. Отец не нашёлся? Может, кто ищет пропажу?». Пётр молчит себе, вроде спит. Толкнёт его в бок, а он отворачивается.

И ничего не поделаешь! Не принимает сердце басурманку, вроде, жалко девоньку, но глаза бы не видели её. Оттого и шумит Марья куда больше прежнего. Только из

гордости при золовках и при соседках хорохорится, рассказывает, что справили ещё один сарафан Анечке.

Марья не слыла неряхой, но особо по дому чистоту наводит не старалась, ничего не валяется, да и ладно! Любила она работу на воле, не хуже мужиков вела покос, копала землю, выходила с мужем на Волгу за рыбой. Крутобёдрая, с широкими плечами, с полными сильными руками неутомимая Марья слыла «работницей». Так уважительно отзывались в селе о самых работающих женщинах. А как наденет яркий сарафан, укроется праздничным платом, глаза тёмные в ободке длинных ресниц опустит вниз, губы свои пухлые распушит маком в лёгкой улыбке — такая красавица! Дивились многие — и не скажешь, что бывает злее кусачей собаки такая красота!

Немногие помнят, что неместная она, пришла с бабкой малой девонькой. Уже не привечали тогда пришлых, как раньше. Люди разные стали ходить, попрошайки всякие, до чужого добра охотники. Кормить — кормили, с собой кой-чего давали и выводили на дорогу: ищите, мол, где лучше. А эти остались, стара да мала, куда им податься... Отвели развалюху-временку, бабы снесли туда кто посуду, кто из одежды что. Бабка Марьяна стала ходить по дворам: помогать по хозяйству бобылям, ребёнка понянчить молодым. Худая, лёгкая на ногу, неслась по улице бабка Лукерья! Полюбили её в станице и за лёгкий нрав, и за весёлый характер: всегда с улыбкой да с шуткой, намяла, видно, жизнь сполна, хлебнула горя по полной, оттого и радуется всему: и доброму слову, и корке чёрствого хлеба. И свой огород завела на зависть другим, с утра до ночи с внучкой копошилась на грядках. Только воду далеко было носить, всё одно — справлялись. Хатёнку прибрали, побелили, подсолнухом вокруг засадили — красота! А Марья росла молчуньей, девочки не игрались с ней. Мальчишки вовсе кидались колючками репейника, норовили в волосы попасть. Но ни разу не заплакала девочка, отойдёт подальше, уставится чёрными глазищами и молчит. Только Марфа жалела соседку, рядом жили, тайком ходила к ней играть. Но и с ней Маша не больно была разговорчива. Бабке Лукерье некогда — всегда при работе, росла девочка сама по себе. И вдруг увидели в селе — красавица вымахала за одну зиму! Зимой-то она вовсе из дому не выходила: обувь нечего, одежды тёплой тоже нет.

Тут и заметил её Пётр. Вдовцом ходил третий год, Наталью свою похоронил. Весной дело было — видит, гоняют мальчишки девчонку по дороге. Догонят и норовят стукнуть по спине, а та уворачивается, дерётся с ними, потом убегает дальше. Добежал Пётр до свары, шуганул мальцов, пристыдил:

- Что вы, изверги, девчонку бьёте? Али совесть съели, бестолочи!
- Она сама дерётся! Смотри, как исцарапала, кошка драная!
- Цыц отсюда, мошकार! Ещё увижу, кто её обижает, с яра скину!
- Пусть сама не дерётся!

Подошёл к девке, а та смотрит волчонком, пальцы крючком — готова вцепиться в любого.

- Ты чья будешь, девонька? Не бойсь, не обижу!

Молчит, платьишко старенькое поправляет, ноги босы, а земля не отошла ещё, холодная.

- Ноги-то отморозишь, где лапти-то растеряла? Ладно, беги домой скорей!

Убежала. День прошёл, другой, а с головы нейдёт драчунья: чья девочка? Перебрал всех, кого из детей знал, не угадал. А спросить у кого-то стыдно, скажут — выспрашивает, разговоры пойдут. Потихоньку у матери стал выведывать, кто так бедно живёт, что и лаптей старых нет, дети босые по снегу бегают. Старая завелась, три часа молчала, про кого что знала или слышала. Ничего не понял Пётр. А тут с утра попала бабка Лукерья на глаза: метёт подолом улицу, несётся кому-то на помощь. И как

стукнуло: внучка у неё есть малая, не та ль драчунья? Как-то проходил мимо двора Лукерьи, заглянул во двор, вроде как водицы попросить попить. Выскочила из-под земли девица (хата вполонину под землёй!), глаза вылупила, задыхается, дышать не может.

— Здравствуй, хозяйюшка! Водицы испить дай!

Побежала в хату, а Пётр никак сообразить не может: она, не она? Та, вроде, младше была, худа, оборванна, смотрела зверёнышем, чуть ли не кусалась. И сердце тогда зашло от жалости, всё думал, как помочь бедняжке.

Вышла с водой в ковшике, платком успела укрыть плечи. Платок не новый, но узорный, цветастый, получше старого сарафана. Пил по глоточку, исподтишка оглядывал. Это была та девочка, но куда подевался дикий взгляд? Сейчас смотрит ласково, глаза блестят, скулы высокие в румянце. И повыше будет, и постарше глядит. Поблагодарил и ушёл.

И думать о ней забыл. А мать ныла, всё просила и просила взять в дом Маланью, молодую вдову Иванову, что под лёд зимой ушёл. Душа у Петра к ней не лежала, помнил и любил свою Наташеньку, соловушку-певунью. Рано их поженили, детыми почти, три года жили у матери, пока дом не поставили свой. Жили дружно, справно. Ласковая, смешливая, синеокая Наталья была хорошей хозяйкой. Как забудешь такую? Слова громкого друг другу не сказали, а работали вместе так, что люди дивились, как они под стать друг другу подобрались: жёнка стройная, тоненькая, а в работе не уступала мужу. Братья Натальи родней своих стали, а мать сыном называла. А как родился Ванятка — счастливей на белом свете никого не было, наглядеться не могли друг на друга и на сыночка!

Говорят: счастье — что солнышко, улыбнётся и скроется. Так и вышло. Ушёл Пётр на Волгу с рыбной артелью, весенняя путина самая богатая — рыба сама идёт в руки.

Возвращался довольный — его старшим выбрали с обозом идти, как самого дельного и ловкого. Первый из струга выскочил на берег, искал глазами свою любушку, хотел похвастаться. Тут к нему бабы подбежали, плачут, а Пётр понять ничего не может, оглядывается. Даже когда увидел чёрный обгорелый остов своего дома, и то ничего понять не мог, стоял оглушённый, никого не слышал. Братья обступили, свои и Натальи, что-то говорили, но он не слышал. Пошёл вкруг угольев, окликая Наталью, кричал звал во весь голос! Пытались его остановить, завести к матери, но никто совладать с ним не мог, уходил ото всех... Сына принесли, в руки давали — не брал, отталкивал... Мать в ноги валилась, хваталась за кровиночку — убегал от родной, всё ходил-звал Наталью... Водой холодной окатили — на минуту остановился, посмотрел на люд, страшно так посмотрел, и стал у каждого спрашивать: «Где Наташа?» Народ испугался, стал расходитьсь, а Пётр сел посередь бывшего дома и просидел там целую ночь.

На похоронах был тих, даже улыбался, но молчал. Так промолчал месяц. Старший брат, Герасим, забрал Ваньку к себе, Пётр перешёл в старую избу матери, жил с младшими братьями бок о бок, те его сторожили, следили, как за малым, боялись, что с собой что-то сотворит. На сына не глядел, отворачивался, даже толкал его зло, с того и убрали Ванятку от отца...

Любая рана рубцуется, заживает, любое горе забывается. Отошёл и Пётр. Первым делом забрал сына к себе, стал растить. Разом братья оженились, в один год свадьбы играли, одну — весной, а другую — осенью. Тесно стало в старом доме, отстроили первым делом молодым хатёнку сообща, все помогали, и свои родные, и соседи. Решил Пётр уйти, младшему оставаться надо при матери. Поговорил с роднёй, поклонился людям, помощи попросил, чтоб малый домик возвести. Только на пепелище не пошёл, ближе к яру выбрал высокое место, подальше ото всех. Домик в три оконца,

невысокий, осилили миром в недолгий срок. И стал жить бобылём молодой мужик. Ванятка рос улыбчивым, ласковым. Поначалу было больно узнавать синие глаза Натальины, видеть такой же золотой пушок на тельце, как у любимой. Даже острый носик был у мальчика мамин. И волосом пошёл в мать, только ходил по-отцовски цепко, был рослым не по возрасту. Потом привык, не сравнивал. Разве что кольнёт в сердце, когда Ванятка бежит к нему навстречу, не чуя ног... Тогда и нахлынет: так неслась когда-то милая Наташа...

Пётр вместе с братьями плотничал: пошёл по реке лес для городков, и станице перепало, а с того и дома строить начали многие. Нравился Петру дух лесной, древесный, готов был зарыться в щепу с бородой и дышать дремучим смолистым запахом. Раз стоял Пётр на высоте, видит, девица плывёт, воду несёт, коромысло ходит на плечах... От солнца ли, от работы, но заиграло озорство в мужике, спрыгнул он рысью перед девушкой:

— Дашь напиток?

Та уставилась на него огромными глазами, зарделась маковым цветом:

— Пей, не жалко!

Припал к холодной водице, напился, но ведро отпускать не торопится – узнал внучку Лукерью.

— Пусти! – слегка повела плечами девушка, а сама улыбается. Косы чёрные по высокой груди вниз бегут, губы припухшие, сочные, как вишенка...

— Как звать-то?

— Марьей.

— Как живёшь? Никто не обижает?

— Пусть кто попробует!

— А замуж за меня пойдёшь?

— Пойду!

— Жди сватов!

Вот и весь разговор. Целый день Пётр был сам не свой, смеялся, удивляя товарищей. Вечером пошёл к брату Герасиму, он за отца был у них, сказал, что жениться собирается.

— Тебе жить, Петя, смотри...

— Трудно мне одному, брат.

— Говорят, работница она хорошая. Видел, красавица писаная.

— Больно круто замешена, гордая через край, не гляди, что беднячка: в одном сарафане третий год ходит, заплатка на заплате! – это влезла жена Ивана Татьяна, не утерпела. – За одно слово глаза выцарапает! От капусты пухнет, чужое доедает-донашивает, а сама царицу из себя корчит! Бабка при смерти лежит, какая тут свадьба!

Но Пётр никого уже не слушал, уговорил братьев, по-честному пошли сватать Марью. Успели сыграть свадьбу, а тут бабка Лукерья померла, довольная лежала в гробу, улыбалась будто. Было с чего – внучку определила при жизни за хорошего человека, и ушла, чтобы не мешать молодым.

После свадьбы и узнал Пётр, что полюбила его Марья давно, когда Наталья живая ещё была. А когда он её защитил, то вовсе голову потеряла. И с водой она ходила не зря, просто поначалу он не замечал её, пока не спрыгнул с новых стен прямо к ней под ноги. «Яблочком скатился к ногам!»

Любила Марья пылко, ревнивая была до ужаса, чуть ли не сторожила мужа. Сразу стала хозяйкой, была расторопна, быстра, за Ваняткой глядела хорошо, кормила, одевала, но была строга, требовала порядка, не любила безделья. Завели корову, подняли выше дом, никого не просили, сами управились. Тут она и скинула первый раз, не

доносила ребёнка. И потом не приживались детки, одного за другим относили в маленьких гробиках на кладбище. И ранее строптивая, стала Марья вовсе невыносимой. С самого первого дня не ладила она с золовками и невестками. Не любила она тех баб, кто заглядывался ранее на её мужа, а таких, почитай, полсела. Вот и выйди замуж за красавца! Не понимал её порой Пётр, злился, стыдился. Но любил своенравную жену, жалел её. Любил её в минуты тишины, тогда она была такая тёплая, домашняя, ровная. С возрастом Марья налилась телом, стала ещё краше, ярче. Только страдала, не выдавая себя, о малышах...

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Время было смутное, шаткое, веры никому не было. Стали чуть лучше жить, добро копить, на земле приживаться, так сразу царёвы слуги объявились. Доглядники Наума есаулом прислали, с ним пришёл урядник Василий. Трудно привыкали к новому ловцы, если бы не страх, что сгонят с земли, то не стали бы казаками. Никуда не денешься: в леса уйти, и там найдут. А тут привольно и сытно. Левый берег Волги заливают на много вёрст весной, море цельное, а здесь, на яру, спокойнее. Позади лес, не такой густой и большой, как на Руси, но все ж подкармливает ягодой, греет — дрова оттуда. И татары больше за Волгой водятся, им степь нужна. Говорят, гонят их, в корень изведут скоро. И того страшно: тогда, может, хозяева прежние придут, назад под ярмо поведут. Это молодым не понять, что на свободе родились и выросли, а старики помнят бояр, рассказывают про неволю, но не слушает молодёжь эти басни. Им бы только от басурман отгородиться, а про другое и думок нет. И по станице делёж пошёл — кто богаче, кто бедней. Покуда мир стариков слушает — беды не жди, всё по правде судится. А дальше что?

Пришла весть о Казани. Есаул собрал казаков и объявил о победе царя-батюшки. Так и сказал:

— С Божьей помощью царь-батюшка разгромил Казанское царство.

Все дружно лбы перекрестили, переминаются с ноги на ногу, ждут, что далее скажет: не зря ж согнали в горячую пору. А о Казани знали раньше, на сенокос ещё не пошли, как с обозом пришла весть. Много говорили промеж собой: не знаешь, как обернётся, чего теперь ждать. Может, уведут всех в Казань, басурман толочь, веру наводить.

А какие они казаки — два раза в поход выходили, кругом обошли степь и пришли назад. Как засеки ставить или городки строить, так сразу к ним, отрывают от Волги, от работы, от семьи... А ранее как было! Сам себе хозяин! Так стояли старые, а молодые галдели радостно, им тесно сидеть за стенами, хочется погулять. Вон двое таких мальцов оторвались от обоза, в стрельцы подались: посулили им одежду красную, службу славную, деньги золотую. Знают старые, где много посула, там нет проку, ведь недаром говорят: посулил боярин шубу, да не дал: ин слово его тепло. Помнили старики ласку боярскую...

Есаул не говорлив, косноязычен, порой и не поймёшь, чего хочет сказать. Порублен насквозь, с того и медлителен. На коне — молодец, а как на землю ступит, так и смотреть на него тошно. Другое дело Василий: орлом глядит, на коне — птицей летит, запоёт — душа обрывается... И говорит толково, дельно. За ним и шли. А есаул так себе, саблей только гремит. Его по имени никто не звал.

А есаулу самому тошно среди ловцов. Какие они казаки? Смех один! Им бы только с бабами возиться да рыбу ловить. Сказано было: коня держать для службы, не для

работы, а они их в обозы ставят, телегой загоняют. Ни оружия толкового, ни коня... Одно слово — ловцы! Но нашёл здесь свой угол старый есаул, женился, детвора народилась. Просит его мир церковь поставить, дело ли — везти попа из-за лесу, в один день отпевать, крестить и венчать, покуда он здесь. Раньше махнул бы рукой, не стал бы даже слушать, а теперь понимает: своих малых окрестить надо.

— Такое дело, казаки: идти нам в поход.

— Кому идти? На кого? Когда?

— Воевать будем.

— Да ты толком скажи — кому идти, когда?

Выскочил Василий, ясноглазый, волос золотой, кудрявый, борода пушистая. Недаром, бабы его так любят.

— Казаки! Был такой приказ — готовиться к походу на Астрахань. Я с охотниками поеду в городок, там нам объявят — когда, кому идти. Коней освободите от работ, подкормите. В Астрахани татар тьма-тьмушая, если они на нас навалятся — как песком засыпят, никого тут не останется. Потому решил царь-батюшка гнездо ихнее разорить, как Казань разорил. Вы думаете — тут воля вольная, хлеб задаром дают, лови себе рыбу да бабу по ночам тискай? Покуда не сгоним всех басурман — нет вам никакой воли, и покоя нет! Хотите, чтобы ваших жён и детушек на аркане увели в чужую землю? Вы здесь в углу сидите сиднем и не знаете, сколько христиан маётся в плену! Пальцы рубят, носы, уши режут, измываются как над скотиной... Видел я убежавших из плена, сердце кровью обливается, как их послушаешь. Да что я говорю? Сами все знаете. Кто охотник со мной в городок пойти?

Вызвались на такое дело пятеро мужиков, но Василий выделил Степана, Петра, его младшего брата Семёна. С одной семьи брать сразу двоих не положено, но они сами вызвались, потому и взял. Не на войну идут, можно.

— А когда же церковь ставить будем? Обговорено же было!

Опять заместо есаула подскочил Василий:

— Мы и про церковь не забыли. Только вот что: зарится на ваш промысел монастырь. Спасибо скажите, что в казаки взяли, иначе быть бы вам монастырскими.

На том и разошлись. После и бабий сход у берега собрался, они стали рядить новый указ...

Известное дело — рыбаки за рыбой ходят, а бабы рыбу обиходят. Крупную солили сразу под корень, какую — льдом из ледника заваливали, какую — коптили. Визигу добывали из стерляди сушить, а саму рыбу разделявали на посол. Такую работу мужики женщинам не доверяли, сами возились. Остальную рыбу — бабам. Детки помогали: мальчики плели из ивовых веток корзинки глубокие, в них кидалась рыба, которую держали в воде живой. Солили воблу в корытах, потом нанизывали её на прутики и сушили. Клей вываривался тут же, на берегу. Жир из сельди и внутренности крупной рыбы собирали девочки, топили всё это в котле и переливали в крынки. За длинным столом стояли женщины, чистили и потрошили леща, шуку, краснопёрку, жереха, судака.

Каждому находилась работа: кто убирает отходы, кто распутывает снасти...Всё чаще мужиков отрывать стали от реки, вот опять: после схода пошли лошадей собирать.

— И что ж теперь будет? Ни коней, ни мужей, сами в реку полезем? — начала разговор Марфа.

— Ты погоди, пока никто не ушёл, может, отменят указ-то. И здесь кордон нужен! — подхватила разговор осторожная Катеринка. Она была самая спокойная из баб.

— А мы поглядим: одних в поход сошлют, а кто и здесь останется! — это Степанида, родня Марьи. Злится, что её Семён вызвался с Василием идти. Она на сносях, скоро рожать, а муж убегает из дому.

— А ты Маланью попроси, она Семёна вызволит, к твоей юбке приставит! — голос Марьи невысок, звучен, говорит, как песню поёт, но сколько яда в сладкой речи!

— У кого это я просить буду за Семёна? У Бога, что ль? — Маланья почти орёт, перекрывая бабьи смешки.

— Сама знаешь у кого, не мне указывать, — спокойно отвечает Марья. Она чистит рыбу одним взмахом, чешуя так и летит монетами из-под рук.

— Нет, ты скажи, отчаю я за казаков решаю? — Маланья глупа, лучше бы промолчала.

— Кабы я, как ты, есаулу бока грела, то я бы указы чинила!

— Ах, ты стерва! Это ты за Петю наговариваешь, никак не забудешь, что я с ним спала-жила? Он-то помнит, поди, как любили жарко! Кабы не его мать, так и жили бы! — Маланья знает, какое больное место у Марьи: та век не забудет, как жила Маланья одно лето у Петра, покуда он не выгнал её из дому.

— Господи! Нашла чем хвалиться! Да тебя сорок мужиков по селу знает и помнит, как жарко любилась! Один утоп с горя за твою голову! — Марья пока только распалается, это только начало. Бабы про рыбу забыли, рты разинули, ждут, что будет дальше. Марья тоже отставила работу:

— Мать вас развела! Дитя чуть с голоду не уморила, по дворам шаталась, хвостом вертела, с того и полетела!

— А ты лучше?! Ты ли Ваньке мамкой стала? Хворостина его мамка, живого места на сиротинке нет, знают все про твою заботу!

— Тебе и гонять некого, сказывала Соловьяха, как ты в девках нагуленного изводила, чуть не сдохла от отравы! С того и детей тебе всей ватагой мужики наделать не могут!

— От твоей злобы дети твои в пузе ядом травятся! Скажешь, неправда?

— Укороти язык, пока не отрезала вот этим ножом!

Хорошо что стояли врозь на разных углах стола, иначе достала бы Марья за такие слова ножом Маланью. Та не унималась:

— Бог своих не даёт, так нехристя приняла! Сама басурманка, вот те и чёртово отродье в дом!

Вот это уже стерпеть Марья не могла, пошла в обход стола к обидчице с ножом в руках. А та и ждать не стала, с визгом полетела по берегу, орала:

— Спасите, режут!

На берегу свалены снасти, мерёжи, всякое рыбацкое барахло. Вот и наступила босыми ногами на старые весла Маланья, споткнулась и полетела, легла носом в песок, подол задрался, срам весь открылся народу. Встать не может, запуталась руками в обрывках сети, барахтается. Марья и бегать за обидчицей не думала, упёрлась руками в бока и давай со всеми вместе хохотать над Маланьей.

— Есаула зовите, скажите, Маланья ждёт готовая, раздевать не надо, только от песка отряхнуть. — И добавила два слова, одно из которых стало навсегда прозвищем Маланьи. — Береговая...

По старости Маланья даже откликаться стала на «береговую»... Вот так закончился бабий сход.

Среди детворы на берегу была и Анюта-басурманка. Подружка у неё завелась, Настёнка, заходила к ним домой, звала играть. Анька улыбается, кивает головой, но не идёт. А тут и спрашивать Настеньку не стала, взяла за руку и повела

к берегу. Затерялась среди ребятни новенькая: в платочке, в сарафанчике, помогает старшим. Запах рыбный для девочки дурной, но терпит, старается. Когда схватились Марья с Маланьей, она неподалёку была, понимать не понимала, но смотрела во все глаза. И когда полетела худая злая Маланья по берегу и упала, то такой смех на неё напал, что остановиться не могла. Босая, с грязными руками Аня впервые причастилась счастливым смехом к новой жизни: к тревожному запаху реки, к спящей водной глади, переходящей в небо и восходящей до самого солнца, золотому тёплому песку под ногами, к весёлым голосам ранее чужих людей.

К осени Аня кое-как различала слова, а где не поймёт, там догадается. Ваня учил её: «трава», а она — «тиава», он — «курица», а она — «кулити», он «догоняй!», а Аня — «дагани!» Как малое дитё! А она стесняется: в степи девочки даже с братьями не разговаривают, стыдно с мальчиками общаться, имена отцов и братьев нельзя вслух говорить, тоже стыдно. Поэтому радуется подружке Настеньке, бежит за ней повсюду, схватывает слова, повторяет про себя.

Марье грех жаловаться: по дому девка помогает, по огороду ползает, траву выбиравает, смышлёная, а всё одно душа к ней не лежит. Да одеть-обуть к зиме надо, помнит по себе, как это — до весны из дома не выходить.

Василий с охотниками вернулся скоренько: никуда казаков не послали, по весне будут собирать поход. Ватага готовится к осенней путине, чистят ледники под зиму, бьют новые корыта, сараи пристраивают на берегу. А себе сено завезти надо — скоро дожди, и хлев утеплить пора — Пеструшка стельная... Нет мужика дома! Спасибо, что хоть ночевать приходит! Марья бушует с обиды: овец стричь надо, чистить овчарню надо, бочки для засола прохудились, а мужёнок где-то бегаёт. Хорошо, что Ваня слушается, под рукой всегда. И в лес дети за грибами ходят.

Аня никогда не была в лесу, ходила несколько раз с Фатимой в заросли тамариска, и там всего боялась. Степь ровная, на десятки вёрст виден каждый бугор, тропки разбегаются, как нитки от разодранного клубка пряжи, прячутся под кочками юркие ящерицы, выползают на солнце змеи, похожие на камчу... Бежит-переливается ковыль, и душа летит вдаль...

Здешний лес редкий, не широкий. Вдоль Волги толпились сосенки, а дальше шёл чистый молодой березняк. Дети с радостью бежали за грибами, аукаясь и перекликаясь, уходили вглубь. Ванятка любил, как и отец, лесной дух, любил деревья. Он и думать забыл про названную сестрицу, заскочил сам в лесок и пропал. А Аня боится идти дальше, пугает её сумрак, звуки, густая трава под ногами. Чуть прошла подалее, как наверху что-то застрекотало-зашумело! Испуганная девочка метнулась назад, села на корточки и зарыдала. Тут и напала на неё дикая тоска, скрутила все жилочки её маленького тела... И только здесь, на краю страшного леса Аня вдруг поняла и испугалась, что никогда не увидит бабушку, мать, отца, никогда не обнимет своих родных... Всё, что упорно закрывала от себя самой, вдруг вырвалось в горестный плач. Как воют щенята по убитой матери волчице, так и Мариам завывала тоненько и визгливо...

Очнувшись оттого, что кто-то поднимал её с земли и кричал в лицо: «Замолчи, Аня!» Приходя в себя, она увидела синие испуганные Ванины глаза. Холщовая вытертая рубаха болталась на худом теле, белые брови поднялись домиком под загорелым высоким лбом, но стоял он, крепко расставив ноги, готовый ринуться на каждого, кто обидит Аню. И она уткнулась головой неловко ему под правое плечо, изредка вздрагивая от всхлипываний.

- Полно тебе, Анята, полно! Чего испугалась, леса?
- Да!

— Не бойсь, Аня, в лесу не страшно, я больше тебя не брошу одну.

— Да.

— Пойдёшь со мною, не забоишься?

— Да!

— Заладила — да-да. Пошли, кукушка! — засмеялся Вася, а сам сдвинуться с места не мог: ноги будто приросли к земле. И Аня застыла, вдыхая незнакомый запах крепкого мальчишеского тела, и стало ей спокойно. С той минуты она знала, что нашла надёжную защиту. Постояли немного, а потом смущённо отодвинулись друг от друга.

— Ладно, сиди тут, никуда не уходи, я сейчас грибы наберу и вернусь. — Ваня дополнил движением рук своё предложение.

— Да! Да! — радостно закивала Аня.

Потом уж, с другого дня, начал Ваня потихоньку приучать Аню к лесу, учить её не бояться звуков, не теряться среди деревьев, находить грибы. Даже полынь однажды нашли среди трав, Анечка тогда так обрадовалась, смеялась, счастливая, словно родню встретила.

А когда лес загорелся осенним цветом, то Аня сама стала бегать туда любоваться небывалым золотом. Как заворожённая стояла девочка, вглядываясь в переливы яркого разноцветья.

Завелись и кроме Настеньки подружки, вместе с ними ходила Аня собирать грибы, а вечерами играть в прятки. Иногда вместо Марьи она доила Пеструшку, это доставляло ей большое удовольствие. Забываясь под плеск молока, она переносилась в родной аул, но от прежней боли ничего не осталось, хотелось только знать: живы ли дорогие ей люди.

Уже не тошнило её от рыбного духа, она научилась жевать кислый тёмный хлеб, есть капусту, репу. Грибы она полюбила, хотя это тоже была непривычная пища. Навсегда со словами «лес», «грибы» связалась память сердца — тонкое мальчишеское плечо, готовое укрыть её от всех бед.

На Покрова освятили небольшую церковь. Батюшка приехал с семьёй, он был свойский, раньше часто бывал в Крутом яре. Всем радость, а одной Марье — беда. Соврала она, что девочка крещённая, что крестик при ней нашла. Забыли все про то, а Марья маялась. Хотела сама крест Ане повесить, потом очнулась: нельзя, грех большой! Решилась пойти тайком к попу посоветоваться, открыться, а всё не решалась. Как назло, никто не объявлялся, не искал басурманку, видать, навсегда она останется здесь.

Анька пришлась по сердцу многим своей милой застенчивостью, открытой улыбкой, трудолюбием. Жалели её даже самые жестокосердные бабы: сирота, на руках у злючки Марьи — кому такое пожелаешь?

Девочка ещё не могла связно разговаривать, поэтому её никто о прошлом не пытал. В зиму затих Крутой яр, затаился под снегами. Жизнь копошилась в избах, в хлевах, топтали ловцы реку, искали подо льдом щуку. Мальчишки не боялись мороза, ходили кататься с яра на санях.

В детстве много болевшая, Аня не помнила зим, она почти никогда не выходила на улицу. Зимовали ногайцы в мазанках, саманных домах. Полы были устланы тёмными кошмами, стелился невысокий деревянный настил — тактанбит — на дальней половине помещения. Очаг располагался посередине, топили по-чёрному. Бабушка укутывала внучку в шерстяные одеяла, берегла её от стужи. Заставляла пить горячее молоко с растопленным маслом.

То ли выросла Аня и окрепла, то ли оттого, что её никто не нежил, но за всю крутоярскую зиму ни разу она не заболела. Не поверила бы любимая анэ, что её

разнесчастная больная внучка выходит на крепкий мороз и играет в снегу! Ходила Аня в лес вместе с Васей, тащили они на санях оттуда хворост.

Пётр, водворив в свою семью найдёнку, казалось, больше не заботился о ней. По горячим словам Марьи выходило, что муж навязал ей нехристь, а сам в ус не дуёт. Но Пётр не был таким бездушным, его всё чаще раздражала бессердечность жены, поэтому он уходил из дому, отпрашивался в дальние поездки. Ваня рассказывал ему про успехи Ани, когда они возились с отцом по хозяйству, заступался за мачеху, говоря, что она не сильно притесняет сестрицу...

Весна пришла бурная, быстрая, смела снег отовсюду, только лёд задержался на реке. Рыбаки маялись на берегу: на лёд не выйти — провалишься, и воды нет. Подъели весь хлеб, засол капустный и грибной, рыбу мороженую оттаивали, ели солонину. Иногда курицу на лапшу рубили. На мясоед стали овечек резать. Праздновал народ, жгли куклу тряпичную — зиму-зимушку провожали, катали колесо огненное. И накликали весну, задобрили солнышко! И Волга грохотом и треском объявила о своей свободе, понеслась гнать глыбы льда от себя. Несколько ночей Анечка спать не могла от треска и шума, засыпала на минуты, и сны в это время снились ей ужасные. Чаще всего несла её лошадь от страшной битвы в неведомую даль, опять кричала «Анэ!» несчастная девочка, опять падала с высоты на кровавую траву...

Но затихла взбунтовавшаяся река, задышала свежестью на всю округу. Отощавшая скотина рвалась на первую травку: детвора стала пасти овечек на лугу, коровы пошли в стадо, телят привязывали к кольшкам. Пеструшка отелилась зимой, пёстренькая Рябина паслась у дома. Вынесли из дома на солнышко домашнее тряпье, сушили и выветривали. Бабы стирку большую затеяли, носили полоскать на реку. Убিরались и дома, и во дворе, готовились к пасхе. Праздничное оживление захватило всех, старухи выползали на белый свет, стали копошиться на огородах. Мужики пропадали с утра на Волге, благо, за рыбой не надо весной ходить далеко, она шла косяком. Лёд запасён в ледниках, соль завезена с осени, вozy готовы для поклажи. Торопились, боялись приказа. Гаркнет есаул Наум «Идти в поход!», и пропала тогда вся рыбалка. Но молчал есаул, и казаки успокоились.

Все веселятся, одна Марья охает. Поправилась она за зиму, потяжелела, подурнела с лица, чаще уставать стала. Аня первая смекнула — ребёнка она ждёт. Вспомнила мать перед рождением брата Юсуфа, она так же ходила, переваливаясь. Стала Аня жалеть женщину, лезла вперёд делать всю домашнюю работу.

Марья непривычно молчала, затаилась. Лучше бы кричала по-прежнему, как раньше. Аня ничего не знала про не выживших детей, пока кто-то из подружек не поделился с ней. Девочка уже хорошо понимала речь, хотя сама объяснялась с трудом.

Оттого Марья ходила подавленная, что не верила в чудо, заранее прощалась с не родившимся ребёнком. И Пётр, когда сам увидел тяжёлую жену (молчала Марья, даже мужу не сказала), тоже впал в тоску. Один Ваня ничего не замечал. Однажды Марья взялась за деревянные вёдра, чтобы пойти за водой, а Аня толкнула Ваню: «Возьми, мол, сходи за водой!». Пасынок не торопился помочь мачехе. Тогда Аня глазами указала на живот Марьин. Ванятка всё разом понял, вспыхнул весь, вырвал вёдра и убежал за водой. С тех пор оберегали детки Марью от работы. Огород пришлось сажать самим, бабка помогла — указывала, что делать. Корову доила Аня, отгонял Ваня, а Марья бесцельно бродила по дому с опустевшими глазами. Ела она плохо. Однажды ночью Анечка проснулась от стонов. Марья металась на постели, трудно дышала. Пётр с Ваней на ночь ушли на остров, с утра артель готовилась брать сазана. Девочка присела на постели, взяла за голову несчастную женщину, положила её себе на колени, и стала гладить по спутанным волосам, тихонько напевая заунывную песню. Марья

подчинилась голосу, затихла. Долго сидела Аня, успокаивая роженицу. Почему-то она не боялась, словно знала весь обряд. Тихонько отойдя от постели, она быстро развела огонь, поставила воду, вытащила из угла старые сарафаны, тряпье. Дождалась, пока женщину опять скрутит боль, на этот раз держала за руку, шептала ласковые слова на ногайском языке. Когда Марья ещё раз затихла, Аня выскочила из дома и понеслась к бабке Соловяхе. Ждать не стала, пока старуха соберётся, побежала назад.

Вовремя прибежала: Марья выла, выталкивая ребёнка. Аня метнулась к ней под ноги, успела выхватить скользкий комочек, отхватила зубами пуповину, завернула ребёнка в тряпье, и тут ребёнок закричал у неё на руках. Как, откуда она знала, что делать при родах, Аня и сама понять не могла. Когда доковыляла Соловяха, Марья лежала спокойная, послед уже был в лоханке, ребёнок пищал на руках у басурманки.

Дальше пошло как надо. Когда под вечер вернулись мужчины, дома было всё прибрано, Марья тихо лежала под лоскутным одеялом у печки, а в люльке спал запелёнатый ребёнок. Пётр замер у двери, не зная — радоваться или печалиться. А Ваня заулыбался, разглядывая малютку.

— Кто? Мальчик?

— Девочка... — выдохнула Марья.

Ребёнок родился маленький и слабенький, не кричал, много спал. Марья кормила малыша грудью, отворачиваясь от него. Она решила не привязываться к дочери, думая, что и она не выживет, как её братья и сёстры. Покормив малыша, уходила хлопотать по хозяйству.

Теперь Марья делала всю работу, а Аня, как привязанная сидела над люлькой. Нянька укачивала, пеленала, стирала бельё, спала рядом с малышкой, прислушиваясь к её слабому дыханию. Молока у Марьи было много, текло ручьём, но сосала девочка плохо. Мать оттого злилась, а вскоре у неё пропало молоко. Тогда Марья вовсе отставила ребёнка от себя. Казалось, она ждала неизбежного, молча, с видимым безразличием. Пётр уходил из дома, боясь не совладать с собой. Анечка придумала кормить девочку через тряпочку молоком, она помнила: так поступали молодые матери в ауле. Шли дни, а ребёнок и не думал оставлять этот мир, стал улыбаться, гугукать. Наступило лето, днём уже было жарко, Аня иногда выносила младенца на руках на улицу.

— Имени у дитя нет! — шептались бабы.

— С ума сошла Марья, на руки не берёт родного ребёнка! — удивлялись люди.

Однажды Марья подошла к люльке и долго разглядывала дочь. У неё были светлые глаза, пухлые губки, пушистые русые волосы. «На Петю похожа!» — с нежностью подумала Марья. Долго не решалась взять дитя на руки, будто стыдилась за своё прежнее безразличие. Подошла Аня, подняла малютку и просто переложила её на руки матери и отошла в сторону. У Марьи брызнули слёзы, она склонилась к ребёнку, унюхала молочный детский запах и задохнулась от любви и нежности.

С тех пор Дарьюшку стали нянчить вперемежку. Словно солнце впорхнуло в дом, так стало светло и тепло. Марья ворковала над дочерью неустанно, Пётр боялся брать её на руки, смотрел издали и радовался. Ваня любил разглядывать сестричку. Анечка в душе всех ревновала к малышке, которую считала своей, но никому не мешала нянчиться. Вскоре окрестили Дашеньку, взяв в крёстные Настеньку и Семёна.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Приснился сон старухе. Утром она стала по кусочкам собирать его в памяти. Сидела косматой медведицей на постели и перебирала в уме частички приснившегося.

Сначала вспомнила: кто-то догонял, а она убегала. Потом вспомнила, как трудно было передвигать ноги во сне, они были тяжелы, как в колодках. Вспомнила дикий страх в какой-то тесной круговерти — шумят вокруг невидимые существа, трогают горячими руками. Сердце бы остановилось от такого ужаса, если бы вдруг она во сне не поняла — это маленькая Мариам ищет её в темноте, обнимает горячими руками... Дальше вспоминает: укутывает она маленькое тело в какие-то меха и несёт, чтобы показать всем, что нашлась пропажа, выходит на яркий свет, кричит: «Смотрите, вот она, Мариам!», но вдруг видит, что руки пустые...

Потекли слёзы по тёмному лицу, привычно заняло сердце. Целый год не снилась внучка, а сегодня, в годовщину, напомнила о себе. Чтобы не терзать себя понапрасну, запретила когда-то плакать по любимице, и всем другим женщинам велела не оплакивать Мариам, не причислять её к мёртвым. Сегодня можно позволить себе быть слабой, сегодня прошёл год с того чёрного дня.

Никогда степные племена не нападают на врагов во время свадебного кочевья, во время праздников. Харам! Какое бы зло ни лежало между родами, какая бы вражда ни кипела между людьми, свадебный караван проходит свободно по любым землям. Так заведено.

Солнце в тот день было огненно острым, словно тысяча горячих угольков. В предвкушении большого праздника никто не жаловался на палящий зной. Встречных всадников даже самые опытные воины приняли за новых родственников. Только когда засверкали мечи, стало ясно: это нападение. Бекбулат-мурза, опытный вожак, окружил маленький караван джигитами, поэтому враг не застал их врасплох. Оттеснив женщин назад, джигиты встретили налетевший отряд мощным ударом. Завязалась короткая битва, бандиты, растеряв в рукопашной дюжину людей, кинулись назад. Многих из них притащили ногайцы-батыры на аркане назад, остальные скрылись. Несколько раненых было среди бойцов Бекбулата, троим воинам закрыли глаза навсегда. Мир праху погибших.

Отбившийся от своей орды отряд степняков шёл в свои земли. Посчитав свадебный караван лёгкой добычей, решились злодеи поживиться добром, ограбив мирных людей. Но они просчитались, и теперь их тела растерзают степные волки, выключат им глаза голодные птицы. Собакам — собачья смерть!

Люди повернули назад, в свой аул, послав вестников к сватам. Стали готовиться к погребению погибших, детей всех согнали в одну юрту, чтобы не мешались под ногами. Джамия-бике, мать Бекбулата, по праву старшинства, руководила женщинами...

Только поздно вечером, не дождавшись внучку, послала за ней няньку. Глупая женщина вернулась с вестью, что среди детей Мариам нет.

— Значит, мать её забрала к себе! Вспомнила, что мать! Ладно, пусть ночует у неё, завтра придёт сама. — И, усталая от кошмара и забот, старуха провалилась в сон.

Наутро, соскучившись по внучке, перед похоронным обрядом велела няньке привести Мариам от матери. Но, не дождавшись, ушла оплакивать ушедших. Вечером опять послала за внучкой, но нянька вернулась одна. Даже тогда не подумала о худшем, решила, что девочка заигралась с детьми. Но вдруг ей пришло на ум, что Мариам не переодевалась, её обычная одежда лежала на сундуке. Не могла же она второй день ходить в праздничной одежде! Вот тут в первый раз заняло сердце. Бабушка до сих пор думала, что Мариам находилась рядом с матерью во время нападения, а потом с детьми сидела в дальней юрте, а ночевать ушла к родителям. Еле передвигая тяжёлые ноги, с великим трудом добралась старуха до белой юрты, распахнула цветной полог на входе и, задыхаясь, выкрикнула:

— Где она?

— Кто, матушка? Кого вы ищете? — нежный голос невестки сказал правду: она не знала, где собственная дочь.

Туман беспамятства спас разум от безумия... Когда пришла в себя, то знала наверняка — Мариам не найдут. Пустили весть по великой степи об исчезновении младшей дочери Бекбулата, но никто не откликнулся, не пришёл за суюнчи¹. Одарили бы даже тех, кто принёс косточки для погребения, но и в этом отказал страдающим Аллах.

Знала за собой великую вину мать мурзы: если бы не отогнала от матери ребёнка, то не затерялась бы кровиночка в знойном мареве беспощадного дня. Смирила гордость, поползла на коленях по алому узору белой кошмы к невестке просить прощения. Валялись две женщины, старая и молодая, воя от горя на белой кошме. Изнемогая от боли, встала первой старшая, поднялась и сказала:

— Грех оплакивать не умершую. Не будем поминать, не будем хоронить, не будем больше плакать. Я буду жить до того времени, пока она не переступит родной порог, тогда только умру, если даже придётся ждать вечность. Она вернётся, наша Мариам.

И пошло время. Старуха заставляла верить себя, что внучка живёт среди других, что она жива. Целый год прошёл, целый год! Долгая жизнь, наполненная потерями, научила быть терпеливой. Старая ногайка верила в чудо. И сон был вестью — Мариам жива, она вернётся!

Прошлой осенью пришла ещё одна дурная новость: урусы взяли Казань. Далёкое ханство жило своей жизнью, но существовала кровная связь между татарскими ханами и ногайцами. Старший брат ногайского бия Исмаила, Юсуф-бий, был отцом прекрасной Сююмбике, казанской царицы. Её, ногайскую княжну, выдали в двенадцать лет сначала за правителя Казани хана Джан-Али, которому было всего семнадцать лет. Это был несчастный брак для девушки, муж её не любил. Сююмбике просилась назад к отцу, в ногайские степи. Неизвестно, как обернулась бы её судьба, но через несколько лет Джан-Али был убит во время дворцового переворота. Молодая вдова вторично вышла замуж за родного брата покойного мужа, за хана Сафа-Гирея, захватившего престол, стала его пятой женой. Это брак был счастливым для обоих супругов, они очень любили друг друга, у них родился сын Утямыш-Гирей, наследник хана. Три года назад хан Сафа-Гирей, правитель Казани, внезапно умер: поскользнулся в бане и смертельно ударился виском о каменные ступени. Безутешная Сююмбике стала править от имени сына Казанью. Она прославилась не только своей дивной красотой, но и умом и добротой. Во время своего правления она освободила от тяжёлых пошлин крестьян, торговцев и ремесленников, за что её прозвали «крестьянской царицей». Любили её подданные и за благонравие: Сююмбике жертвовала деньги на строительство мечетей, подарила много книг учёным Казани.

Вести о казанских событиях, о жизни Сююмбике ветром разносились по Ногайской степи. Родичи гордились своей дочерью. Именно брат казанской царицы Али-Акрам прислал сватов за Мадиной, дочерью Бекбулата. Сююмбике хотела видеть рядом с собой ногайских красавиц. Прав был Бекбулат, гордясь таким родством, — Али-Акрам, родной брат царицы, сын Юсуф-бия, племянник Исмаил-бия, взял в жёны старшему своему сыну его дочь Мадину, которой было всего пятнадцать лет. Но не прошло и года после её замужества, как пало Казанское ханство.

В ожидании вестей ногайцы ничего не предпринимали. У мурзы Бекбулата угасала последняя надежда на крепкий тыл в лице новых родственников. Исмаил-бий, под крылом которого ходил Бекбулат-мурза, дружил с русским царём, а его старший брат Юсуф-бий всю жизнь сопротивлялся русским. Не была лада в большой ногайской степи...

¹ Суюнчи — вознаграждение.

Пришли утешительные вести: Сююмбике жива, царь Иван забрал её с сыном в Москву, держит в большом почёте. Мадина с мужем остались в Казани, её свёкор Али-Акрам стал правителем Казани.

Юсуф-бий считал пленением жизнь дочери Сююмбике в Московии. Он сговаривался с астраханскими ханами о борьбе с Москвой, послал свои отряды для подмоги, услышав о походе русских к низовьям Волги.

Кончилось мирное время! Что значит судьба потерянной маленькой девочки рядом с судьбами народов? Чёрный вихрь начал своё кружение по бескрайнему Дикому полю, поднимая древний прах павших в кровавых битвах воинов! Говорят, что неоплаканные души не находят себе покоя в иных мирах: это их тени дрожат над сухой степью в гулкой тёмный час перед грозой... Это их мольба перемешивается с воем голодных волков... Это их стон рождает первый виток смертоносного чёрного вихря, вихря войны, вихря беды... Плачьте, женщины, плачьте, матери, плачьте, дочери, над телом убитого воина! Передайте с молитвой его имя в вечное забвенье! Не поднимайте, путники, пыль праха на забытых дорогах древнего побоища! Тогда им останется воевать в своих вечных снах в другом мире...

Неожиданно к родным вернулась Мадина. В Казани было беспокойно, шла постоянная перемена властителей. Али-Акрам крепко держался за власть, но очень боялся измены. Оставив рядом с собой старшего сына, он отослал невестку в Ногайские степи, желая сохранить её жизнь. Но говорили, что он, молодой ещё мужчина, был равнодушен к красоте невестки и, чтобы не искушать себя, вернул Мадину на время отцу. И предлог был удачен: в обычае ногайцев рождение первенца в родной семье невестки.

Станным образом изменило раннее замужество прежде слишком гордую девушку: робко вошла она в отчий дом, горько плакала по младшей сестре, ласково обнимала близких. Тёмное облако страха поселилось в глубине её карих глаз. Был ли это страх перед первыми родами, или это был не угасший ужас вчерашней казанской войны? Спрашивать Мадину никто не стал, её окружили любовью и заботой. В кованых сундуках выгрузили сопровождающие великое богатство: так оплачивал казанский правитель содержание своей невестки в её собственной семье. Гордый мурза не стал даже открывать сундуки, велел оставить их дочери. Узнав о приезде сестры, примчалась Фатима. Соскочив с коня, не поздоровавшись, как положено, со старшими, Фатима забежала в новую юрту сестры. Как изменил всего лишь год обеих! Бледная Мадина всё время перебирала тонкими пальцами бахрому на маленьком коврикe, свисавшем с сундука. Даже радость от встречи не могла оживить её глаза. Фатима не узнавала её! А сама она, в отличие от сестры, лучилась счастьем. Уверенная в себе, прибравшая к рукам не только мужа, но и весь небольшой род, Фатима стала намного привлекательнее. Конечно, она не побелела, глаза не стали шире, но она стала женственней, мягче.

Погостив несколько дней у отца, «мангытка», как её в шутку называли родные, ускакала к новой семье. Бабушка была довольна второй внучкой, нравилась она ей теперь своей деловитостью. Только рожать, похоже, Фатима пока не собиралась.

— Кого она может родить? Только жеребёнка! Вечно скачет на коне, джигит в юбке! Неугомонная! Куда её старый мангыт смотрит?

К холодам наступило время родов. Успели откочевать на зимнее стойбище, пока не зарядили дожди. После пропажи внучки старая бабушка всё реже командовала, уступая невестке управление женщинами. Галимэ, несмотря на тихий вид, оказалась хорошей хозяйкой. Недаром свекровь сразу подозревала в ней сильную волю. И на самом деле, Бекбулат слушался своей жены, которая незаметно управляла им. Да, она

была очень несчастна оттого, что вышла за нелюбимого, некрасивого хромого мурзу. Сердце её принадлежало сыну Исмаила-бия, но он оказался неспособным бороться за свою любовь. Со временем она полюбила своего мужа, он стал её защитой и опорой.

Желание родить наследника, чтобы упрочить своё положение и задобрить свекровь, заставило сделать Галимэ непоправимую ошибку. Вина перед собственным ребёнком тяготила её всю жизнь. Говорят, что нельзя любить по-разному своих детей, все они одинаково любимы. Это неправда! Она бы отдала всё на свете, если бы смогла прижать Мариам к сердцу.

Готовясь стать бабушкой, Галимэ хлопотала вовсю: надо было всё предусмотреть, чтобы ничего не упустить. Как всегда, всё началось неожиданно, немного раньше ожидаемого срока. Мадина на удивление быстро родила крохотную девочку. Отправив радостную весть в Казань (хотя там очень ждали мальчика), стали готовиться к обряду имянаречения. Думали, что скоро Мадина вернётся к мужу в Казань. Сама она повеселела, похорошела, пополнила.

Стали съезжаться знатные гости из других родов: как-никак предстояло имянаречение внучки казанского правителя! Для гостей поставили тёплые юрты. Хорошо, что ударили первые морозы, и земля немного подсохла. Узнав о предстоящем пиршестве, поспешили к аулу музыканты. Много новых песен сложено ими, много побед прославлено под кабыз. Только старая Джамия-бике, мать мурзы, не знала в эти дни покоя. Как замороченная, она твердила про себя:

— Прогневали мы Аллаха, любой наш праздник приносит горе. Арслан погиб перед свадьбой, Мариам первый раз потерялась при сватовстве, после свадьбы Фатимы вихрь унёс моего верблюжонка! Не карай нас больше, Аллах, дай осушить глаза от слёз!

Не ошиблась старуха: дали имя Саня маленькой княжне, два дня гуляли гости, не успели разъехаться все, как на третий день пришла весть о смерти зятя, мужа Мадины. Не отпустил его отец на встречу с женой и ребёнком, вспылит сын, сам решил уйти, а за крепостной чертой пристрелила его чернь. Осталась маленькая черноглазая девочка, крепко цепляющаяся за жизнь, без отца. Суждено будет Санье пережить всех врагов отца и деда.

Вскоре после гибели сына Акрам-Али потребовал возвращения Мадины в Казань. По закону он имел право распоряжаться судьбой невестки. Но так как она уже находилась у своего отца на момент вдовства, то она сама должна была решить: оставаться в отчем доме или возвращаться к родственникам мужа. Ногайцы никогда не были фанатиками в вопросах веры, часто споры решались по договорённости.

Мурза ни разу не заходил к старшей дочери. Ей отвели отдельный домик, который топился по специальным глиняным трубам, скрытым в стенах, — по ним шёл горячий воздух из печей. Яркие пушистые ковры закрывали все полы и стены. Деревянные лавки для отдыха тоже были закрыты мягкими перинами и коврами. Сундуки стояли в ряд у задней стены. Люлька была укрыта шёлковыми тканями. Две прислужницы, молоденькие девушки, готовы были выполнить любое желание Мадины. На низком столике, укрытом плотной парчовой скатертью с золотым рисунком, стояли чеканные серебряные блюда с сушёными фруктами, с халвой, кувшины с щербетом.

Тяжёлые светильники в форме шара, сделанного из резных медных листьев, свисали с высокого потолка. Узкие окна пропускали свет сквозь толстое зеленое стекло, вставленное небольшими кусками сквозь ровные промежутки деревянных рам. Больше ни у кого в ауле не было стеклянных окон. Даже собственной жене Бекбулат никогда не позволял жить в такой роскоши. Особое

положение Мадины, как жены сына казанского хана, предписывало считать её почётной гостьей.

Отец не стал заходить в покои своей старшей дочери, но и она не имела права покидать кров по случаю траура по погибшему мужу. Тогда он вызвал её через прислужниц в небольшие сени, пристройку к дому. Мадина не казалась сильно опечаленной, скорее, она была весела: круглые щёки таили улыбку, глаза не могли скрыть довольство.

Бекбулат полюбовался красавицей дочерью. Какое ему дело до покойника-зятя, его волновала родная дочь.

— Твой свёкор требует твоего возвращения в Казань. Что ты ответишь на это?

— Не спрашивайте меня пока, отец, у меня траур!

— Там остался твой дом, ты по адату¹ имеешь право на него и на своё имущество. Ещё раз спрашиваю: ты хочешь вернуться в Казань?

Слишком быстро опустила глаза Мадина... Яркая краска смущенья покрыла всё лицо, даже маленькие уши под высоко завязанным платком ярко вспыхнули маками. Много было сказано без слов. Дыма без огня не бывает! Значит, неспроста просит Али-Акрам Мадину к себе.

— Доченька! Тебе только шестнадцать лет, пройдёт траур, и любой знатный мужчина может стать твоим мужем! Не торопись с ответом, не отвечай мне, подумай, твоя жизнь в твоих руках!

И в смятении мурза вышел на холодный воздух. Не посоветовавшись с матерью и с женой, Бекбулат ответил через гонца, что неуместно прерывать законный траур, только через четыре месяца они узнают решение вдовы.

Пришла бесснежная зима с холодными ветрами. Такого лютого мороза не помнили старики: птицы замерзали на лету, волки подходили близко к жилью, мёртвые сайгаки покрыли мёрзлую землю. Скотину спасали заготовленным кормом, заводили в кошары, крупный скот прятали в низинах, куда не долетал шквалистый ветер.

Выпал снег, немного потеплело, народ повеселел. Посередине зимы стало неожиданно совсем тепло, снег стал быстро таять. Вдруг ударил мороз, ещё крепче прежнего, солнце скрылось на много дней в свинцовых тучах, голая степь трещала по швам от ледяной корки.

Стал падать скот... Всего месяц длилось Божье наказание, но этот месяц навсегда подкосил могущество Ногайской орды, считавшей своё богатство в табунах лошадей. Это было началом больших бед ногайского народа.

Весна пришла настоящим спасением! Долго не могли выбраться на летние пастбища: убирали и закапывали падаль. Берегли оставшихся лошадей, пасли их круглосуточно на первых лужайках. Рассылались гонцы, узнавали таким образом, как обстоят дела у соседей.

Участились казачьи набеги на аулы: пользуясь слабостью ногайцев, атаманы решились на дерзкие налёты. С опозданием на месяц двинулись кибитки с голодными, обозлёнными людьми на джайляю.

Только устроив, как подобает, юрты, поставив рядом с ними на воле треножник с казаном, отпустив остатки захудалого стада на пастбище, успокоился и повеселел аул. Дети искали черемшу, дикий лук, выкапывали корни травы, которые можно было зажарить на костре, и, очистив от горелой шкурки, полакомиться. Люди тоже искали подножный корм.

---

¹ Адат – обычай.

Мурза безуспешно пытался купить просо у урусов, обменять что-нибудь на муку. Царь Московии, молодой Иван, запретил вести обмен и торговлю с ногайцами, поставлять им зерно и пшено. Так он хотел сделать их сговорчивыми и мирными.

Запасы быстро таяли, народ кормился молоком, скот резали по крайней нужде. И в это непростое время появились посланцы из Казани с богатыми подарками: в тюках лежали сладости, крупы, мёд.

Просьба была прежняя: отправить невестку с внучкой назад. Бекбулат прекрасно понимал теперь, почему так настойчив Али-Акрам. На этот раз он призвал дочь к себе, в белую юрту. Вызвал мать, она сидела слева от него, вызвал муллу — тот сел справа от мурзы. Казанцев на совет не позвал, их потчевали в гостевой юрте.

Галимэ была выслана навстречу к дочери. Пропустив молодую женщину, мать осталась у двери. Взволнованная Мадина не могла отдышаться: решалась её судьба.

— Здравствуй, дочь! За тобой приехали и за твоим ребёнком. Ты обещала мне подумать и решить, где будешь жить после траура!

— Я в Вашей воле, отец! Если разрешите поехать в Казань на время, то я туда поеду, — голос Мадины дрогнул. Толстокожему Бекбулату трудно было понять, хочет ли дочь на самом деле назад в Казань.

Старуха-мать была куда глазастей:

— Что за шкатулку тебе тайком передали гости? Говори!

— Это мои драгоценности!

— Если они твои, то почему за нашей спиной такое творится? Почему ты должна стыдиться своего добра?

— Я ничего об этом не знаю, бабушка!

— Скажи прямо, что свёкор одаривает тебя тайком! Скажи, бессовестная! Где это видано, чтобы за сыном наследовал отец! Или ты думаешь, что мы ничего не понимаем! — старуха была вне себя от гнева.

— Тише, матушка! Давайте послушаем уважаемого муллу.

— По адату, уважаемые, женщина имеет право сама решать, что делать после траура. Если ей принадлежит дом, то она имеет право вернуться туда и жить сколько надо. Женщина имеет право выйти замуж за любого мусульманина. — Мулла долго перечислял соответствующие законы шариата, под его дребезжащий голос все успокоились.

— Тогда в последний раз спрашиваю при свидетелях: ты уезжаешь по своей воле или остаёшься с нами?

Видно было, что в душе Мадины происходит борьба, она не могла решиться сказать правду родным. Слёзы покатались по щекам, сил не было вымолвить заветное, самое сильное желание: с самого дня приезда её сердце рвалось назад! И не муж снился по ночам, а его отец! И десятой женой пошла бы к Али-Акраму, и служанкой мыла бы ему ноги и пила эту воду... После молчания, Мадина гордо вскинула красивую голову и сказала, глядя прямо в глаза отцу, отчётливо и громко:

— Я никуда не поеду! Я поручаю нашим родственникам поехать за моим имуществом в Казань! Разрешите, отец, жить рядом с вами!

Сразу оттаяло сердце отца. Он поверил дочери, взвалив все подозрения на чужого ему человека:

— Так и быть, дочь! Ты остаёшься! Никто не посмеет обидеть тебя в доме отца!

Не распакованные тюки загрузили под голодными взглядами людей обратно и отправили в Казань. Это означало, что мурза Бекбулат отказывается всесильному властителю Казанского ханства. Все знали, что такое неуважение не прощается. Так

решилась судьба не только Мадины, но и всего рода. Отныне только Исмаил-бий становился покровителем Бекбулата-мурзы.

Все маленькие дороги когда-нибудь собираются в одну большую, по которой идти надо до конца. Дорога находит своего путника и больше никуда не отпускает его от себя.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Лютой выдалась вторая зима Ани в Крутом Яру. Работы прибавилось: росла и нуждалась в заботе Дарьюшка, Марья стала прихварывать. Пётр больше не рвался из дому, вьюном вился вокруг дочери, стал на руки брать, игрался, от обоза отказался — где ж такое видано?

Но приказ есть приказ — угнали опять казаков куда-то вверх. В начале зимы ушли, почитай, все. Зря бабы шутки шутили — и Егор ушёл, и Архип, и Семён... Остались незаписанные да старики. Одно сказано было: не на войну. А как верить? Город, говорили, будут ставить на Увеке. Самое гнездо татарское, как там строиться? Это мужики так говорили, а бабам неведомо — где Увек, где Астрахань. Им бы знать, где родимый сейчас? Не попал ли в плен? Не лежит ли убитый на холодной земле? Молились жарко о спасении, о возвращении.

Марья сохла по мужу, боялась за него. Сядет за веретено, а сама на дверь пялится, ждёт... Тихая мачеха пугала Ваню — он привык к окрикам мачехи. Аня будто ничего не замечает, возится по дому, за Дарьюшкой приглядывает.

На радость родным вернулись казаки! Почужевшие, с новыми словечками, весёлые. Урона не было, вернулись все, только Михаила ушибло бревном, всю жизнь потом маялся спиной. Слегка заморозило мужиков по дороге, но отошли, руки-ноги целы!

Марья ожила, помолодела, не знает, куда муженька посадить. Хорошо, что вернулись до тепла, успеют за рыбой сходить. Хотя пробивать толщу льда — замучаешься, но дело того стоит. У некоторых уже мороженой рыбы не осталось, солёную отварили. А кто сушённой и печь топил.

Вести привезли казаки. Сказывали о будущем походе на Астрахань. О новых воеводах судили, о новой крепости. Про великий мор ногайский знали, жалели басурман. И совсем тихо шептались про царские причуды, про казни боярские.

И покатила жизнь по-старому: Волга, рыба, скотина, огород... Ан нет, подтянулись казаки, сами сходничать стали, оружие и коней готовить без всякого приказа. Войной запахло, непролитой кровушкой...

Сколько верёвочке не виться, но край всегда выйдет. Так и получилось. Настенька повадилась ходить каждый день к Аньке. Той некогда баклуши бить, работы полно, а у деда Алёхи ни коровы, ни овечки, только с пяток кур водится. Вот Настя и свободна. Стала Марья приглядываться, и сердце ёкнуло: не к Ане бегают девка, а Ваню высматривает. Миловидная, весёлая, ласковая Настя нравилась Марье. Аню говорить она научила, и всему другому учит. А как вызнала, что за Ваней бегают, тут как отрезало — невзлюбила Марья Настеньку. Да хоть режь, а не хочет такую невестку!

Стала высмеивать ненароком за безделье. Ане невдомёк: что переменялось? Почему Марья теперь выставляет её подругу за порог? А Настя стала на улице Ваню останавливать, в дом зазывать помочь в чём-то. Тот телёнок — идёт, улыбается... Наперекор Марье загорелось огнём сердце девичье. Подружки подружками, а Ане ни словечка не сказала. Однажды собирались девочки после пасхи у Настёнки дома.

Снесли крашёнки, пирогов. Вечером дело было. Хвалились обновками — у кого лента новая, у кого платок, у кого сарафан. Ане Пётр сапожки привёз ещё зимой. Тонкой кожи, невысокие, лёгкие. Только на праздник надевать. В церковь Аня не ходила, а погулять обулась. Мало детей так баловали, сапоги водились только у мужиков, редко у баб. Похвасталась Анюта, повертелась. Подружки губы надули, но потом забилось. Забежали парни, всё перевернули верх дном, шутки шутят, зубы скалят. Хотела Настенька к Ване прижаться, а он к Аньке подошёл, вглядывается — не обидел ли кто. Сестрица улыбнулась ему, а парень вдруг засиял ответно. Переглядываются, без слов разговаривают. Настя другой раз хотела заговорить с Ваней, а он отмахнулся от неё и убежал из хаты. Тут и случилось нежданное. Настя подступила к Ане:

- Аня, а почто ты в церковь не пошла на праздник?
- Я не хожу в церковь, ты знаешь, Настенька.
- А почто не ходишь-то? Ты ж крещёная?
- Я не знаю...
- Как это так не знаешь? У тебя мать русская? Как её зовут?
- Галимэ... — Имя давалось с трудом. — Маму мою зовут Галимэ.
- Русская?
- Нет, не русская...

— Ты не бойся, Расскажи нам, откуда свалилась, рассказывай! — Прежде близкие подруги стали вдруг чужими. У Ани дрожали колени. Она поняла, что надо рассказать правду, но с чего начать, она не знала.

- Не с неба же ты свалилась к нам на голову. Расскажи!
- У меня сестра выходила замуж, мы поехали к ней в гости. Не к ней, а к её мужу. На нас напали. Я убежала. У меня есть бабушка. Анэ. Отец — мурза. Наш аул очень далеко. Старшая сестра вышла замуж в Казань. Её зовут Мадина. А вторая — Фатима. Брат есть маленький — Юсуф. Мама живёт с отцом и Юсуфом, а я с бабушкой.

— А говорили, что твоя мать сбежала с тобой от мурзы. Говорили, что она русская.

— Неправда! Мама не совсем ногайка, но не русская! Она там осталась, с отцом и бабушкой...

Девочка затравленно озиралась, слёзы вскипели у неё на глазах, она не знала, что говорить.

- А пленные русские были у вас?
- Были, но недолго, их потом увели.
- А куда?
- Я не знаю. Я им хлеб дала. Они в юрте жили.
- А твой отец с русскими воевал?
- Он мурза, он не воевал.

— Что ты сказки рассказываешь! Не воевал, не знаю... Бреешь всё! И мачеха твоя всё брешет! Все вы воюете! Откуда тогда пленные, если не воюете? И ты не зря сюда попала, высматриваешь всё! В сапожках она! А завтра убивать нас пойдёшь! Орда твоя татарская придёт в плен меня брать! — Настя по-бабьи наклонившись вперёд рукой тыкала в грудь подруге.

Аня подскочила, рванулась к двери и убежала в темноту. Все молча разошлись по домам. Но разнесла молодёжь по всей станице новость: как Марья всех обманула. Главное, понять не могли, почему соврала? Многим она давно была поперёк своим нравом, а тут нашлась причина ей попенять.

Аня рванулась к лесу. Убежать куда глаза глядят! Пусть волки её съедят, но не вернётся она в станицу! Лучше в лесу спрятаться от людей! Но почему все так жестоки друг к другу? Бабушка не любила маму, Марья не любит Настю, русские не любят

татар, татары не любят русских! И все воюют, воюют! Разве она виновата, что её привезли сюда? Кто её спросил? Разве она виновата, что сапоги Пётр подарил?

Вспомнив про сапоги, Аня села, стянула их и выбросила подальше... Слёз не было. Была боль, дикая боль... И завyla степная девочка на краю тёмного леса от одиночества, от тяжёлой тоски, от отчаяния. И пошла босыми ногами по холодной земле подальше от людей, от вечной своей вины...

Ваня, управившись с делами, решил зайти за Аней, чтобы забрать её с посиделок. Настя встретила его виноватая в пустом доме.

— А где Анька?

— Ушла уж.

— Давно ль?

— Раньше всех.

— С чего так? — А сам прикидывал, почему он её нигде не встретил. — Ладно, я пойду.

— Вань! Ты это... Подожди, Ваня, не уходи, я боюсь...

— Не в лесу, волки не утащат!

— Погоди, Ваня... Я... это...хотела сказать... Поругались мы с Анькой! — выпалила, наконец.

Ваня повертел головой. Представить, что с Аней можно поругаться, он не мог.

— Рассказывай!

— Я спросила, кто у неё мать...

— Ну?

— Она сама рассказала, что не русская мать, как сказывали, и отец у неё мурза, и плен держали...

— Ты что, пытала Аньку? При всех? Ты что, белены объелась?

— Ванюша, я просто спросила, а потом и Манька спрашивала...

Ваня уже не слушал, он побежал искать Аню. Заскочил домой, в полутьме разглядел Марью, отец уже спал.

— Носит вас, полунощников! Где Аня?

— Девки что вытворили: выпытали у Аньки про всё, про отца, мать...

— Настька? Она! Из-за тебя выкручивается!

— Почто из-за меня? Я знать не знаю ничего!

— Разуй глаза, телёнок! Настя около тебя хвостом вертит, а ты... Погодь, куда Анька убежала? Это в ночь-то? Беда!

— Ладно, пойду искать, может, где на завалинке сидит.

Темно, хоть глаз выколи. Знать бы, в какую сторону пошла. Вышел к лесу, кружил, будто по голосу шёл. Кричать стал. Падал. Сердце билось страхом, что угодила куда-нибудь, пропала совсем. Молился: «Помоги, Господи! Спаси и сохрани!» Уже заря поднималась, когда на сапоги наткнулся. Обрадовался. Стал кричать во всю глотку. Вдруг увидел её. Стояла возле дальней берёзки. Не помнил, как добежал. Встал против беглянки. А она смотрит молча на него, вглядывается, будто ищет чего.

— Анька, Анечка! Как ты меня напугала! Думал, не найду никогда...

— Зачем искал? Не пойду в село, пойду своих искать...

— Я тебя никуда не отпущу!

И пошёл обходить её кругом, справа налево, семь кругов сделал.

— Вот видишь, в круг тебя взял! Никуда из этого круга ты не уйдёшь! Всегда тебя найду!

Взял за руки и повёл домой. Идут, плечом к плечу касаются, до сапог дошли. Обул на истерзанные ножки обувку. А ноги холодные, как лёд. Улыбнулась печально, головы склонённой рукой коснулась. Не выдержал, прижал к себе Анечку, крепко обнял, задышавшись от жалости и нежности, только шептал:

— Всегда найду...

Дошли до дому, а там кинулась к Ане Марья, обнимает, плачет. Пётр обнял обоих, заторопился куда-то. Вздохнула Аня, подошла к спящей Дарьюшке, тогда и улыбнулась по-прежнему — светло и ясно.

После воевала со станицей Марья, заступаясь за Аню, ругая себя. Пришла Настенька с повинной, а какая тут вина... Стали дружить по-прежнему. Только Ваня и Аня стали избегать друг друга.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Пришло беспокойное лето. Казакам не давали покоя: то выгоняли в степь искать татар, то по Волге посылали встречать струги с казаками, что шли на Астрахань. Про тот караван прознали татары, заслон выставили...Затеяли переговоры, до войны не дошло, повернуло войско назад. По пути казаки пошумели, погуляли по степи, удаль свою показали, с джигитами бились, в полон брали.

Служивым стало не до промыслу, одни кузнецы стучат, да на малых лодках бабы с детьми по реке рыбу ловят. Не у всех лодьи есть, и семьи договариваются промеж собой ватажничать. Ваня, его друзья-ровесники вместо отцов с утра при работе. Дождей было мало, река ушла далеко, огороды поливать — морока... Таскали детки малые в бадейках воду, поливали капусту. Продержались без мужиков, те только на побывку заскакивали на ночь.

Аня теперь отошла от подружек после того случая. Марья учила: зря не болтай, нечего языком трепать, себе же худо сделаешь. Раз столкнулась в сенях с Ваней. Стал поперёк дороги, не обойти. Заметил парень, что девушка вытянулась, тело набрала, конопушки прежние на носике выглядел.

— Ты почто от меня бегаешь?

— Некогда мне! Пока Дарьюшка спит, за свеколкой сбегая.

— Принесу тебе свёклу, только скажи.

— Ты Насте носи, она просительница, а я как-нибудь сама!

— Погоди, Анюта, ты Настю не приплетай, у ней свой огород! Пойдём вечером на посиделки?

— Промеж двоих не усидишь!

— Настя мне как сестра, ты же знаешь, Анюта!

— Таки я сестра!

И убежала от него. Спряталась за кустами, а сердце колотится, дышать трудно. Снилось ночью, будто взлетает она с яра, воздух тёплый, душистый обнимает её и поднимает высоко-высоко, и так сладко ноет в груди от лёгкости и радости.

Орлам весело летать над степью: никакой пожар не опалит широкие крылья. С высоты можно всегда выглядеть себе поживу или спокойный уголок для отдыха. Холдным острым взором следят они из недосыгаемости за человеческими страстями: кровавыми битвами, спешными перемещениями или укреплением на месте. Воронье дело — жадать побоища, оттого это громкое ненасытное птичье племя толкается рядом с людьми... Недаром ворону издавна считают чёрной вестницей.

Осенью закружила в лесах несметная стая, грай заполнил побережье Волги. Стрижи, облюбовавшие крутые берега для своих гнёзд-норок, беспокойно слетали с обжитых мест.

«Быть войне», — твердили старики. Но неожиданно улетела тёмная туча, стало непривычно тихо. Жизнь в станице шла своим чередом. Готовились к зиме, спешно убирая урожай, делая припасы. Успели несколько раз сходить за большой рыбой, как застучали через станицы посыльные о новой беде: ногайский Юсуф-князь пошёл на Москву. Спешно, побросав снасти, сели на коней казаки и отправились по приказу. Бродили разные слухи, никто не знал правды. Говорили, что этот Юсуф-князь пошёл добывать в Москву дочь и внука, а дочь та была — казанская царица, а сын её — царевич. Взяли их в плен по обману, обещали почёт, а сами посадили их в клетку. Не договаривая имя того, кто обманул, все знали, о ком речь. От подлого лукавства поднялась орда и пошла топтать русскую землю.

Не впервой за княжеские обманы трясётся земля под скопищем врагов, льётся сладкая кровь для степной земли. Вырастает на крови аленький цветочек мак с чёрными глазами, недолгая краса земли: дунет ветерок — и улетит по ветру атласный лепесток. И вытекает на землю мелкое сонное семя, — столько семян, сколько душ развеяно навеки...

До зимы вернулись казаки обратно, все как есть вернулись! Оставили их в заслоне, на случай, если пойдут на подмогу ногайцам крымцы. Зря прождали. Орду рассеяли до Москвы, встретили крепкой обороной. Не стали перед зимой задерживаться в чужих землях ордынцы, повернули назад.

Аня слушала эти речи на рубке: капуста уродилась в этом году хорошая, дождливой осенью налилась, теперь сообща то в одном дворе, то в другом мельчили её с морковью для засолки в кадушках.

Рассказывая про ногайский набег, оглядывались на Аньку, а она опускала тёмные глаза в густых ресницах и продолжала рубить капусту. Но не отпрашивалась с такой попытки, шла ко всем. Считалось, что у неё лёгкая рука, капуста не перекистет, будет сладкая, с того и зазывали первую. Кто такое про девку придумал, никто не помнил.

Дома, даже лаская беленькую пухленькую Дарьюшку, пыталась вспомнить забытые имена. Теперь она не боялась прошлого, оно было рядом, не отпускало. Вспомнила: Юсуф и Исмаил — князья-братья. Имя Юсуфа произносилось с уважением, он был старший брат. «Всю землю от моря до гор Юсуф-бий ногой попирает!» — говорили ногайцы. Только бабушка не любила эти восхваления, бывало, что плевалась. Брата тоже называли Юсуфом, анэ дала согласие на имя Юсуф долгожданному внуку. Почему? Ответа теперь не было.

Отец служил младшему брату, Исмаилу-бию, который тоже был великим правителем, владел половиной ногайской земли. С детства слышала в ауле, что Исмаил-бий дружит с урусами, оттого и не ладит со старшим братом.

Теперь только понимала Аня, что пленница-царица — это красавица Сююмбике, про которую ногайский народ слагал песни. Все девочки хотели походить на Сююмбике. Сестра Мадина стала её родственницей, вышла замуж за казанца.

«Мне никогда не выйти замуж!»

А тут маячит перед глазами синеокое лицо:

— Анюта, беги помогать, сено привезли.

Запоздали с сеном, ближние стожки перевезли, а с займища только везут.

Полезла принимать, складывать, разогрелась от работы. Быстро управились, Пётр с Марьей ушли с база сразу, а Ваня с Аней остались догребать, подметать. Сено душистое, золотистое. Но можно найти в нём засохшие ягодки, цветочки.

- Вот тебе ягодка сладкая.
- Насте оставь.
- Ну что ты заладила — Настя да Настя!

Аня улыбнулась. Она умела так улыбаться: ни весело, ни грустно, одними глазами.

- Ваня! Я скоро уйду от вас, насовсем уйду...
- Отчего ты так говоришь, Анюта? Кто тебя обидел? Что ты удумала?
- Говорят, скоро война, Ваня. Что со мной будет? — Не могла Аня высказать всего, что на душе томится. Вдвойне боятся за любимых, когда они друг против друга.

Подошёл близко, поднял за нежный подбородок, взглянул в глаза, прочитал затаённое. Нахлынуло давешнее — жалость и нежность. Боялся не сдержаться, не захотел обидеть, отошёл парень, привалился к плетню, слушал её дыхание за собой.

- На войну уйду, будешь ждать?
- Буду ждать, пока не умру.

И убежала. Перестали с той поры чураться друг друга. Рядом не ходили, мало говорили, но смотрели друг на друга и улыбались.

И зима пролетела быстро, хорошая была зима, ровная, снежная. Дарьюшке ка-танки маленькие справили, шубейку сшила сама Анька, и теперь выводили девочку, заматанную в платки, гулять...

Заговорил о сватовстве Пётр с Марьей: Ваня, мол, который год с Настёной дружит. Марья ласкова стала, но характер свой не умерила, когда надо — вскипала разом. После её ответа Пётр рот свой не открывал, остыл. Не понимал Марью: девка хороша, родни, чтоб лаяться, за ней нет. Но такой лад был в семье, когда по хозяйке всё выходило, поэтому лишний раз из себя её не выводил. А тут шепнула жаркой ночью такое, что Пётр несколько дней ходил как ошарашенный: опять понесла жена, к осени ребёнок поспеет. На этот раз оба не боялись — вон Дарья топает по дому, тряпичных кукол убаюкивает. Надо ждать хорошее.

Уже два года про Астрахань говорили, а на третий собралась Русь воевать татар. По Волге прошли струги князя Юрия Ивановича Пронского-Шемякина, на Крутом яру высадку сделали, забрали с собой часть казаков. Шли лодки с песнями, с пушками. Разного народа набрал князь: были там стрельцы, казаки, ополченцы. Полдня с яра никто не уходил, провожали войско. Остальные казаки ушли конно. Отпускали родных без большого страха: сколько уже ходили, а всё возвращались. Вон сколько вояк на стругах, а ханство Астраханское против Казани совсем малое. Одолеем!

Хотел и Ваня уйти с казаками, не взяли — годами не вышел. А постарше друзья поскакали рядом с отцами. Ничего, успеется. Надо кому-то за рыбой ходить, покупателей больше стало. Опять же, ледники надо кому-то чистить.

Ваня ходил за лозой для плетня, задержался и встретил вечером у леса Настю. Окликнула она его тихо из-за куста. Сердце вздрогнуло — думал, Аня. Это их место, здесь он обувал беглянку, обнимал крепко.

- Ваня, здравствуй! Бог в помощь!
- Ты заплуталась, что ли?
- Прогуляться решила, Ванюша! Да брось ты вязанку свою, леший!
- Поздно уж, скотину закрыть надо.
- Закроют без тебя! Анька-угодница готова ломить за всю станицу.
- Приучена к работе, вот и ломит.
- Защитник какой! Аль любя узкоглазая?
- Не твоего ума дело, кого хочу, того люблю!
- Ванюша, миленький, посмотри на меня, измаял ты меня, тошно мне! Люблю я тебя, родненький, себя не помню как люблю! Посмотри на меня! — Такой свет, такая

любовь исходила из огромных глаз Настеньки, так чудно белело милое лицо, так сладко манили влажной темнотой губы, что оторваться не было сил.

Настенька сама потянулась к нему, подставила хмельные губы. В дремучей истоме заволокло всего, затрясло: учуял, как запахло близко запретным девичьим, податливое гибкое тело влекло вниз, на травы. Себя не помнил в жарком сплетении. Уколочся спиной о корягу, сразу пришёл в себя, стряхнул липучку-девку.

— Хватит, побаловались, иди домой, Настя...

— Ванюша, но ты ведь тоже любишь меня, не гони меня, родненький!

— Настенька, не доводи до греха. Не дело до свадьбы любиться! — А сам прийти до сих пор в себя не мог. Вот оно, женское, рядом, только руку протяни...

— А ты засватай! Всем отказываю, а за тебя пойдю! И мачехи твоей не убоюсь!

— После поговорим, Настя. Ты сейчас уходи, увидит кто, станут болтать...

— Испугался! Аню боишься обидеть? А если расскажу, как целовал меня, в траве валял?

— Так ничего ж не было, Настя! Иди добром, недосуг мне...

Спал в сеннике, на ночь дверь припёр вилами. Придёт вдруг ночью шалая, тогда уже с собой не совладаешь... И смех, и грех...

Накатила чёрная туча. Сначала весть прилетела: Астрахань без боя взяли, убежали татары, город бросили. Обрадовались станичники, стали поджидать своих казаков. Не поняли поначалу, почему медленно идут. Скарба, что ль набрали? А когда всё поняли, пошли навстречу с плачем. Живых с коней стаскивали, били по груди, спрашивали: «Как? Почему не оборонил? Почему сам живой, а брат в телеге?!»

Вполовину скосили казаков, лежат они на мягком сене, глазыньки закрыты..

Были в каждом доме, даже в тех, где уцелевшие сидели за столом: каждый другому брат, или сват, или друг... Пытали живых: «Как?»

Выдавливая из себя слова, рассказывал Василий:

— Обратно шли, врага не ждали, а они засаду устроили. Не успели мы толком собраться, налетели тучей татары, если бы не помощь других, то всех бы порубили. Следом другие казаки шли, услышали, не отступились, в бой ввязались. Сами много полегли, а нас спасли.

Обряжали с плачем в новое, прощались. Не вернулся живым младший брат Петра Семён, рядом лежал Гаврила, далее Егор. Весь порубленный, не узнать, покоился Григорий, за ним — будто уснул — красавец Ванька, кузнецов сын. И много других.

Пётр был ранен, шрам лёг через всю щеку, чуть до глаза не дошёл, руки исцирканы. Марья воет по Семёну, жалеет Степаниду с детьми. Сильно убивалась есаулиха: одна с тремя детьми осталась: ни скотины нет, ни запасов, ни родни. Дадут ли хлеба за отца, никто не знает. Маланья троих потеряла: брата, мужа и полюбовника-есаула. Все знали про их любовь. Осталась одна-одинёшенька! Пошла она делить горе с соперницей-женой, голосили рядышком. Горе ползло из дома в дом, смотрело голодными глазами детей, хлестало холодным дождём через прохуdivшуюся крышу. Не успел казак обновить тёс, думал, успеется.

Не забылось ещё горе, а надо живым на путину идти. Вышла раз на берег Аня готовить столы для разделки рыбы. Немного было баб на берегу, собрались одни новые вдовы. Может, вышли, чтобы не попрекали потом куском, не хотели стать обузой станице, пока дети не подрастут.

Начала плач Катеринка. Хорошо она жила с мужем, любила его очень. Стали другие тихонько подвывать. Степанида часто ходила к Марье, подружками стали. И Аню своей считала. А здесь вдруг глянула заплывшими от слёз глазами на неё, замахнулась тряпкой грязной, стала орать:

— Твои убили Семёна, нехристь! Что уставилась? Мало жалели тебя?

Зашумели все, одни остерегая, другие выплёскивая горькую ненависть к врагам. Вот она — стояла рядом — басурманка, вражина. Не убежала Аня, стояла онемевшая, как вкопанная, это злило больше, чем защитные слова.

— Скажи, Аксинья, скажи ей в глаза, бесстыжей, одну тебя на белом свете оставили! А ты с тремя что будешь делать? А мы кормим бесово семя...

Маланья вышла из-за стола с ножом в руках — чистила им столы. Медленно к Ане шла. Все замолкли на время, выжидая. Никто не кинулся на выручку. Встала против басурманки, слёзы катятся по лицу, сама растрёпана:

— Вы что, очумели, бабы? Не она убивала!

Отвела назад руку с ножом, будто себя боялась. Глядь, Марья свалилась с яра, простоволосая, тяжёлая, пузо выше головы, выкинула Маланью подальше, закрыла Аню собой.

— Басурманка, говоришь? Тогда меня режь, у меня отец ордынец!

У Маланьи нож выпал из рук:

— Не наговаривай на себя, Марья! Не тронем мы твою Аню, погорячились.

Другие зашумели:

— Успокойся, скинешь ещё, а нам отвечать.

Но Марья не унималась:

— Думаете, брешу? Нет! Крымский татарин мне отец.

Теперь сами бабы подвинулись, сгорая от любопытства, про Аньку позабыли. Усадили на чурбан осторожно Марью, воды поднесли. У ней зло горели глаза:

— Знать хотите? Знать? Вот знайте! Откуда с бабкой Лукерьей пришла? Не знаете! С самой Москвы пришли. Неродная она бабка мне, ей соседка перед смертью оставила дочь свою — мою родную мать. У соседки-то детей не было. А как выросла мать, так ордынца полюбила, двор татарский рядом был, посольский. Отец красавец был, богатый, весёлый. Бегала к нему сама, не сильничал. Уезжать стал, она за ним рвалась. А он не взял. Там, может, жёны у него были, в Крыму. Обещал вернуться, креститься. Врал, поди. Понесла от татарина, срам на всю улицу. Извести хотела плод, но бабка Лукерья удержала. Как я родилась, все отвернулись, гнать стали, дом подожгли. Ушли из Москвы, в монастыре пожители, и оттуда ушли. Так и пробирались. Очень хотела мать до Крыма дойти, до татарина своего. Я только говорить начала, когда она помёрла. Маленькая была, помню, через орду шли, нас кормили молоком. Бабка перед смертью заново всё рассказала. Имя отца сказала, вдруг найдёт. Выходит, я как ни есть, басурманка. Режьте и меня.

— Полно тебе, идите с Богом, это мы с горя голову потеряли...

Глядели, бабы вслед теперь уже двум басурманкам, прикидывали: и видом Марья не наша — смуглая, и глаза, что уголья, и волосы чёрные. Раньше будто не замечали.

Больше Аню никогда басурманкой не называли.

Горе порой переворачивает людей. Узнали вдруг: перешла Маланья жить к есаулихе, которая осталась одна с тремя детьми. Скотины у есаула, кроме коня, не водилось в хозяйстве. Воином был есаул Наум, казаком, всю жизнь на службе. И погиб по-геройски, многих врагов жизни лишил. И конь слёг под ним от ран. Не знамо, кто раньше дух испустил. Может, вместе отошли, казак и казачий верный конь.

У Маланьи водились овцы, коровёнка была, кур много. Со всем добром пошла к сопернице. Как они меж собой договорились, никто не знает. Удивлялись станичники, но не судили: надо всем выживать, детей поднимать. Есауловы дети не пропали, выросли, семьи завели. Младший первый из станицы взял потом в жёны татарку.

В его семье рядом со смуглыми внуками доживали две женщины первого есаула — жена и полюбовница.

По-разному у всех сложилось потом, худо было многим осиротевшим семьям, много нужды видели дети. Спасал мир: делились рыбой, хлебом, помогали, чем могли. И потом потери случались, но столько разом больше не ложилось насмерть казаков. Урок большой, урок горький: учить стали молодых бою, джигитовку переняли у степных, на оружие не скупались, коней оберегали для похода. Всё по есаулову слову вышло. Сразу не послушались, только через кровь поняли: казаком не родиться — казаком становиться надобно!

Горе горем, а жизнь шла своим ходом. Марья призадумалась. Не век девке дома сидеть, невеста уже. Аню хвалили многие, у кого парни росли. А возьмут ли некрещёнку? Пошла Марья, наконец, к батюшке, давно собиралась. А батюшка был простой, понятливый. С этой простоты его и водворили на дальнем поселенье. А ему того и надо. Жил он бедно, с народа не тянул ничего за обряды. Сами помаленьку несли люди, он и тем малым делился с бедными. Матушка не противилась, сама добротой славилась.

У Марьи живот большой, сколько вынашивала ране, а такого ещё не было. А ходила легко, с радостью ждала малыша. Осталось немного до родов, не выходить бы из дому, побережся, ан нет, пошла исповедоваться.

Батюшка выслушал, выговаривать не стал.

— Божья воля нам неведома. Сколь человек не тщится, а Божья власть выше. Говорят, иноземцы стали делиться по вере, войной брат на брата пошёл. Не слышала? Режут друг дружку днём и ночью! А Христу молятся... Вот кто басурмане! Обидишь кого — Бога меньше в тебе остаётся, ибо Он в тебе живёт. Ты, дочь, не тревожься за зря, тебе скоро рожать. Знал я, что придёшь, ждал. Шептуны были до тебя, спрашивали. Подождём маленько, неволить не будем. Замуж позовут, так не обойти, крестить будем, как же иначе. Я поговорю сам с отроковицей, после престольного приду к вам. Видел издаля — ловкая, работающая, видать. Ты не томись, на всё воля Божья! О дитятке думай, о другом успеешь подумать после!

И Марья успокоилась. Вечером она показала Ане узелок с её вещами. С непонятным чувством держала в руках позабытую одежду обрусевшая ногайка. Перебирала украшения. Платье уже мало, а безрукавку напялила. Каждое прикосновение к вещам вызывало болезненное волнение, будто время потекло вспять. Аня примерила на себя прежнее имя. «Мариам. Мариам. Мариам». Так называли её в ауле. Так называла её мать, бабушка. Показалось: обернётся, а там стоит любимая анэ.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Лето застоялось в этом году, осень подступалась медленно, ночами остужала землю, а днём солнце отгоняло прочь припоздавшую хозяйку. Набегал ветерок, кружил первые золотые листья и мчался вдале, неугомонный, неуловимый.

Решили идти за рыбой на двух лодьях. Больше рыбы возьмут — больше прибытку. Спрос большой ныне, и пути новые открылись. Все мужики ушли, с ними молодёжь. Заменяли ушедших, за отцов встали.

Настя избегала теперь Аню, и к Ване больше не приставала. Задумчивая, она на себя не походила, осунулась, только глаза стали краше своей глубиной.

Аня теперь из дому не выходила, поджидала Марьины роды. Дашенька бегала, заброшенная, по двору за пёстрыми курочками. Любимая её няня только на ночь брала

её с собой и тихонько пела ей колыбельные. Иногда, словно понимая, что творится таинство, малышка подходила к матери, обхватывала её тоненькими ручонками, прижималась к огромному животу и мурлыкала песенки. Казалось, что девочка укачивает кого-то, успокаивает.

Такой покой стоял в тот день — лист не шелохнётся. Ровное тепло будто ласкало каждого. Зашла к Ане неожиданно Настенька. Вышли подружки прогуляться. Дошли до Волги, сели в лодочку у берега. Вода похолодела, никто не купался, было непривычно тихо, только волны ровным шёпотом бились в прибрежный песок. Солнце мельчилось на зеленоватой воде серебринками. Молчали, словно чужие. Аня не выдержала:

— Настенька! Не держи на меня зла! Прости, коли в чём виновата!

— Ты ровно прощаешься! Не злюсь я на тебя, Аня, на себя злюсь, на Ваню. Люблю я его, что скрывать, а он и смотреть не хочет.

Настя вдруг нагнулась, черпнула узкой ладошкой водицы, плеснула ею на подружку. Анечка засмеялась, стала хватать за руки озорницу, но та не давалась. Поутихли малость, стали поправляться, отряхиваться.

— А если кто засвывает, пойдёшь? — Настенька не смотрела на подругу, мяла в руках платочек.

— Я некрещёная, мне нельзя замуж.

— А ты окрестись! Мишка как выглядывает тебя, извёлся весь. Вчера на завалинке сидим, я, Мотря да Маня, а Мишка про тебя спросил, а с нами садиться не стал. Отца не стало, женить его будут. Ты смотри!

— Настёна, не говори пустое, не пойду я замуж.

— Ваньку любишь? Его ждёшь? — голос Насти задрожал обидой.

— Да никто мне не нужен. Нельзя нам за других. — Аня помолчала, потом ущипнула Настю. Та от неожиданности чуть лодку не перевернула.

— Ты одурела, что ли? Как змея укусила!

— Прости! Бабушка моя так делала, когда глупости начинали болтать. Мне сны стали сниться про своих. Отца видела, сестру. Не ту, что в Казани, а другую, Фатиму. Она тоже замужем.

Никогда прежде Аня не затевала сама разговор про родных. Приходили как-то раз женщины, у которых дочерей татары увели в полон лет двадцать назад, спрашивать, не видала ли она их там, в степи. Отвечала, что в их роду нет пленных русских. Старухи не уходили, пытали, как живётся в ауле. Хотелось, видно, им представить, какова жизнь кровиночек в чужом народе, но Аня ничего не рассказала, только слёзы утирала и молчала. Потом Марья разогнала гостей и велела девку расспросами не тревожить. А тут она заговорила сама. Настя заёрзала на лавке от любопытства. Неизвестно, что рассказала бы Аня, но тут забил колокол.

— Пожар!

Не помня себя рванули девушки наверх, падая на ходу с песчаного обрыва.

Дыма не виделось, в просвет улицы увидели конных.

— Татары! — выдохнула побелевшая Настя.

— Спрячься! Беги в лес!

— А ты?

— Я домой!

Благо, дом самый ближний, добежала за миг, заскочила в избу. Марья стояла у окон, обхватив дочь.

— Татары пришли. Что делать, мама?

Не заметив, что впервые Аня назвала её мамой, Марья перекрестилась, отодвинула дочь, схватила Аню за руки.

— Не твои ль? Уйдёшь? Погоди, разные татары, не признают, так тебя в полон возьмут. Спрячься! Не стой истуканом!

А над селом летел набат, но некому было идти на помощь, все мужчины были на Волге. А нападавшие уже скакали по селу, хватали несхоронившихся, топот приближался.

— Где узелок?

Трясущимися руками Марья вытянула вещи. Аня накинула каптал, единственное, что ей было впору, надела браслеты, серьги.

— Мама, я дочь мурзы, не обидят, есть такой закон.

— Погоди, возьми!

Женщина порылась за печкой и протянула Ане пожелтевшую трубочку бумаги, ерлык. Аня вспомнила, что такие выдавались людям, что шли по торговым делам по степи.

— Это отцово, татарское, матери оставил для прохода в Крым, я берегла. Возьми, может, оборонит. Аня! Может, останешься? Что я Ване, отцу скажу?

— Простите меня, мама! Дарьюшка, роднёнькая, не забывай няню!

И, оторвавшись от горячих рук Марьи, Аня шагнула за порог.

Что случилось далее, об этом долго потом помнили и рассказывали в станице.

Аня прибежала к церкви, её по пути никто не перехватил. Там гарцевали конные в меховых шапках. Эти охраняли нагнанных русских, пока другие охотились по станице. В толпе были одни молодые женщины и подростки. Орущих детей отшвыривали в сторону. Те рвались к матерям, все плакали, кричали. Когда Аня влетела в центр толпы, стало тихо. Слышно было, как стучали вдалеке подковы. Пленные сразу отстранились от Ани, как от чумной. Сами татары опешили, они с интересом оглядывали странную девушку в полутатарской одежде, увешанную золотом. А она, никого не узнавая, вдруг крикнула звонким гортанным голосом по-ногайски:

— Кто посмел прийти сюда без ведома моего отца, мурзы Бекбулата! Я его дочь Мариам! Никто не смеет грабить аул, на которое сам хан дал ерлык моему отцу!

Большеглазый, смуглый, свирепый на вид джигит, видимо, глава маленького отряда, закружил на коне вокруг девушки. Белая пена с тёмных лошадиных губ летела на подол сарафана Ани. Наконец он протянул руку за бумагой. Развернув и с недоверием разглядывая красные и чёрные письма на толстой бумаге, он решал, что делать. Видимо, это был настоящий ерлык, потому что он задумался.

— Почему ты здесь? И что ты делаешь среди гяуров, дочь мурзы Бекбулата?

— Не тебе спрашивать меня! Отвези меня к отцу, он тебе скажет.

Подтащили Настю, растрёпанную, с дикими глазами. Джигиты все были в сборе — налёты никогда не затягивались. Они были опьянены удачей, от нетерпения поднимали коней на дыбы.

— Садык! Хватит разговаривать! Пора уходить!

— Не видишь, врёт она!

Всё висело на волоске. Аня держалась из последних сил:

— Забирайте пленных, идите, ведите! Только потом не жалейте! Никогда мой отец и Исмаил-бий не прощали вора!

Услышав про Исмаила-бюя, ордынцы смутились. Исмаила-бюя знали все. Он дружил с русскими, владел половиной ногайских земель, был жесток к врагам. С нарастающей надеждой слушали перепалку бедные люди. Они не узнавали в гордой резкой девушке милую застенчивую Аню: сузив глаза, на широко расставленных ногах, со вскинутым гневным лицом стояла она перед разгорячёнными захватчиками.

— Я всё сказала! Ведите всех! Вспомните про меня в свой смертный час! Долго ждать не придётся!

Засомневались и остальные джигиты: слишком властно и убеждённо говорила дочь мурзы. И ерлык предьявила.

— Что предлагаешь, дочь мурзы?

— Вы сейчас же уходите отсюда без пленных, награбленное разрешаю забрать с собой!

— А ты, дочь мурзы? Ты остаёшься с ними? И мы должны тебе поверить?

— Я поеду с вами, дайте коня! Верни ерлык!

Садык засмеялся, обнажая ровные белые зубы.

— Куда поедешь? Мы не собирались к Бекбулату в гости!

— Он одарит тебя за меня!

Аня говорила убеждённо, времени для раздумий не было, поэтому Садык скомандовал:

— Поехали! — заметив недовольных, зарычал. — Кому не ясно? Уходим!

Один из джигитов не хотел расставаться с Настей, видно было, что он не собирает-ся оставлять понравившуюся девушку здесь. К Ане подвели коня, она неловко села на него и подехала к джигиту. Молча посмотрела долгим взглядом злых глаз. Мужчина нехотя отпустил добычу и поскакал вперёд. Аня не оглянулась даже на прощанье, не сказала ни слова по-русски. Через несколько минут от набега осталась только вытоптанная дорога. Люди молча крестились, не осознавая ещё до конца, что страшное миновало их навсегда. Потом поднялся великий плач, это были слёзы радости. Одна Настя стояла молча, как ушибленная.

Небо катило по ласковому голубому небу золотое солнышко. Осень затаилась в листве деревьях, выглядывая одинокими жёлтыми листьями.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

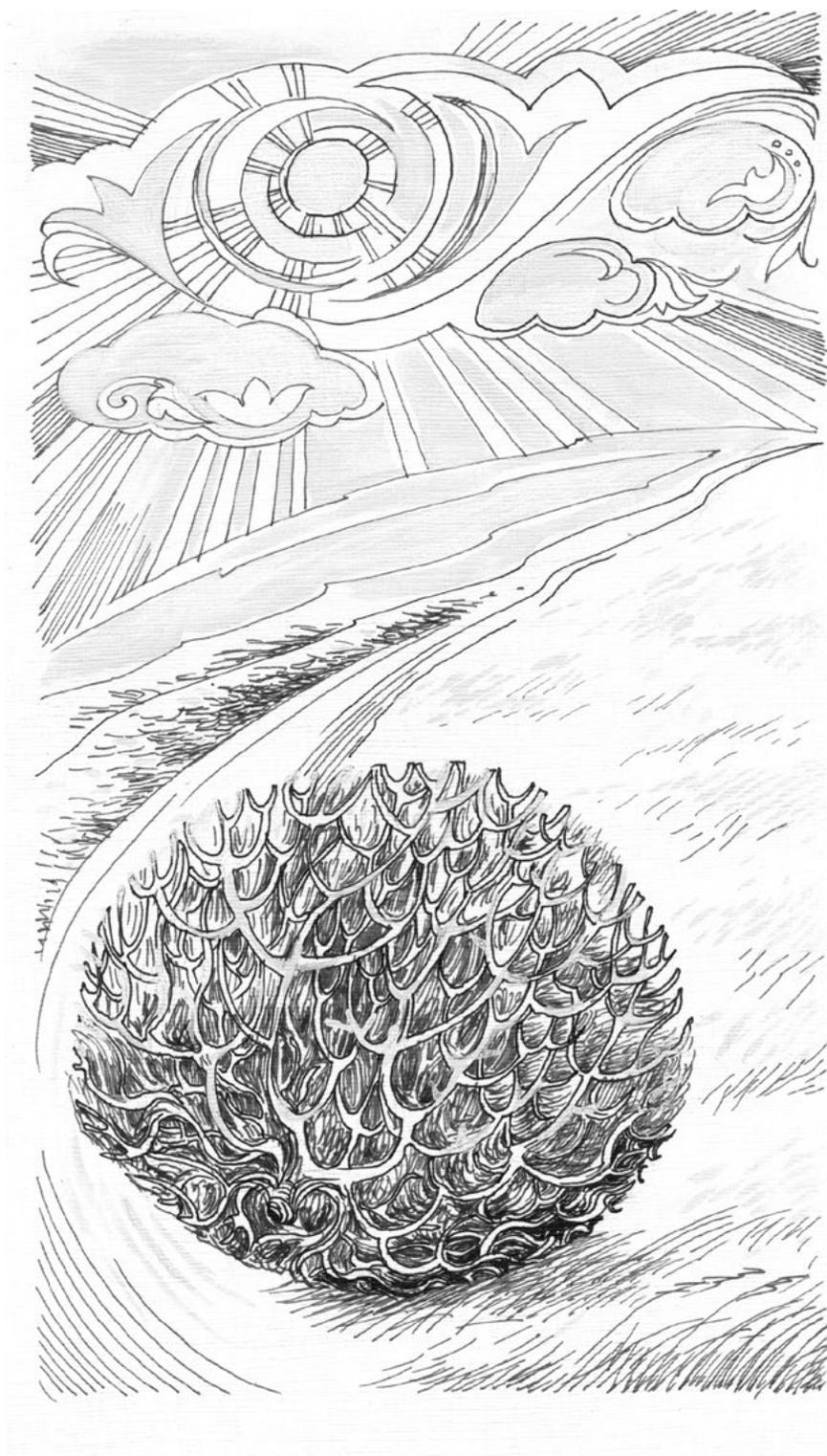
Перекасти-поле летит по земле, не считая границ. Когда-то проклюнулось малое семечко в нежный росток, жадный до жизни: рос он на скудной земле, добывая желанную влагу в тёмных глубинах земли. Выходил срок, и растение засыхало, пережив цветение, выкормив семена. И тогда отрывалось оно от земли, и начинался непрерывный бег по бескрайности...

Живому человеку никогда не оторваться от корней: нечто невидимое привязывает его к отчужденному дому. Можно убежать на край земли, но тогда крепко натянутая нить зазвенит струной тоски: тёплыми волнами молочной реки закачается память в зыбке воспоминаний... Слаб человек в такие минуты...

Десять мужчин и одна девушка скакали по обгоревшему полю. Близилась ночь, кони всё чаще фыркали от нетерпения, привычные к ночной воле выпасов. Посчитав, что ушли на безопасное расстояние от погони, Садык кликнул привал. Расположились в старом овраге с заросшими пологими спусками. Внизу было прохладно и сыро: там протекал ручей. Джигиты быстро стреножили коней, чтобы отпустить их на сочные травы. Набрали сухих веток, разложили костёр, достали из дорожных сумок припасы. Без суеты, молча, степняки устраивали свой походный ночлег. Только девушка стояла без дела в сторонке. «Мариам, Мариам, Мариам...» — как заклинание повторяла она, возвращая себе исконное имя.

— Сестра, иди, поешь с нами! — Садык доброжелательно улыбался, сверкая ровными зубами.

Мужчины постороились, уступая место у костра неожиданной попутчице.

Вяленое мясо, курт, сушёное вываренное пшено — обычная походная пища воинов.

— Прости, хлеб забыли у урусов, — вожак явно издевался над дочерью мурзы.

— Спасибо за угощение, уважаемые!

— Каким ветром перенесло тебя к урусам? Мурза Бекбулат не кочует в этих землях... Откуда ерлык у тебя? Или ты, дочь мурзы, хитришь с нами?

— Я не обязана отчитываться перед тобой, уважаемый! — Мариам помедлила и добавила, с трудом подбирая слова. — Я действительно дочь мурзы, потерялась во время нападения на нас врагов. Урусы спасли меня от смерти несколько лет назад. Я жила среди них. Отец, наверно, меня перестал искать.

— А ерлык?!

— Он настоящий, только посольский, его мне дала моя приёмная мать. Её отец был татаринном.

Ошеломлённые джигиты не знали, как реагировать на такое заявление девушки.

— Ах, ты лиса! Ты нас обманула! И говоришь нам в лицо среди степи? Да мы бросим завтра тебя в утробе этого оврага на съедение волкам! — Садык злобно выкатил глаза, но не сдержался: начал хохотать от удовольствия — ему понравилась смелая выходка Мариам. Засмеялись и другие. Оттого, что маленькая слабая девушка помешала им захватить добычу, им было почему-то смешно. С восхищением смотрели испытанные бойцы на дочь мурзы, которая не только обманула их, но и не побоялась признаться в этом прямо им в глаза.

— Слышал я, что Бекбулат-мурза вернулся на зимовье. Раньше всех ушёл с ждай-ляу. Он умён, боится голодной зимы, припасы скотине готовит.

Тут и забилося сердечко Мариам: она узнала, что отец жив, что род цел. Нахлынули слёзы, рыдания затрясли тело. Понимающе отводили глаза джигиты. Почти у каждого отозвалась в душе тоска по дому. Оторванные на долгие месяцы от жён и детей, эти степные воины старались не вспоминать лишний раз родных и близких: так растапливалась удаль, терялось мужество. Поэтому любили перешучиваться, рассказывать о подвигах батыров, обсуждать планы набегов.

Выставив охрану, легли спать. Мариам дали меховую подстилку, в которую она завернулась, как в кокон. Сон не шёл к усталой девушке. Отвыкшая от верховой езды, она натёрла между ногами. Радость от предстоящей долгожданной встречи с родными странным образом переплеталась с тоской по новому дому. Не могла отогнать от себя образы Дарьюшки, Марьи, Настеньки... Но томительней всего, безысходней всего терзало её воспоминание о Ване. Больше никогда не встретиться с ним на этой земле! А она даже не успела с ним попрощаться! И что он подумает про неё: предательница, которая, не оглянувшись, убежала со своими? Никогда не узнает Ваня, почему она не могла остаться... Пыталась думать о бабушке, о матери и сёстрах, но перед глазами опять вставали Марья, Дарьюшка, Ваня...

Утром помчался отряд по степи. Сухой резкий ветер бил в лицо острым запахом увядшей травы. У Мариам кружилась голова, она еле держалась в седле, стала отставать от наездников. Кто-то оглянулся и увидел, что девушка почти без сознания. Недовольные задержкой джигиты зло чертыхались. Казалось, что они готовы бросить неожиданную обузу прямо посередине пустыни, но Садык решил по-своему: он посадил девушку за собой, и скачка продолжилась. Хитрый, не родовитый, живущий одной воинской удачей Садык был неглуп. Ещё в станице он понял — что-то не так, но рассуждать было некогда. Ерлыки теперь редко имели силу, ими мало уже пользовались, и он об этом знал. Но вспомнились вдруг слухи о пропаже дочери Бекбулата: мурза обещал вознаграждение тому, кто найдёт его дочь.

На следующий привал не нашлось оврага, вокруг лежала пустыня, ровная и бескрайняя. Не стали разводять костры, завалились сразу спать. Мариам была так слаба, что не могла ходить. На этот раз мужчины её сторонились. Садык кинул ей подстилку и больше не смотрел в её сторону.

Звёзды усыпали небо сверкающими гроздьями огня, они пугали воображение таинственностью знаков, они звали к себе чудесной игрою света, они заставляли заглядывать вглубь себя и спрашивать: что я делаю на этой земле?

Утром вновь полетела земля, приближая цель. Мариам приноровилась к бегу лошади, стараясь попадать в такт её движению. Головокружительно возвращаясь к родным землям, она вдруг перестала о чём-либо думать. Стараясь не отставать, неслась она за своими попутчиками.

Волновали её знакомые с детства запахи влажной земли... В груди тревожно билось сердце... Иногда девушка переставала чувствовать лошадь: тогда казалось, что она летит, словно птица. Это было как наваждение из прошлого – бесконечный бег по бескрайней степи... Акбала... Но даже это воспоминание не вывело Мариам из душевной спячки, словно кто-то оберегал её сознание.

Дневной привал был короток. Быстро перекусив, всадники продолжили бег. По своим заметкам они знали, что скоро начнутся владения Бекбулата. Сначала наскочили на пастбище, перепугав пастухов. После недолгих переговоров поспешили дальше. Осталось проехать совсем немного, чтобы до темноты успеть попасть в аул.

Вскоре показалось становище Бекбулата. Встретил их сторожевой отряд мурзы, завязались переговоры. Онемевшая Мариам молчала, у неё не было ни слёз радости, ни сильного волнения, только головокружение от долгой скачки. Встречавшие удивлённо рассматривали всадницу, не узнавая когда-то пропавшую девочку. Садыку вдруг показалось, что его обманула эта дерзкая девчонка, никакая она ни дочь мурзы... Но тут кто-то из джигитов мурзы гикнул и поскакал к аулу. Девушку окружили кольцом стражи отца, оттеснив пришельцев. Все медленным шагом двинулись к встречающим.

Страх, радость, счастье, боль — всё смешалось в душе Мариам. Её волнение передалось джигитам: заблестели глаза, то там, то тут раздавался смех, всадники весело переговаривались. Наконец, расступились все, выдвигая вперёд смущённую девушку, а навстречу из толпы вышел сам мурза Бекбулат.

Совсем не так представляла встречу с родными Мариам. Отец не кинулся к ней, а молча взял под уздцы лошадь и повёл к аулу. Народ высыпал навстречу, сгрудился по обе стороны дороги: женщины кусали уголки платков, мужчины опустили головы в косматых шапках. Даже дети притихли, поддавшись общему настроению. Мариам никого не узнавала, все казались чужими и незнакомыми. Ни матери, ни бабушки, ни сестры среди встречающих не было. Народ притих, потому что свершилось невиданное — из русского плена вернулась девушка! Возвращались из похода воины — к ним бежали навстречу, дети бегали по юртам за суюнчи, радость выражалась в криках, смехе. Возвращались разведённые женщины или вдовы к своим семьям — их приводили родные, укутав покрывалом, втайне, вечером. Даже были случаи возвращения из плена мужчин, очень давно, — их встречали скачкой джигиты, как героев-мучеников. С хаджа возвращались старики, тоже редко, — тех встречали с почтением, с поклонами, вели сразу к главной юрте. Но никогда не возвращалась пропавшая девочка, поэтому никто не знал, что делать.

Не выдержала бабушка, ещё не пришедшая в себя от вести, что нашлась дорогая пропажа, выбежала навстречу внучке, завывала во весь голос, ухватив за ногу Мариам,

не давая ей сойти с лошади. А внучка сама свалилась с седла прямо ей в руки... Уже не сдерживаясь, рыдали женщины, даже мужчины утирали невольные слёзы.

Мелькнуло красное платье, кто-то протискивался через толпу к Мариам. Наконец, оторвав от бабушки, обняла крепко сестру Мадина. Одна она смеялась, а не плакала, одна она ликовала от радости:

— Ты вернулась, малышка! Ты живая!

Люди заулыбались, стали обниматься и поздравлять друг друга:

— Аллах вернул нам Мариам! Слава Всевышнему!

Потом девушка перешла в руки тётушек, те зацеловали её. Мариам искала глазами мать, но Галимэ среди встречающих не было. Кто-то поднёс девушке чашку с молоком, она успела сделать всего несколько глотков, как оторвала бабушка от всех своё сокровище, спеша закрыть её от любопытных глаз. Волнение в толпе прошло, уже начинались тихие пересуды, никто не расходился: то одна, то другая голова показывалась в дверном проёме, пока старуха не прикрикнула прислужнице, чтобы та никого не пускала. Исчезла куда-то Мадина.

Бекбулат распорядился насчёт отряда Садыка. Уже свеживали овцу, готовили гостевую юрту. Он ни о чём пока не расспрашивал спасителей. Первые джигиты-вестники успели рассказать, что девушку вырвали из рук урусов, сейчас эта новость облетела весь аул, обсуждалась на каждом углу. Люди не могли не заметить, что девушка вся в золоте, как в день пропажи. Эта загадка мучила всех, поэтому говорили разное, спорили.

— Моя душа! Ты убила меня, но ты сегодня вернула мне жизнь! Прости меня, моё золото, моя маленькая девочка! — Бабушка сидела на тактанбите¹, прижав голову внучки к груди. Мариам ещё всхлипывала, икала от долгого плача. Она молчала, давая бабушке возможность выговориться.

— Моё солнце! Когда ты пропала, многие думали, что ты умерла, а я знала, что вернёшься! Так и говорила: буду жить, пока мой верблюжонок не вернётся домой, пусть пройдёт целый век, но дождусь! Дождалась!

— Анэ, а где мама? Где Юсуф? Где Фатима? Почему Мадина здесь? Где няня? — Мариам хотелось узнать всё и сразу.

Бабушка сразу подобралась, отпустила голову внучки, молча, не отвечая, долго рассматривала дорогое лицо. Наконец, разжала губы:

— Мать скоро родит, может уже родила, сейчас пошлю к ней женщину. Успеешь к ней, завтра с утра пойдём! Няню похоронили в прошлом году, оставила она меня одну, бессовестная. Заснула и не проснулась. Старая была! Про Мадину узнаешь от неё, сама расскажет. Ничего хорошего! Мангытка приезжала недавно, узнает про тебя — обязательно прискачет! Мужик, а не баба!

— А братик?

— Что братик? Меня совсем не признаёт! Уши ему оторву когда-нибудь!

Тут впорхнула в юрту Мадина с крошечной девочкой на руках:

— Смотри, вот тётя Мариам! Скажи: здравствуй, тётя! Это моя доченька Саня! Правда, на меня похожа?

Черноглазая смуглая девочка совсем не походила на белолицую маму, но Мариам кивнула головой.

— Ой! Почему тебя до сих пор не покормили, не искупали, не переодели?

Мадина, кинув малышку на руки сестре, выскочила на улицу. Благодаря её хлопотам, через час Мариам была искупана, переодета в новое платье сестры. Прислужницы накрывали дастархан. Уже стемнело, зажгли светильники. Мариам хотелось

¹ Тактанбит — деревянный настил небольшой высоты.

бежать к матери, но она боялась обидеть бабушку. Вдруг на пороге возникла женщина в тёмном платье: расплывшаяся фигура, лицо скрыто в тени. Дочь угадала мать раньше, чем увидела её лицо!

— Мама! Мама! Прости меня, мама! Прости меня, мама! — Мариам повалилась под ноги онемевшей женщине. Галимэ тихо подняла дочь, обхватила горячими руками милое лицо и застыла, вглядываясь в каждую чёрточку, словно проверяя — она ли? Ни слова! Поцеловала в лоб, развернулась и пошла тяжёлым шагом к себе.

— Не выдержала душа! Мать всё-таки! — зашептались женщины, приглашённые к трапезе.

Бабушка поджала губы, но промолчала. Она сильно изменилась, постарела, потемнела лицом, похудела. Мариам помнила грозную бабушку, тучную, властную, степенную, а встретила немного потерянную старуху, со слезящимися глазами и запавшим ртом.

Пока никто не расспрашивал Мариам, где она была, как жила, словно это было запретным. Сама она говорила мало, с удовольствием ела свежую баранину, пила кок-шай, грызла курт. Несколько старших тёток, приглашённых на ужин, посудачив, быстро ушли, оставив бабушку с внучкой вдвоём. Мадина ушла раньше всех, укутав заснувшую дочь в большой тёплый платок.

Ни о чём не спрашивала мудрая старуха бедную свою девочку. Внучка легла, положив голову на подушку, которая покоилась на коленях бабушки, и та гладила Мариам по волосам, напевая колыбельную. Первый раз за три года они были вместе, и не надо было лишних слов, чтобы рассказать о любви и о тоске. Ночь обняла их прохладой, но никто не замечал её свежего дыхания. Все крепко уснули. Круглая полная луна, как колобок свежесбитого масла, каталась в черноте небесной пахты, какие-то знаки таились в глубине её мягких золотых боков. Чьи судьбы расчерчены высшей волей? Кто знает? Аульные собаки бродили между домов и юрт, завывая от непонятной тревоги. Потом и они притихли.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Ногайцы любят приволье, их не пугает необозримое пространство. Свежий ветер обдувает душу, сметая всё лишнее, и она ликует от радости! Но и зимний аул, кыйслав, имеет свои преимущества: здесь обжитые места, готовые овчарни, полные колодцы, тёплые саманные постройки. Хозяйкам легче управляться с хозяйством, когда много посуды, много клетушек, куда можно сложить разную утварь. И особенно удобно женщинам в зимнем ауле готовиться к большому пиру.

В честь чудесного возвращения дочери мурзы было решено провести кудайжол, праздник благодарения. Бабушка с утра хлопотала о подарках мулле и знатным гостям. Мадина распоряжалась женщинами, убравшими большую, специально для этой цели собранную, юрту. Она командовала, весело прикрикивая на помощниц, оставив дочь под опеку сестры.

Аул шумел, как растревоженный улей: все хлопотали, носились по делу и без дела. Мариам сидела в домике бабушки с племянницей. Всё изменилось! Бывает, потеряешь нечаянно важную вещьцу, ищешь, злишься, переживаешь: ведь вещь эта нужна тебе. Потом вдруг находишь её через много дней и удивляешься: вроде та, но совсем не та! Оказывается, она не так красива и нова, как думалось при пропаже. И краски не те... То же самое чувствовала сейчас Мариам. Изменилась бабушка, став обыкновенной старухой. Изменилась гордая своенравная Мадина: из заносчивой красавицы

превратилась в хозяйственную молодую женщину. Мариам вчера из разговоров поняла, что сестра осталась вдовой, но как это случилось, никто ещё ей не рассказывал. Отца дочь толком не рассмотрела, но и он показался ей чужим. Бледная тень матери — вчерашняя беременная молчаливая женщина, вызывала сегодня у Мариам жгучее беспокойство.

А думалось о другом: Ваня считает её предательницей! Но закрыв глаза, вдруг представила смелый взгляд мальчишеского худого вытянутого лица с тонкой усмешкой губ, и поняла, что Ваня поймёт! Они умели всегда понимать друг друга без слов. И сейчас верила, заставляла себя верить, что он не осуждает беглянку. «Я объясню, когда встретимся!» Странно, но попав в станицу, Мариам не имела надежды вернуться к своим родным, ей казалось, что путь заказан навсегда. Но сейчас, после внезапного возвращения домой, она поверила в чудо! Она встретится и с Ваней, и со станичниками! Иначе не может быть!

На праздник подросла вторая сестра, она буквально влетела в аул на громадном рыжем коне. Кинувшись к Мариам, обдала её запахом конского пота, одежда Фатимы была грязной, платок несвежим. Бабушка замахала на неё руками, выгоняя из дома:

— Бесстыдница! Когда перестанешь нас позорить? От тебя несёт, как от грязной собаки! Уйди с глаз долой!

Фатима отмахнулась от бабушки, не переставая обнимать сестру.

— Прямо с пастбища, как узнала, так сразу к тебе! Сейчас уеду, вправду, я тут, как бельмо на глазу. Ты сама приедешь ко мне, дам знать! Я знала, что выживешь! Иначе твоя дорогая анэ нас всех извела бы!

Фатима смеялась, она выглядела сильной, здоровой, несмотря на неряшество. Ничуть не изменилась: такая же уверенная, весёлая, смешливая. Побранившись с бабушкой, перецеловав всех, опять умчалась, как ветер, к своим мангытам. Её короткий приезд вернул Мариам опору, она, наконец, осознала, что — дома. Порадовал Мариам братик Юсуф, толстенький карапуз с выпученными глазами, смешной непоседа. Три няньки, приставленные к нему, к вечеру падали без сил. Немного постеснявшись перед тёткой, малыш начал бегать по дому, играть с Санией. Глядя их по голове и целуя в глазки, Мариам думала о Дашеньке.

Кудайжол прошёл благополучно, все были сыты, довольны. Из врождённой деликатности опять никто не тревожил расспросами. Но это тяготило Мариам, ей хотелось всё рассказать самой, особенно в те минуты, когда слышала проклятья в адрес урусов.

Ей передали, что мать разрешилась благополучно от бремени, родила мальчика. Мариам пошла к ней. Для жены Бекбулата даже в зимнем ауле ставили большую белую юрту, терме. Галимэ, необыкновенно похорошевшая, хоть и усталая, лежала на пёстрой постели. Женщин, помогавших при родах, она выслала из юрты. Туго запелёнатый ребёнок крепко спал в деревянной люльке. Мариам с умилением рассматривала крошку-братика: он был похож на отца, широкоскулый, тёмненький. Посредине юрты пылал огонь, дым уходил через отверстие наверх.

Матери тихим голосом и рассказала Мариам свою повесть. Медленные слёзы текли из ласковых тёмных глаз Галимэ. На прощанье она обняла дочь и с улыбкой отпустила к гостям.

Вечерело. Было достаточно тепло для осени, никто не расходился. Джигиты запрягли скачки. Народ повалил за бугор, на широкий, давно затоптанный луг. Мадина в новом ярком наряде заставила сестру накинуть праздничный каптал и надеть высокий, весь в золотых монетах девичий убор и потащила её к зрителям. Дочку она оставила на этот раз бабушке. Видно было, что Саня привыкла часто расставаться с матерью. Она даже не плакала.

Много красивых девушек в роду Бекбулата. Даже самые бедные семьи стараются приодеть девушку на выданье. Но никто не мог сравниться с Мадиной. Замужество пошло на пользу старшей дочери мурзы: она пополнела, нежные круглые щёки атели под чёрным полукружьем ресниц. Рядом с ней Мариам казалась девочкой. К тому же младшая сестра стеснялась любопытных взглядов. Недовольно посмотрел на них отец, Мариам приняла это на свой счёт. Но дело было в другом: яркая вызывающая красота Мадины сводила с ума многих джигитов. Стали наезжать из других родов частые гости, лишь бы посмотреть на красавицу. Бекбулат боялся, что дойдёт до греха или до похищения. Выдать бы скорее её замуж!

Молодёжь долго не расходилась, устроив песенное состязание, когда девушка и парень поют друг другу речитативом разные комплименты. Мадина увела к себе на ночь сестру, оставив дочь бабушке. Та поворчала, но мешать сёстрам не стала.

Всю ночь Мадина и Мариам не спали, делились всем, что произошло за последние годы. Умолчала старшая про свёкра, а младшая — про названного братца. Есть тайны, которые нельзя отрывать от сердца, делясь даже с самыми близкими людьми. Пусть тайны лежат сокровищем на душе, от этого они становятся ещё дороже.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

В смутное время, когда рушились города, исчезали целые государства, жизнь человека так мало значила. Всего за три года пали два ханства — Казанское и Астраханское, сменились правители многих земель, людские полчища перетекали из края в край, чтобы сойтись однажды в чистом поле для смертельной битвы. Менялись границы, менялись знамёна, враги превращались в друзей, друзья превращались во врагов, братья поднимали мечи друг на друга.

Путь стрелы недолог, но она на коротком веку познаёт взлёт, полёт и падение. Не раз может повториться одно и то же, пока меткий стрелок не поймает удачу. И тогда стрелу ломают, вытаскивая из ран, или оставляют истлевать на теле поверженного врага. Много тысяч стрел, миллионы стрел смешаны с песком пустынь и степей. Почти на каждом — печать удачи и печать смерти. Не расплести их веками.

Судьба воина порой напоминает путь стрелы: он погибает, добывая победу своему правителю. А если остаётся жив, то его ждут новые битвы во славу царей. И так до самой смерти. Редко кому удаётся встретить старость в кругу семьи.

Когда человек очень сильно чего-то хочет, то ему помогает всё: и случай, и люди, и боги. Когда многие молятся об одном и том же, то сила слова обретает могущество действия, и тогда творятся невиданные дела. Неразборчивые потомки потом сочтут чудом подвиги предков, не вдаваясь рассуждения об общей воле-молитве народа. Недаром умные враги стараются заранее внести смуту среди племени, подсылая лазутчиков-провокаторов или подкупая недовольных. Когда начинается распря и отщепляются часть за частью куски от целого, тогда теряется единство, а молитвы не доходят до небес, и свершается погибель. Будут потом островками среди моря торчать обломки былой громады. Не богатством исчисляется род, а количеством душ, готовых сохранять свой род от врагов и молиться за свой дом.

Даже в волчьей стае не могут два вожака ужиться, они начинают войну между собой, обнажая клыки и прокусывая загривок друг другу. И пока звери стаи стоят за спиной старого вожака, он всегда побеждает. Но настанет день, когда отойдут от него сородичи, примкнут к другому: тогда смерть облизнет поверженного главаря.

Ничему не учат примеры, и воля одного человека, забирая волю многих, начинает свой путь к неизбежному. Два брата — одной крови и одного корня, не могли ужиться на бескрайности степного раздолья. Безрассудно смелый Юсуф-бий мечтал о единстве ногайского народа. Государственный ум подсказывал ему нужные решения. Если бы родной брат Исмаил, владеющий половиной ногайских земель, был бы с ним заодно, то не стало бы в целом мире силы, равной их могуществу. Исмаил-бий, осторожный, с волчьим чутьём, был подвержен другим идеям. Ему важнее жить в мире с соседями, видеть свой народ довольным и сытым. Даже зная бесстрашие своих туменов, он бы никогда не решился идти войной на Московию. Прирождённый дипломат, он любил действовать обдуманно, исподтишка. Конечно, он не терпел рядом с собой русского духа, но перед царём заискивал, втайне надсмехаясь над его молодостью, всё же предпочитал согласие. Не поддержав старшего брата в казанском походе, а позже в московском, Исмаил-бий разбил все мосты родства. Подрастающие волчата, племянники, его ненавидели. Так же вели себя и сыновья самого Исмаила, не оказывая почтения к старшему в роду, к Юсуф-бию.

Давно задумал Исмаил-бий построить на реке Бузан, в низовье Волги, новый Сарайчик — столицу Большой ногайской орды. Он знал, что только в дружбе с русским царём возможно такое строительство. Кто знает, хотел ли потом лукавый Исмаил, накопив силу, отречься от русской власти? Но пока тяготела над ним ещё и верховная воля Юсуф-бия, ничего из задуманного не осуществлялось.

В зиму, когда младшая дочь мурзы Бекбулата приживалась заново в родном юрте, летел над Ногайской степью тайный клич Исмаила-бия: быть готовыми к войне.

Нужна особая мудрость, чтобы в такое тяжёлое время не стать игрушкой властолюбия, чтобы уцелеть самому и сохранить свой род. Недаром мурза Бекбулат слыл дальновидным и хитрым правителем: балансируя между двумя братьями, он не был втянут в их интриги. Несчастливое замужество дочери связало его всё-таки с семьёй Юсуф-хана, властителя Большой Орды. Верная служба Исмаил-бию, властителю Малой Орды, охраняла его род от вражды с Московией. И получилось так, что в самое беспокойное время той эпохи род Бекбулата жил в мире. Если бы не страшная зима, лишившая ногайцев многотысячных табунов, этот юрт можно было бы назвать богатым.

«Аллах вознаградил нас за долгое терпение! Слава Аллаху!» — говорили простые люди, набивая свой живот праздничной едой. Вслед за чудесным возвращением Мариам следовало имянаречение сына мурзы. Мальчика назвали Сабиром...

Весной тронулся весь мир: скакали и скакали к Исмаилу-бию воины его руки. Юсуф-бий под предводительством сыновей повёл на брата своё неисчислимое войско. Не отвертелся на этот раз и Бекбулат от войны: встал со своим небольшим отрядом под знамёна Исмаил-бия. Несколько дней стояли люди одного языка и одной веры друг перед другом. Крымские, русские, казанские и астраханские посланники сновали среди ногайцев, каждый преследуя свои интересы. Аллах оставил Юсуфа, победил Исмаил, ставший отныне бием огромных земель. Он выдал своих племянников русскому царю, который пощадил княжичей, дал им земли и городки на Руси. По иронии судьбы сыновья и внуки непримиримого Юсуфа стали русскими подданными, основателями княжеских родов Юсуповых, Урусовых.

Некоторые роды, не желая быть под рукой Исмаил-бия, ушли в Крым. Победа не принесла желанного покоя: зрело недовольство среди свободолюбивых степняков правлением Исмаила-бия, лишившего ногайские роды привычной добычи: веками ходили они на русские земли за полоном.

Невозмогу было джигитам стеречь табуны и пасти отары. Началась делёжка земель между родами, недовольные нападали на соседей, разгоралась вражда. Новоиспечённому бию приходилось усмирять мятежных, карать отступников. Особо жестоко расправлялся Исмаил-бий с бывшими подданными брата, всегда подозревая измену. Кипел, как котёл на огне, ногайский мир: был порушен привычный уклад, диктовались новые законы, кишели в аулах нелепые слухи. Но степь издавна жила бесконечной сменой условий: менялись правители, пределы государства, даже вера пришла новая. Но одно было извечно: слепая страсть к наживе и жажда подвигов заставляла джигитов искать счастья в набегах и в войне. Исмаил-бий задумал невиданное: создать мирное государство ногаев. Хитрый и изворотливый, умный бий наблюдал нарастающую силу урусов. Зная хорошо историю Золотой Орды, Исмаил понимал, что воевать с Русью трудно. Он шёл против своего сердца, но иначе поступить не мог. Желая сохранить свои земли, ногайский правитель заключил мир с Москвией.

Большие перемены государственного значения мало затронули быт ногайцев. Обычай и обряды не меняются по велению ханов и биев. Сложенные веками общезжития, привычный уклад не теряет своей самобытности, только незаметно видоизменяется по велению времени. Так же, как до великого раздела земля, так и после объединения степных племён, в аулах жизнь текла по своим неписаным законам.

Мурза Бекбулат обрёл, наконец, душевное равновесие: ему не приходилось больше метаться между Юсуфом и Исмаилом. Вернувшись к своему юрту, мурза отбросил прежнюю осторожность, стал жёстко усмирять вольных джигитов, уличённых в тайных набегах на соседей. В недолгой междоусобной войне Бекбулат-мурза сумел сохранить своих людей, отделившись самыми малыми потерями. Но после распри быстро таял его отряд: уходили молодые и безрассудные воины к другим мурзам. Но не страшился Бекбулат остаться без дружины: выросли юные, заменяя братьев.

Вырастает из затоптанной земли поросль, заново застилая степь по весне животворной зеленью, успевая за короткий век насладиться солнцем, расцвести, набрать плод и раскидать по свету свои семена. Человек, подобно растениям, переживает расцвет и сохнет на исходе жизни.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Неожиданно заболела и слегла мать мурзы. Укус змеи смертелен, он всегда неожиданный. Яд копится понемногу, а взбрызгивается моментально. Недаром поётся:

*Змея запряталась в песках,
Её ты сразу не заметишь,
Порою в длинных языках
Змеиный яд быстрее встретишь.*

Ушли недовольные джигиты, посеяв смуту в умы людей. Подхватили разлад женщины, втихомолку осуждая мурзу и его семью. Припоминали позорное поведение Фатимы, недолгое замужество Мадины, а больше всего досталось Мариам. Не умолкали женские голоса по углам юрта. Ногайки приветливы, обходительны, редко поднимают они голос, разве что кричат на детей. Ничего плохого не сделали дочери Бекбулата-мурзы другим, никого не обижали и не унижали, но само высокое положение колело глаза аульчанкам. Не все любили властную Джамилу-бике, чужачкой была жена Бекбулата, дочь рабыни Галимэ, мало с кем дружившая, но всю накопившую желчь направили злые языки именно на Мариам. Поначалу искренне сочувствовавшие несчастной девочке женщины вдруг изменили своё отношение. Пошёл

гулять цепкий, как гнойное поветрие, слушок о том, что делала Мариам среди урусов. Дескать, пленницы всегда служили забавой мужчин, даже малолетние девочки попадали в наложницы. Неужели Мариам пощадили? За что они сохранили ей жизнь, не забрали украшения? Шептались, кривя губы, о бесстыдстве той, что вернулась опозоренной и смеет строить из себя невинную. Улыбаясь и ласково разговаривая с Мариам при встрече, люди внимательно оглядывали её фигуру: поговаривали, что возвратилась она беременная. Робкие голоса сомневающихся гасли под напором злобствующих. Мариам иногда перехватывала насмешливые взгляды, но понять их не могла. Кто-то донёс злую сплетню Джамиле-бике. Может, это сделали нарочно, чтобы уколоть вредную старуху! Схватившись за грудь, сползла она на цветной киез¹, свалилась намертво. Так падает дерево, подрубленное у корня.

Перепуганные прислужницы побежали к Мадине, та подняла на ноги всех. Хоть и ворчала бабушка, что старшая внучка родилась с каменным сердцем, но именно Мадина, заливаясь слезами, приводила её в чувство. Оставив подле очнувшейся, но безъязыкой бабушки прислужниц и Мариам, Мадина сначала побежала к старухе-баксе, потом дошла с горькой новостью до отца. Потом она стала допытываться, кто довёл мать мурзы до удара. Тут и выплыла грязная сплетня, порочащая сестру. Переборов негодование, Мадина судорожно решала, как обрубить этот мерзкий поток лжи. Только сейчас она начинала понимать недомолвки, ехидные вопросы про Мариам, улыбочное сочувствие... Как сказать такое отцу? Как наказать этих сплетниц, не оставив вовек сестру? Может статься, что неправда пойдёт дальше их аула, если уже не пошла?

Как не хватало ей сейчас решительной Фатимы! Будто чужую беду, прискакала на второй день и она. Так и не рассказав отцу про позорную молву, сёстры решили действовать сами. Мариам, ничего не ведая, сидела с бабушкой, которая стала понемногу приходить в себя.

Мадина пригласила в гости женщин, якобы отблагодарить их за что-то. Собрали самых явных сплетниц, на кого указали по секрету дженге, которые, оказываются, тоже знали о слухах. Ничего не ведающие разнаряженные женщины под завистливыми взглядами неприглашённых подруг радостно заходили к тем, кого только что порочили за углом. Никто потом толком не рассказывал, чем грозили им мстительные дочери мурзы. Надо думать, всем досталось по хорошей мере яда, ими же накопленного, потому что выходили пристыженные сплетницы низко опустив головы.

По ногайским обычаям, власть мурзы над родом беспредельна, он может даже казнить уличённого в воровстве или измене любого. Если бы Бекбулат-мурза узнал обо всём, то трудно представить его гнев! Поэтому виноватые сами начали возвращать доброе имя опозоренной девушке. Фатима уехала, а к Мадине приходили каждые три дня по очереди наказанные женщины и докладывали обо всех разговорах. На вопрос Мариам, почему зачастили к ней бабы, сестра скромно отвечала: «Я хочу узнать больше об обычаях наших, вот они мне рассказывают по очереди...»

Пёстрая бабочка большая редкость в степи. Увидевший её среди травы человек даже не пытается поймать воздушную красоту, а с замираньем сердца следит за её перелётами, пока не потеряет из виду. Недаром «кобалак» — один из самых поэтических образов у ногайцев, обозначающий нежность и мимолётность. Во сне увидела Мариам яркую бабочку с огромными перламутровыми крыльями. Она летала над песками, и тень её была такая же радужная, как и она сама. Как отражение на воде, думалось во сне девушке, но она знала наверняка, что вокруг одни пески. Проснулась Мариам с щемящим чувством тоски. Долго лежала потом с открытыми

¹ Киез — войлочный ковёр с наложенным рисунком.

глазами, отгоняя от себя образы забытых людей. Ни к чему терзать своё сердце! Но наплывали запахи: реки, леса, рыбы, резкий квасной дух... Она скучала даже по ним! В родном ауле раздражал прогорклый запах бараньего жира, кислый запах от женских волос, мытых в сыворотке... Также долго привыкала она в станице к душному рыбному запаху. Ногайцы чистоплотны, в отличие от некоторых других степных племён, но сказывается недостаток воды. Девушка шумно вздохнула, смаргивая крупные тёплые слёзы...

Выздоровливающая бабушка пытливо всматривалась в лицо внучки. К старухе уже вернулась речь, но говорила она мало, слабая от усилия. Мадина, улучив минутку, сказала наедине ей слова утешения: сплетни Мариам прекращены, виновные наказаны. Как ухватилась она тогда за нежные руки Мадины, как гладила их в немой благодарности за хорошую весть! Теперь, рассматривая свою любимицу Мариам, решала про себя последнюю задачу: как выдать её замуж? Поднявшись из последних сил, поспешила она к сыну. Недолгое их свидание завершилось соглашением: мурза разрешает ей найти достойного жениха. Старуха собралась тут же в гости к своим сёстрам, живущим очень далеко, якобы попрощаться с ними перед смертью. Небольшой караван исчез в знойной степи. Через два месяца, уже осенью, анэ вернулась домой. Она была торжественно молчалива, таинственно поблёскивали узкие глаза на похудевшем от дороги лице. Несколько дней шли к ней гости, чтобы послушать новости, порадоваться благополучному возвращению. Старуха стала мягче, шутила, смеялась. А причина веселья скоро объяснилась: вскоре приехали свататься к младшей дочери мурзы из далёкого угла достойные люди. Правда, выяснилось, что берут Мариам второй женой, но выбирать не приходилось. Жених был молод, богат, самостоятельно правил родом. Приходился он родственником со стороны мужа младшей сестры бабушки, успевшей даже познакомиться с будущей свекровью.

Но девушка не хотела замуж! Радостная для всех весть упала камнем на её сердце. Втайне Мариам надеялась на чудо: что встретится вдруг с Ваней, что убежит обратно в станицу...

Как бабочка исчезает в воздухе, оставив щемящую память о красоте, так первая любовь исчезала в сутолоке обычаев и чужих интересов. Кобалёк — короткое счастье, не доживающее до следующего рассвета! Молодые женщины, расшивая для Мариам свадебные подарки ярким шёлком, дружно пели:

*Бабочка души моей, бабочка любви моей,
Лучше тебя в мире не найти!
К милому лети скорей, к милому лети скорей,
О моих страданьях расскажи.*

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Может, и долетела та сказочно-красивая бабочка нежности и бесконечной тоски до далёкого берега? Кто знает пределы чудесного?

Всё реже вспоминали Аню в селе — время стирает детали и облик, но в истории села она осталась навсегда. Каждый знал, что когда-то жила с ними ногайская девочка, спасающая станицу.

На Ваню смотреть было тягостно после ухода Анечки. Никто до сих пор не знал, что любит он названную сестру. Как и Пётр после похорон первой жены, Ваня замолчал надолго. Забывался парень работой, но спокойствия не находил. Марья после

родов сразу встала. Не было рядом помощницы, Даша была сама малая. Вторая девочка родилась на редкость спокойная. Насчёт имени и думать не стали, назвали Анютой.

Теперь сама Марья шпыняла Петра, чтобы оженить пасынка. Согласна бы и на ненавистную Настю, но та выскочила вдруг замуж без сговора за Мишу. Повзрослевший Ваня стал красивым парнем, весь в отца, только синие глаза — материнские. Табунами ходили вокруг него девчата, но Ваня глаз ни на кого не поднимал. Мария, не чая найти себе помощницу-сноху, стала потихоньку поругивать Анечку, присушившую парня.

Но вдруг Ваня, словно встрепенулся, восстал, как после долгого муторного сна. С радостью смотрел отец на бодрого сына, посмеивалась Марья: «Недолга-то память!» В тот же день, перевезя в тяжёлых трудах накошенное за лето сено, весь чёрный от пыли, со светлыми полосками стёкшего горячего пота, встал сын против отца и сказал, опустив голову:

— Отпусти, тятя, скоро набирать придут, проси за меня!

— Ты что это, тетеря, уйти из дома вздумал? Нет годков твоих для набора! И всё! Погоди чуток, сопляков соберут для войска! И не отговоришься тогда! Слышь, война отовсюду!

От неожиданности Пётр разговорился, засуетился, понимая, что не удержишь парня дома:

— Аль жизни не жаль? Не в бирульки играть зовут, а воевать! Смерть не спросит, сколько годков, ей, бессовестной, всё одно...

Ваня молчал, больше не прятал взгляд, а смотрел синими глазами на отца, только дробно бил по земле граблями.

— Да не стучай, бестолочь, не стучай, грабли-то поломаешь! На кого мать оставим, на кого хозяйство?— Петро развёл руками, исчерпав все доводы.

— Не хочу уходить без спросу, батя! Не могу боле тут, не могу...

Ссутулившиеся острые плечи парня дрогнули. Пётр жалостливо оглядел сына: тонкий и высокий, с острыми чертами крупного лица, был он, как невызревшее дерево, дичок, недавно прилепленный к тёплой земле. «Ведь уйдёт сам, не удержишь!»

— Конь-то ещё не подрос, годок бы и ему погуливать! Завтра поспрашиваю. Молчи покудова, не бреди Марью-то...

Но Марья учуяла враз неладное с парнем: прячет глаза, глотает рыбу так, что подавиться недолго.

— Что удумали, говорите?! Ты, Вань, глаза-то не прячь, всё одно вижу думку твою! Нехристь думкой хороводит, провалиться ей!

Пётр не спеша допил кислуху, обтёр губы и сказал примиряющее:

— Ты, Марья, в думки парню не заглядывай, готовь на завтра с собой поесть, в зорьку рыбалить уйдём! Одежу пересмотри Ванину, на днях с обозом пойдёт.

Марья шлёпнула Дашутку по рукам, погнала из-за стола, села на лавку кормить Анечку, выпростала большую сдобную грудь и надолго замолчала. В этот раз молоко у неё не пропало, его хватило бы на двоих ребятишек. Молчала из-за обиды: без неё решили, не мать она, чтобы у неё спросить...

Она сама, может, из-за Аньки иногда ночи не спит, страшно подумать, что с ней сделали эти татары. Успокаивает себя: чай, свои, довели, небось! А Ванька искать ещё кинется по степи, оторвётся от казаков, пропадёт вовсе...

Задремала с сонным ребёнком на руках, перенеслась в детство своё горемычное, голодное... « Пусть едет, — подумалось, — любовь не отстанет от сердца, коль без дела мается... Вернётся коль, женим, забудется... Мать-то моя через весь свет с дитём за отцом пошла, то-то и любовь...»

Пётр рассудил правильно, приспособив сына к обозу до городка: до службы есть ещё годок, нечего торопить под ляжку казацкую, успеется. Наймётся куда на службу торговую, поворочает мешки, мир посмотрит, может, что и узнает про Анечку, много мирных татар теперь возле жилья собирается.

Марья молча прогромычала чашками да плошками, но перечить не стала, с лёгким сердцем отправила пасынка на вольные хлеба. Хватит ей забот с меньшими, всю кровь высосали, неслухи! Была бы рядом Анютка...

Астрахань, шумный, разноголосый город, ошеломил Ваню. Всю дорогу до амбаров он крутил головой, успевая рассматривать деревянные дома, крепко сцепленные в ряд, беспорядочное скопление разноцветных юрт, низкие глинобитные мазанки. Мелькали русоволосые ухватистые ловцы, встречались весельчаки-стрельцы в красной одежде, смуглые татары спокойно проходили мимо, шумно переговаривались и махали руками округлые кареглазые люди, тараторя не по-русски...

Дядька Архип, старший обозный, обещал отвести Ваню к знакомому купцу. До вечера управились с выгрузкой: затащили красную рыбу в ледники, солёную сгрудили в амбарах. Ночевали с другими такими же обозниками в большом доме: никогда Вася не думал, что можно построить такую длинную хоромину. Архип рассказывал, что второе больше бывают. Врёт, поди. Вытащили домашнюю снедь, поужинали и легли спать на полу, постелив под себя дерюги. Весь следующий день пришлось перетаскивать товар, смотреть за лошадьми, складывать в телеги покупки. Передохнуть было некогда! Только к концу второго дня парня, очумевшего от шума и беготни, Архип привёл к торговым рядам на берегу Волги. Встретил их с брюзгливой миной недовольства высокий дюжий мужик. Архип отвёл знакольца в сторону, переговорил, что-то сунул ему в полы распахнутого кафтана, после чего ушёл, оставив Ваню на попечение нового хозяина.

Купчина попался въедливый, неугомонный, минуты не давал работникам стоять без работы. Сам таскал, играючи, огромные тюки и мешки, покрикивал на неторопливых. В первые дни Ваня уставал непомерно. Потом обвыкся, не бегал зря по первому зову, но от работы не отлынивал. Особо трудно было загружать товар в лодьи по шатающимся мосткам: бывало, летели в воду и тюк, и сам грузчик. Хозяин строго взыскивал за порченный товар, рассчитывал нерадивых. Жили работники тут же на берегу в длинных домах, кормили их из общего котла, не жалея полбы и рыбы.

Хозяин не любил отпускать в город своих работников: нередко пропадали люди, кругом озоровали разбойники, готовые увести с собой дюжих молодцев. Раз в зимний день пошёл Вася смотреть Астрахань. Потянуло его к юртам, тёмными стожками скупченными за речкой Балдой. Жили тут всякие народы, но русские всех называли татарами, оттого и предместье окрестили Татар-базаром. Понимая, что нет здесь Анюты, Иван всё равно бродил среди чёрного едкого дыма из верха юрт, отгоняя надоедливых собак. Чудно было русскому парню заглянуть в другой мир, совсем не сказочный, где вокруг блеяли овцы, мычали коровы, важно возлежали верблюды. Конные в лохматых шапках не обращали на Ваню внимания, дети разбегались и прятались в юртах, женщины прикрывали лицо рукавом и тоже уходили степенно в укрытие. И никто обликом не напоминал потерянную любимую, ничья походка не взволновала парня.

Случилось ему в этот же день познакомиться с таким же ловцом, как и он. Сидор был не станичный, а монастырский, оттого и попал он в Астрахань по реке: богатые монастыри владели большими промыслами и сплавляли свой улов стругами. Нелегко жилось ловцам при них, оттого и сбежал Сидор к купцу, торговавшему тканями. А ходил тот купец по ногайским землям, для чего и приманивал молодых охотников для службы: охрана нужна была добрая.

На другой день ушёл Ваня от рыбных рядов к купцу Ермолаю, который покупал и продавал ткани. Заставил тот молодца месяц быть на побегушках, но скоро, приметив ловкость Вани, стал брать хозяин парня с собой на торги. Ваня потихоньку стал учиться ногайскому языку. Ногайский и татарский различались, но были похожи один на другой. Кое-какие слова Ваня помнил от Ани, перенимать было легко. У татар на базаре Ваня узнавал татарский говор, а вечером подсаживался к одному Кариму, живущему вместе с другими в доме для работников Ермолая. Карим давно осел в городе, он уже и родни не помнил, а родной язык не забыл, часто, встретив ногайца, подолгу болтал с ним обо всём. «Мал мала урус понимай!» — хитро сощурился, говорит старый Карим. Любит он петь: заунывные звуки песни уносят его в просторную степь, и текут тогда мелкие слёзы из-под сомкнутых век. В такие минуты готов плакать и Ваня, хотя он не мог уловить ни одного знакомого слова из песни-тоски. А слова были такие:

*Степь моя, ты усакала от меня множеством копыт,
Множеством копыт шелкогривых коней.
Только сердце моё до сих пор хранит
Алый цвет твоих весенних дней,
Где смеётся до сих пор надо мной
Девушка одна чернобровая,
Подарил бы ей я платок золотой,
Только потерял к ней дорогу я.*

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Мариам опухла от слёз, не желая идти замуж. Кому пожалуешься? Отец рад породниться с уважаемым родом. Что ждёт безмужних дочерей, если вдруг его не станет, если род попадёт в чужие руки? Бесславие, унижение, рабство или доля жалкой жены бедного пастуха? Подальше от границ, в затишье отдаёт он свою кровь. И не чужие совсем, истинные ногайцы, в дальнем родстве. Так думал Бекбулат, радуясь предстоящей свадьбе.

Мадина, увидев слёзы Мариам, крепко ущипнула сестру за тугие икры:

— Дурёха, не урусам отдаём, а богатому и молодому!

Откуда ей знать, что к урусам Мариам пошла бы сама, если бы дорогу знала!

К счастливой бабушке лучше не попадаться на глаза: шьёт себе новое парчовое платье необъятных размеров, три бабушки туда можно засунуть. Фатима давно не приезжала, но и она будет уговаривать не плакать.

В тоске и в грустном ожидании перемен дни тянулись бесконечно, солнце редко заглядывало в зимнее стойбище. Ничего не радовало измученное сердце девушки. Мариам отдалилась от сестёр, почти не ходила к матери, мало общалась с бабушкой. Казалось бы, надо успеть отогреться у родного очага, прильнуть напоследок перед разлукой к близким людям... Но девушка ничего не могла поделать с собой. Она сидела целыми днями в юрте, молча расшивая узором платки. Сначала все тормозили её, хотели вывести из задумчивости, но потом родные оставили Мариам в покое. Однажды, пересилив себя, пошла она пожелать к Мадине. Соскучившаяся сестра вывалила на дастархан кучу еды, отослала прислужницу и даже отправила с ней маленькую Санию к матери. Разговор не клеился, ведь Мариам не интересовали новости, и она уже пожалела о своём приходе. Мадина рассердилась: что за беда такая случилась, что сидит целый час перед ней страдающая невеста!

В раздражении ломая тонкими нежными пальцами ломтики сладостей, Мадина вдруг сказала:

— У тебя мать или отец оставили этот свет? Или твоя любимая анэ заснула навеки? Ты почему в таком трауре? А ты знаешь, что из-за тебя весь юрт шумит, гадает, почему не радуешься свадьбе? Хочешь знать, что они про тебя говорят?

Мариам вскинула страдающие глаза на разъярённую сестру:

— Кому я мешаю? Что они могут говорить?

— Говорят, что ты замороженная шайтаном, потому и пропала тогда на моей свадьбе, а потом убежала к урусам! Говорят, что продалась чужой вере, крест носишь! Что уже была замужем там, поэтому не смотришь на наших парней и не любишь ногайцев!

С каждым словом, брошенным обозлённой сестрой в её адрес, Мариам всё ниже опускала плечи. У Мадины горели щёки, она скинула рывком завязанный у затылка платок, перекинула чёрные косы на грудь. Как две змеи, струились они по синему бархату каптала, спадая почти до пола сидящей на корточках молодой женщины.

— Тебя берут в хороший род, к молодому мужу! Ты видела, как высохла у старика Фатима? Как беднячка-карасыряк, она сама гоняет стадо наравне с мужчинами! Разве молодой муж позволил бы ей так страдать? Я уехала через две реки в Казань к незнакомым людям, а ты видела мои слёзы? Ты посмотри, что сделала с матерью: бедняжка молоко потеряла, и Сабир теперь плачет целыми днями! Про бабушку молчу, она доживёт до твоей свадьбы и точно умрёт от тоски.

Осушив пиалу с молоком, Мадина перевела дух. Мариам закрыла лицо руками и раскачивалась в немом плаче, казалось, что она сама себя укачивает. Ей хотелось убежать, чтобы выплакаться наедине — так жгли её обидные слова, но подняться у неё не было сил. Мадина продолжала, не обращая внимание на жалкое состояние сестры:

— Ты даже не знаешь, что из-за матери мы не считаемся по-настоящему знатными! У нас только отец мурза, а мать — дочь неизвестной наложницы какого-то охранника бия. Никто не знает, откуда она, какого рода. Если бы не Сююмбике, то я бы никогда не стала женой Максута. А мать нашу, красавицу, никто не захотел в жёны, только отец слупил. Вот она и смотрит ему в рот, боится слово вымолвить, делает вид, что любит! Даже в Казани знают, что любила она сына Юсуф-бия, только он отказался от неё!

Ошеломлённая Мариам перестала плакать, отняла исхудалые руки от лица, схватилась за узкий ворот платья и во все глаза уставилась на Мадину. Кошунственные слова в адрес родителей заставили её прийти в себя:

— Ты как смеешь так говорить об отце и матери! Ты неблагодарная, которая пришла в этот мир от их любви?

— Что ты знаешь о любви? Что?! Это наш отец меня не отпустил к любимому, побоялся дурной славы! И мать смолчала. Никогда не забуду обиду! Никогда!

— К любимому?

— Да, к любимому! Али-Акрам живёт в моём сердце, один единственный мужчина, от взгляда которого ноги мои подкашивались. Он звал меня замуж, он дважды послал за мной, а я не пошла. — Голос Мадины зазвучал тише, мягче. — Бедная моя доля остаться навеки вдовой! — тут она разрыдалась, уткнувшись в колени.

Мариам кинулась к сестре, обняла её, стала гладить по голове, целовать в щёки:

— Прости меня, милая, я ничего не знала, прости меня, пожалуйста!

Вскоре успокоенные сёстры, иногда судорожно всхлипывая, легли рядом на уже разобранную постель. И тут-то Мариам решилась рассказать про затаённую любовь,

про Ваню. Закрыв глаза, она унеслась опять в Крутой Яр, вновь переживала первое прикосновение, потом ночной побег в лес, последний разговор с любимым. С каждым словом душа её освобождалась от тяжкого груза страданий, она опять начинала верить в то, что Ваня её обязательно найдёт, что семь кругов, очерченных вокруг её мальчишескими ногами, спасут её от любой беды

Не заглядывая в будущее, Мариам перестала плакать, стала внимательна к людям, старалась помочь делом, а когда не знала, что сказать, то улыбалась. Если Мадина, вновь превратившаяся в гордячку, прикрикивала на женщин, при этом очень умело руководила любым делом, и её, побаиваясь, уважали люди, то Мариам была для многих утешительницей и советчицей. Каждый находил свою судьбу, складывая её из поступков и слов.

В шумном движении бесконечных арб есть свой порядок, у каждого человека своё место и обязанности. Тот, кто впрягается в общее движение, зная цель пути, тот, не терзая сердце, идёт по дороге.

Задышала земля, освобождаясь от холодного зимнего панциря. Невидимая птичка с высоты запела свою радостную весеннюю песню. Ошалевшая скотина редела. Шумно бегали на воле маленькие дети, задымились вынесенные из дома казаны. Каждый день приносил свою толику новизны: поднимались метёлкой небольшие кустики тырсы¹, появились во множестве суслики, оглашавшие степь тонким свистом, расцветал розовым тамариск...

Решено было сыграть свадьбу Мариам до откочёвки на джайляу. Женщины собирали и чистили посуду, девочки выбивали на настилах киезы, мужчины объезжали жеребцов. Суматоха охватила весь юрт, то тут, то там звенел смех, иногда вспыхивала перебранка, старухи сновали из дома в дом, а потом грелись на солнышке и негромко обсуждали молодёжь. Радостное возбуждение захватило и Мариам: она забегала по гостям, прощаясь с родными. Стараясь не думать о грядущем, она старалась почаще общаться с матерью. После откровения Мадины на многое открылись глаза: все невольно подслушанные в детстве разговоры, наконец, обрели смысл. Ни на минуту не осуждая мать, Мариам всё же внимательно вглядывалась в красивое печальное лицо матери, стараясь угадать: любит ли она отца или нет. Однажды, не выдержав, Мариам крепко обняла мать и заплакала.

— Не плачь, доченька, не рви мне сердце! Ты будешь счастлива, вот увидишь, всё у тебя будет хорошо. Посмотри на меня, вытри слёзы! Никогда ничего заранее не оплакивай, это грех. Если муж вдруг окажется не таким хорошим, прости Аллах, человеком, то помни, что идёшь в юрт, там много других людей. Люби их, и они тебя полюбят, и жить будет легче среди них. Не бери с меня пример, это я спряталась от людей, поэтому много страдала. Но ты не я, ты дочь мурзы! И Аллах любит тебя — не дал сгинуть в степи, дал новых родных на чужой стороне, вернул на наше счастье домой! Я буду молиться за тебя! А сейчас иди к бабушке, скрась её дни, она так страдает от новой разлуки.

Наконец настал день свадьбы. Колышущая пестрота толпы, возбуждённые лица, всадники, дети, запах варёного мяса, особенно яркое солнце, гул голосов — вот и всё, что осталось в памяти Мариам от важного события. Бабушка вразрез всем обычаям решила ехать к новой родне вместе с внучкой. Когда закончился той, были выслушаны все пожелания старших и стали подходить самые близкие, чтобы обняться с невестой, какое-то острое предчувствие кольнуло сердце: Мариам поняла, что сюда она никогда больше не вернётся!

Несмотря на толки и слухи, Мариам любили в ауле. Она, в отличие от сестёр, отличалась скромным нравом и сердечностью. Многие женщины вдруг вспомнили её

¹ Тырса — многолетнее травянистое растение.

тёплое участие в их делах, её добрую поддержку. От всего этого, вероятно, должен был бы подняться плач прощания, но всё испортила бабушка, раньше невесты забравшаяся в свадебную куйме. Все заулыбались, зашептались: «Сама замуж задумала?» Мариам так весело посмотрела на людей родного юрта, так ясно улыбнулась на прощание, что все заулыбались в ответ.

Вот так рядом с бабушкой отправилась к новому дому несчастная невеста.

И впервые под скрип колёс, подвалившись к плечу спящей анэ, Мариам запела песню, на ходу нанизывая, как бусинки на нитку, слова. О чём была её первая песня? Не вспомнить теперь тихую мелодию души. Это потом научится Мариам запоминать слова песен, много раз повторяя их про себя.

Степь, уместившая на своей груди бывшее и настоящее, живых тварей и беспокойных людей, собирающая и рассыпающая государства, неслась узкой светлой полоской сквозь приоткрытые двери наперегонки с невестой, предназначенной для одного, но мчащейся к другому. Как зимняя Волга, уходящая без берегов сразу в небо, так и великая степь вдали сливалась с желтеющим небом. Земля и вода были связаны с высотой незримыми нитями. И не было им границ. Как нет расстояния между влюблёнными — если даже забыто лицо за давностью лет, какой-то таинственный образ всегда присутствует рядом, оберегая и даря надежду на счастье.

Об этом ли была первая песня Мариам? Никто не скажет ответ, даже степь, подпевающая нежному переливу девичьей песни тонким свистом лёгкого ветра. Она — то помнит всё, великая мать живого, помнит, как помнит первый лепет ребёнка молодая мама.

Когда-нибудь кто-то непременно услышит эту мелодию и снова споёт. И снова бесконечная земля будет подсказывать слова, подхватывая ветром тихую мелодию.

Мелодию надежды и любви.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

В сложной паутине ногайского мира орда «Едисан» занимала особое положение: фактически подчиняясь в последние годы бию Юсуфу, едисанцы вели свою политику, были слишком свободолюбивы и воинственны, склонялись к независимости. Когда в 1555 году погиб властитель Юсуф-бий, и ему на смену пришёл бий Исмаил, такое событие мало изменило едисанцев: они так же предпочитали жить своим умом, заключать союзы по собственной выгоде. И рассыпана была орда ближе к Нижней Волге, в некотором отдалении от других ногайских родов, поэтому здесь более сказывалось влияние политики крымских ханов.

Мариам попала в род «келечи», один из самых влиятельных в едисанской орде. Властителем рода был батыр Ишей-ага, становившийся зятем Бекбулата-мурзы.

На подходе к аулу свадебный поезд был встречен отрядом всадников, которые гиканьем и свистом совсем оглушили Мариам. Она спрятала голову на груди у бабушки, но та заставила внучку взять себя в руки и приоткрыла двери куйме, чтобы встречающие могли кинуть взгляд на закутанную невесту. У последних юрт гостей заставили сойти на землю и с песнями повели в аул. Невеста шла отдельно, в центре, её закрывали высоко поднятым шёлковым покрывалом две женщины-родственницы. Всю дорогу Мариам осыпали просом, кричали приветствия. Вдруг кто-то тонкими руками отвёл на миг от лица девушки полупрозрачное покрывало — бой тастар, и добрые светлые глаза одобрительно осмотрели невесту, чьи-то тёплые губы коснулись

её пылающих щёк. Ещё кто-то поднёс девушке пиалу с молоком, и только после этого её подвели к невысокому мужчине.

Потом Мариам точно определит первое впечатление о муже — «очень похож на барана». Действительно, с тёмными глазами навывкате, горбоносый и с кудрявой бородой Ишей-ага очень напоминал этого благородного животного. Церемония «никах» и последующее празднество для Мариам прошли как во сне, она боялась потерять сознание в этой суете, поэтому мало обращала внимания на происходящее.

Наконец Мариам увели в белую юрту, где несколько женщин стали её переодевать, при этом всячески восхваляя её красоту. За каждую снятую деталь одежды невесте полагался подарок, и вскоре на невысоком столике лежали бусы, кольца, даже монеты. Несколько слезинок скатилось из глаз Мариам, когда она вспомнила обряд облачения в свадебный наряд у себя дома: тогда её молодые подруги и родственницы пели печальные песни и плакали. Игривые взгляды и намёки новых родственниц вдруг напомнили о предстоящей ночи, и волна холодного страха окатила Мариам с головы до ног.

Среди встречающих она не заметила красивую полную молодую женщину, которой оказывали особые знаки почтения, и, конечно, предположить не могла, что это — байбише, первая жена Ишей-ага. Отец Мариам был женат на одной женщине, матери своих детей Галимэ, и по примеру мурзы никто в ауле не имел токал¹. Хотя у ногайцев допускалось многобрачие, сёстры Мариам миновали этой доли: и Фатима, и Мадина были единственными жёнами мужей. Даже бабушка, осуждавшая сына за верность Галимэ, не имела соперниц в своём доме. А Мариам была уготована незавидная доля второй жены. И мать, и бабушка, и сёстры избегали этой темы в предсвадебных разговорах, чтобы оградить невесту от ненужного волнения. И вот теперь всё это предстояло узнать ценой слёз и унижений молодой жене.

Щебечущие женщины вышли из юрты, оставив новобрачную одну. Как хотелось Мариам, чтобы сейчас ворвался в юрту Ваня, её единственный любимый!!! Разве нет в мире места чуду? Кто не мечтает о невозможном?! Только тот, кто закрыл навеки глаза. Кто-то желает увидеть потерянного любимого, кто-то верит, что сын, погибший в бою, вновь прикоснётся губами к родительской руке, кто-то видит во сне красавца-аргамака... Желания порой скрыты от самих себя, и только в самые трудные моменты вспыхивают соломой костры надежд на чудо спасения.

От волнения у Мариам замирало сердце, она была готова сама выбежать из юрты, только бы не длилось ожидание неизвестности в сумраке чужой юрты.

Вошла женщина. Не спеша подошла она к Мариам, взяла за руки, повела в левый угол жилища и посадила на узорный мендер.

— Здравствуй, невестка! Невесткой вошла в дом, а станешь дочерью. Это твой дом. Мой сын — твой муж. Ты не бойся, он добрый, хотя это трудно заметить сразу, ты старайся угодить ему во всём и будешь счастлива. Аллах не радуется рождением внука, а ты, я знаю, подаришь мне батыров-внуков.

Мариам с надеждой посмотрела на свекровь и кивнула головой. Зурахан-бике была немолода, Ишей приходился ей девятым, последним ребёнком. Кенжетай² — всегда любимое дитя, а когда он единственный из выживших сыновей, то он становится смыслом жизни матери. Широкое синее платье не скрывало худобу старухи, жёлтые впавшие щёки были испещрены мелкими морщинами, но узкие глаза смотрели молодо.

¹ Токал — вторая жена.

² Кенжетай — младший сын в семье.

— Готовься, жди мужа, только поешь сначала, — свекровь жестом указала на накрытый столик. — Ничего не бойся! Все женщины проходят через это, это наша судьба.

Оставшись одна, Мариам отпила из глиняного кувшина немного шербета и стала шептать про себя молитву. Чуда не случилось.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

«Лучшая доля батыра — это биться с врагами и пасть на поле боя». Многие ногайцы забыли давние заветы и превратились в табунщиков. Есть такие, кто в этой жизни ни разу не обагрил степь кровью соперника, кому не знаком вкус поединка со смертью. Оттого и ослабела орда, что перевелись настоящие воины.

Ишей-ага жизнь без войны представить себе не мог. Все его братья пали в бою, отец оставил землю безруким, дяди отличались кровожадностью и хитростью. Пользуясь окраинным положением, отряды Ишей-ага занимались набегами и разбоем. Добыча и продажа пленных составляли главный источник дохода, хотя ещё занимались разведением скота и земледелием. Бабушка Джамия, осуждавшая сына за миролюбие, радовалась, что нашла мужа-батыра для внучки. Но она позабыла, что женщина — всегда обуза для воина, если только она не пленница.

Сабира, первая жена Ишей-ага, родила троих дочерей. Мужское самолюбие его было ущемлено: рождение сыновей — доказательство мужественности. И только поэтому решился ногаец-воин жениться на дочери Бекбулат-мурзы. Разговоры о том, что невеста жила в плену у русских, не имели значения, в этом он доверялся мудрой матери, но с первого взгляда девушка его разочаровала.

Ишей-ага предпочитал пышных зрелых женщин, ему нравилось проводить время с пылкой Сабирой в недолгие дни побывки в ауле, и для временных утех искал таких же сдобных баб. Худенькая несформировавшаяся девушка не могла его заинтересовать, и Ишей-ага уже жалел о выборе матери. Не понравилось и робкое выражение лица невесты.

Именно поэтому молодой муж не торопился к токал, а раздумывал — не пойти ли к Сабире, чьи зазывные взгляды он перехватывал во время тоя. Решившись, Ишей-ага резко шагнул в темноту свадебной юрты. Даже себе он запретил потом вспоминать о своей слабости: мужчина в нём не отозвался на этого испуганного зверька, на молодую жену. Со злостью опрокинув столик со сладостями, Ишей сразу из одной юрты шагнул в другую, где его с нетерпением ждали.

Наутро заплаканная Мариам вышла на килен-чай¹, чтобы первый раз стать хозяйкой застолья в новой семье. Старые и пожилые женщины рода придирчиво следили за новобрачной, с важностью принимали подарки сватов. Бабушка сидела в центре главной гостьей, она была счастлива: смятение Мариам она, как и другие, приняла за стыд. К счастью, в то время уже не бытовал обычай свадебной простыни, из-за которой потом пострадали многие невинные женщины: отсутствие крови означало позор. Как могли бы истолковать белизну постели для Мариам? Конечно, за её порочное поведение в плену.

Так началась замужняя жизнь. Роднее отцовского юрта нет ничего! Но для женщины этот закон сердца жив до тех пор, пока не совьёт она своё гнездышко. А с чего начинать? Какое должно быть основание для нового дома, если муж отверг тебя с первой ночи? Кому можно доверить позорную тайну? Принято было у ногайцев

¹ Килен-чай — «чай невестки» — свадебный обряд потчевания новых родственников (женщин) молодой женой.

отправлять назад невест, если после свадьбы обнаружилось скрытое уродство. А под каким предлогом откажется от жены Ишей-ага? Мариам не находила себе места, каждый час ожидая решения мужа.

Но шли дни, ничего не менялось, а вскоре Ишей-ага надолго исчез из аула, как шептались женщины, ушёл в Крым. Привычный к отлучкам правителя аул жил по своим законам под руководством мудрой Зурахан-бике. Бабушка не загостилась, уехала обратно к своим, пообещав ещё приехать погостить. Мариам побежала за караваном, как верблюжонок за верблюдицей. Наглотавшись пыли, упала она на горячий песок, и не было у неё слёз, чтобы уменьшить страдание... Никогда не увидятся они больше — бабушка, вынянчившая умирающее дитя, и внучка, без памяти любившая свою анэ. Не пройдёт и двух зим, как упокоится вечным сном усталое сердце старухи, пережившей на своём веку множество потерь. И не будет в день прощания рядом с ней той, ради которой продлилась долгая жизнь...

Полюбившуюся с первого взгляда невестку свекровь взяла под своё покровительство, приставила к ней юную девушку-прислужницу, чтобы избавить от лишней работы, а сама понемногу стала приучать к руководству над женщинами. Многочасовые беседы со свекровью на многое открыли глаза: Мариам всегда находилась на особом положении у себя дома, поэтому хозяйственные отношения она представляла смутно. Зурахан-бике недолюбливала старшую невестку за недалёкость, лень, за нежелание вести хозяйство. Сабире нравилось послаще поесть, поболтать без умолку, покрасоваться на праздниках. Она была незлобива, любила пошутить, но быть хозяйкой не научилась, несмотря на терпеливые наставления свекрови, которую за глаза называла сухой щепкой.

Две собаки во дворе дерутся, два зверя в одной норе не живут, две женщины в одном доме грызутся... Напрасно Мариам боялась, что байбише будет с ней враждовать: беспечная Сабира ничуть не ревновала её к мужу, зная о тайне первой брачной ночи, ни к свекрови (пусть прививает свою мудрость другой сухой ветке). Иногда она шла в юрту соперницы, чтобы поболтать, попить чаю. Порой Мариам не знала, как её выводить, потому что голова трещала от бесконечной самовлюблённой похвальбы. Равовалась встречам только тогда, когда Сабира приводила с собой дочерей, таких хорошеньких и милых. Две старшие были похожи на мать: круглолицые, светловолосые, сероглазые, а младшая, тёмненькая кудрявая хохотунья Гульсум, напоминала отца. Мариам старалась каждую из девочек одарить чем-нибудь, играла с ними. Наглая Сабира повадилась оставлять на время дочерей у Мариам, которой нравилось заниматься с детьми. Она вспоминала сказки, услышанные в детстве, рассказы от разных людей, а когда маленькая Гульсум засыпала, то пела песенки. Девочки любили добрую тётю, с утра просились к ней.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Шло время, чужой уклад стал привычнее, в чём-то он был близок к русскому быту: здесь сажали огород, ловили рыбу, больше занимались рукоделием. Аул располагался у реки, люди не так берегли воду, как родичи, пользующиеся колодцами. Долгое время Мариам ничего не знала о работниках-рабах, так как они пастушествовали далеко от аула. Немногие пленные, живущие в землянках в отдалении, таскали воду и работали на огородах, но и они не попадались на глаза молодой женщине.

Непривычно было видеть множество коз, иногда запросто разгуливающих среди юрт. У рода канглы коза считалась нечистым животным, их порой уподобляли

шайтанам, а у келечи эти животные славились. А верблюдов, которыми гордились канглы, здесь не разводили.

У каждого колодца свой вкус, хотя вода не отличается видом: язык был во многом понятен, но было много неясных значений, нелегко было привыкать к другому произношению знакомых слов. Люди вели себя более независимо, здесь власть не приносила никому раболепствовать. Мариам с удивлением обнаружила, что даже самые бедные владели невиданной ею утварью, посудой. Это были предметы военной добычи, которую Ишей-ага честно делил между родичами, оставляя себе только третью часть. Но та же добычливая война забирала навсегда отцов и мужей, а на вдовах женились братья или другие родственники погибшего, не считаясь с возрастом: порой жены были старше на много лет своих мужей. Почти у каждого мужчины было по три-четыре жены, это считалось нормальным явлением.

На заливных полях сажали просо, ячмень, полбу, тыкву. Мариам захотела присматривать за огородниками, надеясь поделиться опытом крутоярцев, но Зурахан-бике поручила ей контролировать работу умелиц по шитью. Свекровь оберегала любимую сноху: огородники считались низшей кастой, там работали провинившиеся и рабы.

Тем временем вернулись мужчины, и снова Мариам замерла в ожидании. Почему она страдала от пренебрежения противного ей мужа? Кто поймёт женскую душу! После каждой одинокой ночи Мариам счастливо вздыхала, но утром стыдилась смотреть в глаза свекрови.

Однажды Сабира обварила кипятком ногу и не смогла принять у себя мужа, и тот, напившись кумыса, вновь решил приручить дикую козочку. Наутро злой и недовольный он шагнул в новый день из юрты токал и тут же вновь ускакал в неизвестном направлении во главе славного отряда джигитов. Легкомысленная Сабира изнывала от ревности:

— Было у вас что-нибудь или нет? — с бесстыдством спрашивала она, в нетерпении покусывая края длинного рукава.

— Байбише, я же не спрашиваю у тебя ничего, не трогай и ты меня! — миролюбиво отвечала Мариам.

— Значит, не было ничего! Ты же худая, как некормленная овца, поэтому муж притронуться к тебе не хочет!

— Думай, как хочешь, байбише! Пошли оплакивать старую тётю, нас давно ждут.

— Смотри, какая жара, а нам париться в юрте!

— Не специально же она умерла, байбише, старость её съела. Зато попробуешь свежей баранины и халвы!

— И то хорошо, — отвечала сладкоежка Сабира, брала токал за руки и, стараясь спрятать веселье в глазах, шла на поминки. Отходчивая старшая жена после нескольких таких допросов отстала от Мариам, стала вновь нежничать с ней и откровенничать.

Законы (Ясы) Чингизхана защищали чистоту рек и поэтому запрещали купание, равно как стирку, в проточной воде — так высоко ценилась речная чистота. Всё лето Мариам боролась с искушением искупаться в Ахтубе, на берегу которой располагался аул, но женскому полу не разрешалось выходить к реке.

У Мариам уже образовался свой круг женщин, с которыми она общалась, это были и родственницы по мужу, и работницы-карасыряк, и старухи, которые любили молодую женщину за приветливость и почтительность. От них Мариам узнала, что закон этот нарушается: почти каждая из них не раз купалась в реке, только нужно это делать в секрете. Однажды поздним вечером стайка молодых женщин тайком

вышла к берегу реки. На дозоре оставили самую юную девушку, а сами кинулись в воду в длинных нательных рубашках.

Какое наслаждение окунуться в тёплую тёмную воду, какая радость лежать спиной, раскинув руки, и кружиться в невесомости: так в утробе матери плавает нерождённое дитя... Никто, кроме Мариам, не решался на такое. Но и ей больше никогда не пришлось наблюдать, лёжа в воде, падение звёзд со сверкающего неба...

Прошло полгода после свадьбы, а её родители до сих пор не были приглашены в аул келече, хотя подарки, и немалые, заботливая Зурахан-бике давно отправила отдельным караваном. И была тому причина: всё чаще стали нападать на ногайские улусы казахские боевые отряды, Исмаил-бий вновь собирал войска для смотра. Неспokoйно было в великой степи, гудела она от топота копыт, звенела полётом острых стрел, гремела схваткой булатных сабель... Дети одного корня, ногайцы и казахи, разъединённые после распада Золотой орды, готовились к большой войне за обладание степью, матерью всего земного.

Но всё же ранней осенью приехали долгожданные гости. Фатима с горячностью хорошей правительницы всё норвила обозреть хозяйство келечи, её интересовали больше быки и лошади. Мадина приехала печальная, не в силах скрывать своё горе, она рассказала Мариам о смерти любимого Али-Акрама, правителя Казани. Бабушка заболела, и её силой оставили дома. Одна мать радовалась дочери, да маленькие племянница и братья без конца обнимали любимую тётушку. Гости дивились напoказ выставленному богатству: дорогой посуде, оружию, коврам, резным шкатулкам, стеклянным кувшинам... Женщины келечи сплошь шеголяли в сафьяновых узорных сапожках.

У Мариам с утра кружилась голова от недосыпания: напоследок сёстры всю ночь болтали. За прощальным дастарханом она сидела рядом с Сабирой. Мариам никогда не любила манеру есть байбише: она чавкала при еде, торопилась, глотая большие куски мяса, облизывала жирные пальцы... Вдруг Мариам замутило, когда сытая Сабира отрыгнула громко в её сторону. Мариам еле успела добежать за соседнюю юрту, как её вывернуло. Когда бледная, с покрасневшими глазами, она вернулась к гостям, то многие понимающе переглянулись, а соседка ущипнула байбише и указала глазами на живот токал. Сабира чуть не взвизгнула: «Эта шелудивая овца всех обманула! Она беременна! А строила из себя нетронутую девушку!»

Не смогла в этот раз бежать за родными, прощаясь, молодая женщина: острая иголка догадки уколола её сердце. Одна лишь мысль терзала её: «Неужели от нескольких минут обладания зарождаются дети? Разве такое возможно? Почему? И зачем? Зачем ей нужна эта новая жизнь, раз она разлучает её навеки с Ваней?»

И так настала пора пожинать плоды нежеланной любви. Сабира тоже страдала, злилась, но внешне этого не обнаруживала, по-прежнему дружила с токал. Зато радости Зурахан-бике не было предела: она верила свято в рождение внука. Отец будущего ребёнка никак не отреагировал на новость. И вообще, Ишей-ага отличался скрытностью и неразговорчивостью.

А кто-то, неведомый этому миру, плавал в утробе матери, как маленькая рыбка, и купался в невесомости. Счастливы нетронутые пылью младенцы.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Что такое река? Вот она журчит ручейком, переливаясь по камушкам вниз, подпрыгивая, извиваясь, дурачась, а вот она набирает силу, собирая по пути другие

ручейки, становится шире, уже не так резко меняет направление, хотя иногда заносит её далеко в сторону... Дальше начинает пополняться река и подземными, и небесными водами, вот тогда она становится стремительной в своём бурлении. Долго же приходится обуздывать берегам рвущуюся силу, пока не вынесет река свои воды в спокойное величавое течение.

Так и человек, словно мощная река, сначала накапливает силы, впитывая в себя любое знание, ищет себя, спотыкаясь и ошибаясь...

А ведь не все ручейки превращаются в реки, многие теряются, сохнут, уходят в землю или же отдаются во власть живучих собратьев.

Ваня второй год жил в Астрахани, работал у купца Ермолая. За это время он возмужал, и не сразу признали его односельчане, прибывшие с очередным обозом.

— Никак Ванятка? Ух, медведище!

— Да, я, а то кто же? Ну, здравствуй, Миша!

— Купцом, что ль, заделался? Рыбный дух, небось, не помнишь?

— Помню, всё помню! Как там мои, живы здоровы?

— Поклоны шлют, мать с отцом здоровы, дядька твой того... Утоп.

— Дядя Герасим? Да как же так?

— Один с осетром боролся, да не вытянул, сам ушёл под воду... Два месяца прошло, как схоронили. Вань, дядька Петро слово одно передал...

— Ну, говори, не томи!

— Просит вернуться, трудно ему одному тянуть две семьи, тётке Татьяне надо помогать. Андрюшка-дурачок после бабкиной смерти умом тронулся.

— Мишаня, а давай погуляем сегодня, я тебе город покажу! А завтра решим, что делать. Жёнке твоей платков накупим! — сказал, а сам ссутулился, в глаза другу не смотрит: жена-то — Настенька — его любила в девичестве.

— Только разгрузимся, а там — гуляй, не хочу! — Михаил ясно улыбнулся, показав, что ничто и никто промеж них не стоит. Добрая душа!

Ваня впрягся с другими в разгрузку, вспомнив заодно и службу у прежнего хозяина, и привычную с детства работу ловца. Мёрзлая рыба царапала щеки, когда тащили её, тяжёлую глыбу, на плечах... Хороший нынче улов у купцов: объегают ловцов, предлагая выгодный для себя обмен — соль втридорога, снасти по большей цене...

Погоуляли друзья-погодки по городу, понабрали гостинцев родным, и решил Иван вернуться с обозниками в Крутой Яр. Ермолай отпустил на время ловкого и бойкого работника, велел прибыть вовремя, потому как собирался караван, а иначе он уйдёт без него. Зимой купцы обычно шли по степям, предлагая свой товар оторванным от базаров людям.

В детстве всё кажется большим, просторным, весь мир умещается в привычных границах. Если сидишь век на месте, то окружающее незаметно меняется вместе с тобой, и не видишь ты, как постепенно стареют родители, ветшает дом, зарастает двор. Только отлучившись, увидишь перемены, и твой огромный детский мир покажется скорлупкой.

Ваню ждали! Отец пришёл за околицу, вроде как по старшинству встречая обоз, а на самом деле выглядывая сына. Когда увидел издали его кудлатую голову (Ваня, разогревшись, снял малахай), то, не выдержав, пошёл навстречу. Седина уже отличала серебром на его висках. Дома Марья наготовила всякой еды в надежде, что па-сынок вернётся домой. А когда он вошёл, высокий, с ярким румянцем во все щёки, непривычно бородатый, Марья слова вымолвить не могла, прижалась к широкой груди названного сына и заплакала. Она-то не изменилась, только маленькая стала

против него, и не поверить теперь, что боялся её Ваня поболее отца. Две девочки жались к материнскому подолу и испуганно смотрели на незнакомого дядю.

С подарками пришёл Ваня, никого не обидел: отцу — сапоги, Марье — отрезок разных, сестричкам — свистульки да пряники. Разговоров было много, про одно только не говорили — навсегда вернулся Ваня домой или на побывку. Он и сам не знал ответа. Несколько дней шли знакомцы, друзья, бабы валили без отбоя в Петров дом. Ваня стал с отцом обновлять загоны для овец, сходил на зимнюю рыбалку. Богато одарила Волга блудного сына — одних шук полные сани, еле довели. Конь отцов был стар, а тот, что для Вани держали, был горяч и молод. Берегли его, кормили лучше. По весне ожидался поход, Пётр собирался Гнедка объявить под седло, а коль Ваня уйдёт, то заставят Молодца выставить. Нынче с этим строго, коней выбирают со двора по силе.

Про Аньку никто ни гугу, хоть в думках она у каждого. Марья про себя честит нехристь, что волю у парня отняла и судьбу поломала, Пётр смотрит в глаза сыну, гадая, забыл ли тот зазнобу. А Ваня вздрогнет, когда кличут малую по имени: никак не привыкнет, что курносая девочка с растрёпанными тёмными волосами и бойкими глазами тоже Анюта.

Как трудно загнать за загородку погулявшего на воле жеребца, так трудно удерживать дома того, кто узнал иную жизнь, пусть тяжёлую, но полную новизны. Тесно Ване дома, мал ему отцовский двор, не манит казацкая служба. Одна Волга держит, она дорога ему чем-то таким, что и высказать словами нельзя. В городе река другая, там она труженица, нет в ней простора и воли, а здесь веет от неё даже через лёд силой несметной.

Хитрая Марья решила устроить смотрины здешним девкам-невестам, может, кто и приглянется Ивану. Подоспели впору святки, девичьи хороводы по улицам вьются. Не пожалели Молодца, в расписные санки впрягли его, а Ване вожжи вручили — покатай-ка по морозу девок, побросай их в сугробы, чтобы жар щёк остудить! А девки уж и сами приглядели приезжего красавца, облепили сани цветным клубком, хохочут, толкают друг дружку. Покатал-повозил Иван красавиц да домой вернулся. Весь в отца! Молча кинул на лавку кожух и стал с Дашуткой играть. Да что это такое! Марья места себе не находит, не зная, как обженить бирюка. Но сердцем она понимала, что не мил ему никто, ему дороже платок, вышитый Анютой, а не ласковая девушка-казачка. Отстала от парня мачеха, стала выжидать. А что тут выжидать? После праздников Иван отправился назад в Астрахань, ушёл один, снарядили ему старого Гнедка, а Молодец остался отцу.

Махнул Пётр рукой на сына, обнял ночью покрепче Марью и зашептал:

— Иван более не вернётся, смирись, мать! Такая у него доля! А ты постарайся, роди мне сына, он и будет старость нашу покоить. Что молчишь-то, Маша?

А что тут скажешь, коли уж постарались — к лету рожать. А кто там родится, един Бог ведает, может, и сына он даст на радость. Да кто бы там ни был, только бы выносить.

А Иван скакал вдоль Волги по бескрайности белого поля. Вела его река, не жалея, а только направляя, чтобы не заплутал человек в своих поисках.

Не зря говорится в Библии: «Ищите, и обрящете, толщите, и отверзется».

Дошёл Иван зимой до Бекбулатова племени вместе с небольшим караваном торговцев. Прежде чем брать с собой в дорогу упрямого парня, Ермолай попытал его: с чего вдруг такая охота шастать по опасной степи в такой приманчивой для разбойников кампании? Ведь не жаден до денег, это сразу видно, не искатель опасностей, потому как разумен и спокоен... В лазутчиках быть не может — прост, любитель

путешествий — тоже не ладится: окромя языка, ничего его не интересует... Ермолай не стал хитрить, а спросил в лоб:

— Чего в степи ищешь? Без правды не возьму тебя в поход, наушники и лазуки мне без надобности. Вижу, не зря второй год просишься к ногаям! Говори!

Пришлось Ивану открыться, рассказать про Анюту, да только говорить особо нечего: ничего толком было неизвестно, разве что она дочь мурзы, который за Исмаила стоял, у которого три дочери, одна в Казани замужем, другая тоже замужем, но в степи. Вот и всё, что знал Иван, даже имени настоящего назвать не мог.

Ермолай покачал головой:

— Да что ж ты молчал целый год, дурачина? Давно бы свою басурманку нашёл — Анюта твоя, Бекбулата-мурзы дочь. Три-четыре года назад искали её джигиты, награду предлагали. И дочь другая его в Казани замужем была. Красавица, говорят! А ты таился, к Кариму бегал... Нынче выйдем в Москву через Бекбулатовы земли. Прошлый год не пускали нас по ногаям, с царём нашим батюшкой у них чего-то вышло, а теперича пора, иначе другие за нас пойдут. Распря у них большая после смерти Юсуфа, как бы до войны не дошло. Крымчаки вражду сеют, им ногайцы смиренные не нужны. Из туретчины Сулеймановы послы были годков шесть назад, тоже тянут их к себе, значит, против русских. Ты, Иван, слушай и вникай, всё знать надобно, коли пошёл в степь. Только вот что помни: к бабам подходить у них нельзя, сам никуда не лезь, я всё устрою. И ещё, может, твоя Анюта давно замужем, у них рано девок отдают. Тебе, чую, попроситься с ней надо по-людски, вот что тебе сердце гложет... Вот уговор — найдём Анюту — не вздумай приманивать её с собой, а попроситься можно... Решай, Иван!

Умного человека не проведёшь, учует всегда неправду. Собрался ведь возвратить любимую... Вдруг Ваня понял, что Ермолай прав: измучил он себя тем, что не попросился с ней. Лишь бы узнать, что Анечка жива и здорова, больше ничего ему не надо. На том дал крепкое слово купцу.

Только через месяц, в лютые морозы добрались они до зимнего аула Бекбулата. Отсюда идти в Москву с ногайцами, которым туда надобно по торговым делам. Табунщики уходили раньше, гнали огромные табуны лошадей до самой столицы, с другим товаром поднимались позже по зимним дорогам.

Вся купеческая ватага говорила по-ногайски, одеты были все, как степняки, иначе по этим землям не ходили. Тюки с тканями купец отправил в главную ставку Исмаила, там свой базар, приказчики знали дело. Сам Ермолай с несколькими подручными поспешил в гости к мурзе. Аул с низкими турлугами¹ спрятался под снегом, народу на улицах не видно. Пока свеживали овцу для шурпы², в юрте для гостей текла неторопливая беседа. Иван пытливо вглядывался в грузного седобородого Бекбулата и ничего общего с Анютой не находил в тёмном плоском лице с сильно прищуренными глазами и кустистыми бровями. Через цветистую вязь приветствий и взаимных комплиментов Ваня пытался узнать о судьбе младшей дочери мурзы. Долго же пришлось ему ждать, пока не услышал, что всех дочерей, слава Аллаху, определил отец за достойных людей. Вот недавно отдал в Москву старшую дочь, вдову казанского царевича. Опять Сююмбике постаралась, вспомнила давнюю подругу, сосватала за своего племянника, что у урусов живёт. Средняя замужем за уважаемым человеком из мангытского рода, и младшую выдали за славного батыра Ишей-ага прошлой весной. Сердце у Ивана упало... Он был рад, что Анечка не пострадала, вернулась к родным, но известие о замужестве его ошеломило, хотя он заранее себя готовил к такому повороту. Наверно, чем-то выдал себя молчаливый

¹ Турлуг — глинобитный дом.

² Шурпа — бульон из свежей баранины.

русобородый парень с синими глазами, если взгляд Бекбулата задержался на нём с неприкрытым интересом. Или почуяло сердце мурзы, что сидит ниже него непростой человек, тесно связанный с ним... Или просто опытный человек заметил странное волнение гостя при упоминании дочерей. На секунды перехлестнулись взгляды, и какая-то невидимая нить скрепила незнакомых людей. Неведомо никому, как рождается дружба и доверие. Разговор продолжился, но Ивана больше ничего не интересовало. Выехал он из заснеженного аула понурый и ещё более молчаливый. Ермолай его не трогал, понимая, что сегодня Иван потерял свою любимую во второй раз.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Мариам всегда любила возиться с малышами: Дашутка до сих пор снилась ей по ночам, тёплым комочком прижатая к груди. Любила она своих маленьких братьев, таких разных и таких милых. При взгляде на племянницу Санию всегда наворачивались слёзы на глаза: сирота, отца не увидит никогда. Дочери Сабиры и мужа стали совсем родными, даже родная мать заботилась о них меньше токал. В ногайских аулах всегда много детворы, их до определённого возраста балуют все родичи, а потом мальчишками занимаются отдельно, а девочек оставляют на попечении бабушек и сестёр. Мариам всегда была окружена малышами, она с удовольствием общалась с ними, рассказывала им сказки, пела песенки, заплетала косички и вытирала носики. Как никто, она умела занять малышкой незатейливым рукоделием или игрой. Казалось бы, рождение собственного ребёнка — это счастье для неё, желанное событие. Но почему Мариам не может примириться с беременностью? Как когда-то Марья, ждущая Дашутку, затаилась в ожидании чего-то непоправимого, так и Мариам ушла в себя и не может радоваться самому таинственному акту в жизни женщины — вынашиванию и рождению ребёнка. С равнодушием встретила она новость о втором замужестве Мадины. Сестра опять вышла замуж за мужчину из рода Юсуф-бия, на этот раз за его внука. Бабушка, наверно, злословит по поводу этой поспешной свадьбы, она никогда не любила Юсуф-бия и его племя. Как хотелось Мариам именно сейчас увидеться с сёстрами, поговорить с ними. От Фатимы не было вестей уже давно. Что же делать? Неожиданно Мариам представила, что ей ответила бы Фатима: «Что делать? Рожать! Аллах дал тебе счастье, а ты брыкаешься, как бешеная кобыла, хочешь скинуть груз. Рожать, потому что не всем это дано!»

Мариам успокоилась, а когда малыш впервые толкнулся в животе, то вдруг её захлестнула волной горячая нежность к нему. Зурахан-бике не знала, куда посадить беременную невестку, чем её угостить, заставляла смотреть на красивые вещи, держала у изголовья будущей матери борьк мужа.

Сабира шипела от злости, она боялась, что Мариам родит сына, а Ишей-ага разлюбит её и станет любить токал. А он любил войну и охоту. Сабира не упускала ни одного случая, чтобы принять у себя мужа, для него она наряжалась часами, забыв обычную лень. Она готова была рыдать, если он пропадал на время. «Хоть ты десять раз роди, а он будет только мой! Даже не вздумай строить глазки и вилить узкими бёдрами, я тебе глаза выцарапаю!» Угрозы тут же сменялись слёзами: «У нас трое детей, он любит меня, а я его! А тебе никто не нужен, и он не нужен, пожалей меня, не зови его к себе!»

Мариам тошнило от перепадов настроения Сабиры, она устала объяснять, что никогда не ждала и не ждёт мужа. «Забирай его навсегда и оставь меня в покое!» Со временем байбише успокоилась, стала приходиться с советами к Мариам, опять обнимала

её и целовала, опустошала столик со сладостями, который ставился для беременной женщины. Не раз Мариам ловила себя на мысли, что ей хочется опрокинуть резной столик со всем содержимым на голову Сабиры, так она её доставала!

Пришёл праздник Навруз, аул зашевелился, люди стали ходить друг к другу в гости с праздничными поздравлениями. К беременной токал повалили женщины, каждая из них желала благополучных родов. Хотя у Мариам подходил срок, осталось всего два месяца до родов, ходила она легко, лицо светилось от затаённой радости. Последний седьмой день Навруза праздновали в большой юрте. Как невестка, килен, в числе прислуживающих для самых почётных старух, была и Мариам. Правда, ей ничего не давали делать, она только передавала пиалы с напитками. Когда гости стали расходиться, Мариам поднялась, чтобы помочь убрать дастархан, и в это время Сабира опрокинула на неё большой чан с горячей водой, приготовленный прислужницами для мытья посуды. Нечаянно так получилось или же байбише намеренно ошпарила соперницу — так никогда и не узнали. От боли у Мариам начались преждевременные схватки. Её уложили в этой же юрте, некогда было обработать ожог, потому что схватки были стремительными. Через час Мариам разрешилась мальчиком, таким маленьким, что его можно было бы спрятать в рукавичке. Ребёнок даже не закричал, а запищал, как птенчик. Мариам сквозь слёзы пыталась разглядеть малыша, но его быстро обмыли и укутали в тряпки. После, разглядев туго запелёнатого ребёнка, Мариам ужаснулась: он был такой сморщенный, багрово-лилового цвета. Молодая мать испугалась: нормального ли ребёнка она родила? Почему он такой некрасивый? Зурахан-бике, готовая прыгать от радости, несмотря на свой почтенный возраст, находила малыша очаровательным! Ишей-ага тоже был счастлив, от гордости он дёргал своей кудрявой головой, всё больше напоминая вожака-барана.

Одного Мариам никогда не простит старшей жене мужа: именно из-за неё она лишилась возможности родить своего первенца в родном ауле. По адату полагалось женщине перед первыми родами жить у родителей и вернуться к мужу с младенцем через сорок дней после рождения. Это была последняя возможность провести долгое время с родными, насладиться их вниманием и любовью. Как ждала анэ свою дорогую внучку, чтобы поняичить на руках долгожданного правнука! А теперь она утешится вестью о счастливом событии...

Ревность уместилась в чаше кипятка и ошпарила не только ноги, но и душу. Где найти границу между «суждено» и «не суждено» гневному сердцу? Сабира плакала в углу своей юрты. Во-первых, её хорошо оттаскала за волосы свекровь, а во-вторых, её съедали зависть и обида. Только приход мужа, как никогда пылко любившего свою байбише, немного смягчил удар. Сабира решила во что бы то не стало забеременеть и родить сына.

Пока в объятиях мужа старшая жена предавалась мечтам, младшая жена уже кормила сына. Слабые губы малыша не могли ухватить сосок, ребёнок был вялым, сонным. Мариам страшно испугалась, думая, что сын умирает. Находившая рядом с ней свекровь проснувшись от вскрика, отняла внука и долго вглядывалась в него при свете светильника.

— Не трогай его, пусть спит, утром проголодается, начнёт сосать. И сама поспи!

Мариам успокоилась, но заснуть не могла из-за боли на ошпаренной ноге. Слабая свеча держится на ниточке, она колеблется от каждого дуновения, но может угаснуть и от лишнего вдоха, и из-за нехватки воздуха. Ребёнок был подобен свече: дыхание его зависело от малейшего колебания окружающего мира. Зачатый без любви, рождённый до срока, он лежал почти бездыханный в бисеке¹. Светильник угасал, и тьма

¹ Бисек — колыбелька.

сгущалась над люлькой. Мать почувствовала зловещую тишину, она вздрогнула от страшного предчувствия и, подскочив, схватила почти невесомый комочек, прижала его к груди и запела беззвучно колыбельную. Зачем петь колыбельную песню спящему ребёнку? Зачем она тому, кого уносит река забвения в свой недоступный рай? Но умирающее дитя чувствует беззаветную материнскую любовь в мелодии песни, его крохотное сердце отзывается на невидимую теплоту, его прозрачные пальчики хватаются за пелёнку, а маленький ротик сжимается в колечко, готовое ухватить спасительную грудь, пока не наполнится молоком. Как-то так получилось, что малыш сам нашёл источник жизни и стал сначала неуверенно, тыкаясь тёплым носиком, а потом с полным правом жизни сосать материнскую грудь. Сладостная дрожь единения с сыном пронзила всё существо Мариам. Так началась ещё одна её жизнь — жизнь счастливой матери.

Сильные духом люди щедро делятся радостью с другими, неревнивым взглядом оберегая своё счастье, они внимательны к менее удачливым в жизни. Слабые, в страхе потерять обретенное, подобны зверю, охраняющему своё логово: они рычат на каждого, кто осмелится приблизиться к норе. Река, отражающая солнце, прекрасна в дробном излучении большого света, темно и мрачно болото, которое тащит всё в глубь: и тепло светила, и малую травинку, цепляющуюся за жизнь. Настоящее счастье великодушно.

Мариам быстро оправилась после родов, даже ожоги, омываемые по совету целительниц грудным молоком, не оставили шрамов на теле. Через сорок дней, созвав большое количество гостей, объявили имя наследника Ишей-ага. Старый мулла трижды прокричал дребезжащим голосом в крохотное ухо малыша: Суюнч! Суюнч! Суюнч!

Имя означало — радостная весть. Никого из родных молодой матери среди гостей не было: в эти дни хоронили мать Бекбулат-мурзы, бабушку Мариам. Неугомонная старуха, прожившая долгую жизнь, успокоилась навсегда. Жизнь подарила ей последнюю радость — весть о рождении правнука. Жизнь и смерть опять встретились у берегов всепоглощающей реки. Может, они ходят всегда рядом, но мы в своём неведении делим их по разным берегам?

Молча приняла горестную новость Мариам, жалея лишь о том, что не успела попрощаться с дорогой анэ. В смирении перед неизбежностью тоже проявляется сильный дух. И сложила тогда она песню про бабушку, которую потом долго пели ногайцы, может, и сейчас кто-то помнит эти слова:

*Белый туман рассыпается в белые облака над головой,
Белые облака проливаются тёплым дождём,
Проливаются тёплым дождём на степь,
Чтобы степь расцветала зелёной травой,
Чтобы верблюд наполнялся горбом,
Чтобы песню каждый смог допеть:
Ай, дорогая анэ,
Не забудь про меня в вышине,
Ай, дорогая анэ,
Возвращайся ночами во сне,
Ай, дорогая анэ,
Будешь жить ты любовью во мне,
Ай, дорогая анэ,
Спасибо говорю тебе!*

Не желая оттеснить байбише, Мариам редко командовала людьми, старалась, где могла, сама сделать что-то для юрта. Незаметно для себя она стала считать его родным и переживала за каждое неустройство. Ишей-ага заходил полюбоваться на сына, он гордился наследником. Честно говоря, раньше он не помнил лица второй жены, даже не узнал бы при встрече. Теперь он приглядывался к Мариам, обращался к ней с почтением. Как женщина токал, очень похорошевшая после родов, по-прежнему его не привлекала, его тянуло к взбалмошной Сабире, с ней он был весел и по-мужски счастлив. Короткие разговоры у люльки малыша со второй женой привлекали его всё больше: токал была ненавязчива и умна. Ишей-ага понял, наконец, мать, Зурахан-бике, — Мариам стала бы хорошей управительницей аула. Установились негласные отношения в семье: Сабира главенствовала над сердцем мужа, а Мариам потихоньку перенимала бразды правления от Зурахан-бике.

Однажды Мариам застала у люльки задремавшего мужа. Пристально вглядываясь в сонное лицо Ишей-ага, она заметила ранние морщины на задубевшем от ветра тонкокостном горбоносом лице неутомимого воина. «А ведь ему пошла только тридцатая весна!» — по-матерински вздохнула Мариам. Две поперечные морщины на лбу придавали батыру властный вид, а тонкие обветренные губы таили мальчишескую улыбку. Муж без шапки напоминал усталого задремавшего льва. «Мой барс» — так называла Зурахан-бике сына. В эту минуту Мариам была согласна со свекровью.

Если в семье наступил лад, то вокруг уже бушевала буря: совсем недавно провозглашённый бием Большой и Малой Ногайской Орды Исмаил заключил мир с русским царём. Практически это означало подданство. Не все спокойно приняли такое решение, в северных улусах бурно оспаривали волю ногайского правителя. А Исмаил-бий, твёрдый в своём решении построить новую столицу на берегу Бузана, всячески доказывал свою правду: где мечом, где уговорами. Ведётся из века веков, что железная рука старшего усмиряет бунт в сердце мятежного.

Три года назад родился Иван-царевич, которому суждено в будущем пасть от руки грозного отца, а на Руси уже казнят бунтовщиков, изводят под корень боярские семьи, заподозренные в измене. Страшные вести приходят из Московии. И думают ногайцы: коль своих не жалеет, то будет ли кровожадный царь милостив к иноверцам?

Другая беда обрушилась с востока: казахский правитель Хак-Назар-хан напал на Ногайскую орду. Неисчислимы войска лавиной песчаной бури неслись по степи. Исмаил-бий обратился к русскому царю с просьбой о помощи, все мужчины-ногайцы были призваны в ополчение. Снова забелеет костями долготерпеливая земля, снова заалеют на крови жаркие весенние тюльпаны, снова человек будет без пощады убивать другого человека по властному взмаху правителя. Сироты и вдовы, одинокие матери будут оплакивать родных, умирая от голода в холодных юртах! И не будет в том великом рыдании деления на победителей и побеждённых. Только несколько человек, лёжа на белом войлоке, напьются дурмана кумыса, чтобы восторжествовать и отметить победу.

Но на этот раз торжествовали все оставшиеся в живых ногайцы: казахов разгромили и выкинули за пределы ногайской степи, а непогрёбённые останки убитых врагов гложут птицы и звери.

Ишей-ага ринулся на битву с казахами, не дожидаясь основных сил. Смяли бесстрашную дружину опытные батыры-казахи, никого не оставили в живых. Задержал отряд келечи лавину врагов, этой малой толики времени было достаточно, чтобы подоспела армия Исмаил-бия. Воспоют через годы славу Ишей-ага, барсом ринувшегося на несметные полчища врагов, вырастет в тех сказаниях батыр до сказочного

исполина, бесстрашного и несокрушимого, которого только хитростью одолеют враги: они вызовут смерч, вырвавший его из седла и кинувший на острия мечей. Даже умирающий сумеет батыр снести голову главарю врагов... Так поётся в песне, а что было на самом деле, знает только жёлтый глаз небесного светила. Оно бесстрастно выжигает одни следы, чтобы завтра легли на пески другие. Так ведётся из века в век.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Весы судьбы неумолимы — на них равны горести и радости. Нельзя целый век прожить в довольстве, сытости и счастье. Чем должен утешаться человек, песчинка бесконечного бытия? Только единством с другими, только благородной целью спасения вместе с другими.

Горькую чашу припасла судьба для Мариам после года безоблачного счастья! Никто не в праве осуждать молодую вдову. Она могла вернуться с ребёнком под крыло родного отца от забот разорённого гнезда. Ещё не пришёл чёрный мор на ногайскую землю, его студёное дыхание пока набирает силу на берегах тёплого моря. Пока живы мать и родственники... Но не стала Мариам собирать вдовью арбу, а осталась у келечи, чтобы разделить с ними тяжёлые годы. Нет взрослых мужчин — в роду одни безусые подростки. Была надежда, что вернётся небольшой отряд джигитов, отправленный в Крым для тайных переговоров покойным Ишей-ага, но с каждым днём эта надежда тает. Зурахан-бике потеряла голову после смерти единственного сына, сидит в тёмной юрте и молча качает пустую люльку. Сабира рыдает целыми днями, визжит и воет, как волчица, потерявшая щенят. Мариам, не выдержав, однажды хлестнула байбише по щеке, да так крепко, что у самой рука заныла.

— Ещё услышу твой вой, отправлю к пастухам, поближе к волкам! Там место глупым овцам! И не бегай по аулу босоногой!

Несколько стариков и старших родственниц стали советчиками и помощниками Мариам, они, как могли, занимались насущными проблемами. Бывают моменты, когда жизнь проверяет народы на выживаемость, и тогда многое зависит от сплочённости. Едисанцы редко впадают в панику, кочевая жизнь, полная неожиданных приключений, частые потери отцов семей научили их умению мобилизоваться, быстро перестраивать свои отношения в роду. «Не проси совета у унылого, а проси у весёлого», — так говорят старики. Тот силён, кто умеет радоваться тому, что имеет.

Мариам не было девятнадцати вёсен, она была всего лишь второй женой погибшего Ишей-ага, но она родила наследника, и её поддерживала сама Зурахан-бике, пересилившая горе, но уже не способная к правлению. Жёны двоюродных братьев батыра отвергли Сабиру и встали на сторону Мариам, которая успела отличиться здравым умом, обходительностью и, при необходимости, достаточно властью. Юная женщина стала замещать Зурахан-бике, но при ней всегда был совет старших. Привыкшие жить подолгу без мужчин, сначала женщины мало замечали перемены, но вскоре нужда подкралась к несчастному аулу. Другой бедой стал страх: боялись бунта рабов, которые осмелели после гибели всех джигитов.

Детей пришлось собрать вместе в нескольких юртах, чтобы вовремя покормить и уследить за ними. Подростков отрядили ловить коней, потерявших хозяев: табуны спускались к реке. Девочки целыми днями лепили курт, который зимой будет спасать от голода. Женщины и старухи занимались дойным стадом. Однажды Мариам велела привести всех рабов, и сама в сопровождении женщин, детей и стариков вышла

к прокопчённым от солнца людям. Первым делом она велела сбить кандалы у тех, кто ещё носил на себе позорный знак рабства. Мариам посмотрела на безоблачное небо, помолилась про себя и начала свою речь на русском языке:

— Я своею волей даю вам свободу. Не я брала вас в плен, не эти женщины и дети. Те, кто привёл вас на аркане, уже мертвы. Вы можете уйти домой, мы дадим вам припасов на дорогу, коней. Но кто хочет, может остаться как свободный человек. Можете взять по согласию женщин в жёны, только из вдов. Каждому обещаю защиту, если решитесь стать ногайцами. Я всё сказала.

И настала такая тишина, которая выпадает человеку только раз в жизни. Первым, молча, через дорогу на сторону ногайцев перешёл старый огородник Захар, которого давно звали Секиром. Ему некуда было идти, вся жизнь его прошла среди ногайцев. Молча делились люди — кто оставался на той стороне дороги, где ещё валялись под ногами сбитые колодки, а кто переходил к кучке женщин и детей. Пока собирали еду на дорогу, ещё несколько человек решили остаться, в основном, это были немолодые люди. Утром несколько десятков людей побрели по холодеющей земле, разнося по свету весть: женщина дала свободу рабам, взятым в плен мужчинами.

Большого осуждения за отмену рабства Мариам не получила: все понимали, что держать пленных становится опасно и прокормить их трудно.

За всеми делами Мариам не забывала нянчить сына. Мальчиком занимались дочери Сабиры и прислужницы, иногда и Зурахан-бике, обожавшая внука, но молодая мать выкраивала время, чтобы обнять малыша, поиграться с ним, полежать рядом на мягком мендере. В эти минуты Мариам ни о чём не думала, просто радовалась, любясь на крепкие щёчки Суюнча, на тёмные глазки с длинными ресницами, целуя ребёнка в ясный лобик. Дитя и мать связаны незримой пуповиной, взаимная их любовь выше слов, они переполняют друг друга нежностью, поэтому так прекрасна кормящая младенца женщина.

Пережили трудную зиму, дотянулись до первой зелёной травки. Но почему близкие роды, обязанные помочь в беде аулу героев-батыров, не шлют верблюдов с мешками проса?

Не будем винить ногайцев в неблагодарности: пришла другая беда в ногайскую степь в год победы над казахами.

Кем проклят род, если после одной напасти следует другая, более страшная: мор пришёл в ногайские аулы. Мстили ли духи не преданных земле? Или тень грозного Юсуф-бия решила забрать своих людей в вечное подданство?

Гибли семьями в юртах, падали с седла спешащие по делам, задыхались младенцы, сходили с ума женщины. Опустели юрты, убежали люди, чтобы спастись в одиночестве и погибали от голода и холода.

У Бекбулата осталась в живых половина людей. Скорчилась от боли и застыла навек прекрасная Галимэ, так и не успев постареть. Уцелели дети, Сабир и Юсуф. От Фатимы не было вестей: она, услышав про чуму, увела свой народ куда-то вглубь степи, и никто теперь не узнает, удалось ли бесстрашной Фатиме спасти любимых мангытов. Одна яркая вспышка юношеской любви досталась на долю второй дочери Бекбулата, всю остальную жизнь она посвятила большой семье мужа, целиком растворившись в ней.

Роду келечи повезло: их отдалённое поселение миновала чёрная зараза. Узнав о море, выставили редкие дозоры из подростков, чтобы отправлять непрошенных гостей назад. Но никто не появлялся на горизонте.

Жизнь полна горестей, но гибнет тот, кто предаётся унынию. С весною, радуясь солнцу и теплу, пробудились люди, стали слышны шутки и смех. Мариам сложила

несколько песен, их распевали подростские девушки. Мальчики подтянулись, повзрослели. Кадыр, сын двоюродного брата Ишей-ага, стал незаменимым помощником: в нём жил дух властителя. Это было видно по его недетскому взгляду, умению быстро принимать решения, выслушивать молча советы старших, но в нужный момент поступить по-своему. Мариам незаметно выдвигала подростка над другими, разрешала ему самостоятельные действия. Малыш Суюнч уже бегал от нянек, начал лопотать. Хозяйство налаживалось. Одна беда: никто не хотел работать на огороде. Рабов отпустили, а огородничество у ногайцев считалось недостойной работой. Устав уговаривать, Мариам с несколькими женщинами сама пошла ковыряться в земле. Решили в этом году посадить побольше тыквы и полбы. Мариам хотелось завести капусту и репу, но не было семян. Да и понимала она, что засеять можно, но невозможно заставить потом есть пареную репу. Стали ловить больше рыбы, из забавы рыболовство превратилось в необходимость. За зиму съели много овец, отары убавились.

Делились всем по возможности поровну, только коровы и козы по-прежнему являлись собственностью семьи. Пожилые вдовы с удовольствием приняли к себе бывших рабов, всё-таки мужские руки.

Сабира перестала плакать, стала появляться на людях, пыталась быть полезной, но её все старались спроводить подальше от себя: от неё было слишком много бестолковой суеты. Байбише стала неряшлива, от неё несло потом и жиром, это тоже раздражало чистоплотных ногаек.

Когда что-то начинает налаживаться, то Аллах посылает одну радость за другой. В одно утро примчались с громкими криками сторожевые подростки. За ними клубилась пыль — мчался отряд всадников. Женщины заметались, собирая детей: беззащитный аул — лёгкая добыча разбойников. Но, оказалось, что вернулись джигиты, год прослужившие у крымских ханов! Они не могли уйти раньше, связанные обещанием службы, но теперь они дома! Запылали костры, запахло свежей бараниной, счастливые жёны наряжались в узорные капталы, а вдовы завистливо смотрели на чужую радость. Отец Кадыра был старшим у джигитов. По праву он, Каюм-ага, становился правителем рода до тех пор, пока не повзрослеет Суюнч.

Весна, незаметно переходя в жаркое лето, за свой короткий срок успела воскресить в людях жажду жизни, подарила им надежду на лучшее. Человек легко утешается, если верит в завтра.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Иван пришёл в себя после встречи с отцом Анюты. Наконец, он узнал её подлинное имя и в надежде, что молитва отзывается на имя собственное, приучал себя просить у Бога за Мариам. Созвучие с именем мачехи немного его смущало, но через время он уже привык звать в своих мечтах именно Мариам. Дело купеческое — опасное даже в городах: всегда найдутся охотники на чужое добро, а уж в дальней дороге всегда надо быть настороже. Каждый человек в караване — воин, опоясанный мечом. Ермолай говорил, что в дни его молодости дороги были безопаснее, разбойников не водилось, за порядком по всей степи следили сами ногайцы. Пошлина, правда, была высока, но шли купцы без опаски, за обиду можно было стребовать выкуп. Были, конечно, места, куда соваться не следует, там никто не держал ответ за разбой, но караванные пути никого не пугали.

Любое дело отвлекает от дум, раны рубцуются быстрее, если поминутно в них не ковыряться. Ваня втянулся в заботу об охране хозяйского добра, он нёс наравне с другими ночной караул, таскал из встречных колодцев воду для лошадей и верблюдов. В какой-то момент он уверил себя, что обязательно доберётся до Мариам, если уж нашёл её аул среди огромной пустыни. О замужестве любимой Иван не вспоминал, это не имело значения, он думал только о будущей встрече, как о деле неизбежном.

И вот караван прибыл в Москву. В любую свободную минуту бежал Иван за ворота, открывая всё новые затеи сказочного города. Кружилась голова от пестроты впечатлений, ничто не могло омрачить ненасытный взгляд, дивным узором ложился город в памяти. И через годы будет восторгом переливаться колокольный звон белокаменной Москвы в душе поседевшего Ивана. Не обидела его столица, показала зримые очертания прекрасного.

На обратном пути заглянули в город Касимов на рязанской земле, удел ногайских князей, пожалованный им царём Иваном. Ермолай держал своё слово, он решил помочь Ивану добраться до Мариам.

Не знал Иван, куда ведёт его Ермолай. Прошли во двор, поднялись в хоромы. Тут и сказал наставник оробевшему парню:

— Вот и пришли, Ваня! Здесь живёт казанская царица, дочь Юсуф-бия, Сююмбике, значит. Это не всё. Попросил я привести для беседы старшую дочь Бекбулата. Без даров не обошлось, но иначе никак. Городишко Касимов — не степь ногайская, тут вольности большие, с бабами и поговорить можно. Ихняя охрана — это для виду, они и слушать ничего не будут, но попусту языком не молоти, следи за мной. А там, может, что и узнаешь про свою-то.

Вот и встретился Иван, сын казацкий из ловцов волжских, с двумя ногайскими княжнами Он принял это как само собой разумеющееся, не высказал никакого удивления.

Две красавицы сидели рядом на небольшом возвышении, обе были одеты потатарски, в длинные светлые шёлковые платья, поверх которых накинута вышитые золотом яркие безрукавки. На головах — лёгкое узорное покрывало, не скрывающее лица. Издалека женщины смотрелись, как родные сёстры. Когда Иван подошёл поближе, он сразу узнал в одной знакомые брови и что-то неуловимо похожее во взгляде. Дрогнуло сердце, забилося горячо-горячо, когда нежный родной голос спросил о чём-то Ермолая. Смущаясь и краснея, парень потихоньку стал приглядываться к Мадине: несмотря на некоторое сходство, она очень отличалась от сестры. Более круглолицая, с горячим взглядом, Мадина была вызывающе красива. Глаза её блеснули из-под чёрных прекрасных бровей, лёгкая улыбка блуждала на ярких губах, ямочки на тугих щёчках придавали милое выражение лицу. Старшая сестра была не так худа, как Мариам. Мадине понравился неуклюжий краснеющий парень, и она из озорства кидала на него нежные взгляды. Иван подумал: стала бы, повзрослев, его любимая похожа на старшую сестру? И тут отвечал себе: «Нет! Анюте не пристало так красоваться, она другая, простая и застенчивая, такая родная!»

Купец между тем вёл беседу с другой княжной на ногайском языке. Сююмбике хорошо понимала русскую речь, но говорила хуже, поэтому не стала выставлять себя в смешном виде. Ермолай делился новостями, собранными по дороге, отвечал на вопросы бывшей казанской царицы, хорошо разбиравшейся в политике. Незаметно для себя Иван стал вслушиваться в разговор, его заинтересовало то, что Сююмбике вела разговор на равных с бывалым умным путешественником, знала почти все поселения на караванном пути, переживала за родичей. Сначала внимание парня привлекли

белоснежные пальцы, едва выглядывающие из-под длинных рукавов платья. Ни у кого ещё деревенский парень не видел таких точёных, нежных, ухоженных рук с нанизанными на пальцы кольцами, золотыми, со сверкающими камнями, ажурными серебряными. Иван долго не мог отвести от них взгляд, но когда он взглянул в лицо прославленной красавице, то и думать забыл про тоненькие пальчики. Сююмбике не затмевала красотой и молодостью Мадину, но раз взглянув на неё, уже невозможно было оторвать взгляд от мерцающих глаз, в которых таилось необычайное очарование. Говорили, что сам царь Иван равнодушен к пленнице и что прежде, чем выдать её замуж за старого Шах-Али, он сам сватался к ней. Тонкое удлинённое лицо отличало сияющей белизной, розовые губы приоткрывали в улыбке ровные зубы. Но не густыми волосами, не луками бровей поражала степная царевна, а чем-то неземным, будто несла она в себе нездешний свет. Издалека она выглядела молодой женщиной, хотя ей было уже около сорока лет, и жизнь её была полна лишений и приключений. Пять лет назад она была насильно выдана замуж за Шах-Али хана, который успел трижды посидеть на казанском троне при поддержке русских князей.

Десятилетний Утямыш-Гирей, единственный сын Сююмбике от любимого мужа, хана Сафа-Гиряя, воспитывался вдали от матери в русской столице, был уже крещён в Чудовом монастыре и назывался по русскому обычаю царевичем Александром Сафагиреевичем. Через десять лет сын Сююмбике скоропостижно скончается и будет похоронен с царскими почестями в Архангельском соборе Московского Кремля.

Доброжелательность сквозила во взгляде Сююмбике, голос её был свеж и мелодичен, но что-то выдавала в ней правительницу, — царскую стать не спрятать за мягкостью зора. Ване почудилась обречённость: женщина ещё здесь, но вроде уже смотрит издали.

Он не ошибся — через два месяца после памятной встречи отошла Сююмбике в мир иной. Слухи не оставили несчастную и за гробом: говорили, что казанскую царицу отравили из-за её независимости, кто-то болтал, что сама наложила на себя руки, не захотев креститься, а были те, что утверждали: от тоски померла, не смогла жить в золотой клетке. Ещё одна тайна, ещё одна легенда... Похоронена удивительная женщина в России, но дух дочери Юсуфа-бия, наверно, обретается в Казани, где в наши дни стоит башня Сююмбике. Или в бескрайной степи летает её вольный дух, как птичка небесная.

А Мадина осталась в Касимове, через три года овдовела, а ещё через год вышла замуж за нестарого боярина Кольчева. При крещении получила она, по странному совпадению, имя Мария, а дочь Саня стала Софией. Гордая и властная до старости, правила старшая дочь ногайского мурзы Бекбулата домом русского боярина Кольчева, воспитала его трёх детей от первой жены, свою дочь и ещё родила троих сыновей, и повелась от неё в роду чернявые гордецы. Саня-София пошла в свой срок под венец с боярским сыном Салтыковым. Потеряв в смуту мужа, бездетная, ушла в монастырь (или же была насильно пострижена родственниками мужа) и дожила до царствования царя Алексея.

А в тот день пронизательная Мадина по вопросам догадалась, что долговязый синеглазый молодец — это тот самый Ваня, про которого рассказывала Мариам. Уже по-другому взглянула она на русского парня, благодарная за сердечную память о сестре.

Ничего нового Иван не узнал про Мариам, и расстался он с княжнами в твёрдой уверенности, что похожа его любимая не на родную сестру, а на Сююмбике — своей любовью к народу, желанием помочь несчастным, готовностью отдать жизнь за других.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

Земля опять поменяла цвет: белая бескрайность слепила глаза. В ауле келечи жизнь шла своим чередом, каждый день приносил что-то новое. Несколько бывших рабов, выгнанных вернувшимися мужьями, нашли других вдов. Огородник Секир вернулся в старую землянку, всё лето работал на поле наравне с аульчанами. Заставила своим примером Мариам и других женщин выйти в огороды. И урожай был отменный, теперь каждая семья ела пшённую кашу, смешанную с варёной тыквой. Налаживалось хозяйство, росли дети. Зурахан-бике с осени не поднималась с постели. Другая забота постучалась в двери: правивший юртом Каюм-ага не захотел быть временщиком, ему нужна была полная власть. А для этого надо было жениться на вдове погибшего Ишей-ага. Сабира подходила ему по первенству в браке, но матерью наследника была Мариам. Как водится, стали ходить старухи из юрты в юрту, добиваясь соглашения. Умудрённая жизнью Мариам отложила сватовство на весну, выжидая время. Посовещавшись со свекровью, она решила уговорить Каюма-ага взять одну Сабиру.

Говорят, если прохудилась юрта, то летит кувырком всё. Беда пришла, откуда не ждали. Мариам, равнодушная к сплетням, не обращала внимания на пересмешки женщин в адрес Сабиры. Байбише особо никогда не любили, а когда она потеряла мужа, от неё отвернулись даже прежние лизоблюды. По своей наивности Мариам никогда не верила слухам. Неиспорченная натура отвергает любую грязь в отношении других, твёрдо веря в чужую добродетель. Но даже святая простота вынуждена признать свою слепоту, когда тайное становится явным.

Однажды вечером завалилась к Мариам в юрту рыдающая Сабира. Беспokoясь, что проснётся Суюнч и дремавшая рядом на постели старая свекровь, хозяйка оттеснила гостью в дальний угол и прошептала:

— Что ты опять воешь? Или хочешь накликасть на нас беду? Погиб наш муж, не вернёшь его назад, пора тебе снова замуж выходить!

Затряслась, зажав рот, Сабира:

— Нельзя мне замуж горемычной, нельзя ни за кого! Ой, что же мне делать!

— Не ори, ребёнка разбудишь! Не хочешь, не надо, сиди одна, дочерей воспитывай.

— Какая я дура, какая дура! Я хочу умереть! — завывала опять Сабира.

Подошла проснувшаяся свекровь и обняла старшую невестку, чтобы пожалеть ту, что так долго оплакивает её сына. В это время у Зурахан-бике даже зашевелилась в душе обида на младшую невестку, слезинки не проронившей по мужу. Обнимая Сабиру, старуха вдруг обхватила округлившийся живот женщины!

— Ах ты потаскуха! Позор какой на нашу голову! Говори, с кем нагуляла, бесстыдница!

Мариам потеряла дар речи: Сабира беременна! И, судя по животу, срок немалый. Как же она не замечала раньше? Принимала за полноту, ведь байбише всегда любила поест.

Гнев Зурахан-бике был невиданным. Но когда, задыхаясь от стыда, невестка сказала имя отца ребёнка, то возмущение перешло все границы: схватив железную кочергу, она треснула ею по плечу Сабиры. Мариам схватилась за голову: старый Захар или, как его называли в ауле, Секир, являлся виновником беды. До какой степени надо быть распушенной, чтобы спать с бывшим рабом, который годился ей в деды!

В ту ночь долго выли все три женщины. О замужестве не было и речи, думали, как скрыть позор. Перебрав беременных в ауле, решили уговорить одну родственницу, ждущую ребёнка, взять незаконное дитя после родов себе за двойню. Мариам

понимала, что обман не удастся, все догадываются о положении Сабиры. Всё равно решили пока уложить в постель греховницу и объявить о её болезни. До родов оставался всего месяц.

После Навруза стали готовиться к окоту овец, коз. Пошли дожди. Аул зашевелился, ожил. Сабире невмоготу было лежать под тёплым одеялом, она соскучилась по дочерям, которых давно не видела, тянуло даже к незадачливому любовнику, к которому сама бегала почти каждую ночь летом в старую землянку. Однажды ночью решилась Сабиря пойти к себе в юрту, где спали дочери. По пути встретился ей вонючий старый козёл, которого в ауле боялись многие: он был бодлив и страшен с виду. При виде бородатого существа в сумерках она упала от страха на острые колышки уличного очага. Мариам прибежала на отчаянный крик Сабиры, с трудом втащила её в свою юрту. Начались преждевременные роды, пришлось вызвать женщин-повитух, потому что пошла кровь. К утру измождённая схватками несчастная женщина родила желанного прежде, но не нужного теперь сына, а сама навеки закрыла глаза, истекши кровью.

Мальчик остался жив, он был крупный, несмотря на незрелость, и голосистый. Почти повторив судьбу матери, закончила свою жизнь Сабиря. Никто не злословил, решили, что Аллах сам покарал грешницу. Ребёнка отдали кормилице. Его отец, Секир, исчез. Ушёл ли он сам в страхе наказания, или же кто-то убил его за нанесённый позор, никто об этом так и не узнал.

Следом за Сабирой ушла из жизни Зурахан-бике. Свет померк в глазах Мариам: пятеро детей осталось на руках — четверо от Сабиры и маленький Суюнч. Единственное утешение было в том, что из-за траура сватовство отодвинули до осени. Беда не приходит одна: утонули, спасая друг друга в омуте несколько девочек, среди них — двое старших дочерей Сабиры и Ишей-ага. Две касатки, две красавицы, ставшие родными, навеки покинули этот мир. Безысходное горе и непоправимая вина придавили душу Мариам, она превратилась в тень. Только дети, отчаянно нуждающиеся в материнской заботе, держали молодую женщину на этом свете. ...

Днём Мариам воспитывала детей, следила за личным хозяйством, помогала в управлении аулом Каюму-ага. Ночами она не могла долго заснуть, молилась за души ушедших: бабушки, матери, мужа, свекрови, Сабиры и названных дочерей, а утром заставляла себя вставать и выходить с улыбкой к людям. Она не вспоминала о Ване, не мечтала больше о встрече с ним. Что-то надломилось в ней, в душе молодой женщины поселилась тоска.

Келечи далеко не отходили от реки, переселяясь на лето. У них не было постоянных зимников, они не строили дома для зимовок. Прошлой весной, до возвращения потерянного в Крыму отряда джигитов, аул лишь немного передвинулся, чтобы только сменить утоптанное место. В этом году отошли подальше к югу, расположились у самого берега Ахтубы.

Место было удобное, с одной стороны — уходящая вдаль степь, а за рекой — широкое займище с сочной травой. Нашёлся брод, по которому выгоняли дойных коров на ту сторону реки, а остальной скот гуртовал там постоянно. Овечьи отары паслись в степи. Горячие песчаные летние ветры были намного слабей, чем в открытой степи, а страшные вихри, порой поднимающие на воздух юрты, обходили этот край стороной.

Вездесущие подростки рассказали, что нашли в степи на высоком кургане развалины синего города. Почему Мариам захотелось посмотреть на это место? Может, всплыли рассказы дорогой анэ о покинутом синем городе? Однажды, поручив детей родственницам, выехала она ранним утром в указанном детьми направлении. Долго

скакала вдоль реки, а потом по приметам свернула на восток. Река не всколыхнула душу, напомнив о первой встрече с казаками. Наглухо заперты те воспоминания. Только полное безразличие к собственной судьбе заставило молодую женщину одну, без сопровождения, идти навстречу опасностям. Её могли пленить, она могла упасть с лошади, да мало ли что ждёт одинокую всадницу? Что-то стало просыпаться в душе, когда к полудню подъехала она к развалинам.

Отпустив на выпас лошадей, вошла Мариам на курган. Виднелись остатки стен, покрытые синими изразцами. Под ногами крошевом, блестя на солнце, хрустела небесного цвета глазурь. Можно было разобрать, где улица, а где стояли печи для хлеба. Разбитая посуда, вывороченные кирпичи темнели островками. Чьё-то богатство и благополучие лежало осколками битого синего глянца, а вокруг распростёрлась весенняя зелено-серебристая степь с крапинками жёлтого и алого цветения.

Душно стало Мариам стоять на горе битых кирпичей и изразцов, выбежала она на простор, упала вниз лицом в непрогретую солнцем землю. Рвали с корнем нежную траву тонкие руки, билась голова о влажную, пропитанную запахом полыни, землю:

«Ящерицей хочу уйти в глубину, чтобы спрятаться от тоски, птицей хочу улететь ввысь, чтобы оторваться от тяжести! Хочу скакать, не разбирая дороги, как дикий сайгак, чтобы забиться в погоне! Степь, мать моя, дай мне опору, чтобы жить дальше! Я готова целовать тебя, как собственное дитя, защищать всей душой твой покой! Не оставляй меня одну, научи меня снова любить жизнь! Пусть солнце спалит меня дотла, пусть змея укусит в самое сердце, но я хочу научиться снова плакать и радоваться!»

На небе стремительно сгущались тучи, громыхнул гром. Вдруг хлынул дождь, густой, тяжёлый, тёплый, сверкнула молния. Мариам встала, подняла обе руки вверх, слёзы потекли из глаз вперемешку с каплями дождя, мокрое платье облепило тело... Ей казалось, что она разом оплакивает все потери последних лет: бабушку, мать, умершую во время мора, пропавшую в казахских степях Фатиму, мужа, Сабиру, свежую кровь, дочерей...

Выплакав, наконец, горе, Мариам вдруг засмеялась. Она вздрагивала от резкого страха, когда вспыхивала огненная линия и гремел гром, но в душе она чувствовала какой-то дикий восторг и необыкновенную лёгкость в теле.

Гроза прекратилась также неожиданно, как и налетела. Пора было возвращаться, чтобы вернуться домой до захода солнца. Но сначала Мариам с забытой жадностью съела прихваченный из дома кусок вяленого мяса, запила его водой из реки. Зайдя по колено в холодную воду, она умыла лицо. И тут она снова увидела бородатые лица ловцов, услышала забытую русскую речь...

Страхнув морок воспоминаний, Мариам взлетела на лошадь. Ноющая опустошённость сменилась восторженностью. Удивляло и радовало всё на пути, каждая примета начинающего лета грела душу. Вспомнила Мариам первый поход с Ваней в лес, когда после дикой тоски она обрела покой... Как будто снова она прижимается к тонкому мальчишескому плечу, вдыхает незнакомый, но такой родной запах:

*Бережёт меня твоя любовь,
Хоть сейчас с тобою далеки,
Семь кругов ты повторяешь вновь,
Чтоб смогли друг друга мы найти...*

Быстро впитывает земля воду, через несколько часов не осталось и следа от бурной грозы. Но не пропадает в глубинах влага, долго ещё она будет питать жизнь наверху. Пока доехала Мариам до пределов родного юрта, не осталось нигде ни лужицы.

Навстречу ей скакал Кадыр. Поравнявшись, двинулись шагом бок о бок. Юноша подросток, повзрослел. С тех пор как вернулся его отец, Мариам редко видела своего прежнего помощника. Хотя он приходился ей племянником по мужу, обращалась она к нему «мырзам» (мой мурза). Так обычно называли братьев мужа, но Кадыр вёл себя так достойно и самостоятельно, что все относились к нему как к взрослому. «Женить пора!» — подумала она, а вслух спросила:

— Когда начнёте объезжать молодняк, мырзам?

— Отец сказал, что через несколько дней, дженге. — Кадыр стеснялся молодой женщины, поэтому был немногословен.

— Отец не собирается уйти в поход? — Мариам спрашивала, чтобы не молчать.

— Он со мной не советуется! — мальчишеские губы изобразили усмешку.

— А мог бы! Ты не хуже отца управлялся с людьми!

— Кому это надо? Пусть правит один, он такой умный, — опять в ломком голосе промелькнула усмешка.

— Негоже так отзываться об отце!

Показались первые юрты. Кадыр, заехав вперёд, перегородил дорогу Мариам и, решившись, почти выкрикнул:

— Если Вы станете женой отца, я убью его!

Мариам вздрогнула:

— Ты что, кумыса упился? За что ты его убьёшь?

В порыве чувств Кадыр заговорил со старшей женщиной на «ты»:

— Он возьмёт тебя лишь для того, чтобы до власти дорваться! Ему никто не нужен! Четыре жены, а ты будешь пятая. Была бы жива моя мать, то шестая! Он не полюбит тебя никогда!

— А тебе какая забота? Будет нужно, пойду десятой женой, только это не тебе решать, понял!

— Выходи за меня замуж, ведь мы с тобой лучше всех ладим между собой!

Мариам чуть с коня не слетела от такого предложения. Она начала припоминать пристальные взгляды Кадыра, его внимательность, стремление угодить, чтобы заслужить её похвалу.

— Помолчи, пожалуйста, мырзам! Тебе завтра любую девушку сосватают, зачем тебе старуха с тремя детьми, — Мариам решила перевести разговор в шутку.

— Мне любая не нужна, только Вы! — Кадыр снова перешёл на вы.

— А отца куда денешь? Вот и тебе, получается, я нужна для власти.

— Не выходи за него, я прошу тебя, подожди немного, я докажу, что достоин тебя!

— Всё, замолчи, поехали домой, там малыш без меня плачет. А про него ты думал?

— Он сыном мне станет, наследником, я его защищать буду, а отец постарается от него избавиться. Когда-нибудь и мне придётся править родом, тогда нужна такая женщина, как Вы, дженге!

Странно было слышать от недавнего мальчишки взрослые речи.

— Вспомнил Едигея и Джанике? Не высоко ли замахваешься?

Совсем недавно на одном из праздников прославленный сказитель Гази исполнил «Едиге». Мариам первый раз услышала великий сказ про легендарного героя. Её поразила не только судьба основателя династии правителей ногайского народа, но и история любви Едигея и Джанике, дочери хана Золотой орды Тохтамыша, ставшая верной подругой и соратницей мужу. Значит, и легенда запала в душу юноши, так рано познавшего власть.

— Я не хочу видеть разорение рода! Отец думает только о набегах, ему нужна власть любой ценой! Он погубит всех своей ненасытностью!

— Забудь и никому не говори такое! Замуж ни за тебя, ни за твоего отца я не собираюсь!

Мариам оставила Кадыра и поспешила домой к детям, по которым очень соскучилась.

Ночью, лёжа без сна, Мариам никак не могла понять, как ей вразумить Кадыра. Она понять не могла, влюблён он в неё или как человек с ухваткой прирождённого правителя видит в ней лишь средство к власти и надёжного соратника. Ей хотелось думать, что мальчик влюблён. Смешило то, что отец с сыном были очень похожи, только один пожилой, а другой — юноша. «Вот был бы кто-то третий, средний по возрасту!» — Мариам засмеялась от такого предположения. «Да ну их, всем одно требуется! Лишь бы мальчика моего Суюнчика не обидели! Не нужна нам власть, пусть забирают». Счастливая мать уткнулась носом в мягкие кудри сына. Он безмятежно спал, маленький наследник батыра, так похожий на свою прабабушку Джамия-бике, дорогу анэ.

Лето выдалось дождливое, степь не выгорала в этом году дотла. Старая арба скрипит и громыкает, когда вытаскивают её после зимы на весеннюю дорогу, кажется, что она развалится на куски, но с каждым оборотом колеса катится веселей и ровней. Нарушенный распорядок жизни кочевников восстановился, понадобились ткани, приправы, украшения, позабытые сладости. О прежних добычах разбоя нельзя было и помыслить, занялись обменом, подготовили подводы со своим товаром на продажу.

Скоро несколько женщин разрешились от бремени, были засватаны трое молодых девушек в соседний род, пришла добрая весть от отца, прислал он также небольшой табун породистых жеребцов, подарок внуку. Захотелось Мариам увидеть родных, обнять отца и братьев. Говорили про Фатиму и её мангытов, что перекочевали они далеко вглубь казахских степей. Мадина с племянницей жили на русской стороне, а братья подросли, у них появилась мачеха. Как далеко друг от друга раскиданы люди одной семьи! Дети и внуки не будут помнить родство, если не знают предков до седьмого колена. Когда-нибудь сойдутся случайно два человека и окажутся на общее счастье родственниками!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Всю ночь выли волки. Осень пришла с ранними холодами, по утрам хрустел под ногами лёд в лужах. Мариам не хотелось вылезать из тёплой постели в сырую темноту юрты. Два птенчика сопели рядом — смуглый Суюнч и светловолосый Селим, сын Сабиры. Гульсум спала отдельно. Тревожило смутное предчувствие. Приснилась бабушка, звала с собой, обещала показать какой-то подарок. Мариам помнила во сне о том, что анэ не на земле, поэтому боялась идти за ней, но ей так хотелось увидеть подарок!

В последнее время расплодились волки, они таскали овец и пугали путников. Сегодня мужчины собирались идти на волчью облаву, решив взять с собой и молодёжь, чтобы дать урок охоты.

Когда Мариам вышла за порог, аул уже бурлил: мужчины садились на коней, женщины провожали, благословляли.

Наконец отряд двинулся в темнеющую степь. Кольнуло сердце недоброе предчувствие. Захотелось крикнуть, остановить уходящих, но Мариам перевела дыхание, постояла, схватившись за грудь. Она с детства хорошо понимала животных, они тоже отзывались на неё по-особому. Вспомнилось, как обречённо вчера смотрел вдаль

буланый жеребец Каюма-ага. Мариам даже подошла к умному животному и заглянула в глаза: в них витала мгла. Хоть бы ничего не случилось!

К полудню прискакал в аул на взмыленном коне Кадыр, за ним тянулись трое всадников, больше никого не было. С гиканьем неслась четвёрка мальчишек по аулу, ничего нельзя было разобрать в диком крике. Кто-то схватил за узды одного из коней, заставил спешиться седока.

— Ради аллаха, скажите, что случилось!

— Спасайтесь! наших всех порубили, нас успел Каюм-ага отправить назад, все погибли!

Мариам пробиралась сквозь толпу к Кадыру, который кружился на своём аргамаче:

— Не молчи, мырзам, говори толком, что случилось?!

Услышав требовательный голос, увидев и твёрдый взгляд Мариам, юноша обрёл, наконец, себя:

— Дженге! Нам придётся быстро собраться и уходить, если не хотим попасть в плен! За нами идёт отряд урусов, скоро они будут здесь!

Женщины завизжали. Кадыр взмахнул камчой:

— Молчать! Быстро соберите всех детей, возьмите немного еды и тёплой одежды и идите к загону скота, ведите туда оставшихся лошадей. Мы сейчас подгоним косяк с выгона, чтобы всех посадить на коней.

Прежде чем кинуться искать малышей, Мариам спросила Кадыра:

— Далеко они?

— Скоро будут...

— Уйти не успеем?

— Скорее всего, нет...

— Зачем тогда сгоняешь людей? Как наскочили на урусов?

— Думали, что купцы идут, сами напали, а сзади оказались ещё конные, они и окружили нас. Сами виноваты!

«Сколько волка не корми, а он всё в лес смотрит!» — вспомнилась станичная поговорка. Значит, не выдержали, решили заняться разбоем и сами попали в ловушку! Прав был Кадыр, предрекая, что отец загубит род!

— Без меня ничего не делайте, я сейчас!

Мариам нашла детей в юрте, Селим спал, Гульсум сидела рядом, а Суюнч стоял у порога, не решаясь выйти. Быстро собравшись, с малышом на руках Мариам с детьми пришла к месту сбора. Толпа гудела, женщины сажали детей постарше на коней, пыль стояла столбом. Вдруг кто-то крикнул:

— Не успели, вот они!

С пригорка спускались всадники. Мариам сунула детей соседкам, выбежала из толпы, крикнула своим:

— Стоять, не трогаться с места! Где Кадыр?

Кадыр скакал уже к ней.

— Мырзам, мальчик мой, ничего не делай, держи, ради Аллаха, людей, пусть молчат. Я пошла к ним, ничего не говори!

Нёсся вооружённый отряд врагов на ногайский беззащитный аул, а навстречу к ним шла одинокая женщина. Это была Мариам. Она не знала, что будет делать. Знала одно — надо спасти женщин и детей. Всадники могли на бегу смять её, могли обойти и скакать дальше. От незнанья и бессилья женщина раскинула руки и громко закричала. Так кричат только один раз в жизни, если доведётся. Только крайнее отчаянье способно выжать из человеческой груди такой невероятной силы звук.

догнал её, пошли рядом. Разговорились, больше спрашивала Мариам про станицу, про Дашутку и Марью, про знакомых. С каждым шагом узнавал Ваня прежнюю Анютку по голосу, по глазам, по повадкам. Начал спрашивать про её жизнь, как подошли к аулу. Навстречу теснились испуганные люди, Мариам их быстро успокоила, кратко рассказала о договорённости и, не спрашивая ни у кого согласия, начала отдавать приказы. Глазами она всё время искала Кадыра, но его не было в толпе. Тогда она подозвала его друга и велела срочно найти. Урусов, как гостей, ввели в белую юрту, начали свежевать овцу, запалили огонь. Одни женщины стали сносить разные яства, другие рыскали по юртам, забирая у хозяев самое лучшее. Отобранное вносили в ту же юрту и складывали на ковёр. Чего только не было в этой куче: дорогая одежда, оружие, посуда, ткани, платки, сапоги, золотые украшения. Мариам, зная переменчивость настроения воинов, боялась, что Тимофей может передумать, и тогда они лишатся не только этого добра, но и жилищ своих, потому что в запале их подожгут или зарубят. А где найти столько войлока и где жить потом зимой? Пришёл Кадыр, не стал заходить в юрту, Мариам сама вышла, посмотрела страдающими глазами на несчастного юношу.

— Найдите людей, незаметно выведи их из аула, скачите на место битвы, привезите покойников. Возьми с собой только молодых женщин, а мальчишки пусть отберут сорок коней, отару ближнюю, что у берега. Их надо отогнать к урусам, это выкуп. Привыкай платить за ошибки других. Так надо, мырзам! Ты мне веришь?

— А кто этот бородатый? Ты с ним за руку шла, я видел!

— Это мой брат! Ты мне веришь?

— Хочу верить, дженге! Я всё сделаю, не беспокойся! Ты выйдешь теперь за меня замуж?

— Иди, отец лежит не погребённый, а он о свадьбе думает. Потом поговорим.

Гости сидели настороже, мечи лежали рядом. После трапезы стали укладывать дань. Может, зря показали своё богатство, откупились бы малым, жалуясь на бедность... На всё нет ответа. Навьюченные добром, уходили посланники, а Иван остался в ауле.

На всякий случай, все держались рядом, детей согнали в большую юрту. Между делом, Мариам успела переменить платье, платок, умыться. Когда она, стыдясь, подошла к Ивану, то он опять не узнал её, показалась совсем другой, похорошевшей. Зная, что сейчас поднимется великий плач по покойникам, решила проводить гостя. Шли назад другими, узнавшими друг друга, взволнованные и тихие. Ни о чём особом не говорили про себя, только обсуждали, что делать. Иван не знал, как сейчас обращаться к молодой женщине — Мариам или Аня. А Мариам, всегда лёгкая на ногу (иногда при быстрой ходьбе ей казалось, что она летит над землёй), шла с трудом, страшная усталость давила на её плечи, а в сердце жил ещё страх: никому она не рассказала в ауле про пищали у стрельцов, оружие невиданное и ужасное.

— Вам уходить отсюда надо, идите к Астрахани, к русским, иначе кто угодно вас разорит, да свои могут позариться.

— А кто нас там ждёт? Куда селиться?

— Принимают мирных татар, я поговорю с воеводой, есть у меня друг хороший, купец Ермолай, он поможет. У вас мужчин не осталось совсем.

— К отцу поведу юрт, он примет.

— Да ты знаешь, что творится в степи? Ты зимой поднимешься к отцу? Я был у него прошлой зимой, далёконько собралась, до Крутого Яра ближе. У ногайцев заматня, война будет, куда вы денетесь? Русские надёжно держатся.

— Ты видел моего отца?

— Позже расскажу! И Мадину видел недавно!

- Погоди, Ваня, а ты кто теперь? Почему с этими ходишь?
  - По купеческой пошёл, чтобы тебя сыскать, Анюта!
  - Ты искал меня?
  - Искал. Нашёл.
  - Я думала, ты женился на Настеньке.
  - Настенька двоих нянчит, за Мишу пошла, видел зимой, раздобрела! А у тебя дети есть?
  - Трое, два мальчика и дочь.
- Тут зашло сердце Ивана от ревности: на сколько опоздал! Любила, небось, татарина, обнимала ночами... Пошёл молча.
- Так нам собираться под Астрахань?
  - Собираться, завтра утром пойдём с отрядом.
  - Ровно как в плен берёте! Нам завтра хоронить своих надо.
  - Давай иначе: до Астрахани тут день ходу, я вернусь через неделю, как поговорю с воеводой. Вы готовьтесь, ждите. Прощай, Аня!
  - Возвращайся, Ваня!

И разошлись по разные стороны.

Утром отряд исчез, а аул хоронил мужчин. Было много слёз и причитаний. Мариам никого не одёргивала: пусть выплачутся, отведут сердце. Был у неё тяжёлый разговор с Кадыром. Хочешь не хочешь, а вышло, что больше не с кем держать совет. Недаром он отличался с детства умом и повадками вожака, в трудный момент он умел брать на себя ответственность за других. Кадыр не стал спорить из-за Астрахани, он только боялся, что им не позволят поселиться на хорошей земле, а загонят на пустырь. Года три надо подождать, пока подрастут мальчишки, тогда можно вернуться назад. Хорошо, что не сватался опять, но про уруса спрашивал с пристрастием. Решали, что оставить, а что брать.

Женщины безучастно приняли весть об откочёвке, начали собираться. Мариам отличалась умением выделить нужных людей для определённых обязанностей. Не заставляя, а выдвигая по способностям, при случае помогая советом, добрым словом, она организовала работу деятельных людей. Одни занимались детьми, несколько старух следили за правильной сборкой юрт, мальчишки отвечали за скот...

Через пять дней вернулся Иван, да не один, с добрым десятком вооружённых людей. И пошли келечи в новые края. Так началась новая жизнь.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Каждую весну возвращаются птицы в родные края. Чтобы ни случилось, всегда находят они дорогу назад. И никогда не летят в другое место выводить птенцов.

А сколько раз людской поток перетекал с одного места на другое? Через каждые сто лет срывало с места целые народы, и они шли, сметая всё на пути, в другие земли. Что их вело? Нет закона в диком стремлении к перемене мест! Живите вы на своей земле, облагораживайте её, цените! Но всегда найдутся те, кто норовит вытеснить тебя с обжитой земли. А кочевать в пределах родного края — удел мирных степняков. Жаль, что мирных мало.

Поневолле согнанные с места, пришли келечи под Астрахань, где им отвели земли. От них пошли юртовские татары. Трудно было в первую зиму, когда не осталось припасов, а Мариам не разрешила забить последнюю отару и берегла дойных коров. Повезли в город остатки богатства, чтобы обменять на продукты. Не осталось в юртах ничего ценного. Была тут своя справедливость: как досталось, так и ушло. Зимой,

когда стало совсем немого, когда держались на одном молоке и сухом курте, привёз русский Иван помощь: мешки с просом, муку. Потом не раз он заезжал в новый аул с подарками, привыкли к нему люди, бежали навстречу дети, только один Кадыр не любил его посещений.

За следующее лето обжились, наладили хозяйство, огородничали, торговали с городом. Место досталось хорошее: были пастбища, река, богатая рыбой, Астрахань недалеко. Осели, сроднились с землёй. Держались обычаев своих, но чаще общались с русскими, приезжали от них за данью воеводские людишки, приходилось не скудиться. Всё чаще обращались к Кадыру, он возмужал, правил строго, но справедливо. И ведь слушались недавнего мальчишку! На новом месте каждая семья старалась вести своё хозяйство, из общего остался небольшой табун лошадей да отдельная отара. Со временем эта часть перешла во владение правителей рода, которые стали первыми богачами в роду.

Пора было женить Кадыра, а он стоял на своём, уже в открытую сватался за Мариам. Все люди одобряли этот союз, потому что по-другому и быть не могло. Их привыкли видеть вместе, привыкли им повиноваться. Кадыр на правах мужа Мариам уваживал её правление, а Суюнч на правах старшего сына становился законным наследником. Как ни крути, это был самый лучший выход из положения.

Благодаря частым приездам Иван уже начал разбираться в родовых отношениях. Он хорошо говорил по-ногайски, в ауле старался не оставаться наедине с Мариам, а общался с другими. Так он узнал правду о детях Мариам, о сватовстве Кадыра. Иван не знал, как сложатся дальше отношения с Анечкой, но его тянуло к ней, поэтому под любым предлогом он скакал в ногайский аул. Какую власть над ним имеет худенькая, как подросток, всегда улыбающаяся, деятельная женщина, что он готов овец пастить, лишь бы увидеть смущённый взгляд непобедимой силы! И разговора не завести! Вспоминал он детские годы, когда так же ходили они в одном дворе, не смея сказать друг другу ни слова. Нужен ли Аняте? Вон какой молодой за неё сватается! И как ладно по-ихнему всё выходит...

А Мариам жила в последние месяцы, как в лихорадке. Пряталась она от Ивана, потому что боялась с собой не совладать. Что ей снилось ночами! Не разбуженное женское тело не искало плотских утех, но тайное томление мучало её с каждым днём сильнее. Пришлось признаться себе, что она любит Ивана больше жизни. Несчастливая Мариам начала думать, как ей поступить: замуж за него, уруса, не пойдёшь, а он среди ногайцев жить не будет. Остаётся одно: поговорить с ним, попросить не приезжать больше.

Но всё надо делать вовремя, упустить момент, потом никогда случая не будет исправить. За ней прибежали девушки:

— Мариам-бике! Вас зовут, идите с нами!

Встревоженная Мариам оставила Селима с Гульсум, а сама побежала за вестницами. За крайними юртами гудела толпа, которая с почтением пропустила Мариам к центру: там, на старой кошме, истекая кровью, лежал Иван с простреленной грудью. Замутилось в голове, свалилась к ногам любимого:

— Кто посмел? Неблагодарные, кто посмел? Он спас всех нас, а вы его убили! Ненавижу всех! Это ты зверь, весь в отца своего!

Кадыр стоял молча, потупив взгляд.

— Трус неблагодарный! И ты хочешь быть правителем? Кто тебе право дал? Убийца! Быстрее принесите воды, чистые тряпки! Уходите все, не мешайте.

Раненый застонал, заметался, Мариам прикинула к нему, забыв про стыд. С хрипом, через силу Иван проговорил:

— Тише, Анечка, не кричи, дай умереть спокойно... К тебе шёл замуж звать, люблю тебя без памяти, но, зная, не суждено нам вместе быть... Только не кори своего жениха, он подобрал меня, а стрелял другой человек, мой должник-татарин. Не плачь, любимая...

Через час перевязанный Иван лежал без памяти в ближней юрте. Мариам сидела рядом. Пришли к ней женщины, принесли еды, сказали, что детей взяли под присмотр. Ничего не понимая по-русски, они поняли по горячей речи раненого, что любит он Мариам. Догадывались, но не смели думать об этом раньше, потому что повода не было. А теперь ни он, ни она не скрывают свою любовь. На пороге смерти нет стыда чувствам, хорошо, когда есть возможность простить врагов и признаться в любви близким. Никто не осудил, когда ночью женщина осталась наедине с мужчиной. Легла в первый раз рядом с любимым Мариам, прижалась к горячему телу, будто хотела забрать себе сжигающий тело жар. Молилась Аллаху, просила всех ангелов, давала обеты, лишь бы остался жив Ваня...

Долгая бессонная ночь сменилась тяжёлым днём. Рана опухла, от неё разбежался жар по телу раненого, который бредил и срывал повязки. К полудню пошла судорога по телу, Иван посинел, хриплое дыхание с сипеньем оборвалось, он вытянулся. Мариам закричала, понимая, что любимый умирает. На крик заскочила старуха-бабка, она, молча, отодвинула Мариам, сорвала повязки, острым ножом разрешила рану, и оттуда хлынул зловонный гной... Умирающий дёрнулся. Перевернув его на бок, ведунья с наговорами стала выдавливать гной из раны. Иван очнулся из-за страшной боли, пытался оттолкнуть злую старуху, но она держала цепко вырывающееся тело. Обмыв каким-то вонючим отваром рану, знахарка залила туда что-то, похожее на масло, и только тогда оставила раненого в покое.

— Убери всё, перенеси его на чистое, рану не закрывай, а вот это давай пить почаще.

Старуха исчезла также быстро, как и появилась. Мариам взялась за работу.

Вечером удалось напоить Ивана шурпой. Он уснул спокойно. Мариам опять осталась с ним на ночь. Под утро Иван проснулся от боли. Повернувшись на бок, он увидел рядом свернувшуюся калачиком Аню. Нахлынувшая нежность была сильнее боли, и парень дотянулся до любимой, обнял её одной рукой, припал губами к белешуемому тонкому затылку. Мариам повернулась, открыла глаза:

— Живой, родненький! Живой, любимый!

Стала целовать лоб, щеки, а когда коснулась губ, то оторваться не смогла. От избытка чувств они не могли говорить, а только обменивались поцелуями. Очнувшись первой Мариам, застыдилась, отодвинулась, а потом встала.

— Тебе больно? Я сейчас тебе пить принесу.

— Стой, Анята, давай поговорим!

— Мне надо идти, у меня дети третий день без матери...

— Но почему ты всю жизнь от меня бегаешь? Не хочешь меня, так и скажи, я уйду, если выживу, никогда больше к тебе не вернусь!

— Ваня, Ванечка, не мучай меня, люблю я тебя, с первого дня люблю! Ну что же нам делать, по нашему закону жениться нельзя, а иначе я не могу с тобой жить.

Мариам встала на колени у постели, наклонившись, снова стала целовать Ивана. Опять долго не могли влюблённые оторваться друг от друга.

— Погоди, любушка, не спеши уходить. Я знаю, что нам делать: пошли в Астрахань! Я скоро лавку там открою, можно юрту твою забрать и жить пока в ней. Я жёнюсь на тебе!

— А разве так можно, Ванечка?

— Можно, Анюта, только ты решишь сама.

Мариам рассмеялась: оказывается, все так просто!

Но сделать решительный шаг оказалось совсем не просто. Ещё ни одна ногойка не уходила сама из юрта к урусам замуж, да с детьми! К тому же Мариам была вдовой главы рода, у которой на руках наследник. Иван уехал, а Мариам осталась, чтобы по-доброму проститься с родным аулом: не хотела она убежать тайком, как воровка. Можно было остаться со своими, забыть про любимого ради детей, но именно ради детей Мариам решалась на новую жизнь. Когда человек в неведении терзается сомнениями и не может принять решение, то небеса сами подталкивают его случайными, казалось бы, делами.

Люди забывчивы на доброту: после отъезда Ивана стали втихомолку припоминать две ночи, проведённые Мариам в чёрной юрте. Кадыр, ничуть не обидевшись явным проявлением любви к иноверцу, решительно требовал скорой свадьбы. Последней каплей стал обряд обрезания сыновей: родного Суюнча и Селима, рождённого Сабирой от уруса-раба. Поздравлявшие приносили подарки мальчикам. Мариам наблюдала, как целовали руки у Суюнча и не смотрели на Селима. Всего несколько старух кинули малышу по горсти изюма, а перед наследником лежали камча, ножи, меч, рубашки, седло. Никого не могла уговорить Мариам сплести камчу для Селима, и принесла она ему чью-то старую плетль. Что ожидает мальчика в будущем, если его рождение сопряжено с позором? Доля униженного работника. Голубоглазый, улыбочивый розовощёкий малыш быстро поправлялся, а сердце Мариам обливалось кровью, глядя на него. Думала она про милую Гульсум, которой тоже придётся отвечать за грехи бабушки и матери: её тоже ждут вечные попреки и подозрения. А Суюнч? Сегодня его носят на руках, относятся как к сыну убитого на войне батыра. А повзрослевший — он станет помехой для Кадыра. Сумеет ли один из них отказаться от власти и отойти? Лет через десять-двенадцать начнётся раздор в роду. Вырастет ли сын достойным своего отца, сможет он заменить Кадыра, справедливого и умного правителя?

Чтобы выйти из юрты на простор, надо сначала низко склонить голову под дверь. Мариам созвала гостей на куда-жол, чтобы поблагодарить Всевышнего за милость: её сыновья перенесли благополучно обряд обрезания. На угощение не поскупилась. Приехал издалека отец, старый Бекбулат-мурза с подростками братьями и с новой, но немолодой, женой. Радость Мариам нельзя было описать! Она щедро одарила не только муллу, почётных гостей: каждого оделили платком, полотенцем или отрезом ткани. Куда-жол завершился, а праздник продолжался: гуляли и молодёжь, и старые люди. В первый раз на новой земле устроили ат-чабыс¹ и борьбу. Дети затевали игры, подростки пробовали петь песни, юноши и девушки качались на качелях. Веселье продолжалось, а в гостевой юрте сидели уважаемые люди и обсуждали просьбу вдовы Ишей-ага. Мариам не стала лукавить, а прямо заявила, что хочет уйти с детьми жить в Астрахань. Только из стыдливости не сказала, что идёт замуж за уруса. Про это все знали, но деликатно молчали. В качестве откупа Мариам обещалась каждую осень присылать определённое количество мешков проса, кадушек мёда, а также вести переговоры с властями в пользу ногойцев. Спорили долго. Только присутствие отца, уважаемого Бекбулата-мурзы, решило вопрос в пользу Мариам. В скупых словах тот сумел рассказать гостям о положении ногойцев в настоящее время.

— Горе последних лет: войны, голод, чума подорвали могущество ногойцев. Надо теснее сойтись с урусами, надо поддерживать своё единство. Зачем сеять разлад между родственниками: пусть правит Кадыр. Жизнь полна случайностей, вдруг раньше

¹ Ат-чабыс — скачки.

времени призовет Аллах кого-нибудь из соперников к себе? Тогда всё само определится без тайной вражды.

Последней слово взяла Разия-бике, старшая родная сестра Ишей-ага, специально прибывшая на праздник.

— Я первая должна остановить неразумную женщину, которая пошла против обычаев и предаётся чужой вере. Я первая должна прижать к груди родную кровь и спрятать от неверных. Я первая должна кричать на каждом углу о правах моего племянника. Все мы молчим, но каждый знает, к какому порогу прибьётся эта несчастная с тремя детьми. Я могла бы забрать племянника к себе на воспитание или попросить родного отца несчастной килен забрать к себе внука. Но я не буду этого делать. Мир изменился, воздух изменился, земля изменилась, и мы изменились. Как говорят старики: среди хромых хромай! Я скажу: хочешь жить в мире — уважай чужой мир! Пусть уход нашей килен с детьми в Астрахань будет залогом мирной жизни. Мы должны принести жертву Аллаху, чтобы он остановил безумие в Великой степи. Нас учили покоряться воле Всевышнего, а он уже забирал эту женщину к урусам, а потом вернул, а теперь ещё раз забирает. Как речная волна наша жизнь — бьётся о берег и снова уходит назад, никогда не кончаясь. Давайте отпустим эту женщину туда, куда влечёт её судьба.

Потом пошли напутствия, наставления. Так мирно решила дальнейшая судьба Мариам и её детей. Договорились, что они будут каждый год приезжать к родным и жить по несколько месяцев в ауле. Особые наставления касались Суюнча: не менять веру, учить его Корану, не отучать от обычаев...

Больше Мариам никогда не встречалась с отцом и с братьями. Через много лет она узнает, что не ужились родные братья в одном юрте: воинственный Юсуф примкнул к мятежникам, восстал против сына Исмаила-бия, правившего после него, после нескольких лет борьбы он увёл часть отцовского рода к Дону. Эти ногайцы уйдут потом в Крым, где начнут новую главу истории ногайского народа. Младший брат, смиренный Сабир, остался с обезглавленным юртом, с одними стариками, женщинами и детьми. Пришлось ему вести трудную жизнь в седле правления слабым родом. Его потомки сохранили своё имя, не растворившись в течении времени.

Мариам щедро раздавала соседям и родственникам всё, что нажила в ауле келечи. Только табун племенных коней она оставила на сохранение, как наследство сына. Рты были зашиты пожертвованиями, если и болтали, то ветер не заносил этот дым в аул. Напоследок Мариам поговорила с Кадыром, попросила у него прощения и объявила о своём решении. Помолчав, отвергнутый жених спросил:

— Ты согласна оставить сына без наследства? Без рода? Ты так любишь этого уруса?

— Не всем дано быть батырами, мырзам! Ты по праву властитель, я спокойна за юрт! Не пристало женщине говорить с мужчинами о чувствах, но знай, что он прошёл из-за меня сто земель. А ты меня не любишь, а хочешь сделать всего лишь хозяйкой.

— Не люблю, ты права! Иди своей дорогой, а я весной сыграю свадьбу, двух сестёр сразу возьму!

Уязвлённая Мариам ответила:

— Смотри не надорвись! — и тут же, спохватившись, исправилась. — Дай Аллах тебе счастья и много славных детей! Прости меня, мне идти надо.

Долго вслед уходящей к любимому смотрел гордый ногаец, не стыдясь слёз. Юный, он уже знал цену людям. Если бы он встретил её раньше, чем тот, другой, то не смотрел бы он вслед уходящей любимой.

Мариам и Иван поселились среди астраханских татар в своей юрте, а потом переехали в небольшой деревянный дом. Торговля у Ивана не заладилась, был он не

жаден и не оборотлив. Когда началось строительство Астраханского кремля, пошёл он в строители. Так бывший ловец и купец стал каменщиком. Мариам опять переименовали в Анну, уже по-православному, старших детей крестить не стали, остались они в своей вере.

— Сами решат, когда вырастут! — так решил Иван, но других двух девочек и мальчика, которые народились в Астрахани, окрестили в новом соборе.

Сразу несколько родов ведут начало от того союза: Суюнчалиевы, Селимовы, Ивановы, Мироновы.

Об этом пели дочери, одна крещёная, другая — мусульманка, словами матери:

*«Материнская грудь — начало реки,
реки новой жизни большой!
Мать свою береги, честь свою береги,
береги от врагов край родной!
Будут братья с тобой,
будут сёстры с тобой,
будет с тобою Бог!
От любви золотой,
Что навеки с тобой,
зарождается жизни срок!»*

ЭПИЛОГ

Ногайская орда в конце XVI века пережила своё могущество. Выносливые ногайские кони потеряли свой стремительный бег, орда рассыпалась, как истлевший ствол дерева. Внутриплеменная вражда за власть, чума, суровые зимы, политика крымских и русских властителей — всё это подточило былую славу степей, бывшее единство ногайского народа. Если бы сумели сплотиться под железной рукой одного из биев, если бы выбрали все одну цель, то не было бы такого печального конца. Набеги врагов, чума, природные бедствия... Нужно ли перечислять все потери моего народа? Всё это в прошлом! История каждой страны может развернуть свой свиток побед и поражений. А сколько народов кануло во тьму, оставив после себя только имя и сказы! Река забвения — самая тёмная река.

А ногайцы не оставили этот мир: пробились через подрубленный корень новые ростки: часть ногайцев ушла в Крым, где доньне сохранились древние обычаи, у подножия Кавказа звучит ногайская речь, в Астраханской области возрождаются традиции предков, даже в Турции прижилась ногайцы... Сибирь, Урал, Поволжье...

Велика Степь, велика Ана-Эдил! Эдил-Идиль-идль.

И бежит, и бежит Волга-Итиль через многие земли, переливает от берега к берегу свои бесконечные воды. И бьётся огоньком вдоль всего пути человеческая жизнь, то вспыхивая зарницей, то горя огромным кострищем. А без того и река пуста. Жизнь полнится жизнью.

ПОЭТЫ УХОДЯТ, СТИХИ ОСТАЮТСЯ

НИКОЛАЙ АЛЕШКОВ

«РАВЕНСТВО РАВНЫХ МНЕ»

Эта статья была мною написана более двадцати лет назад, а в 2001 году она стала предисловием к книге стихотворений Николая Беляева «След ласточки», изданной Татарстанским отделением Союза российских писателей. В нынешнем сентябре Ни-

колаю Николаевичу, «самому казанскому из всех казанских поэтов» (так его называли близкие по устремлениям стихотворцы, барды, художники, музыканты и геологи) исполнилось бы восемьдесят лет. Но до своего юбилея поэт не дожил. Его земной путь закончился 24 декабря 2016 года.

Статья пригодилась для нашей постоянной рубрики. Я её только подкорректировал в связи с изменившимися за долгое время обстоятельствами. Вслед за нею мы публикуем стихи из новой книги Николая Беляева «На последней прямой», которую он успел сдать в Татарское книжное издательство ещё при жизни, но, судя по названию, в предчувствии ухода. Недавно книга вышла, и мы рады сказать об этом всем, кто помнит поэта.

* * *

В начале шестидесятых я решился и отослал все полтора десятка сочинённых к тому времени стихотворений в редакцию газеты «Комсомолец Татарии». Через некоторое время пришёл ответ, в котором не было ничего утешительного. Слишком плотно отпихнулась на моих опытах печать есенинской музыки, что и было убедительно доказано.

Признать собственную несостоятельность нелегко, и это знает всякий, кто хоть раз был на моём месте. Но я впервые за свои восемнадцать лет получил письмо от поэта! Его стихи иногда публиковались в той же республиканской газете. Я разыскал и вновь прочёл строки о сосне, которая «росла, как в каменном колодце, внизу, на дне глубокого двора». Домохозяйки опутали её «надёжною верёвкой бельевой», но однажды...

*Я рано встал. И мало удивился,
не обнаружив за окном сосны.*

Она ушла.

Куда — никто не знает.

Ушла, по лужам волоча бельё.

Она ушла. Хоть так и не бывает.

Ушла и всё.

Я счастлив за неё.

Всё было незаёмно в этих стихах о послевоенном быте, из которого каждому в юности хотелось убежать туда, где «под крылом самолёта о чём-то поёт зелёное море тайги» — в «настоящую» жизнь. Поэт Николай Беляев (а речь идёт именно о нём) убедил меня подлинностью изображённого, что удивительным образом гармонировало с фантастическим побегом сосны. Наверное, поэтому я смог всерьёз задуматься над его письмом.

А в 1968 году я впервые очутился на казанской улице Баумана, 19, где располагался Союз писателей Татарии, получив приглашение приехать на семинар творческой молодёжи. К тому времени я отслужил в армии. А что касается поэтического образования, то начитался без разбору шумных кумиров поэтической эстрады. Их влияние оказалось не слабее есенинского, они надолго заслонили от меня Тютчева, Фета, Блока, Бунина, Заболоцкого и поэтов фронтового поколения.

В узком, как школьный пенал, кабинете выяснилось, что на семинар меня рекомендовал всё тот же «Комсомолец Татарии», где мои стихи, присланные из армии, были всё-таки напечатаны. Во время разговора с литконсультантом я обратил внимание на человека, который стоял с беломориной в руках возле открытой форточки. На вид он был лет на семь-восемь старше меня и совершенно не походил на поэта. Поэт, как мне тогда казалось, должен выглядеть модным и экстравагантным. Как Вознесенский. А этот отличался от человека с улицы только тем, что был пострижен наголо.

Услышав мою фамилию, незнакомец подошёл, улыбнулся и протянул руку:

— Так это ты — Колька Алешков?

— Да, я.

— А я — Колька Беляев. Здравствуй!

Я удивился, что он помнил меня, ведь прошло несколько лет после нашей переписки. Беляева, кажется, уже приняли в Союз писателей. Но ни единой нотки превосходства не чувствовалось в его обращении к начинающему. Гораздо позже я пойму, что Беляев признаёт только единственный способ общения — на равных с кем бы то ни было. В стихах о послевоенной очереди он выразил это ёмкой формулой — «равенство равных мне».

Вот и зачистил я вскоре после семинара к Николаю Николаевичу с новыми стихами. Он успел после окончания знаменитого геофака университета (его однокашниками были Роман Солнцев и Станислав Говорухин) поколесить с геологическими партиями по Уралу и Сибири, перетрудил, как выяснилось, позвоночник и вынужден был расстаться с профессией геофизика, устроившись то ли корреспондентом, то ли литконсультантом в «Комсомолец Татарии». А я был только что принят на дневное отделение истфилфака того же Казанского университета, где проучился, правда, всего два семестра и бросил — не зря говорят: кто не был глуп, тот не был молод. Стихи я тогда писал шустро, с акцентом на провозглашаемое «новаторство». Чего стоили названия моих сочинений: «Бред № 1», «Бред № 2», «Бред № 3»!

Тихо. Скорбно. Глетворным шпарит.

Как долина небытия!

И распяты на чёрных шпалах

небо, ты, я.

— Во даёт! — изумлялся Беляев. — Прямо Бодлер челнинского разлива! Фокусы всё это, Колька, не подкреплённые опытом. Извини, они не по моей части... Слава Богу, встречаются у тебя другие — искренности и живые строчки: «Как безнадежно выцвела трава, и как натянуто звенят дожди тугие!» Ты взял чистый звук, нашёл интонацию. Неужели сам не чувствуешь?

Я и впрямь не чувствовал. Мне тогда именно эти строки казались невыразительными, чересчур простыми. Много воды утечёт, прежде чем я принципиально не

захочу никого ошарашивать стихами, твёрдо усвоив и на примере Беляева, что они не для того создаются. А тогда мной владела «охота к перемене мест».

Беляев не удерживал. На прощанье подписал и подарил только что выпущенную книгу, которая называлась «Ветер». Сказал: «Авось, сгодится в дороге».

Книга сгодилась. Не раз и не два я читал и перечитывал:

*Над площадью звезда ночная зажжена.
Как пусто, холодно, как ветрено и сыро!
Лишь на вокзале так обнажена
трагическая бесприютность мира.*

И ещё:

*Ухожу. Отныне и присно.
В ночь, где новых иллюзий нет.
Со щелчком, внезапным, как выстрел,
навсегда погас золотистый,
перекушенный дверью свет.*

Особенно нужными эти строки оказывались тогда, когда на собственной шкуре приходилось испытывать то, о чём они горько рассказывали.

Наверное, такой опыт и есть обретение судьбы. Поэту, наверное, надо пройти через вокзалы. Только не дай-то Бог потеряться в них! Разве мало потерялось? Как трудно, но как важно остаться человеком при любых обстоятельствах, не сломаться, сохранить себя!

Что тут может помочь? Не способность ли чувствовать и любить красоту, которая в стихах Николая Беляева всегда присутствует, как «свет надежды»:

*Женщина, грустное чудо...
Меж нами двойное стекло.
Ты что-то шепчешь оттуда
таинственно и светло...*

Мы знали друг друга почти полвека. Вот и ко мне подступил «возраст ясности», когда «душа иное обретает зренье». Обретает ли? Наверняка Николай Николаевич ответил бы на этот вопрос не тогда, когда возникла у него строка-догадка, а сейчас, когда душа его оказалась за пределами земного круга, куда мы с вами, уважаемые читатели, пока не торопимся, ибо — всему свой срок...

Видно ли человеку в возрасте за 70 «далеко во все стороны света»? Не берусь ответить. Знаю только одно — оставшееся время надо употребить не на количество, а на качество ещё ненаписанных стихов, как это всегда делал мой старший казанский друг и, смею теперь сказать, наставник. Теперь, потому что при жизни он не любил, когда к нему так обращались. А многим и разным, приходившим к нему, говорил, дескать, мы все друг у друга учимся, с чем-то соглашаясь, а с чем-то и нет.

В семидесятые (кажется, вечность тому назад) шли дискуссии о литературном наставничестве: хорошо, что оно существует, или плохо. Иногда поэты старшего поколения приводили в издательство за руку своих подражателей, и это было ужасно. Беляев за руку никого никуда не водил, но тратить драгоценное время на конкретный разбор тех или иных сочинений не отказывался, вести беседы в «кругу хороших людей», частенько заглядывающих к нему на огонёк, любил. Мог написать предисловие к твоей книжке или отозваться о ней в печати, но это только в том случае, если написанное тобой его действительно «зацепило».

Мы с Инной Лимоновой шесть лет заочно проучились в Литературном институте имени А. М. Горького, посещали там один и тот же поэтический семинар. Казалось бы, чего ещё надо: и среда соответствующая, и преподаватели уникальные. Однако

все эти годы для нас существовал ещё один семинар — беляевский. В течение трёх десятилетий, оказавшись в Казани, я мог в любое время суток постучаться в гостеприимную квартиру Николая Николаевича и его жены Вилоры Касимовны на Горках, где не грех до утра засидеться за крепким чаем: иногда с глазу на глаз с Н. Бе (так он подписывал свои письма), а иногда и, правда, в хорошей компании стихотворцев, музыкантов, художников и, конечно, геологов. Для меня это были благодатные вечера. Молодая душа впитывала всё, на чём взросла, отличая подлинное от мнимого.

И сколько нас, вышедших на простор с маленькой кухни дома Беляевых с тяжёлыми от бессонницы, но просветлёнными головами? Казанцы Виль Мустафин, Равиль Бухараев, Владимир Ченцов, Рустем Сабиров, Валерий Трофимов, Вячеслав Баширов, Эля Блинова, Сергей Мальшев, челнинцы Руслан Галимов, Леонид Остапенко, Жора Сушко, Паша Юлаев, Валентина Мурзина, Инна Лимонова, я. Ау, где вы сегодня, ребята? «Иных уж нет, а те — далече». И тех, кого нет, увы, большинство... И большинство из перечисленных приходило не только в квартиру Беляевых, но и на поэтическую студию «ARS poetika», которую Николай Николаевич обосновал и долго вёл при Казанском университете. Примечательно, что на афишах студии всегда красовался девиз: «Вход и выход — свободны!»

С Белявым хотелось общаться, он ни над кем не довлел и был неназойлив, как и его поэзия. Я, испытавший немало разных поэтических влияний, под властью его стихов никогда не был, хотя это не мешало мне любить их. В отличие от многих, разделившихся в девяностые на непримиримых друг к другу «демократов» и «патриотов», Николай Николаевич умел прислушиваться к другому, вроде бы и не близкому для себя голосу и понять его. Лишь бы голос не звал «по ту сторону гуманизма», как любил он подчёркивать. Вот эта чёткая грань и оказалась для меня лично едва ли не самой главной в уроках Беляева...

Кому-то из вступивших в Союз писателей в советское время и считавших себя профессиональными поэтами (Беляев смеялся — разве есть такая профессия?) удавалось издавать ежегодно по книжке (а то и по две, три). А он за полвека вдумчивой работы выпустил их чуть более десятка, поскольку был не из тех, кто умеет пристраивать собственные рукописи. Принёс в издательство, взяли — хорошо, не взяли — до свидания. Заниматься проталкиванием не станет. А ведь этот «недостаток» — признак собственного достоинства, клеймо подлинного поэта. У Беляева не было ни одной случайной книги. Каждая из них — «Голоса расстояний», «Казанская тетрадь», «Тысячелистник», «След ласточки», «Помню. Слышу. Люблю», «Поэма солнца» (перечисляю наугад) — представляет собой нечто цельное, единое по замыслу и композиции. «Поэзия — вещь концентрированная, — убеждал Николай Николаевич. — Стихов не должно быть слишком много, иначе волшебное вещество поэзии попросту растворится в километраже необязательных строк».

Впрочем, в то время (как оказалось, более доброе по отношению к поэтам, чем нынешнее) многие авторитетные люди заметили и по достоинству оценили стихи казанского автора. На самую первую его книгу откликнулся рецензией в «Комсомольской правде» Марк Соболев. Давид Кугультинов рекомендовал Николая в Союз писателей. Евгений Евтушенко писал в «Комсомольце Татарии» о его второй книге «Ветер». Сибгат Хаким был автором предисловия к «Казанской тетради». На эту же книгу — любимое детище самого автора — опубликовал рецензию в «Литературном обозрении» Давид Самойлов. В Москве у Николая Николаевича благодаря поддержке бывшего главного редактора «Литературной России» Константина Поздняева вышла только одна книга — «Память». Доцент МГУ Вячеслав Воздвиженский опубликовал статью о поэзии Беляева в журнале «Дружба народов». Беляев с благодарностью вспоминал и уроки Александра Межирова, творческий семинар которого два года посещал на Высших Литературных курсах в Москве.

Большинство из упомянутых здесь — поэты-фронтовики. У Николая Беляева отношение к ним было особое. Он считал, что они первыми поняли многое из того, что потом взяли из их рук шестидесятники, если под шестидесятниками иметь в виду не только представителей вломившейся в «оттепель» поэтической эстрады (пять-десять нашумевших имён), а всё послевоенное поколение. И тут нельзя не вспомнить ещё и Бориса Слуцкого. Впрочем, процитирую одно из писем самого Николая Николаевича: «Стих Слуцкого больше брал не сделанностью, а той правдой, которой он дышал, той совестью, которой отличался...»

Беляева принимали на равных разные люди. И все они были едины во мнении, что Николай обретает присущие только ему интонации в своеобразном сплаве разных поэтических культур. С одной стороны — верность традициям русской классики. С другой — обращение к традиционным формам поэзии Востока, о чём говорят названия стихотворений: «Уроки Хайяма», «Монолог Дэрдемнда». «Я — навек должник перед Востоком», — признавался поэт. Однако и Запад открывался ему: «янтарь Прибалтики учил меня светиться». Беляев строил в своём творчестве своеобразный мост между Западом и Востоком, а цемент в этом строительстве был замешан на искреннем интересе и уважении к духовным ценностям других народов.

Вот почему поэт немалое значение придавал работе над переводами. Однажды издательство «Советский писатель» выпустило переведённый им сборник латышской поэтессы Велты Калтыни «Говорю о земной любви». Книга быстро разошлась немалым для нынешнего века тиражом в 15 000 экземпляров (ещё одно доброе воспоминание о «тоталитарном» режиме) и была одобрительно принята критикой. А что касается поэтов-земляков, то Беляев переводил их много и хорошо. Я уверен: если бы Таткнигоиздат в своё время выпустил книгу избранных переводов Николая Беляева, она стала бы одной из самых интересных антологий современной татарской поэзии на русском языке.

Увы, не выпустил. Впрочем, не поздно это сделать и сейчас. Нужно только, чтобы издатели и ценители татарской поэзии захотели. Пока практикуются (и, вероятно, хорошо оплачиваются) заказы на художественный перевод в Москву, но не русским поэтам, живущим в Татарстане. Другое дело, что качество нынешних переводов явно уступает тому, что делал и нам завещал продолжать Николай Николаевич. Ему были благодарны за сотрудничество Хасан Туфан, Сибгат Хаким, Ильдар Юзеев, из своих ровесников он охотно переводил Рената Хариса, Рафиля Файзуллина, более молодых Рустема Мингалима, Мудариса Аглямова, Зульфата...

Не о наступивших базарно-рыночных временах мечтали поэты послевоенного поколения. Многие из них (автор этих строк, в том числе), искренне поверив в перестройку, ратовали за гласность, демократию, свободу слова. Каюсь: «Я не хотел бы возвращаться в советское прошлое» — мои слова, необдуманно сказанные в конце восьмидесятых. Ныне-то представляется, что мы, оказывается, жили в счастливой и дружной многонациональной стране. Не могу забыть упрёк, высказанный в начале девяностых одним писателем-фронтовиком: «Мы воевали, а ваше поколение профукало страну на кухнях под песни Окуджавы». И это правда. И вопрос: почему нас обманули — неуместен и глуп. Нас обманули потому, что мы поверили. Нас использовали и о нас забыли. Мы, пережившие горбачёвскую эйфорию, аплодировавшие Николаю Травкину, когда он на съезде писателей демократического движения «Апрель» призывал к созданию антикоммунистической партии, оказались в нынешнюю эпоху многопартийности ненужными и лишними.

Николай Беляев, сидевший на том «апрелевском» съезде в зале ЦДЛ рядом со мной, Травкину, между прочим, не аплодировал. Он, в отличие от меня, Серёжи Малышева и Славы Баширова (Серёжи уже нет в живых, Слава уехал в Израиль),

делегированных вместе с ним на данное мероприятие от Татарстана, отнёсся к выступлению знатного строителя, Героя Социалистического Труда, ставшего вдруг антикоммунистом, скептически и даже с тревогой, чем нас удивил. А меня и предостерег:

— Тёзка, не впадай в телячий восторг. Не ты ли недавно написал: поэт — «человек сугубо беспартийный». Вот и оставайся самим собой.

Предостережение, слава Богу, сработало, я как был, так и остался сугубо беспартийным, памятуя ещё одну белаяевскую строку: «Поэзия — лучшая из религий». В нынешнем, искусственно создаваемом под присмотром власти «гражданском обществе» «лучшая из религий» оказалась невостребованной в угоду экранному обезьянничанию, дешёвой попсе, парадам физкультурников и дурно пахнущим политическим спектаклям: «нам не нужны Рубцов и Пушкин, ждём новишкы из Кремля».

Эту драму тяжело переживал и Николай Беляев. Масла в огонь подливало спровоцированное в начале девяностых межнациональное противостояние в родном Татарстане. Николай Николаевич любил в человеке человека, никогда не выделяя в нём национальную принадлежность. Неприятие национализма в любой его ипостаси заставляло поэта покинуть любимую Казань и вместе с семьёй переехать в село Ворша Владимирской области, стоящее на федеральной трассе в ста пятидесяти километрах от Москвы. Там и настгла старость, а вместе с нею болезни и творческий кризис. Несколько лет Беляев вообще не писал. Изредка я заезжал к нему по дороге в столицу и слышал мрачное: «Стихи никому не нужны».

Было больно. Но в глубине души верилось, что это пройдёт, ибо стихи пишутся не потому, что они кому-то нужны, а потому, что поэт не может их не писать. Так и случилось. Прорвало! Последовали новые публикации — в казанских изданиях, в нашем «Аргамак», в журнале «День и ночь», который в Красноярске издавал Роман Солнцев — единоведец Беляева со студенческих лет. Он и помог поэту издать к его шестидесятилетию (сентябрь 1997 года) новую книгу, вслед за которой последовали и другие издания: в 2001 году мы выпустили «След ласточки», а к следующему юбилею поэта (2007 год) Татарское книжное издательство выпустило книгу «Помню. Слышу. Люблю», за которую Беляев был удостоен литературной премии имени Г. Р. Державина.

А в 2012 году Николай Николаевич и Вилора Касимовна вернулись в Казань. Президент Татарстана Рустам Нургалиевич Минниханов способствовал выделению для поэта из госрезерва благоустроенной квартиры в новом доме на улице Чистопольской. Этого счастливого возвращения не случилось бы, если бы о нём не походатайствовал перед президентом нашей республики академик Наиль Мансурович Валеев. Знакомство с ним у Беляевых завязалось во время подготовки к изданию последней прижизненной книги Николая Николаевича «Поэма солнца». Эта книга, признанная ныне исповедью поколения шестидесятников и посвящённая самому солнечному художнику казанского андеграунда Алексею Анিকেенку, ещё в рукописи вызвала интерес Наиля Мансуровича. Чуть позже он её и великолепно издал на собственные средства. А побывав в Ворше, увидел, что крыша в частном доме поэта худая, за огородом и отоплением следить некому, пенсии на содержание и ремонт не хватает, одним словом — край... И отвёл от края. В Казани один из самых казанских поэтов, вернувшись, прожил ещё пять лет...

Поэзия, как говорят сами поэты, тот же наркотик, наваждение, от которого не избавишься. И уж, точно, это не профессия, а «лучшая из религий», как сказал наш казанский наставник. Наверное, это призвание. Как и музыка, как всякое высокое искусство.

Николай Николаевич Беляев исполнил своё предназначение. Его земной путь не мог быть другим.

НИКОЛАЙ БЕЛЯЕВ

ТАМ, ГДЕ ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ ЗАВЯЗАНЫ

* * *

Снег — ляжет, растает, уйдёт в облака,
и снова — в поля, родники и истоки...
Вернётся, пока мы считаем века,
свои пятidineвки, минуты и сроки.
И всё же — кружится, витает, поёт,
нежданный, спасительный, розово-синий,
и всё-таки — белый! И ты, очумелый,
стоишь, улыбаешься, как идиот!

* * *

Сколько боли скопилось в сердцах,
сколько терпкой российской печали.
Жизни вечный вопрос на весах,
мы не лодку — страну раскачали...

* * *

А.А. Аникеенку

Вглядывайся, будь открытым миру,
будь суров, но — никогда — жесток!
Славный лозунг —
«Высветляй палитру!» —
завещал художникам Ваг Гог.
Пусть готовит всякое житуха,
соблазняет славой и деньгой,
но не слушай — что диктует брюхо!
Миг лови над вечною Рекой,
где цветут и яблони, и груши —
по оврагам в брошенных садах,

отблески всемирной райской кущи,
отсветы — на пашнях и кустах...
Зелена волна, барашки — белы...
Сон-трава, подснежник — лиловат...
Честен твой эскиз, спокоен взгляд.
И война — от Волги — отгремела...
Значит — вновь распахнут, ярок мир,
в нём грядут большие перемены!
Всей природы красочный клави́р —
как Венера, восстаёт из пены...

* * *

Воскресенье. Встать живым из мёртвых,
после казни — в небо вознестись...
Снова кровь толкается в аортах,
заново — выталкивает в Жизнь!
Боль ушла. И выход из пещеры
вдруг открылся. И спит сердца
яркий свет, сиянье новой Веры,
Небо, встреча Сына и Отца...

* * *

Роману Солнцеву

Только в мире поэзии —
можно жить и дышать.
По-над градами-весями
свой полёт продолжать.
Ослеплённо и горестно
быть счастливым, что есть

служба чести и совести,
сердца зрячего весть.
Что под звёздами-лунами
чист, студён, как родник,
жив родной, непридуманной
звучный русский язык!
В нём — случайно, напрасно ли? —
с самой древней поры —
если девушки — красные,
если парни — добры...
А земля обещальная —
нам дарует покой
тихой песней прощальнойю,
неподдельной тоской...
Расставаясь под гнёздами —
уходя, воспарим
в небо тёмное, звёздное
к праотцам неземным.

* * *

Живая очередь... Нас много — миллиарды.
А он — один, как фельдшер на селе.
Он отличает Правду от неправды,
Всеведущий и в Слове, и в Числе.
Ему видней — чья очередь настала,
кто прёт без очереди, с мордой топором.
Чья звёздочка ещё не отблестала,
кому кукушка не откуковала
в лесу зелёном летнем за бугром.

* * *

Когда душа очнулась и поёт,
неважно — что на окнах синий лёд
нарос пластом, который всё не тает...
Душа в других мирах счастливо обитает,
летает, вольная, меж облаков витает,
и что ей — верен или нет земной расчёт,
прервёт ли пуля или нож её полёт...
Душа очнулась
и — счастливая — поёт!

СУЗДАЛЬСКОЕ ВИДЕНИЕ

И белый монастырь за речкой, чудо зодчества,
среди лугового разнотравья и цветенья
в лихие времена служил колонией
для малолетних девочек-преступниц.

И мы прошли по коридору, с дрожью
заглядывая в кельи опустевшие
и осквернённые людьми, которым Бог —
продемонстрировал —
как будут жить без Бога...

* * *

Как в коробке шлюза — на плаву...
Жди... К бетонным стенкам —
не причалить.
Как живу? Да так вот и живу.
Молча. Чтобы близких не печалить.

* * *

Бескорыстны — люди без коры
и без кожи, с нервами наружу.
Что им — ваши правила игры!
Чуткие — они жару и стужу
переносят хуже умных, нас,
кто расчислил и шаги, и сроки,
и шубейку к холодам припас,
помня — холода у нас жестоки...
А у этих — ветром пальтецо
или куртка лёгкая подбита.
Но глаза горят во всё лицо,
сердце — бедам и любви открыто.
Видят — глубже, чем дано другим,
верят и прощают — без притворства.
Путь, определённый Всеблагим,
свой вершат —
под знаком благородства.

ДВОЙЧАТКА — НЕСОВПАДЕНИЕ

1.

Мы хуже, чем мы есть.
А думаем, что лучше.
Никто себя не знает до конца.
И что в итоге — сумрак неминуемый
иль всё же — ясность божьего лица? —
нам вряд ли ведомо...
Стихи — особый случай.
Они поят надеждами сердца,
порой — напрасными...
Но страсть — неутолима.
И жизнь — проносится,
как клочья дыма, — мимо...

2.

Мы лучше, чем мы есть.
 А думаем, что хуже.
 Есть Сердце, Совесть, Честь.
 Есть Небо — даже в луже!
 И мы — стоим над ним,
 небесные созданья...
 Пусть перевернут мир,
 и деревья, и зданья,
 и автор отражён
 в своей весенней луже,
 кораблик запустив...
 Нет, мы других не хуже!
 И вместо душ у нас —
 весеннее сиянье,
 и обновленья час
 предчувствует сознание.

* * *

Наилу Мансуровичу Валееву

Откуда что берётся по весне —
 и солнышко, и дятел на сосне
 с его морзянкой телеграфной о спасенье,
 и прочие намёки на везенье
 неслыханное... Верное тепло
 к измученному сердцу притекло,
 зажгло твой мозг и возвратило сердцу
 способность греть других — не только греться
 на солнце вешнем, сидя на крыльце
 с блаженной миной на оттаявшем лице.

* * *

Россия — тройка... Тезис.
 Антитезис:
 Рак, лебедь, жука... Воз и ныне там.
 Разгадки геной инженерии. Генезис.
 Истории и жизни тарарам...
 Откуда мы с тобой? Загадка та же.
 Куда идём? Идём ли вообще?
 Ответов нет. А то, что есть — всё гаже.
 Бессмертны только пошлость и Кощей.
 Но нет — бессмертны лучшие из песен!
 Бессмертны звуки, краски и слова!
 Живут себе, звучат для нас, хоть тресни —
 пока земля российская жива!

* * *

Конечно, Пушкин был аристократом,
 Хоть мещанином называл себя.
 Но слово русское в его устах — крылатым
 навеки стало, время торопя.
 ... Куда он ехал с мужиком в телеге,
 когда в сознании родился ясный звук,
 три слога для фамилии — Онегин,
 и на дорогу выпрыгнул он вдруг!
 — Спасибо, я доехал... Благодарен...
 Мне дальше — ясно, тут тропинка есть...
 — За что спасибо? Рядом с вами, барин,
 в телеге посидеть — большая честь!
 Но, кляча, трогай! Прощевайте, милый...
 ...А Пушкин — в рощицу,

сквозь птичий пересвист,
 торопится, кипучей полон силой,
 туда, где ждёт его бумаги белый лист...
 Благословен — терявший перья гусь!
 Эпиграф из Горация — «...o, rus!» —
 Какая прелесть в двойственности смысла!
 Как два ведра у девы с коромысла...
 Итак — роман... Конечно — о Любви!
 О, не покинь меня, ни Муза, ни Создатель!
 Итак — «Онегин, добрый мой приятель,
 Родился на берегах Невы...»

* * *

«...и, с отвращением читая жизнь свою,
 я трепещу и проклиная...»
 Но и за гранью — молча — слёзы лью,
 и всё-таки — не плачу, а пою,
 пред тем, что через миг — УЗНАЮ!

ПОСЛЕДНИЙ ПОЛЁТ

1.

Лорушке

Там, где параллельные завязаны
 Лобачевским — навсегда! — узлом,
 мы с тобою встретиться обязаны.
 Узел станет знаком, не числом.
 Я тебя дождусь на этой трассе,
 буду плыть, особо не спеша,
 и, узнав в летящей пёстрой массе,
 вздрогну: — Здравствуй, светлая душа!

2.

Там, где параллельные завязаны
навсегда! — двойным тугим узлом,
все мы, люди, встретиться обязаны
перед этим знаком, не числом.
Словно при коротком замыкании,
искрами, бесплотными почти,
улетая за пределы Знания,
бессловесной Музыкой в ночи,
без раздора Чувства и Сознания,
полетим бок о бок, как во сне,
к своему Творцу — его Создания,
вечным гимном Солнцу и Весне.
Музыкой, послушной высшей воле,
торжеству Единства и Любви,
тайной Света и разгадкой боли,
Жизни, как её ни назови!

3.

Встретимся, такие очень разные,
по-над бездной меж Добром и злом.
отряхнув всё пошрое и грязное,
вплоть до слов,
мальчишкой сдуру сказанных

в адрес девы гипсовой с веслом...
Будем плыть и окликать друг друга
лучиками Света и Тепла,
чтобы встречных излучений вьюга
разделить нас больше не смогла.
Полетим, забыв о смертном часе,
о ненужных глупостях земных,
как по рельсам — по межзвёздной трассе,
вроде бы — не тесной для двоих.
Но пред знаком — мы единой искрой
станем, новой силой налиты,
новым светом, негасимым, чистым —
для преодоления темноты...

4.

Встретимся, порадуем друг друга,
полетим бок о бок — обе-две
душеньки...
И вдруг — рванём из круга
с чёрною воронкой там, на дне!
И у ног Творца, а не кумира
Благодать и место обретём
в дантовской цветущей Розе Мира,
вечной для народов и времён.

КАДЫР СИБГАТУЛЛИН

ПЕПЕЛЬНЫЕ ВЕТРЫ

В нынешнем году татарскому поэту Кадыру Сибгатуллину исполнилось бы 75 лет. Особая благодарность за сохранение памяти о нём и его творчестве вдове поэта — Фание Хамматовне Хамматовой. Она готовила и продолжает готовить к изданию его посмертные книги как на татарском, так и на русском языке, выпуская их чаще всего за собственный счёт. Вот что говорили о поэзии Кадыра Сибгатуллина его коллеги, современники и соплеменники:

В татарскую литературу Кадыр Сибгатуллин вошёл как поэтическое явление. Такое случается редко. Довольно много стихотворцев, выпустивших по 20–30 книг, но не сумевших сказать настоящего поэтического слова. Кадыр явил миру незаурядность своего таланта. Я заметил его с первых стихотворений, напечатанных в газетах, и обрадовался: это поэт от рождения, сын своего народа! Он тонко чувствует тайны родного языка и мастерски владеет ими. Вряд ли возможен столь же тонкий перевод стихов Кадыра Сибгатуллина с татарского на другие языки. Не зря Тукай говорил, что при любом переводе с поэтических строк осыпается позолота...

Хасан Туфан

Кадыр Сибгатуллин любит в поэзии напряжённость и — одновременно — простоту. Судьба народа и судьба родного края для него едины и священны.

Рустем Кутуй

Писать о Кадыре Сибгатуллине и легко, и в то же время трудно. Легко, потому что мы жили рядом, по соседству, тесно общаясь друг с другом. Трудно, потому что он — очень сложный и большой поэт.

Кадыр не попадал под модные литературные веяния, не старался понравиться власти предрежащим, не пел дифирамбы большим чиновникам, желая понравиться им. Он не носился за славой и степенями, как некоторые это делали и делают. Он жил только по велению своей души, писал прекрасные стихи и вдруг ушёл в вечность. Поэт ушёл, а его стихи остались жить.

Кадыр был требовательным, в принципиальных вопросах беспощадным, прямым, говорящим без обиняков. Мог войти свободно в любую дверь и сказать правду в глаза. Был своенравным, независимым, поэтому многие его недолюбливали. Впрочем, поэт не нуждался в этом. Он знал себе настоящую цену и не изменял самому себе и своей совести.

Рашид Башар

Кадыр ворвался в большую поэзию, минуя пору ученичества. Он писал очень просто об очень простых вещах, однако всё, написанное им, вошло в афоризмы родной татарской речи:

«Мучаются в тягостном одиночестве объятий, узаконенных ЗАГСом»;

«Душа моя ещё жива. Можете от неё отрезать кусочек себе»;

«Рост мой невысок, потому что земля тянет к себе»...

И просто, и ёмко! Хочешь — не хочешь, а прочитаешь. Захочется самому окунуться в мир афоризмов, но... Волшебство неповторимо!

Рахмай Хисматулин

РАССВЕТЫ

Улицы первым лучом обогреты.
Чисто везде и безлюдно.
Рассветы
Душу мою пробудили, наверно.
Ах, как брожу по утрам вдохновенно!

Ах, как дышалось — зимою и летом!
Даже собак ревновал я к рассветам.
Много ли нужно, как я, человеку?
Вижу в любом направлении Мекку...
Рая земного врата открываю.
На перекрёстках грехи отпускаю
сам же себе.
Не считаю за вздор
с небом неслышный вести разговор.
Заспанным сердцем и взглядом
светлею.

С небом, как будто с судьбою своею.
День мой зависит от этих мгновений.
С каждым свершившимся
я совершенней.
День мой руками рассвета изваян.
И я в нём хозяин.
Я в нём хозяин.
Птицы разбуженной песня чиста.
Я без рассвета
весь день — сирота.

Перевод А. Зорина.

* * *

Мне знакомо лицо твоё, встречный!
Жив я верой — лишь ею одной.
Как и ты, я то горд, то беспечен,
как и ты, я печален порой.

Я не справлюсь с заботой одною,
но скорблю о вселенской беде.
Я виновен всеобщей виною,
я судья на всеобщем суде.

Говорят: он слепец, к сожаленью.
К сожаленью, я не слепец.
Возрождаюсь я в каждом рожденьи,
с каждой смертью я снова мертвец.

Потому-то и счастлив, наверно,
что живу я сегодняшним днём.
В той же мере, как люди примерно,
опалён я бессмертья огнём.

Перевод М. Кудимовой

ТУМАНЫ ОСТАЛИСЬ В ЛОЩИНАХ

Куда идти,
и как с пути не сбиться,
когда туман обманчивый клубится,
ползёт и с той, и с этой стороны?..
Когда мы все в тумане рождены.
Но цель — мы знали — в правде
и в работе.
«Не стойте, ни мгновения не стойте», —
нас голос звал
не в призрачные страны.
Редели отступавшие туманы.

А мы всё выше поднимались, выше...
Поодиночке или вместе вышли
в далёкий путь,
нацеленный к вершине,
оставив мглу туманную лощине.

Перевод А. Зорина

ЯБЛОНЯ НА КРАЮ БЫВШЕГО АУЛА

Гнёзда бывших домов
узнаю по столбам и по ямам.
Лягушачий концерт.
Цветущий запущенный сад.
Вдоль широкой дороги,
поросшей бильём и бурьяном,
вдоль последней дороги
трухлявые колья лежат.

Не запружена речка.
Большие ручьи обмелели.
Всполошилась сорока,
родному жилищу верна.
А давно ли здесь люди
весёлую «Яблоню» пели?
Вот уехали люди,
она и притихла одна.

Если дом нежилой остаётся,
накинутся скопом
таракашки-букашки-гнилушки
его пожирать.
Скособоченный весь,
ни дверей не забили, ни окон.
Бросил дом человек.
И ушёл без него доживать.

Забывается прошлое,
рушится — доля такая...
Не отсюда ли родом, прохожий?
Ступай, не грусти.
Плачет белая яблоня,
царственный цвет осыпая.
Сколько будет ещё
одинокое и пышно цвести?..

Перевод А. Зорина

МУЖЧИНЫ

1

По селу, а не мимо села
шла война, никого не ждала,
самых крепких взяла мужиков,
и женатых, и холостяков.
Вместо ниток хозяйкам — супонь,
молодые, не бабы — огонь.

Вместо прялок — по паре быков,
на телеги — побольше снопов.
А за сеном в буран без дорог —
и мужик бы, пожалуй, не смог.
Что не делали бабы в войну —
Ты, Банат, ты, Биби, ты, Бану!
Без хозяина дом сирота,
жизнь без мужа — одна маета.
Ах, взошёл бы сейчас на порог,
улыбнулся: — Я выпил чуток...
Он вернётся с войны или нет,
для него зажигается свет.
Как узнаешь — придёт, не придёт?
Только ложка хозяина ждёт.
— В красный угол садись-ка, сынок...
Как похож на отца паренёк!
Прижимает рубахи к груди,
мужнин запах вдыхая, твердит
(страшен вопль исстрадавшихся душ):
— Был бы муж!
Был бы муж!
Был бы муж!

2

Деды — внукам, отцы — сынам
повторяют из рода в род:
Тяжесть жизни нести мужам,
Волга груз такой не возьмёт,
сил не хватит её волнам.
Если гибнет какая страна,
то теряет мужей она.
Мы, мужчины, — крылья страны,
нам терпенье и храбрость даны.
Там, где имя твоё, страна,
там же, рядом — мужей имена.
Крылья злым ветрам не сломить,
мужа с Родиной не разлучить.
— Разлучу! — сказала война,
— Разломлю! — пригрозила она.
Покажи своё мужество, муж,
укрепи миллионы душ.
Где Гата, Гариф и Гайни?
В самом пекле войны они.

Пишет муж письмо под огнём.
«Мы врагам, — говорится в нём, —
нашу землю не отдадим,
пусть погибнем, но победим!
Трудно, мать, ничего, держись,

будь спокойна, а сыну скажи —
 пусть хомут и дугу хранит,
 пусть за осью арбы глядит.
 Я в атаку сейчас ухожу,
 будет время, ещё напишу...»
 Он бы рад ещё написать,
 но погиб он в атаке, мать.
 Кто-то ручку взял, написал:
 «Смертью храбрых за Родину пал...»

Дождь прошёл, набрякли луга,
 деревянная вязнет нога.
 Не Гариф идёт, не Гайни,
 не вернутся домой они.
 Возвратился один Гата,
 только сила уже не та.
 Шаг шагнёт, и заночет грудь,
 не до отдыха, как-нибудь,
 надо хлеб без потерь убраться,
 чтоб ни зёрнышка не потерять.
 Без ноги поспевал везде...
 Так и умер на борозде.
 Поклонись его праху, скажи,
 — Были,
 были,
 были
 мужи!

3

Выйдешь в путь, проходят года...
 Не измерить их никогда.
 Сколько на лицах у матерей
 этих трудных, долгих путей!
 Мы идём по тебе, земля,
 мы живём — и цветут поля,
 пыль полей на лицах у нас,
 борозды-морщины у глаз.

Вы, Банат, Биби и Бану,
 на дорогу вышли одну.
 — Если б Гариф глянул на рожь...
 Лучше сердце своё не тревожь.
 — Здесь мы сеяли, я и Гайни...
 Помнят, помнят мужей они.
 — Тут упал и умер Гата...
 Та ложбинка? Конечно, та.
 Словно две половины души
 жаждут встретиться в море ржи.

Низко-низко склонилась рожь:
 — Что несёшь? И куда идёшь?..
 Три колхозницы, три вдовы,
 что несёте в скатерти вы?

Три комбайна рядом плывут,
 Вдовы детям обед несут.
 Пыль на лицах их сыновей,
 благородная пыль полей.
 Эта пыль, этот запах хлебов,
 жизнь, работа — наследство отцов.
 Даже ложки — мужам от мужей...
 Накормили мамыши детей.
 Повлажнели у вдов глаза,
 Вдруг почудились им голоса:
 — Для отцов нет могильной тьмы,
 живы мы!
 Живы мы!
 Живы мы!

Из земли восстают они —
 и Гата, и Гариф, и Гайни.
 У бессмертных их душ мольба:
 — Улыбнись нашим детям, судьба...
 Будь к ним милостивой, судьба.

Перевод М. Скороходова

СНЕГ СКРИПИТ

1

Серебристые копытца
 опустил в лощину месяц,
 тонконогий жеребёнок
 в небе зимнем
 и пустом.
 Первенец новорождённый
 разыгрался в люльке зыбкой.
 И качается над крышей.
 И заглядывает в дом.

Воздух иглами пронизан.
 Воздух вызвезден.
 Слетают
 от прикосновенья ветра
 льдинки звонкие
 с ветвей.
 Печка вытоплена в доме.
 Тихо-тихо в светлом доме.

От серебряного снега
кажется — ещё светлей.

Внук
смеётся в колыбели.
Спит счастливый
и смеётся...
Всё посматривает в окна
мать.
Поёт веретено.
Или снег под сапогами...
Кто там ночью
ходит-бродит?..
Снег скрипит...
И правда, ходит
кто-то, не видать в окно.

2

Шаг за шагом,
год за годом
я разматываю детство.
Помню, я рыдал, как взрослый, —
без вести
отец пропал.
Может, он ещё вернётся...
Он ведь не убит,
отец мой...
Холод поселился в доме.
Ветер вьюшкой громыхал.

Как ломоть пшеничный,
месяц
стынет в ледяном оконце.
Мама голову склонила
горестно
на мой вопрос.
Хлеба нету,
спичек нету...
Н и к о г о
на свете нету...
Только мы остались двое,
мы — опухшие от слёз.
Ветхой шалью укрывались,
кутались,
как в паутину.
Близко так —
не в сказке —
воет
кто: собака или волк?

Кто избу трясёт, как сито?
Кто доской стучит в ворота?
Кто наматывает вьюгу —
белый
бедственный клубок?

Так мы никогда не ждали,
как в ту ночь.
Не похоронка
подняла нас,
а надежда
с вестью —
без вести пропал...
А соседи отрыдали.
Примирилась жизнь со смертью.
Привыкали к похоронкам.
Нет, не каждый привыкал.

В темень вглядывалась мама.
Вслушивалась...
Он вернулся...
Замирала...
Он подходит...
Выбегала и —
ни зги.
Это пёс пришёл под окна.
Это вьюга нас дурачит.

Снег скрипит...
Ты слышишь?
Слышу...
Снег скрипит...
Его шаги.

3

Треснул выстрел —
это брёвна
лопаются на морозе.
Мама выгребла из печки
угли.
Села за кудель.
Разыгрался в колыбели
внук.
И грустно, и знакомо
снег скрипит...
Нет-нет и взглянет
мама старая на дверь.

Не простилась!

Не простилась!
 Не смирилась жизнь
 со смертью.
 Без вести пропавший — разве
 навсегда, совсем пропал!
 Месяц в небе разыгрался.
 Первенец
 озяб, наверно.
 На него бы одеяло...
 Да не хватит одеял.

Перевод А. Зорина

МЫ ВСЁ ЕЩЁ ВОЮЕМ...

Мы всё ещё воюем без конца.
 Грядущий мир окутан мглою.
 — Победа! — Дед подбадривал отца, —
 враг погибает смертью злою.

На саблях запеклась чужая кровь —
 кровь смоем, перевяжем раны,
 но ратников усталых кличем вновь:
 — Вам на покой, герои, рано! —
 Не затянулось раны ни одной.
 Спешит война вдогонку за войной.

— Победа! — возвещает мой отец. —
 Последнего врага не стало!
 Он свято верит: ныне, наконец,
 всем людям счастье засияло.

В жестокой схватке только мир стяжал —
 не упоенье громом боя.
 Он одолел взбесившийся металл,
 он пересилил время злое.
 Но почему мой дом, мою страну
 опять нашла дорога на войну?

Непрочен мир. Беснуется пожар
 то там, то сям, и пламя не стихает.
 На Родину нацеленный удар
 предотвратит мне долг повелевает.

Вот сабля. Мне завещана она.
 Я клятву дал, и нет другой святыни.
 В наследство достаётся нам война.
 Так вот мы чьи наследники донныне!
 ...И на границе, в мёртвой тишине
 мой сын не забывает о войне.

Победа?
 Кто решится возвестить,
 что кончена навек людская мука?
 Мир! Тонкая связующая нить,
 свяжи меня и будущего внука.

Мой внук, азы начавши проходить
 и что такое лапти зная слабо,
 в ином являет знание и прыть:
 он без запинки крикнет:
 — Это сабля!
 И с упоеньем назовёт подряд
 игрушки:
 — Танк! Солдатик! Автомат! —

Что ж, нет важнее дела, чем война?
 Как раковая опухоль, до сердца
 дотягивает щупальца она,
 равно сметёт — врага ль, единоверца.
 Война идёт столетия подряд,
 Сердечный стук...
 Отчаянный набат.

Перевод М. Аришиной

ЛЮБОВЬ

Пусть даже я рассудок потеряю.
 Но я живу, когда люблю. Я знаю.
 И выживаю,
 может быть, одним:
 я тоже, как и многие, любим.
 Душа сопротивляется оковам.
 Пытается
 неизречённым словом
 высказать себя.
 Из дебрей немоты,
 из сердца
 к солнцу
 тянутся цветы.
 Ей
 замкнутый не угрожает круг.
 Счастливым миг,
 сулящий бездну мук, —
 любовь.
 И это рабство мне угодно.
 И только в нём душа моя свободна.

Вы чистотой сердечною мудры,
бессмертные
Тахиры и Зухры.
Когда сердца такие разорвутся,
земля любовью может захлебнуться.

Перевод А. Зорина

ОДИНОКАЯ ЖЕНЩИНА

Он от любви ушёл искать любви.
Забудь его. И заново живи.
Ему здесь мелко и простора нет.
Пускай и мелко, а остался след.
Какой ни есть — неблагодарный, злой.
Он был твоим, а значит, был тобой.
Себя забыть не каждая могла.
Ты с ним не час, а годы прожила...
Ушедшие — не дом и не дитя —
себя нам оставляют, уходя.

Перевод А. Зорина

ДОМ ПОД РЯБИНОЙ

Зелёный день в июне юн.
И ночь невинна.
Цветёт рябина весь июнь.
Ай да рябина!
Кисть в кисть тяжёлые цветы
к стеклу припали.
Невеста чья-то у крыльца.
Уж не моя ли?..
Всю ночь раскрытое окно —
две половины.
Укрылись двое, не видать
в цветах рябины.
Кто спелую не оборвёт?..
Кто не пригубит?..
А будет свадьба или нет?
Будет, не будет..
Открыто от неё уйдёт
или — по свету?
Задами дальними юрknёт,
и — нету.
Уйдёшь, конечно, раз мила —
уж не ославишь.
Не для кого-нибудь цвела,
а для тебя лишь.

Метнула кистью по стеклу,
чуть не разбила.
Ох, скоро вызреет крепка,
Горька рябина.

Перевод А. Зорина

ГОРОДУ

Что говорить об обиде?
Это не дело мужчин.
Ты на лице моём видел
борозды новых морщин.
Каждый твой день мне известен.
Я для тебя не изгой.
Мысли о будущем вместе
мы обсуждаем с тобой.
Но вечерами печальюсь —
этого не угаить:
видно, в деревне остались
лучшие чувства мои.
Нету ни в чём недостатка.
Чёткий, отлаженный быт.
Так отчего мне несладко?
Что мне так душу томит?
С кем поделиться из местных?
С детства привыкли они
вместо светил поднебесных
видеть ночные огни.
Я ж в моём детстве далёком
только по звёздам гадал.
В небе твоём невысоком
я этих звёзд не видал.
Я тебя, город, построил.
Ты не терзайся виной.
Некогда вышли с тобою
мы из деревни одной.

Перевод М. Кудимовой

МЫ ТВОИ, ЖИЗНЬ

Не тяжела..
Но ты и не легка.
Твои пути измерить разве можно?
Мудреет молодость.
А рядом с ней
беспомощная старость молодеет.
Мы крепкое звено одной цепи.

Бессмертные, —
одно из поколений,
идущих в вечность.
Попробуй эту цепь разъединить,
рассечь звено —
цепь тотчас же сомкнётся.

Дробил нас враг
чудовищным огнём.
Отцы сгорали.
Их предсмертным словом
было — наше имя.

Отец мой плотничал.
Весь край наш исходил.
Он добрые когда-то срубы ставил.
Он о дворце мечтал...
В бревно вонзил
отточенный топор...
И не вернулся...
Он плотник был: с землёю связан плотно.
Как ни пытались времена лихие,
его не оторвали от сохи.
Война оторвала.
С землёю всё же,
с родною,
и она не разлучила.

Строитель свой топор оставил...
Пахарь —
полоску нераспаханной земли.
Поэт ушёл,
и высохли чернила,
и в горле ком остался
и мешает
его строку без слёз произнести.
Но их заветы,
замыслы,
мечты
в нас с колыбели репервоплотились.
Чуть подрастали мы —
и запрягали
коней, когда-то ими распряжённых.

Мы — крепкое звено одной цепи,
мы — поколение идущих в вечность.
Неощутимо сцеплены друг с другом,
а звенья невозможно расковать.

Пусть
домом меньше,
меньше бороздой,
одной строкою в незаконченной поэме...
Но домечтали,
досказали мы
сначала в полный голос за отцов.
А уж потом свои достали перья.

Ты наша, жизнь! А мы — твои!
И плотно
ложится иногда твой груз на плечи.
Там, за спиною, пепельные ветры...
А впереди какие?
Не тяжела, но ты и не легка.
Твои пути измерить разве можно?..
По тридцать нам,
а мы уже седые.

Перевод А. Зорина

НАРОД-ПОЭТ

Эпоха ль такая? — не раз я гадал. —
А может быть, люди такие?
С кем я ни знакомился, где ни бывал, —
повсюду поэты сплошные.
Тетрадь испещряет стихами школяр
восточных диванов нежнее.
И этой тетрадки мечтательный жар
конспектов иных поважнее.
Ошибок там нет,
и отметок там нет.
(Я сплошь бы «пятёрки» поставил.)
А чем вдохновляется юный поэт?
Любовью —
к деревне,
к державе.

Вот пишет учитель,
как учеников
он любит.
Как любит уроки.
И что не успел он сказать вне стихов,
то преображается в строки.
И врач невзначай
занемог стиховой
болезнью.
И не излечился.

А вот агроном.
Он стихами с землёй,
как друг, говорить научился.

Девчонки стихи посылают парням
и отклика ждут не напрасно.
И в этих признаниях столько огня –
бумага пожароопасна!
Вот пишет
минувшей войны инвалид...
Чего старику не хватает?
Душа, точно рана,
о мире болит.
О мире в стихах он мечтает.
По улицам ходят соседи мои –
их лица поэзией дышат.
Стихи – ведь они выраженьё любви.
Народ, коль не любит, не пишет.

Эпоха ль такая? – я думал не раз. –
Народ ли такой? Иль природа?
В том счастье я вижу своё без прикрас,
что я – сын поэта-народа.
Пустыми словами народ не купить.
Мудрец он, и пахарь, и воин.
Он через стихи научился любить,
он грамоту духа освоил.
Я прежде дивился.
Теперь попривык.
Мне жизнь объяснила всё это.
Мне дал осознать мой родимый язык
явленье народа-поэта.

Перевод М. Кудимовой

ЗДРАВСТВУЙ, СМОЛЕНСК!

ВЛАДИМИР МАКАРЕНКОВ

БЕЛЫЙ АНГЕЛ РЫЛЕНКОВА

По мнению известного учёного, доктора филологии Вадима Баевского, русский лирик XX века Николай Иванович Рыленков, несмотря на прижизненную известность, оказался в числе поэтов, чьё творчество было недооценено современниками. Профессор считал Рыленкова не только значимой, а чуть ли не основной фигурой так называемой Смоленской поэтической школы. По мнению некоторых современных поэтов и критиков, Николай Рыленков стоял у истоков появления в русской поэзии направления «тихой лирики». Конец старого и начало нового столетий ознаменовались пересмотром наследия русских поэтов, живших и творивших в советский период. Многие поэты стали неоправданно забываться, в печати распространялись статьи, в которых ретивыми критиками нового времени предпринимались попытки не только умалить роль и значение некоторых значимых для литературы советских писателей и поэтов, но и стереть их имена из истории русской культуры.

Иногда я рассказываю в тесном кругу, как возникла на Смоленщине литературная премия имени Н. И. Рыленкова, а писать об этом всегда сомневался по той причине, что история её возникновения не так уж и безобидна для многих ныне живущих смоленских писателей. Однако, учитывая тот факт, что правда всегда не ко двору, я отважился, да и повод нашёлся для проявления этой моей дерзкой отваги самый подходящий. В этом году в Смоленск приезжал из Набережных Челнов на вручение литературной премии им. Н. И. Рыленкова поэт, главный редактор татарстанского журнала на русском языке «Аргмак» Николай Алешков, ставший лауреатом за 2016 год. Захотелось написать о его посещении Смоленской земли.

Итак, ради правды жизни, об истории возникновения литературной премии имени Н. И. Рыленкова. В конце 90-х прошлого века — начале XXI века в Смоленске стала складываться неблагоприятная атмосфера вокруг имени Николая Ивановича Рыленкова. Выражалось это, прежде всего, в том, что в своих статьях об А. Т. Твардовском известный в Смоленске журналист не то чтобы усомнился в справедливости признания таланта Николая Ивановича Рыленкова как поэта и значимости его наследия для русской поэзии, а фактически объявил его посредственным поэтом. Довелось мне слышать и выступления дочери А. Т. Твардовского — уважаемой Валентины Александровны — на «Твардовских чтениях», которая в открытую говорила, что сам

Александр Трифонович относился к Николаю Рыленкову как к поэту «так ничего и не написавшему за жизнь стоящего», что об этом написано в тетрадах Твардовского. Не соглашается Валентина Александровна и с существованием в прошлом веке смоленской поэтической школы. И тут можно понять её, отстаивающую позицию своего отца, ведь Твардовский не соглашался с отнесением его творчества к «Смоленской поэтической школе»! Как известно, термин этот, хотя и в кавычках, ввёл в литературу критик Андриан Македонов в 1960 году, когда была издана в Смоленске книга «Очерки советской поэзии», написанная им ещё в Воркуте. А впоследствии смоленский филолог Вадим Соломонович Баевский, используя математический метод корреляции, «узаконил в литературе» понятие «Смоленской поэтической школы».

Кроме того, Вадим Соломонович дружил с Николаем Ивановичем последние шесть лет жизни поэта, бывал у него дома. Я неоднократно слышал от него рассказы об этом. В смоленском альманахе «Под часами» публиковались материалы Баевского о Рыленкове и его семье. В 2006 году в издательстве «Смоленский государственный университет» была издана книга Баевского «Смоленская поэтическая школа в портретах», а в 2009-м вышел в свет сборник стихотворений Рыленкова «Пчела», приуроченный к 100-летию со дня рождения поэта. Издан он был усилиями нашей писательской организации, Смоленской областной библиотеки им. А. Т. Твардовского и кафедры истории и теории литературы Смоленского государственного университета. Задумал же «Пчелу» сам Рыленков незадолго до своей смерти. Книги с таким названием были распространены в древней Руси, в них печатались поучительные изречения, притчи, афоризмы, исторические анекдоты на библейскую тему древнегреческих, византийских и русских авторов. В архиве Рыленкова профессор нашёл лист бумаги с пометкой «Пчела», с вложенными в него всего лишь несколькими стихами, которые и легли впоследствии в основу будущей книги. Так задумку поэта посмертно воплотил в жизнь его друг, писатель и учёный. Книгу составили тридцать два стихотворения (многие с факсимиле), фотографии и очерк составителя книги «Пчела Николая Рыленкова».

Моя дружба с Вадимом Соломоновичем, начавшаяся с 2006 года после публикации им в газете «Рабочий путь» статьи «Поэзия из гримасы быта» о моей книге стихотворений «Земли касается душа», продолжалась около семи лет, вплоть до его смерти. Выходит, чуть больше времени, что он дружил с Рыленковым. Тесное знакомство позволило мне осознать важность усилий доктора филологических наук по сохранению памяти о Николае Рыленкове. В 2009 году я высказал Вадиму Соломоновичу, что настало время восстановить историческую справедливость и в Смоленске, вдобавок к литературным премиям имени М. В. Исаковского (областная, вручается смоленским писателям и журналистам) и А. Т. Твардовского (учреждена администрацией области, но имеет всероссийский статус), нужно учредить и литературную премию имени Н. И. Рыленкова. Баевский горячо поддержал идею. Мы решили учредить общественную литературную премию от имени нашей писательской организации — Смоленского отделения Союза российских писателей. Требовалось найти спонсора. После долгих переговоров им согласился выступить известный на Смоленщине предприниматель Разуваев, пообещав ежегодно выделять на премию пятьдесят тысяч рублей. И вот я как председатель собрал в офисе на улице Твардовского общее собрание. К сожалению, по причине болезни, впервые за последние годы, на собрание не смог прийти Баевский. Я рассказал писателям о нашей с ним задумке, радостно сообщил, что мне удалось найти спонсора, и поставил вопрос об учреждении премии на голосование. Говорить о том, что тогда случилось, мне трудно и сегодня. Все наши писатели, кто присутствовал на собрании (кворум имелся) проголосовали против. После собрания я сразу же пришёл к Баевскому и рассказал о случившемся. Он был потрясён. Вечером

я написал по электронной почте письмо первому секретарю Союза российских писателей Светлане Владимировне Василенко, в котором изложил просьбу — рассмотреть вопрос об учреждении Всероссийской литературной премии им. Н. И. Рыленкова правлением Союза российских писателей, объяснив, что денежная часть вопроса в Смоленске решена. О том, что случилось на общем собрании организации, я умолчал. Вскоре пришёл ответ, к которому прилагался протокол заседания правления Союза российских писателей об учреждении Всероссийской литературной премии имени Н. И. Рыленкова. Об этом я сообщил Вадиму Соломоновичу, сильно обрадовав его.

19 января 2010 года губернатор Смоленской области С. В. Антуфьев на митинге, посвящённом дню рождения М. В. Исаковского, проходившем перед памятником поэту в Смоленске, вручил мне свидетельство литературной премии им. М. В. Исаковского за 2010 год за книгу стихотворений «Ворота во мгле». Я никогда не забуду этот день. Памятник Исаковскому расположен на улице Октябрьской революции около Дома учителя и дома № 7, в который меня принесли из роддома и где я прожил сорок три года. Я не знаю, есть ли ещё в России поэты, которым вручалась литературная премия прямо возле их родного дома. Но я вот оказался таким счастливым.

При получении свидетельства о литературной премии принято говорить ответное слово. И я сказал, что в 2011 году будет учреждена Общественная всероссийская литературная премия имени Н. И. Рыленкова, что имеется уже протокол правления Союза российских писателей, осталось лишь урегулировать вопрос юридическим договором со спонсором премии. И тут губернатор Антуфьев сказал, обращаясь ко мне, буквально следующее: «Я думаю, что администрация области вполне могла бы учредить третью на Смоленщине литературную премию, учитывая, что Рыленков такой же поэт смоленской поэтической школы, как Исаковский и Твардовский, если бы писательская организация переуступила это право администрации». Соображать долго не было времени, нужно было отвечать — да или нет. Тогда я подумал, сегодня спонсор есть, а завтра вдруг да не станет. И ответил губернатору, что писатели согласятся. Тут же Сергей Владимирович отдал указание начальнику информационно-аналитического управления Владиславу Кононову, чтобы его управление разработало пакет документов для учреждения премии. Я тогда сильно волновался, какотреагирует Москва на мою своевольную инициативу. Но, слава Богу, всё обошлось. Первый секретарь Василенко ответила, что я поступил правильно. Так была учреждена на Смоленщине литературная премия имени Н. И. Рыленкова, право на получение которой имеют российские писатели и учёные.

В состав комиссии по присуждению премии входят известные российские поэты: Анатолий Парпара (Москва), Борис Лукин (Москва), Галина Умывакина (Воронеж), доктор филологических наук, профессор кафедры литературы Смоленского государственного университета, ученица Баевского — Лариса Павлова, кандидат филологических наук, специалист по смоленской поэтической школе Оксана Новикова, дочь Николая Ивановича Рыленкова Ирина Николаевна, представители администрации Смоленской области. Первое вручение премии состоялось в 2013 году в Смоленском государственном университете. Первым лауреатом премии по праву стал заслуженный деятель науки, доктор филологических наук, первый почётный профессор СГУ В. С. Баевский (2012 г.), выдвинутый на премию нашей писательской организацией. Сегодня лауреатами премии являются: поэт Б. А. Скотневский (2013 г., Тольятти), прозаик, писатель-фронтовик Е. П. Алфимов (2014 г., Смоленск), поэт, главный редактор журнала «Юность» В. Ф. Дударев (2015 г., Москва), поэт, главный редактор журнала «Аргамак. Татарстан» Н. П. Алешков (2016 г., Набережные Челны).

* * *

С Николаем Петровичем Алешковым я познакомился лет семь назад заочно. Как председатели региональных отделений Союза российских писателей, мы с ним начали обмениваться изданиями: я посылал в Татарстан смоленский альманах «Под часами», в ответ получал журнал «Аргмак».

В прошлом году вопрос о выдвижении кандидата на литературную премию имени Н. И. Рыленкова решался правлением Союза российских писателей почти месяц. И хотя я не являюсь членом правления, как член комиссии по присуждению премии я знаю, что было рассмотрено несколько кандидатов, и в итоге был выдвинут Николай Алешков. Когда Ирина Николаевна Рыленкова прочитала стихи Николая Петровича, она одобрила его кандидатуру на получение премии. На заседании комиссии Н. П. Алешкову премия была присуждена большинством голосов.

Приезд Алешкова в Смоленск был насыщен событиями. В день рождения Н. И. Рыленкова в центральной городской библиотеке им. Клестова-Ангарского прошёл творческий вечер Николая Петровича. На мероприятии Ирина Николаевна поделилась своими воспоминаниями об отце, в том числе рассказала об историях, связанных с поездкой Рыленкова в Татарстан, о неопубликованных философских произведениях отца, о своей работе над его письмами, которых сохранилось более ста. Основным же героем вечера стал, конечно же, сам приехавший к нам поэт. О его творчестве говорили работники библиотеки, а Николай прочитал стихи о послевоенном детстве, любви, роли поэта в современном мире. Прозвучали также в аудиозаписи песни на его стихи, потом он ответил на вопросы присутствующих и преподнёс в дар библиотеке книгу своих стихотворений, аудио-альбом со стихами и песнями и литературный журнал «Аргмак. Татарстан». А я рассказал об истории возникновения литературной премии имени Рыленкова. В кабинете директора библиотеки Татьяны Гапеевой наш замечательный радиожурналист ГТРК «Смоленск», ведущий передач «Крылья Пегаса» и «Музыканты Смоленска» Евгений

Самоедов, ставший в 2016 году лауреатом премии им. М. В. Исаковского, взял у Алешкова большое интервью, лёгшее в основу радиопередачи о нём, прошедшей в радиоэфире 24 марта 2017 года (передачу данную можно послушать в Интернете на сайте ГТРК «Смоленск» по адресу: <http://gtrksmolensk.ru/channels/radio-rossii/archiv-radio/avtorskaya-programma-evgeniya-samoedova-kryilya-24/>). У нас оставалось немного времени до вечера в областной библиотеке и мы пошли на прогулку по центру Смоленска, по парку Блонье, где установлен памятник основоположнику русской классической музыки М. И. Глинке, побывали в центральном городском Лопатинском парке. Парк основан в 1873 году, в нём много исторических памятников, самый, наверное, интересный — насыпной земляной Королевский бастион, история которого многое может рассказать о взаимоотношениях России и Польши в прошлом. Всех, кто заинтересуется историей Смоленска, я смело отправляю в Интернет, где достаточно много подробной и достоверной информации, размещаемой смоленским музеем-заповедником. Из Лопатинского парка мы пошли в Сквер героев, именуемый в народе по старинке Кутузовским садиком. Перед входом в сквер на гранитной стеле выбиты стихи Николая Рыленкова:

*Товарищ, помни: здесь погребены
Твоей Отчизны верные сыны,
Что за неё не пожалели жизни.
Они свой долг исполнили сполна,
Прочти и повтори их имена
И, как они, учись служить Отчизне.*

Вдоль Смоленской крепостной стены расположены могилы героев Великой Отечественной войны 1941–1945 годов, установлен бюст нашему земляку Егорову, водрузившему знамя Победы над рейхстагом, и далее вдоль стены — памятники городам-героям России... Около Смоленского кремля возвышается памятник «Благодарная Россия — Героям 1812 года»: галл с обнажённым мечом в руке взбирается по скале к гнезду двух орлов, символизирующих собой Россию

О вечере в библиотеке Твардовского, процедуре вручения свидетельства о премии писать мне нет смысла, об этом можно прочесть на сайте библиотеки в Интернете. А вот о том, как мы были в гостях у дочери поэта, в его квартире на улице Твардовского, стоит сказать хотя бы несколько слов. В день рождения отца Ирина Николаевна традиционно приглашает домой немногочисленных «посмертных друзей» Николая Ивановича и ближайших родственников. Среди них неизменно был и Вадим Баевский, и поэтесса Раиса Ипатовна. Но они умерли, круг приглашаемых сузился. В 2016 году в гостях у дочери поэта, кроме родных, был Валерий Дударев, а в этом году с нами был Николай Алешков. Неизменно присутствует Катя Томсон, внучка Николая Ивановича, она готовит для гостей фирменный лимонный пирог, и всегда отменны на этом столе грибы, не только маринованные, но и отварные, и жареные, ведь грибы — это семейное рыленковское блюдо. Когда я впервые попробовал «фирменных маслят», которые отваривают, отжимают из них под прессом воду и кладут на хранение в морозильник, а зимой, разморозив, готовят, Ирина Николаевна рассказала: «Папа очень любил грибы. Помню, мама спросит: „Коля, ты что будешь на обед?“ А папа отвечает: „Женя, у нас, кажется, суп грибной остался, его и поем“».

Как и для меня всякий раз, так и для других поэтов, главным становится посещение кабинета Николая Ивановича, заставленного шкафами с книгами. На рабочем столе, по словам Ирины Николаевны, лежат именно те предметы, которыми пользовался

Николай Иванович. Посидеть на стуле Рыленкова за его письменным столом многое значит для лауреата. Как будто устанавливается некая метафизическая связь между умершим и живым, яснее представляешь, как вот здесь работал талантливый предшественник. Когда я фотографировал Николая Алешкова за письменным столом Рыленкова, я заметил, что лицо его озарено душевным светом, а в глазах — благодать. А ещё приятно в кабинете посидеть на диване, послушать воспоминания Ирины Николаевны об отце, об их поездках к морю в Коктебель. Слава Богу, Ирина Николаевна в последние годы усердно пишет воспоминания и статьи об отце. Однажды она призналась: «Жалею, что не взялась за это раньше...»

На следующий день рано утром Рыленкова, Томсон, Алешков и я на автомобиле администрации области поехали в село Тюнино Рогнединского района Брянской области (ранее Тюнино входило в состав Рославльского уезда Смоленской губернии), где нас ждали в школе имени Н. И. Рыленкова. В этой школе прошло детство поэта, а в Тюнино вот уже как сорок лет подряд 12 июня проводится «Праздник поэзии и сельского труда», начало которому было положено Рыленковым. В школе нашу делегацию приняли тепло, как и с Дударевым в 2015 году. Перед нами в школьном музее выступили со стихами Рыленкова ученики, и мы в свою очередь выступили поочерёдно: Рыленкова, Алешков и я. Мы с Николаем Петровичем читали стихи, он рассказал об «Аргамак» и подарил школьному музею последний номер журнала с фотографией Рыленкова на обложке и свою книгу стихов. В школьном музее собраны книги поэтов, побывавших в Тюнино, представлены фотографии разных лет, имеются экспонаты сельских орудий труда начала 20 века, на стене висит школьная доска, под которой стоит парта с глобусом — парта ученика Рыленкова. А потом мы пообедали в школьной столовой, разговаривали с директором школы Татьяной Левихиной и учителями. Меня всегда приводит в грусть статистика числа учеников, ежегодно уменьшающаяся. Когда приезжали мы с Дударевым, в школе учились тридцать человек, в этом году — уже двадцать восемь. А здание огромное, из красного кирпича, было построено ещё до революции местным помещиком. Когда-нибудь школу закроют, так как рождаемости в Тюнино нет, как и во многих российских сёлах...

На обратной дороге в Смоленск мы заехали на хутор Загорье, где нас ждала директор музея-усадьбы Татьяна Иванова. Татьяна Николаевна наизусть знает

десятки стихов Твардовского. Но поскольку времени у нас было уже мало, солнце клонилось к закату, она стихов не читала, лишь показала нам усадьбу. Когда-то здесь был смотрителем Иван Трифонович Твардовский, член нашей писательской организации, автор известного автобиографического романа «Родина и чужбина». Именно он по своим воспоминаниям сделал макет будущего хутора. Я бывал здесь больше десятка раз, но всегда всё на хуторе воспринимается по-новому. И изба, и кузница, и банька, и сарай с телегой внутри, и сад. И студёная вода из колодца неизменна на вкус. А кругом лишь луга, поля да леса под синим небом, экология этих мест в течение века человеком не нарушена. Мы попросили Татьяну Николаевну сфотографировать нас перед огромнейшим гранитным камнем, символизирующим памятник поэту, выслушали в избе рассказ Ивановой и снова сфотографировались поочерёдно на фоне портрета Карла Маркса, висящего на стене. В кузнице Алешков стал рассказывать, что его отец тоже был кузнецом и всё увиденное им здесь знакомо с детства, родное сердцу. Николай Петрович улыбался уголками глаз. Ещё бы, в один день побывать в родных местах сразу двух значимых русских поэтов! Разве мог он представить, что поехав в Смоленск к Рыленкову, попадёт в гости и к Твардовскому! Поездка на хутор Загорье стала сюрпризом для лауреата премии Рыленкова.

Прошло пять месяцев, а я с теплом вспоминаю рыленковские февральские события. И у меня из головы не выходят строки стихотворения, которое я однажды начал писать по дороге в Тюнино, а дописал позднее. Тогда за окном автобуса мне увиделся вдалеке белый ангел, наверное, это был лозовый или ольховый куст, но он был такой формы, как будто застывший ангел, прервавший на мгновение свой полёт в поисках живой человеческой души. Стихотворение заканчивается строками:

*И летит белый ангел
Над полями Руси,
Как мятущийся факел...
Негасим.*

И я думаю: «А ведь лауреаты литературной премии имени Н. И. Рыленкова, побывав в Смоленске, понесли этот факел по России, вместе со своими стихами и песнями, понесли высокое лирическое слово людям, будоража отзывчивые сердца звуками лиры. И очень хочется верить, что до тех времён, пока русское сердце будет отзываться на лирику талантливых поэтов, Россия не погибнет в хаосе лицемерия, лжи и стяжательства, чиновничьего произвола и беззакония. Русское сердце открыто поэзии, добру и правде. Без России нет ему жизни...

ИРИНА РЫЛЕНКОВА

СПИРАЛЬ СУДЬБЫ

Странные повороты происходят иногда в судьбе: трое коренных смолян оказались на полтора-два года тесно связанными с далёкой от родных мест и совершенно непохожей на них своенравной красавицей Камой и маленьким городком на её берегу — Чистополем. Это произошло в тяжелейшую пору жизни всей страны — первой половине Великой Отечественной войны. Все трое — крупные советские поэты: М. В. Исаковский — лирик, лучший поэт-песенник страны, А. Т. Твардовский — эпический поэт, автор бессмертного «Василия Теркина», Н. И. Рыленков, подаривший великолепные образцы всех видов лирической поэзии от любовной, пейзажной до гражданской и философской, сделавший один из лучших стихотворных переводов памятника древнерусской литературы — «Слово о полку Игореве».

Но если Михаил Васильевич и Александр Трифонович к началу войны жили уже в Москве, то путь в эвакуацию для их семей был относительно простым — литфонд зафрахтовал пароход, можно было взять с собой всё необходимое для жизни и удобно добраться до места назначения, где многим предоставлялось относительно неплохое государственное жильё и возможность устроиться на подходящую работу. Путь семьи Рыленкова в город Чистополь, где в начале войны обосновалась большая колония писателей и их семей, был много сложнее. Это был путь беженцев, не имевших возможности взять с собой самое необходимое, гонимых волной наступающих фашистских войск.

Единственно, что успели сделать Николай Иванович с женой Евгенией Антоновной — это отправить из горящего города со своими сёстрами (одна из них была после операции на костылях, а другая девочка-подросток) двух дочерей: четырёх и девяти лет. Что они могли взять с собой? Хорошо уже было то, что смогли посадить их на поезд. Через несколько дней ушёл добровольцем на фронт и сам Николай Иванович, хотя и не был годным к строевой службе, но стал командиром сапёрного взвода. Дома осталась только Евгения Антоновна, которую не отпускали с «очень ответственной» работы — заведующей библиотекой Дома искусств, куда её, впрочем, не пускали, так как там располагался военный штаб. Никто не знал о судьбе других членов семьи. Евгения Антоновна всё же успела вырваться из горящего Смоленска. Силой воли, огромной любовью друг к другу, терпением, интуицией и даже везением они сумели преодолеть все препятствия и найти друг друга. Но радость была недолгой. Затем жизнь в прифронтовой полосе на нашей, а затем на захваченной фашистами земле. Круги ада. Болезни, голод, жизнь в землянке. Наступление наших войск, освобождение, а в апреле долгожданная встреча с приехавшим за ними папой. Военная Москва. Что делать дальше? Нужно уезжать, но куда? Места, где как-то можно пережить лихолетье, давно забиты до отказа — нет жилья, нет рабочих мест.

Ещё в конце августа — начале сентября, когда мы попали в Подмоскowie, папа сумел договориться с А. Прокофьевым и Д. Семеновским, чтобы нас приняли в городе Иваново. Ему обещали подыскать там частную квартиру и помочь с работой. Но тогда не смогли выехать из-за наступления фашистов.

Теперь вопрос решался о направлении семьи в Татарию. На согласование ушло около двух недель. Наконец разрешение получено. И снова — путь в неизвестность. Предстояло добираться самостоятельно до места и как-то устроиваться в новом для нас городе на Каме. Сопроводить нас папа не мог — получить отпуск было нереально. Смоленск не так уж далеко от Москвы, а добирались до Чистополя почти полтора месяца — с конца апреля до середины июня. Но главная трудность — пересадка в Казани.

Поездка могла бы послужить сюжетом для приключенческого романа. Началось всё с того, что у нас не оказалось ни куска хлеба. В Москве по карточкам мы получали хлеб ежедневно, но норма его была небольшой, после долгого голодания он не только не оставался, но его просто не хватало. В дороге же хлеб по карточкам получить было невозможно. Понимая, что путь предстоит тяжёлый, в литфонде позаботились о продуктовом наборе. Как я теперь понимаю, подобные наборы выдавали семьям москвичей, только жизненные ситуации у них и у нас были разные. Что в нём было, мы не знали, но надеялись, что хватит на дорогу. И никто не догадался посмотреть содержимое — уж очень хорошо всё было упаковано.

Кое-как устроившись в переполненном вагоне, решили поесть и стали распаковывать пакет. Там были продукты, о существовании которых мы уже давно забыли: икра, бутылка московской водки и бутылка красного вина. Целое богатство по годовым карточным временам военной весны 1942 года. Но не было самого главного — хлеба. А добыть его в дороге оказалось практически невозможно, разве что за бешеные деньги, которых не было. Что делать?

Проходивший мимо военный (интендант) моментально оценил создавшуюся ситуацию, заметил водку, сообразил, что женщины совершенно не представляют себе её стоимость, и предложил обменять на хлеб. Мама с радостью согласилась. Казалось, что выход найден. Но интендант оказался низким человеком. Забрав бутылку, он принёс вместо обещанной буханки лишь небольшую часть её, которой с трудом могло хватить на один раз. Мама возмутилась, сказав, что это обман, и попросила вернуть ей водку. Но этот мерзавец не только не извинился, но и начал угрожать, называя спекулянткой. Воспитание не позволяло маме опускаться до перепалки. Тяжелейшие испытания, выпавшие на её долю, непривычная обстановка, чужие люди — всё это лишило её сил бороться с нечистым на руку человеком, который был уверен в своей полной безнаказанности. Да и окружающие люди побоялись вмешаться — наглость интенданта парализовала их волю. Позже маме рассказали, что водка — большая редкость, особенно московская, и за неё можно было получить не одну буханку хлеба. Но что она могла сделать? Пришлось менять часть продуктов на хлеб. Продуктовый набор быстро таял. Его оказалось слишком мало для семьи из пяти человек и непредвиденно долгого путешествия.

Следующая большая неприятность поджидала в Казани — пункте пересадки. Речной вокзал располагался далеко от города и только в нём можно было отоварить хлебные карточки. Выдавали их на один день. Началась распутица. Сколько-нибудь подходящей одежды и обуви для наступившей весны у нас не было — уезжали из Подмоскowie в начале апреля, когда стояли ещё очень сильные морозы, в зимней одежде и валенках (благодаря родственникам, поделившимся с нами). Туда же добирались из горящего Смоленска летом налегке.

Народу — масса, достать билеты на пароход было крайне трудно. Приходилось отстаивать огромную очередь день за днём, не смея отойти, без особой надежды на скорый успех. На вокзале провели несколько дней. Ходить каждый день пешком в город за хлебом было невозможно: дорога — поток жидкой грязи. Транспорта нет, кроме частных извозчиков, заламывавших немислимые цены. А тут ещё нас обворовали, хотя и брать-то было практически нечего. Что именно взяли, я не помню, но главное — украли галоши, без которых выйти на улицу было практически невозможно.

Билетов нет, хлеба нет, продукты, как ни экономили, заканчивались. Денег очень мало, а надо ещё добраться до Чистополя. Нужно срочно выкупить по карточкам хотя бы хлеб, но извозчика не устраивает небольшая сумма, которую могла заплатить мама, и он предлагает оплатить поездку продуктами или вещами. Но что можно отдать, если фактически ничего нет. Тут мама вспоминает о бутылке красного вина — единственное, что осталось от продуктового набора. И возчик моментально соглашается довезти не только до города, но и обратно. На один день вопрос решён. А дальше? Положение становилось критическим. Но справедливо говорят, что свет не без добрых людей, хотя и не без негодяев. На вокзале в очереди мама знакомится с москвичкой, инженером-химиком Любовью Сергеевной, ехавшей в Чистополь к находившимся там маме и сестре. Она тоже застряла в Казани и, видя наше бедственное положение, всеми силами стала помогать нам.

Любовь Сергеевна выменяла свой табак на хлеб для нас, что было тогда почти подвигом, помогла маме достать билеты, а, добравшись до Чистополя, не бросила на вокзале, привезла к своим, у которых была всего одна очень небольшая комнатка, где нас накормили и оставили ночевать. Так началась их дружба, длившаяся всю жизнь.

По ходатайству писательской организации нас поселили на несколько дней в гостинице. Нужно было срочно подыскать жильё. Мы сидели дома, а мама целыми днями ходила по городу, по адресам, выданным в горсовете. Это были частные домовладения. Чистополь — город небольшой, население за годы войны выросло многократно. Туда были эвакуированы из Москвы второй часовой завод, другие предприятия и учреждения. Было много беженцев. И хотя хозяев обязывали предоставлять площадь для проживания, делать это домовладельцы не спешили, пользовались любым предлогом не брать «выковырянных» (так называли там эвакуированных).

Мама прекрасно понимала всю фальшь предлогов для отказа хозяевами, чувствовала их негативное отношение к приезжим. Но деликатность мешала ей настаивать, несколько дней ходила она по адресам впустую. Жить в гостинице большой семьёй было не по средствам, да и не разрешалось. Маму предупредили, что домов, где можно поселиться, уже почти не оставалось, и если она не проявит твёрдость и настойчивость в переговорах, то квартиру не снимет.

Наконец она попадает на улицу Бутлерова в довольно большой и уютный дом на самом берегу Камы. Хозяйка его славилась настолько скверным характером, что получила прозвище «змеи гремучей» (в отличие от своей подруги «змеи шипучей»). Маме пришлось выдержать длинное представление с плачем, криками, душераздирающими историями и истериками и прочее, прочее. Но выбора уже не было, решила поселиться здесь.

Выделили нам самую крохотную комнату в пять или шесть квадратных метров, в которой стоял только узкий деревянный диванчик. Но дом был тёплым и можно было спать на полу. К дому прилегал большой огород, спускавшийся к реке. Весной Кама разливалась, и приносимый ею ил делал почву настолько плодородной, что овощи давали просто сказочный урожай. Меня поразили горы красных помидоров, хранившихся в большой двух или трёхоконной комнате («зале»). Хозяйка, звали её

Карповна, торговала помидорами на базаре. Спрос был огромный, цены очень высокими, вырученные деньги хранились в мешке в той же «зале». Была у хозяйки и коза. Одним словом, жила она в полном достатке, да и здоровье имела отменное. Конечно, боялась, что постояльцы ей будут мешать, настолько привыкла быть единовластной, что не хотела жить даже со своим единственным сыном Степаном, работавшим у водников. Это был одинокий, тихий, очень добрый человек, страдающий язвой желудка, и поэтому его не призвали в армию. Сын жил в общежитии. Иногда по выходным он заходил к нам, и я очень любила с ним играть.

Хозяйка не могла предположить, насколько неприхотливые и деликатные ей попались жильцы, а когда разобралась, то не уставала рассказывать всем знакомым о потрясающей честности своих «выковырянных». В доме не запиралось ничего — не только бесценные помидоры, но и деньги.

Меня больше всего удивляли тогда её чаепития. В большой столовой у окна стоял обеденный стол, а на столе самовар. В большую чашку наливалось козьё молоко, добавлялись мёд и масло, вбивалось яйцо, и при быстром перемешивании вливался кипяток из самовара. Даже будучи вечно голодной, я не могла представить себе, как эту смесь можно выпить.

Забегая вперёд, отмечу, что наш отъезд из Чистополя осенью 1943 года тоже сопровождался спектаклем, но уже на улице и со знаком плюс, где хозяйка между бурными рыданиями причитала, что не видела в своей жизни людей лучше и честнее её квартирантов и что она не знает, как будет жить без них.

А пока надо было налаживать быт на новом месте. Жить в крохотной комнатке впятером невозможно. Готовить негде и не на чем. В Чистополь были эвакуированы не только семьи писателей, но и действовали многие хозяйственные подразделения литфонда, например, детский сад для малышей и интернат для школьников. Неудовлетворительные жилищные условия, плохое снабжение, дороговизна, материальные затруднения вынуждали многих писателей отдавать своих детей в них. Педагогический персонал во главе с директрисой был московский. Определили туда и нас. Но поскольку сестра была уже школьницей, а мне едва исполнилось пять лет, впервые в жизни нас разъединили (здания интерната и садика находились довольно далеко друг от друга). Естественно, что это добавляло горечи в нашу жизнь, и мы очень тосковали. Но другого выхода просто не существовало. Я попала в одну группу с сыном Б. Пастернака. Однажды мы вместе с ним заболели. Видимо, простудились, и нас поместили в изолятор. Там произошло очное знакомство мамы (а по стихам она знала его с юности) с Борисом Леонидовичем. За содержание детей в этих учреждениях взималась плата, они находились там круглосуточно, но на воскресенье отпускали домой.

Свою младшую сестру, которой было семнадцать лет (она ещё не успела окончить школу), мама устроила электриком на пуговичную фабрику, там она получила общежитие. Сама же, хотя папа в письмах её всячески отговаривал, пошла работать дежурным комендантом-воспитателем в ремесленное училище. В условиях военного времени дежурства были сутки через сутки. Зарплата мизерная — 250 рублей (стоимость 200 граммов баранины на базаре). Но зато бесплатное питание, обеды разрешалось брать домой, и таким образом уладился вопрос с питанием второй сестры. Кроме того, училище находилось очень близко от дома — метрах в 200–300, что было удобно и важно во многих отношениях.

В училище, с одной стороны, были очень хорошие ребята, эвакуированные из блокадного Ленинграда, а с другой — настоящие уголовники, освобождённые из тюрем за не очень тяжкие преступления. Кражи были постоянным явлением. Воровали всё — от белья до дорогих инструментов в мастерских, работавших для нужд фронта.

Поймать воришек не могли и штрафовали либо воспитателей, либо мастеров — в зависимости, что и где украдено.

В первый же месяц мама не получила зарплату — вычли за украденные простыни. Отчаянное материальное положение, хотя папа присылал всё, что мог, — свой аттестат, гонорары за стихи и радиопередачи. Всё равно денег не хватало на самое необходимое: одежду, питание, дрова, оплату жилья. Природный ум, находчивость, смелость помогли маме сделать то, чего не могли добиться другие: поймать двух воришек и сдать их вызванным милиционерам. Правда, те не смогли довести их до милиции. Но краж стало намного меньше.

Жизнь в Чистополе протекала много лучше и спокойнее, чем на передовой в Подмосковье, где каждую минуту был риск погибнуть. Мы, дети, получали, хотя и очень скудное, но регулярное питание, было тёплое жильё, частые весточки от папы и, что очень важно, отсутствовали изнуряющие ежедневные бомбёжки. Жаркое и довольно сухое лето, зато зимы холодные, морозные, с очень сильными ветрами, особенно вблизи Камы.

Наши ослабленные невзгодами организмы давали сбой, мы часто и подолгу болели. Трудно было бороться с цингой. В качестве средства от неё меня заставляли есть сырую картошку, которую я просто возненавидела. Более эффективным и приятным средством от цинги был шиповник. Огромные заросли его располагались за Камой. Но мостов не было, и попасть на другой берег можно было только на лодках. Время сбора плодов — осень, а это не слишком приятное для поездок время — дуют сильные холодные ветры, идут дожди. Желающих собиралось очень много. А переполненными лодчонками управляли мальчишки двенадцати–четырнадцати лет. Кама здесь широкая, бурная, вода почти чёрная. Кама гораздо своенравнее Волги. Недаром по легенде эти реки вели долгий спор — кто из них главнее. Очень опасны и страшны такие поездки, но жизнь заставляла идти на риск.

Оберегая всех, мама совершенно не думала о себе. Выматывающая нагрузка на работе, вечное недосыпание, плохие, не соответствующие климату одежда и обувь привели к тому, что она сильно простудилась, и у неё развился двусторонний мокрый плеврит. Пропал голос. Заболевание достаточно тяжёлое и для мирного времени. Как она смогла в тех условиях подняться на ноги — для меня до сих пор загадка.

Первым на помощь пришёл Михаил Васильевич Исаковский. Папа ещё с ранней юности был знаком с ним, а позже они подружились. Михаил Васильевич поддерживал с нами связь и в Чистополе. В первый же день нашего пребывания в гостинице Михаил Васильевич зашёл с женой поговорить о пережитом за год войны и как-то помочь устроиться на новом месте. Но мамы не было, она уходила искать квартиру, предварительно выкупив полагавшийся по эвакуационным карточкам хлеб, а его оказалось десять килограммов. Наказала всем не увлекаться им, есть понемногу. Мы с сестрой беспрекословно подчинились, но тётушка не смогла удержаться и ела до тех пор, пока ей не стало очень плохо — говорить не могла, почти не дышала. Мы были в ужасе. В этот момент и появились Исаковские. Лидии Ивановне, которая была врачом, пришлось её спасать.

Теперь, обеспокоенный, что мама, время от времени забегавшая к ним с женой обмениваться новостями, о которых сообщал папа, регулярно писавший ему и нам, долго не появлялась и узнав в поликлинике литфонда, что мама заболела, Исаковский сам пришёл узнать, что случилось и чем можно помочь. Увидев маму в таком тяжёлом состоянии и без голоса, очень встревожился и настоял через писательскую организацию, чтобы её регулярно навещал литфондовский специалист. Лечения особого не было. Врачи рекомендовали тепло и хорошее питание. Мама действительно в этом

нуждалась, ибо находилась в крайней степени истощения. Однако наше материальное положение было плачевно. Михаил Васильевич добился, чтобы литфонд выделил нам несколько килограммов сахара (вместо рекомендованного мёда) и немного сливочного масла. Этого было мало, очень мало. Но хоть что-то. Маму несколько месяцев поили молоком с сахаром, добавляя немного масла. Врачи рекомендовали пить, как более целебное, козье молоко, но больная наотрез отказывалась от него. Пришлось схитрить. Её сестра действительно через день покупала пол-литра коровьего молока у соседки, приносила домой (мама видела это в окно), а затем обменивала у хозяйки на козье. Обман раскрылся, но уже после выздоровления.

Мама болела долго и тяжело — со второй половины ноября до конца марта. При любой возможности её навещал Михаил Васильевич. Обладавший хорошим чувством юмора, он старался отвлечь больную от мрачных мыслей смешными историями, курьёзными случаями и в то же время давал ей практические советы, внушал, что она обязана не только оберегать детей, отдавая им всё, но и следить за своим здоровьем, хотя бы ради них и мужа.

Мамино выздоровление нам казалось чудом. Но, скорее всего, причина крылась в ней самой. Мама была титаном духа и воли. Для неё характерно чрезвычайно развитое чувство ответственности за судьбу своих близких. Понимала, что без неё пропадут и дети, и сёстры, она была стержнем семьи в тяжёлые военные годы, когда папа был на фронте. И должна была и для нас, и для него выстоять, сохранить семью. Папа всегда считал, что на женщин в военное лихолетье пришлось гораздо больше нагрузок и испытаний, чем на мужчин. Для мамы главной опорой служили письма папы. Их сохранилось более двухсот.

В Чистополь он начал писать уже на следующий день после нашего отъезда из Москвы со всё большим нарастанием тревоги и беспокойства — почему нет ответов. Разве мог он предположить, что мы доберёмся до цели так нескоро. Но продолжал слать письма, открытки и при возможности отправлял телеграммы. Наконец пришла ответная телеграмма, затем и письма.

В годы войны папа не переставал писать стихи, используя короткие минуты отдыха, в основном, ночами, в окопах Подмосковья, позднее и в штабе партизанского движения. Всё написанное посылал маме в Чистополь. Ей посвящены очень многие военные стихи, например, цикл «Письма без адреса», поэма «Апрель».

Удивительно, что в самые тяжёлые дни войны произошёл невиданный всплеск интереса к поэзии и, в особенности, к лирике. Все периодические издания (и газеты, и журналы) вплоть до «Правды» печатали их. Регулярно передавались стихи и по радио.

По письмам можно совершенно точно установить, над чем и когда папа работал, где печатался, а печатался он практически во всех газетах (от «Литературы и искусства» до «Правды») и журналах (в «Новом мире», «Знамени», «Октябре» и т. д.). Выступал на радио с чтением своих стихов. Военные стихи вошли в сборники «Синее вино» (Гослитиздат) и «Прощание с юностью» («Советский писатель»), вышедшие в Москве в 1943 году.

При любой возможности папа старался, кроме денежных переводов, отправлять нам и посылки. Это были, главным образом, концентраты, табак и, конечно, книги. Иногда их можно было передать через Литфонд, собиравший и централизованно отправлявший их в пункты эвакуации, или через знакомых писателей, посещавших свои семьи. Но взять они могли немного. Казалось, что проще — использовать по-чту, не ожидая случая. Но это было рискованно, так как посылки часто вскрывали. Посылки, конечно, были нечастыми. Папа в Москве бывал редко, наездами. Но кое-что нам привозили от него А. Т. Твардовский, Г. Санников, М. Зенкевич, директор

литфонда Хохлова. С оказией иногда приходили начитанные папой на пластинки стихи.

Выбраться к нам в Чистополь папа сумел только дважды — в ноябре 1942-го года и в сентябре 1943-го. Это был краткий (считанные дни) миг счастья, он всегда старался чем-то порадовать нас, привезти хоть какие-то подарки и обязательно книги. В первый же приезд его обворовали дважды.

Как уже я упоминала, прямого сообщения с Чистополем не было. Пересадка в Казани. Там в трамвае, когда папа ехал в порт для посадки на пароход, у него вытащили бумажник с деньгами для семьи и на обратную дорогу, но чемодан он сумел спасти (в нём были посылки семьям писателей и кое-что для нас). Маме пришлось буквально наскребать ему деньги, чтобы он смог вернуться на службу самолётом до Казани и поездом до Москвы.

В Чистополь залетали только военные самолёты и то крайне нерегулярно, пассажиров практически не брали и попасть на рейс было крайне затруднительно. Помог Михаил Васильевич Исаковский, который выхлопотал разрешение в горкоме. Аэродром находился довольно далеко за городом. Транспорт туда не ходил. Когда прилетит самолёт, точно никто не знал из-за нелётной погоды. Пришлось папе дважды сходить впустую прежде, чем рейс появился. Провожали папу мама и Михаил Васильевич. Но мама из-за дежурства могла пойти только дважды. Чемодан был тяжёлым — набит посылками москвичам от их семей. Да и свои вещи. Начальник аэропорта, а это была женщина, предложила папе оставить чемодан в её кабинете, чтобы напрасно не таскать его. Мамы с ними не было, и мужчины согласились воспользоваться любезностью. Но по прилёту в Казань обнаружилась пропажа — исчезла бутылка водки, которую Михаил Васильевич подарил папе, чтобы он мог согреться после полёта в открытой «уточке», а он был в летней форме. Слава богу, что чужие вещи уцелели, пропала только американская тушёнка.

Папа, конечно, простудился, но от тяжёлых осложнений его спасли шитые мамой ватные варежки, которыми он закрывал уши в полёте. Папа писал, что если бы не они, то не знает — сумел ли бы он вынести перелёт.

Второй раз он смог приехать к нам только через год, во второй половине сентября 1943 года. Промёрзнув в дороге, по приглашению сына нашей хозяйки Степана отправился в баню водников. И там ли, или вернувшись домой, узнал из сводки Совинформбюро об освобождении Смоленска. Радость родителей была неописуемой. Папа лишь огорчился, что долгожданное событие произошло без его участия. Не дождавшись конца отпуска, он уехал назад.

Линия фронта была отодвинута от столицы, и многие москвичи решили возвращаться. Засобирались и мы.

Литфонд нанял для этих целей пароход. Папа договорился, чтобы нас включили в первую партию отъезжающих. На пароходе нам выделили отдельную каюту. Мне она представлялась верхом совершенства — удобная, просторная, с двумя мягкими широкими диванами и большим окном. Отъезжающие имели возможность неспешно собраться и занять свои места, погрузка длилась не один день. Плыли мы долго, недели две, а может быть, мне так показалось...

Это было самое прекрасное время за всю войну. Стояла чудесная золотая осень. На пароходе царил доброжелательная атмосфера, было много детей. Мы целые дни проводили на палубе. Никто ни с кем не ссорился. Особое впечатление на нас производило прохождение шлюзов. Я на всю жизнь запомнила это зрелище. Все — и взрослые, и дети высыпали на палубу и ждали заполнения камер водой, а пароход поднимался вместе с ней.

Пароход двигался без расписания, часто останавливался по просьбам пассажиров для закупки провизии в сёлах и просто в красивых местах. Как разительно отличалось это спокойное и радостное путешествие от полного неприятных историй переезда из Москвы в Чистополь.

В Москве нас встретил папа, а уже через несколько дней мы добрались до города Кондрово в Калужской области, где временно размещалась администрация Смоленска и соответствующие учреждения. Здесь нам пришлось временно расстаться с родителями. Папу демобилизовали и откомандировали в распоряжение обкома для налаживания мирной жизни в городе. Мама уезжала с ним, а мы с сестрой и тётушкой остались в Кондрово, поскольку Смоленск был разрушен почти полностью, надвигалась зима и было неизвестно, где жить. Родители попали в родной город в канун октябрьских праздников, а мы только в марте 1944 года.

Таков был первый виток спирали судьбы, связавший поэта Николая Ивановича Рыленкова с Татарстаном. И вот, через семьдесят с лишним лет, новый виток, соединивший имя его с Николаем Алешковым, родом из памятного всем нам Прикамья. Устанавливается обратная связь: Татарстан — Смоленск. Николай Алешков стал лауреатом премии Николая Рыленкова. Связующая нить истории не прерывается.

Смоленск, январь 2017

АБСОЛЮТНОЕ В СЛОВЕ

Из писем поэту Николаю Рыленкову

Александр Алексеевич Михайлов (критик, литературовед, Москва, 12.2.1969):

«Давно и искренне люблю Вашу светлую, истинно русскую поэзию, восхищаюсь Вашим постоянством, верностью себе, своей поэтической натуре и своим эстетическим идеалам.

Вы, дорогой Николай Иванович, сегодня один из самых культурных поэтов на Руси, прекрасно знающий отечественную литературу и проявляющий понимание и широту в отношении к новым явлениям поэзии. Это такое редкое качество у поэтов. И за это особенно хочется низко поклониться Вам!»

Людмила Владимировна Титова (читатель, Ногинск, 1962 г.):

«В редакцию художественной литературы издательства «Советская Россия».

Среди имён современных нам поэтов почему-то до сих пор я не знала Николая Рыленкова: удивляюсь, как это могло получиться. И вот сегодня я нашла в библиотеке книжку его стихов. Эта маленькая книжка с тенью рябиновой ветки на сиреновой обложке явилась мне как открытие. Никогда ещё я не читала таких хороших настоящих лирических стихов, написанных нашим современником.

Н. Рыленков — настоящий национальный русский поэт: сквозь каждую страничку его стихов я вижу знакомые картины нашей природы и жизни, его стихи родные. В них искренность и цельность чувств, свежесть образов. Они являются продолжением русской классической поэзии: где-то рядом с его стихами всё время чувствуешь то Пушкина, то Тютчева, то Фета, то Есенина... И вместе с тем у поэзии Рыленкова своя атмосфера и свой облик без тени подражания: в ней задушевность русской народной песни, то предельная ясность, зримость её образов, то скромность игры её намёков.

Я уверена, что поэзия Н. И. Рыленкова должна войти в золотой фонд русской литературы».

Евгений Пермяк (прозаик, драматург, Москва, 14.12.1963):

«Милый Николай Иванович!

Прочёл твой стихотворный пересказ «Слово о полку Игореве» и почувствовал своей обязанностью написать тебе. Это прекрасный и достойный подлинника перевод. Мне, занимавшемуся Словом, когда я писал пьесу, связанную с ним, — «Шумите ратные знамёна», особенно понятны и дороги трудности, которые ты преодолел, назвав перевод пересказом. Перевести Слово на русский с русского нельзя, да и неправомерно.

Я читал множество ПЕРЕ (сказов-водов), но твой меня устраивает почти АБСОЛЮТНО, если не считать, что абсолютного нет нигде, кроме как в самом Слове.

Читая я нигде не почувствовал АРХАИЗМА, как и не почувствовал МОДЕРНИЗАЦИИ, приспособления пересказа к языку, на котором мы говорим. Т.н. «декорум» соблюден в той языковой гибридации, которая позволяет СЛОВУ оставаться словом и быть произведением нашего времени, написанного современно.

...СЛОВО вышло так, как ты его понял, перечувствовал и преломил через свою чистую и целомудренную душу человека, который мог бы (и был задуман) родиться красной-девушкой, а родился парнем...

Одним словом, я поздравляю тебя, будто поздравляю себя, поэтому стараюсь быть умеренным в похвалах. И если бы ты пересказал только одно Слово и у тебя не было бы больше ни одной строки, то и при этом о тебе бы «рокотали струны» читающих тебя и днесь и после.

Поздравляю тебя, дорогой Николай Иванович, с хорошей победой. Пусть она не станет пока столь шумной, но ведь кроме шума есть ещё и время, и нация».

НИКОЛАЙ РЫЛЕНКОВ

ГНЕЗДО ОРЛА

Кто-то осень горькой называет
И над вдовой плачется судьбой,
А она по шёлку вышивает
Нитью золотой.

1924

* * *

Дождь, по кустам пробежавший
и падавший,
Остепенился, ушёл на закат.
Кажется, до колокольчиков, ландышей
Только дотронешься — и зазвенят.

1939

Звон серебристый рассыплется по лесу,
В травы ночные войдёт и в цветы,
И меж деревьев на лунную полосу
Тени протянутся из темноты.

Тише, прислушайся, не показалось ли,
Что возвращается юность твоя?..
Это запели в берёзовой заросли
Песни любовные два соловья.

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Серебряной звездой летит в ладони
детство,
Мерцает и звенит, спеша уверить всех,
Что жить нам — не устать, глядеть —
не наглядеться
На этот первый снег, на этот первый снег.

Распахнут твой платок, у ног лежит
гребёнка,
Синицы за тобой следят из-под застрех.
А ты стоишь тиха, как тайный вздох ребёнка,
Как этот первый снег, как этот первый снег.

Мы встретились опять. К чему ж
твоя тревога?
Немало впереди у нас дорог и вех.
Благодари судьбу у отчего порога
За этот первый снег, за этот первый снег.

1940

ЛЕВИТАН

Мы возмужаем и верней оценим
 Простые краски, точные слова.
 Вот снова светит в золоте осеннем
 Чуть тронутая солнцем синева.

И если ты художник, если зорек
 Твой меткий глаз и обострён твой слух,—

Туманной тропкой выйди на пригорок,
 Прислушайся и оглянись вокруг.

Перед тобой, как странницы босые,
 Воспоминанья летние тая,
 Бредут берёзы в дальние края,
 А ветер тени путает косые.
 Шумят грачи. Так вот она, Россия,
 твоя любовь, бессонница твоя...

1940

СВАДЬБА МАРИНЫ МНИШЕК

Патриарх возложил корону, обряд совершил старинный,
 Все потайные желанья исполнились наконец.
 Панна Марина Мнишек стала царицей Мариной,
 И Кремль перед ней раскрылся, как дорогой ларец.

Палаты царей московских дымком золотым обвиты,
 А колоколен в небе — что в озере лебедей.
 Кланяются Марине знатные московиты:
 «Всходи на ступеньки трона и всею землёй владей».

Горячей рукой сжимает ей руку супруг влюблённый,
 Чья дерзость её из замка родительского влекла.
 Но вслушивается Марина, как над Москвой бессонной
 Перекликаются гулко медные колокола.

Ей звон колокольный в сердце вонзается, как рапира,
 И не разглядит музыка морщин у её бровей.
 Нет, не к добру нарушил веселье брачного пира
 Сумрачный дьяк московский — Осипов Тимофей.

Он был удостоен чести поздравить её царицей,
 Первым из московитов на верность ей присягнуть.
 И вот он вошёл в палату, строгий и темнолицый,
 Передохнул, как будто в дальний собрался путь.

«Внемлите, московские люди, речи моей нехитрой,
 Сидящего на престоле царя разглядите в упор:
 Слушай, пришелец незванный, вовсе ты не Димитрий,
 Ты окаянный Гришка, панский свистун и вор.

Слетелись коршуны злые на политый кровью шлях твой,
 Как лучшие гости, ныне пируют с тобою тут.
 А наши двory худые забраны польской шляхтой,
 И стены кремлёвских башен о мщении вопиют.

Не присягну Маринке, проклятой иезуитке,
 Что с коршуньём летела от воровских границ...
 Пытай меня, если хочешь, – я всё повторю на пытке...» –
 И, чьей-то саблей сражённый, на пол свалился ниц.

Умолк обличитель грозный, но чувствуют все, однако,
 Что не вернуть веселья прерванного всё равно.
 Бледнеет Марина Мнишек. Бойтся мёртвого дьяка,
 В палате гуляет солнце, а на душе темно.

Ей хочется крикнуть мужу: «Музыку останови ты,
 Вели трубачам тревогу по войску играть скорей!
 Идут сюда с топорами суровые московиты,
 Отбиться от них не может стража твоя у дверей».

1939

ДЕНЬ ТВОЕГО РОЖДЕНИЯ

Пепел, выжженные селенья...
 Тени виселиц на снегу...
 Нынче день твоего рожденья, –
 Как поздравить тебя смогу?

Я к тебе не приду с подарком,
 Ты вина мне не поднесёшь.
 Скоро полночь. За старым парком
 Пулемёта смертная дрожь.

Время близится, и по знаку
 (Мне приказ боевой знаком)
 Я бойцов поведу в атаку,
 Путь прокладывая штыком.

Будет бой и долог и жарок,
 Смерть пройдёт по нашим следам.
 Может, самый большой подарок –
 Жизнь мою за тебя отдам.

За поруганные селенья,
 За сожжённые города...
 Знай, что день твоего рожденья
 Не забуду я никогда.

31 декабря 1941

ПИСЬМО

Писать всю ночь письмо. Писать, ещё не зная,
 Сумеешь ли послать. И всё-таки писать.

Для самого себя. Поймёшь ли ты, родная,
 Что я хотел сказать?.. Нет, спутался опять!

Писать всю ночь письмо. Писать, не ожидая,
 Что твой ответ придёт. И всё-таки писать.
 Так вызывать тебя в разлуке мог всегда я,
 И верю, что теперь ты явишься опять.

Незримая, войдёшь в мою палатку мимо
 Всех часовых. Войдёшь, как входит
 запах трав.

Как входит лунный дым.
 Ты мне необходима, –
 И ты пришла ко мне. Так разве я не прав?

Я навсегда тебя запомню – вот такую,
 Усталую, в росе. Постой, не прекословь.
 За тридевять земель, узнав, как я тоскую,
 Спешила ты ко мне. И это есть любовь!

1942

* * *

В суровый час раздумья нас не троньте
 И ни о чём не спрашивайте нас.
 Молчанью научила нас на фронте
 Смерть, что в глаза глядела нам не раз.

Она иное измеренье чувствам
 Нам подсказала на пути крутом.

Вот почему нам кажутся кощунством
 Расспросы близких о пережитом.

Нам было всё отпущено сверх меры —
 Любовь, и гнев, и мужество в бою.
 Теряли мы друзей, родных, но веры
 Не потеряли в Родину свою.

Не вспоминайте ж дней тоски, не раньте
 Случайным словом, вздохом невпопад.
 Вы помните, как молчалив стал Данте,
 Лишь в сновиденьи посетивший ад.

1942

* * *

Золотое облако зноя,
 Запах трав — медовый, хмельной.
 Небо русское расписное
 Распахнулось передо мной.

И пылят пути фронтовые
 В нескудеющем свете дня...
 Солнце жизни моей, Россия,
 Укрепи на подвиг меня!

1943

* * *

Родник из-под камня пробился,
 Струится, ни мал, ни велик.
 И как же я в детстве дивился
 На этот чудесный родник!

К нему приходил я с рассветом
 От дома тропинкой прямой.
 Струя не скудела в нём летом
 И не замерзала зимой.

Прозрачный, спокойно журчащий,
 Всегда напоит он людей...
 И я повторяю всё чаще:
 Вот так бы и песне моей!

1957

НАДПИСЬ НА СТАРИННОЙ КНИГЕ

Сильней мечей и стрел, необоримей стен,
 С высот на дольний мир
 взирающих надменно,
 То слово, где живой огонь запечатлён,
 Чтоб сделать явным всё,
 что было сокровенно.

Я видел на веку немало перемен,
 В круговороте дней страстей кипела пена.
 Я знал земных владык величие и тлен,
 И вот я говорю: не преклоняй колена!

Коль князь и судия рабы сует дневных —
 Не прочна слава их, как свиток из берёсты,
 Вновь взвезят их дела, путей исчислят вёрсты,
 Едва растает дым кадилъниц золотых.
 И спросишь ты себя, почуяв запах тлена:
 «За что и перед кем я преклонял колена?»
 1945-1958

* * *

Милый друг! Мы мужали на стыке эпох,
 Сердцем чувствуя каждый излом,
 Нам не раз приходилось прикусывать вздох,
 Боль завязывать мёртвым узлом.

Что теперь нам сраженья в табачном дыму
 И удары чернильных рапир?
 Мы с тобою видали такое, чему
 Удивился бы даже Шекспир!

1954

* * *

Я душу твою зарифмую,
 Глаза твои, губ твоих медь,
 Я даже и ревность глухую
 Заставлю и плакать, и петь.

Ты станешь тревогой моею
 Стучаться в людские сердца...
 А большего я не имею,
 Чтоб долг оплатить до конца!

1959

* * *

Нет, не внушает мне почтенья тот,
Кто в жизни никогда не ошибался:
Не отставал, не забегал вперёд,
За дело, что не по плечу, не брался.

Пусть, в превосходстве убеждён своём,
Он не хранит воспоминаний смутных.
С таким в дорогу дальнюю вдвоём
Я не пойду. Иной мне нужен спутник:

Кто сердцу верит больше, чем часам,
Кто, помня с детства, как земля упруга,
В пути споткнуться не боится сам,
А друг споткнётся — не оставит друга.

1962

* * *

Блестят под ногами
осколки лазури.
В ночи по морозцу
ушла тишина.
В апрельском лесу,
как на старой гравюре,
Отчётливо
каждая ветка видна.

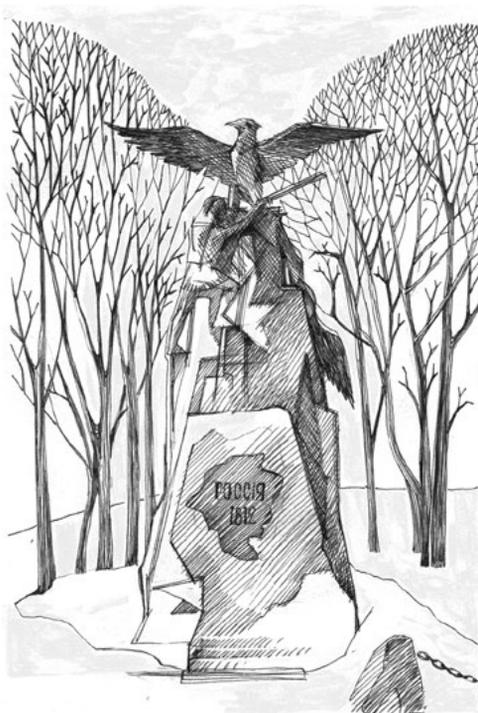
* * *

Как слава непостоянна —
Знали и в оны дни:
Сегодня кричат: «Осанна»,
А завтра кричат: «Распни!»

Но что эта участь злая
Тому, кто душой открыт,
О славе не помышляя,
Дело своё творит!

Творит его неустанно,
Наполнив заботой дни...
Пусть где-то кричат: «Осанна»,
Пусть где-то кричат: «Распни!»

1963

ПАМЯТНИК 1812 ГОДУ В СМОЛЕНСКЕ

Ты видел этот памятник? Скала,
Тяжёлый меч в руке простёртой галла,
А там, за выступом, — гнездо орла,
Что крутизна веков оберегала.

Напрасно ввись к нему стремится галл,
Повиснув над зияющею бездной,
Здесь каждого пришельца настигал
Закон отмщенья — клюв орла железный!

Россия, родина моя — скала,
Взнесённая над сумрачной долиной,
Врагов твоих читая список длинный,
Мы слышим взмах широкого крыла.

И славим сыновей твоих дела,
Их зоркий глаз и острый клюв орлиный!

1938–1940

Семя железное не пожалеет,
И оболочка его проржавеет,
Зашевелятся в груди корешки,
И зазмятся во взгляде верхки.

Нет, не железные сроки пророчу.
Думаю, как плодородную почву
В сердце от семени спрятать на время.
Страшное бремя – железное семя.

БОЖЬЯ КОРОВКА

Приложишь к уху – и неловко
За детской страсти волшебство.
Шуршит пленённая коровка, –
Как все мы, – божье существо.

Настырно: раз-два, раз-два, раз-два...
Запрограммирована цель –
В безбрежность синего пространства
Пошире расцарапать щель.

Какую же, должно быть, муку
Там, в галактической тиши
Несёт Творец, вот так же к уху
Коробку с миром приложив?!

* * *

Пахнет жжёным чаем и дрожжами.
Отгостив у Бога в облаках,
Я лежу с закрытыми глазами
В простынях, как в белых лепестках.

Слышу, как гремит посудой мама,
Как в кладовке возится отец.
Я вчера хотел проснуться рано,
До утра в раю пропас овец.

И когда сгорел последний факел,
Я заснул под розовым кустом.
И пришёл ко мне на смену ангел,
Перенёс неслышно в отчий дом.

Кажется, всё было так недавно!
Господа с утра благодарю,
Что безгрешна мама, православна,
И теперь она живёт в раю.

Масленицу празднуй вместе с нами!
Будем печь блины и пироги.
Первые на стол положим маме.
С детства знаю – нет в раю муки.

* * *

Жизнь – горящая рябина.
Нечего роптать!
Счастье – в малом: у камина
Вечер скоротать.

Болью памяти не рана
Отдалённый мир,
Созерцать живое пламя,
Взмахи дымных крыл.

За окном слепящий ножик
Точит темнота,
На карниз накрошит дождик...
Глушь и немота.

Только изредка поленья
С тишиной вразрез
Издают в пыли горенья
Дружелюбный треск.

Завтра снова путь-дорога.
Колея да топь.
Потрещу в пыли немного –
Лучше треск, чем вопль.

Кружка чая, свечка света
Да раздумий конь.
И открытый томик Фета.
И огонь, огонь...

* * *

Мирозданье – как сеть Интернет.
В нём живая душа виртуальна.
Лишь у Бога в нём адреса нет,
Он один существует реально.

Я в пространство кричу и стучу
Глыбой сердца, как будто по раме.
Я до Бога добратсья хочу.
И увидеть весь мир на экране.

Но боюсь, что экран этот чист,
Как затёртый веками папирус,
Что вселенский компьютер завис,
Распознав человеческий вирус.

* * *

Сам от себя в духовной ссылке.
Как дело жизни довершить?
Копаясь в прошлом, как в копилке
Бесценной памяти души.

Позеленевшие монеты
Счастливых неразменных дней –
Остаток неразумной сметы
Растраченной судьбы моей.

Но даже если нумизмата
Найду среди своих врагов,
Не будет равноценной плата
За медь душевных пятаков.

Грядущий день мечтой не ранит.
Сегодняшний почти не злит.
Так бож в залатанном кармане
Последней мелочью звенит.

ВКУС СНЕГА

Т.П. Озеровой

Шёл мальчишка, шажок – как стежок,
Грыз не брошенный в небо снежок.
Подмигнул я ему: «Сладок снег?!»
Заискрился снежком жаркий смех.

И душа обрела с ним родство –
Охватило меня озорство, –
Отщипнул от сугроба на кус...
И попробовал детство на вкус.

И природа, прозревшая сны,
Встрепенулась в постели зимы.
Озорно так, одним лишь глазочком,
Подмигнула мне с дерева почка.

Вкус листьев... Нам он с детства знаком.
Как и снега, лепимого в ком.
Стынь во рту, а прилипчивы мысли,
Что у снега вкус липовых листьев.

* * *

Жанне

Каштаны падают, как майские жуки.
И солнышко приветливо так нежно.
И нет ещё осенней шелухи –
Листвы, летящей наземь безмятежно.

Но мы с тобой уже осознаём,
Что бабье лето – только утешенье.
Необратим свершившийся излом
Времён неотвратимого движенья.

И всё же мы об этом промолчим,
Переча подсознательно природе.
Ну, что с того, что возраст так горчит,
А жизнь без промедления проходит!

Зачем нам возвращение назад, –
Немая встреча с юными годами?
Так вызревает яблоневый сад,
На землю сыпля зрелыми плодами.

ГРОЗДЬ РЯБИНЫ

*В саду горит костёр рябины красной,
Но никого не может он согреть.
С.А. Есенин*

Студёный ветер дул с равнины.
Насквозь пронизывал лесок.
Упала с ветки гроздь рябины,
Ударилась о мой сапог.

Зачем в такую непогоду
Один побрёл на скрип ветвей,
Пугать зверей и злить природу
Унылой праздностью своей?!

Упала с ветки гроздь рябины
К моим ногам, как знак, как весть.
Да, неминуем час кончины.
Да, в мрак земной предел разверст.

Пусть так! И всё-таки алела
В лесу рябиновая гроздь,
Как будто светозарно пела,
Что каждый в мире только гость.

Костром рябины не согреться?
Я не об этом, друг мой... Вновь
Глаза влажны, и бьётся сердце,
И пьёт рябиновую кровь.

ВАЛЕНКИ

Рулит красавица на «Форде» –
Царевна, мол, имей в виду.
А я при всём честном народе
В подшитых валенках иду.

Мне дела нет ни до царевны,
Ни до лихой молвы людской.
Не потому что рос в деревне,
Я от рожденья городской.

Но так случилось – так бывает –
Без чуда сказочных калош
Куда-то время убывает,
Как рассекренная ложь.

И никуда уже не деться
От грянувшей поверки лет.
Так валенки приводят в детство,
Где их тебе катает дед.

В снега природа разодела.
Мороз, ветра гудят баском.
А ты согрет любовью деда –
Идёшь по звёздам босиком.

ПЕРВОКЛАССНИК

Соседский мальчик... ранец за плечами,
Искрящиеся звёздочки в глазах.
Всё – в будущем, и в радужном начале
Вершится жизнь как будто в небесах.

– А я считать до тысячи умею!
Хотите, расскажу вам алфавит?
И я не похвалить его не смею,
Пока несётся вниз подъездный лифт.

Вход в школу – театральные подмостки.
В руке букет – как сказочный фонтан...
А за углом нарядные подростки
Стоят кружком и курят Furong Wang¹.

А в городе – житейская обычность.
Ложится в папки жизнь
в скрепленях скоб.
И, чтобы разглядеть судьбу и личность,
Понадобится сильный микроскоп.

А в мире... не один пытливый классик
Мир обличил в безверии и зле...
Но он идёт – как ангел, первоклассник –
На праздник с вещей верой о земле.

* * *

Повестям подобным нет названий.
Общее для всех – «Родимый кров».
Траурное шествие возглавил
«Беларус» с прицепом для кормов.

По деревне тихой через речку,
Мимо олесившихся лугов,
В рощу – на обещанную встречу
С Богом и родней из всех веков.

Что примолкли, милые сельчане?
Тарахтит загробно «Беларус».
Груз его сегодня не случаен,
Батюшкой в избе отпетый груз.

И накрыли белую вуалью.
Развязали руки на груди...
Закопали... в землю... тётю Валу...:
Не по тверди – по небу иди.

На могилку – скатерть-самобранку.
Помянули... Смолк из слёз оркестр.
Пожалела мать-земля крестьянку.
Комья глины. Деревянный крест.

* * *

А в Новоспасском снег идёт,
Как будто музыка плывёт
Над возрождённою усадьбой,
И сладко грезится: село,
Не зная горя, веселó
Гремит крестьянской поздней свадьбой.

И вековой церковный крест,
И красота дубрав окрест

¹ Furong Wang – престижные китайские сигареты.

Хранят истоки прежней силы.
И высится дуплистый дуб,
Связавший времена, как пуп
Былинной матушки-России.

Какие были времена!
Всё золотые имена;
Вселенский Пушкин, горний Глинка.
Священный русский долг – беречь
Родную музыку и речь,
Не омрачив Христова лика.

ЗВЕЗДА ПОБЕДЫ

Копал картошку, выкопал звезду –
Обрубок проржавевшего железа,
Как будто ходовую часть протеза
Страны, которой нет уж на возу

Истории...
На памятник к доскам
Звезду прибил земляк-однопольчанин.
Я от земли обтёр её,
лучами
Незримо полоснуло по вискам.

И в сердце загудел набат святой,
Зовущий к братству, равенству, свободе...

О русском духе и больном народе
Напомнил ржавый символ золотой.

* * *

Сушу ржаные сухари.
Не от того, что нет достатка,
Не от излишнего остатка, –
Живу на кровные рубли.

Бывало, вечером отец
Разложит хлеб на батарее,
И нас как будто солнце греет
По вожделению сердец.

Сидим у телика и ждём
Начало матча, сухарями
Хрустим, а думаем о маме,
Любовью озаряя дом.

Дверной звонок – благая весть!
И мама вновь всплеснёт руками:
«Ах, что мне делать с мужиками?!
А кто же ужин будет есть?»

С годами стало мне видней:
Пришлось родительское детство
На мировое лихое действо,
Был райский вкус у сухарей.

Сушу ржаные сухари.
Тревожу дом пространным взглядом.
Отец и мама где-то рядом.
Лишь двери настезь отвори.

ЛЮБИТЕ ЖИВОПИСЬ, ПОЭТЫ

АЛЕКСЕЙ ЕФИМОВ

КИСТЬ, ВОЛНУЮЩАЯ ПАМЯТЬ

*История создания музея Константина Васильева
К 75-летию со дня рождения выдающегося художника*

О Константине Васильеве писать непросто. Получивший признание миллионов зрителей, о чём свидетельствуют очереди на его выставки, где бы они не проводились — в Москве или маленьком провинциальном городке, он, тем не менее, не получил признания в среде коллег-художников. Его искусство вызывает яростные споры. С одной стороны, можно наблюдать безоговорочную любовь зрителя к его творчеству, с другой стороны — полное неприятие. Критики пытаются убедить зрителя, что творчество художника — это китч, зритель же, наоборот, идёт на выставки и открывает для себя что-то новое в его произведениях. Впрочем, это ли не свидетельство того, что художник выполнил свою задачу? Картины его действуют на зрителя, будоражат их чувства.

Читая мнения в книгах отзывов, можно понять суть полемики о феномене Константина Васильева. Его картины возвращают нас к истокам, к былинной Древней Руси, пробуждают надежды на национальное будущее. Он заложил в истории русского искусства собственный художественный метод, который выражается через исторические героические образы. Историческая тема в своё время закончилась на классиках русской живописи — В. Васнецове, М. Нестерове, П. Корине. И затем жанр исторического, патриотического направления будто растворился в дымке веков, художники почти не возвращались к этой тематике в годы соцреализма.

ПРИЖИЗНЕННЫЕ ВЫСТАВКИ

Константин Алексеевич Васильев прожил всего 34 года. Из них на плодотворную творческую работу приходится 14–15 лет, и за эти полтора десятилетия он создал около 400 работ в разных стилях и направлениях. Его картины по тематике и манере исполнения не укладывались в идеологические рамки «социалистического реализма», признаваемые в искусстве. Поэтому в Союз художников его не приняли.

И всё же Васильев выставлял свои работы. В 1963 году в Москве, в выставочном зале Манежа экспонировалась «Сатирическая графика художников Татарии». Экспозиция была приурочена к 40-летию журнала «Чаян». Среди сатирических рисунков таких мастеров как Э. Гельмс, В. Игнатъев, Э. Дышаев были три карикатуры молодого Константина Васильева. Важное место в творческой судьбе художника занимала выставка «Большая Волга», прошедшая в Казани к 50-летию образования СССР. На ней были представлены свыше ста работ молодых художников. Экспонировались живопись, графика,

рисунком, чеканка по металлу и скульптура. «Большую Волгу» посетили многие казанцы, в том числе недавние выпускники КГУ, члены клуба «У бегемота», организованного Казанским институтом математики и механики имени Чеботарёва. Неожиданно у молодых математиков родилась идея пригласить художника Васильева в гости. Много лет спустя, в 2002 году, в журнале «Казань» были опубликованы воспоминания Наджи Нурмеевой, одной из тех молодых любителей живописи Васильева, где она рассказала о той непродолжительной по времени, но знаковой для художника выставке. Проходила она с 14 по 18 января 1974 года в конференц-зале Вычислительного Центра КГУ ВЦ. За несколько дней до её открытия Константин Васильев вместе с комсомольцами института разместил 55 работ на стенах, на столах и стульях, а самые крупные просто стояли на полу.

Энтузиасты клуба «У бегемота», по согласованию с руководством казанских вузов, развесили в институтах небольшие машинописные объявления, чтобы как можно больше людей в городе узнали про молодого художника. И это сработало — на выставку пошёл народ. Отзывами, чаще всего восхищёнными, были заполнены несколько книг. Мнения о картинах, конечно, были самыми разными, что и проявилось на заседании клуба, прошедшем после закрытия выставки. Как вспоминает Н. Нурмеева, участники клуба ждали выступления директора института Б. Л. Лаптева, его мнение всегда было интересным: «... запомнился отзыв о картине, на которой был изображён маршал Жуков. Борис Лукич сказал о том, что выражение лица, поза Жукова выглядят несколько надменными. Ещё помню высокий отзыв Бориса Лукича о графических портретах композиторов. Мне кажется, Лаптев высоко оценил творчество К. А. Васильева, его часто можно было видеть в обеденный перерыв или после работы в зале с картинами художника».

Выступая на заседании клуба, художник очень удивил собравшихся своими ораторскими способностями. Это был первый выход в свет Константина Васильева. Положительная рецензия о выставке на ВЦ была опубликована в университетской газете «Ленинец» под заголовком «Разговор о живописи». Её автор Д. Радьяр отметил разнообразие стилей и жанров в картинах К. А. Васильева. В те же январские дни 1974 года

на выставку откликнулась и газета «Комсомолец Татарии». В публикации «Оппонирует профессор» за подписями С. Краснова, Л. Гордеевой и других особое внимание уделяется дискуссии, разгоревшейся после выступления К. Васильева. «Интересными и содержательными были выступления „оппонентов“ — Б.Л. Лаптева, члена Союза композиторов ТАССР Л. Блинова, врача-хирурга А. Барыкина, инженера Г. Пронина».

Там же, на ВЦ КГУ, оператором Казанской студии кинохроники В. Севастьяновым был снят первый двадцатиминутный прижизненный фильм о Константине Васильеве. Кадры из этого фильма легли потом в основу всех последующих фильмов о художнике. А картины с выставки на ВЦ не поехали домой, в Васильево, как предполагалось, а были перевезены в клуб льнокомбината в Кировский район.

После ВЦ у художника сложились творческие отношения с журналистом отдела культуры «Зеленодольской правды» С. Варфоломеевым, и 7 марта 1974 года в газете под рубрикой «Хроника культурной жизни» вышла статья «Яркое дарование». Её автор обращает внимание читателя на творческий диапазон художника: «Ему одинаково хорошо удаются пейзажи и графика, народно-былинный жанр и портрет, возвышенно-трагическая тема Великой Отечественной войны». Следует заметить, что в той статье, как и на выставке, некоторые из картин Васильева носят совсем другие названия, чем сейчас, узнать их можно только по отдельным деталям. Так знаменитое полотно «Северный орёл» названо «Лесной легендой», работа «У колодца» — «Деревней». Это говорит о том, что не было систематизации картин, не было каталога. Да и сам художник, по свидетельству очевидцев, не любил давать названия картинам.

Обе персональные выставки принесли успех художнику, но обе были, скорее, любительские... Союз художников ТАССР не принимал в их организации никакого участия. Значит, официальное признание творчества Константина Васильева не состоялось.

Последняя прижизненная выставка художника открылась двадцать шестого октября 1976 года в Зеленодольске. Её организатором был городской клуб художников. По воспоминаниям друзей Васильева, на выставке были представлены всего две работы — «Ожидание» и «У колодца». Однако в статье С. Н. Варфоломеева «Он успел сказать главное», опубликованной в газете «Машиностроитель» в 1987 году, называются три работы «У ворот», «Портрет сестры Людмилы», «Портрет Лены Асеевой». Кто прав в этом случае, к сожалению, теперь уточнить невозможно — документов о той выставке не сохранилось. А сразу после неё Васильев погиб... С. Н. Варфоломеев долгие годы подерживал отношения с матерью художника, а в своей статье приводит её слова, которые она говорила желающим купить работы сына: «Мой сын творил для народа, и я буду счастлива, если его работы будут принадлежать всем, а не отдельным личностям».

ПОСМЕРТНЫЕ ВЫСТАВКИ

С момента открытия первой выставки в Казани до начала работы музеев в 1996–1998 годах состоялось более семидесяти выставок работ К. А. Васильева не только в России, но и в Болгарии, Испании, Югославии. Подробный список выставок есть в художественных альбомах К. А. Васильева, изданных А. И. Дорониным, директором Московского музея славянского творчества имени К. А. Васильева.

Выставка в Казани в здании Молодёжного центра в 1977 году прошла шумно, с большим успехом. Появились газетные отклики, в том числе, в центральной газете «Социалистическая индустрия». Там была опубликована статья А. Валентинова «Взлёт таланта». Случайно попавший на выставку журналист был покорён работами Константина Васильева и дал им очень высокую оценку. Последовавшая за статьёй небольшая

выставка картин художника в редакции «Социндустрии» обратила на себя внимание москвичей и, в первую очередь, полковника Ю. М. Гусева. Будучи председателем военной секции московского отделения Всесоюзного общества охраны памятников истории и культуры, он задумал провести выставку работ К. А. Васильева в Москве.

Гусев быстро организовал доставку картин художника из посёлка Васильево в столицу. Открыть выставку в Москве в те годы было делом непростым. Идеологический аппарат столицы строго контролировал подобные мероприятия. При поддержке ВООПИК искусствовед Н. Дмитриева предложила провести выставку неизвестного в то время художника в Знаменском соборе на Варварке, который тогда служил выставочным помещением. Выставка имела оглушительный успех. Ю. М. Гусев предусмотрел всё, даже пригласил представителей Союза художников Татарии, академика Б. А. Рыбакова из Москвы, который оставил следующий отзыв о выставке: «Многие художники воскрешали полусказочный, полуисторический мир былин. Художнику К. Васильеву удалось увидеть этот богатый мир по-своему, избежать стандарта, дать новую трактовку этой вечной патриотической теме».

«Столица заговорила о Константине Васильеве. Но признание было только на родном. Искусствоведы и официальные власти молчали», — пишет об этом сестра художника Валентина Алексеевна.

А выставки в Москве продолжались. Этому способствовал Анатолий Иванович Доронин — человек, хорошо известный в музейных кругах Москвы, а ещё больше среди почитателей Васильева. Вспоминая знаменитую выставку на Малой Грузинской улице в декабре холодного 1980 года, он писал: «Чтобы увидеть полотна К. А. Васильева, зрители стояли по три–четыре часа в очереди, а вдоль вереницы людей тянулись костры. И на всех выставках неизменный успех картин, восхищение зрителей и одна просьба — сохранить картины и открыть музей К. Васильева». Благодаря кипучей энергии Доронина, было поднято из руин здание, где сейчас находится музей Славянской культуры, — именно там почти полтора десятка лет висели картины Константина Васильева.

К сожалению, в последние годы отношения между московским и казанским музеями стали достаточно прохладными, но тогда контакты были тесными и творческими. Казанские друзья художника принимали активное участие в составлении текстов экскурсий, предоставляли для экспонирования принадлежавшие им картины, консультировали московских коллег.

В начале 90-х география выставочной деятельности расширилась. Устроители выставок вывозят картины художника в Вятку и Нижний Новгород, Петербург и Киев, Одессу и Ригу. Познакомились с творчеством художника и полюбили его жители Урала и Сибири.

ФЕНОМЕН ВАСИЛЬЕВА

В чём причина популярности Константина Васильева? Прежде всего, в таланте живописца, который всегда отмечали как его поклонники, так и противники. О таланте художника написано много литературы. Наша задача не повторяться, а выяснить, почему с уходом художника из жизни его творчество подняли на такую высоту: работают музеи, цены на его работы выросли в десятки раз.

Его становление как художника начинается с учёбы — прекрасно сдав экзамены в одиннадцать лет, он поступил в Московскую художественную школу-интернат при институте имени В. Сурикова Академии художеств СССР. С 1954 по 1957 годы Костя жил и учился в Москве. А вернувшись в Казань, поступил сразу на второй курс Казанского художественного училища, окончил театрально-декорационное отделение.

Рисунок, колорит, композиция — три основы русской реалистической школы живописи — стали главными в его методе.

Самый активный период в творческой биографии художника составляет всего четырнадцать лет — с 1961 по 1976 годы он создал более трёхсот работ в разных стилях и направлениях. Константин Васильев уже в начале пути много работал в абстрактном экспрессионизме и сюрреализме («Абстрактная композиция № 12», «Струна», «Колизей»), чего официальное искусство не признавало. С середины 60-х годов художник обращается к реалистической форме живописи. Прекрасные волжские виды вдохновили его на такие шедевры, как «Лебеди», «Сумерки», «Часовня». Иногда на интересную для себя тему художник делал несколько вариантов («Ожидание»).

Картины К. А. Васильева часто построены по принципу театральной декорации — кулисы, сцена, задник. В образах народных былин художник подчёркивает неразрывность вековых традиций, гармонию человека и окружающего мира. Любовь к героическому прошлому русского народа породили целый цикл, посвящённый Великой Отечественной войне.

Одним из факторов, способствовавших популярности художника, стала активная поддержка и продвижение «васильевской» идеи друзьями художника. Г. В. Пронин, О. Е. Шорников, А. Г. Кузнецов, Ю. Т. Михалкин сразу после гибели Константина Васильева поклялись позаботиться о судьбе его картин и в будущем открыть музей. «Во время поминального ужина как-то сама собой возникла идея устроить большую выставку К. А. Васильева сначала в Зеленодольске, потом в Казани. Тут же образовалось что-то вроде оргкомитета», — вспоминал О. Е. Шорников.

Главной и единственной хранильницей картин на тот момент оставалась мать художника Клавдия Парменовна. Следует особо подчеркнуть роль этой женщины в судьбе творческого наследия сына. Несмотря на тяжёлые условия жизни, материальные затруднения, она понимала, что её задача — сохранить картины. В деревенском доме, где жила семья, сделать это было трудно, а так как К. А. Васильев не состоял в Союзе художников, его картины на хранение никуда не принимали. Эту проблему подняли и в периодической печати. В газете «Советская Россия» в ноябре 1987 года Н. Колесникова публикует статью «Судьба полотен К. Васильева». Журналист, в частности, писала: «Управление учреждений изобразительных искусств Министерства культуры РСФСР сообщило, что творческим наследием К. Васильева занимается Министерство культуры Татарской АССР. Отделом культуры Зеленодольского горисполкома вместе с матерью художника К. П. Васильевой составлена опись всех имеющихся картин, графических листов, эскизов художника. Министерство культуры РСФСР рекомендовало закупочной комиссии автономной республики рассмотреть вопрос о приобретении их». Такой ответ обрадовал бы, если бы факты, сообщённые в нём, подтверждались жизнью. Зеленодольский горисполком так и не взялся за порученное дело. Совет Министров ТАССР в отклике центральной газете сообщил, что в 1977 году после первой посмертной выставки были приобретены для Музея изобразительных искусств работы «Парад 41-го», «Над Свягой», пять графических портретов музыкантов. Как пишет Н. Колесникова, в то время как в Москве растёт популярность творчества Васильева благодаря большому количеству выставок, в Казани закупленные работы лежат мёртвым грузом в хранилищах.

Не сдвинуло проблему с места и активное участие знаменитого кинорежиссёра, дважды лауреата Госпремии СССР Л. М. Кристи. В том же 1978 году он снял фильм о судьбе художника «Васильев из Васильева». Озвучил фильм знаменитый актёр Василий Лановой. Это один из лучших фильмов о Константине Васильеве, он с успехом прошёл по экранам страны. На втором показе фильма (первый прошёл в посёлке

Васильеву) для членов Татарского обкома КПСС Л. М. Кристи пытался убедить собравшихся в необходимости официального признания творчества К. А. Васильева. После этого разговора Клавдию Парменовну и Валентину Алексеевну пригласили в обком на беседу с заведующим отделом культуры. Вспоминает В. А. Васильева: «Разговор получился трудным, Валеев предложил оформить Костины работы на государственное хранение в запасники музея, обещал, что им создадут хорошие условия, потому что в деревянном доме они могут пропасть безвозвратно. А вдруг через века Васильева признают знаменитостью? Вот тогда-то и достанут картины из запасников. Мы с мамой выдвинули единственное условие — чтобы помогли организовать выставку Костиных работ в Москве по линии Союза художников Татарии. На что Валеев ответил, что такой выставки никогда не будет».

Выставки в Москве продолжались. В. А. Васильева и Г. В. Пронин привозили на них из посёлка Васильево всё новые картины, но самые крупные полотна по-прежнему оставались у матери художника. Вскоре в Союзе художников Татарии собралась комиссия по оценке картин. Полотна, бывшие у Клавдии Парменовны, вывезли в Казань, оценили за копейки и назад не вернули. Лишь через год, после долгих хлопот, семья получила картины обратно.

ОТКРЫТИЕ СТАЦИОНАРНЫХ МУЗЕЕВ

В Казани после 1974 года вплоть до 90-х годов не удалось провести ни одной выставки. Сказать, что Казань забыла художника, конечно, мы не можем. Именно его казанские друзья — самые активные организаторы его выставок в столице и Подмосковье. Жители Казани вместе с зеленодольцами продолжали морально и материально поддерживать Клавдию Парменовну, мать художника. Итогом выставочной деятельности, благодаря усилиям родственников, друзей и поклонников творчества Васильева, стало создание трёх стационарных музеев — в Москве, Казани и в посёлке Васильево. Важно отметить, что все три музея открылись почти одновременно.

В конце 80-х появились кооперативы. Даже в таких идеологических органах, как горком ВЛКСМ, был создан хозрасчётный центр. Одним из его сотрудников стал Михаил Германович Мелентьев — музыкант, организатор художественных выставок и бардовских концертов. Этого дружелюбного, обаятельного человека знали не только в Казани, но и в Москве. Именно он предотвратил снос дома семьи Васильевых в посёлке Васильево. Всё началось со статьи журналистки Венеры Якуповой, родившейся и выросшей в посёлке Васильево, — в газете «Комсомолец Татарии» она написала, что дом, где жил К. А. Васильев, собираются снести.

Картина была ужасающей. Барак, где проживала семья художника, стоял без крыши, окон, дверей... Мелентьев бросился в поссовет. Председатель Власов встретил его доброжелательно. В ходе разговора Михаил Германович обещал создать Благотворительный фонд К. А. Васильева, привезти выставку его картин из Москвы, средства от которой будут направлены на спасение дома художника.

И буквально за два дня с помощью председателя Волжско-Камского банка Р. Сулейманова открыли благотворительный счёт и утвердили положение о Фонде. На расширенном заседании поссовета приняли единодушное решение о передаче Фонду дома и земельного участка для создания музея — квартиры К. А. Васильева. Сестра художника Валентина Алексеевна активно поддержала идею сохранения и реставрации дома и согласилась передать московские работы для выставки в Казани.

Михаил Мелентьев тогда же познакомился с друзьями художника: Геннадием Прониным, Олегом Шорниковым, Анатолием Кузнецовым, Лоренсом Блиновым,

Вилем Мустафиным, Булатом Галеевым и Игорем Цветковым. Их пригласили в горком ВЛКСМ. На той встрече в 1989 году было решено создать музей-квартиру в посёлке Васильево и картинную галерею в Казани. Безусловно, потребовалась напряжённая работа, чтоб эта цель осуществилась. В молодёжной среде шли горячие дискуссии по поводу творчества Константина Васильева. Включившись в эту дискуссию, Татарский обком ВЛКСМ принял решение о присвоении К. А. Васильеву звания лауреата премии имени Мусы Джалиля (посмертно). Это стало неожиданностью для художественной среды города, ведь Васильев не был членом Союза художников!

В прессе разразилась полемика. седьмого января 1989 года, на Рождество, в газете «Вечерняя Казань» появилась статья группы казанских искусствоведов «Константин Васильев: миф и реальность». Называя картины художника «китчем», авторы обвинили его в приверженности к искусству «стальной романтики», героического монументального направления в живописи Третьего рейха: «Не с этих ли полотен перекочевал на картины К. А. Васильева „белокурый бестия“, сменивший мундир солдата вермахта и доспехи Нибелунгов на кольчугу славянского богатыря и овчинный тулуп?» Понимая, какое негодование может вызвать статья у почитателей творчества Васильева, авторы приглашали к полемике, видя свою задачу в борьбе с пошлостью и фальшью. За две недели редакция получила около ста писем – откликов, авторы которых, в подавляющем большинстве, спорили с позицией искусствоведов, возмущались их выводами.

С резкой, аргументированной публикацией выступил известный писатель Диас Валеев, который входил в комитет, присуждавший республиканскую (молодёжную, в отличие от Тукаевской) премию имени М. Джалиля. В своей статье писатель заявил: «Возможно, в рамках плюрализма мнений человек ныне имеет право и на публичные политические доносы. Но это не значит, что мы к ним должны относиться серьёзно». Диас Валеев напомнил оппонентам, что ещё с первой посмертной выставки работ К. А. Васильева было ясно, что это работы талантливого художника и их нужно разместить в музеях республики.

Итог газетной полемики получился совершенно обратным, нежели ожидали искусствоведы: казанцы поддержали идею создания музея непризнанного художника-земляка. Осенью 1990 года в выставочном зале Союза художников ТАССР открылась знаменитая, объездившая потом страну, «московская» выставка картин К. А. Васильева. Её посетили сто тысяч зрителей – в результате были собраны необходимые средства для восстановления дома в посёлке Васильево. Но самое главное, организаторы выставки и друзья художника поняли – многие работы К. А. Васильева ещё неизвестны широкому зрителю. Так родилась идея выставки «Неизвестный Васильев».

Для её осуществления шестого мая 1991 года было создано малое предприятие «Вернисаж». Учредители – благотворительный фонд К. А. Васильева, городское Управление культуры, друзья художника Г. В. Пронин и О. Е. Шорников. Они разработали Устав МП, где главной целью ставили пропаганду искусства и содействия гуманитарному развитию человека. Среди основных видов деятельности – сохранение и пропаганда творческого наследия К. А. Васильева, создание музея художника и выставочного зала для его картин, восстановление в посёлке Васильево дома-музея и создание на его основе мемориального центра и летних художественных мастерских.

Возглавил предприятие Н. И. Антропов. Позже он рассказал нам интересные подробности и предоставил из личного архива документы, на основе которых решалась судьба будущей Картинной галереи Константина Васильева. По его словам, не все представители казанской власти поддерживали идею создания музея. Даже мэр считал, что в первую очередь городу нужен музей Баки Урманче. Трудно было с этим не согласиться, но также трудно было понять, почему одно достойное имя должно заслонять другое, если оба заслуживают внимания.

Всё же на первом этапе городские власти приняли решения, которые быстро воплотились в жизнь. Уже в октябре 1991 года городской Совет народных депутатов при активной поддержке мэра Казани Камиля Исакова и депутата горсовета, председателя планово-бюджетной комиссии Татьяны Антроповой принимает решение создать картинную галерею художника. Под галерею выделили помещение на улице Большая Красная, 28. Правда, на тот момент дом был занят частными фирмами, которые никак не хотели освобождать помещение.

Выставка «Неизвестный Васильев» открылась семнадцатого сентября 1992 года в выставочном зале союза художников Татарстана и была приурочена к 50-летию со дня рождения художника. Уже само название приковывало внимание казанцев. Михаил Мелентьев так рассказывал об идее выставки: «Когда я познакомился с друзьями художника — О. Шорниковым, Г. Калининым, Г. Прониным, Б. Галеевым и увидел, каким богатством они обладают, то сердце возрадовалось. Вот оно — это богатство у нас в городе, и мы обязательно сохраним его!» Кроме того, некоторые работы привезли из Ульяновска, Коломны, Москвы, посёлка Васильево. Всего на выставке по разным источникам было представлено от 80 до 100 работ. Многие из них даже не были оформлены. Так графика представляла собой просто листы ватмана. Организаторам пришлось заняться оформлением этих работ по мировым стандартам.

Выставка в Казани продлилась до тридцатого сентября и имела большой успех. Следующие три месяца картины экспонировались в Набережных Челнах. Генеральный директор «КамАЗа» Николай Бех, большой поклонник творчества К. А. Васильева, ещё до выставки помогал «Вернисажу» с оформлением картин, подарил для перевозки работ машину «КамАЗ». И «Неизвестный Васильев» продолжал путешествовать по городам Поволжья. Выставка побывала в Йошкар-Оле, Чебоксарах, Саранске, Нижнем Новгороде. В апреле и мае 1993 года она экспонировалась в Коломне, где тогда жила сестра художника.

Постепенно решалась судьба дома-музея в посёлке Васильево. Местный лескомбинат оказал большую помощь по восстановлению дома. Оставалось воссоздать квартиру Васильевых и разместить в ней экспозицию. Десятого января 1996 года при действенной помощи поссовета была открыта квартира-музей в доме, где жил Константин Васильев.

Но по-прежнему оставалась нерешённой проблема с помещением для казанского музея. Активное участие в поисках помещения под галерею принимал заместитель директора МП «Вернисаж» Г. В. Пронин. Вспоминая те годы, Геннадий Васильевич рассказывает: «Это было очень сложное время для страны и для нас, казанцев: закрывались предприятия, пустовали детские сады, для населения ввели продовольственные талоны. Я работал начальником отдела НПО „Волга“ — и тоже оказался безработным. Сама судьба подталкивала меня вплотную заняться проблемами галереи».

Однажды учредителей «Вернисажа» пригласил Президент Татарстана М. Ш. Шаймиев и предложил им походить по своей резиденции, посмотреть, где можно было бы повесить картины Васильева. Коридоры в бывшем губернаторском дворце узкие, извилистые. Друзья вернулись и доложили: «Извините, Минтимер Шарипович, к вашему зданию наши картины не подходят, нам нужен большой зал, светлый, просторный, чтобы можно было отойти и смотреть на работы. И вообще тематика сюда не подходит — будут какие-то непонятные лики в вашем дворце».

Много сделал для создания музея начальник Управления культуры администрации Казани Р. Г. Тухватуллин, однако все три предложенные им варианта

размещения музея не прошли утверждения, пока к делу не подключился Комитет по управлению коммунальным имуществом в лице его председателя В. И. Андреева — давнего поклонника творчества художника. Именно он нашёл вариант, который поддержал глава администрации Советского района А. А. Камалеев, а затем и мэр города К. Ш. Исхаков. Андреев предложил «Вернисажу» помещение комбината бытового обслуживания на улице Гвардейской, 61. Здание было новым, но без внутренней отделки. Геннадий Васильевич рассказывает: «В те времена было много пустующих зданий. Здесь должен был быть дом бытовых услуг, внизу планировалось разместить мастерские, а на месте будущего выставочного зала должен был быть зал показа мод. Тогда разорялись уже существующие дома быта, и открывать новые было не для кого — тяжёлые были времена, многие люди сидели без зарплаты. Так здание отдали нам. Пришлось делать перестройку, ремонт, но всем занимались городские власти. Нам бесплатно предоставили здание и обеспечили оплату коммунальных услуг, а мы бесплатно выставили принадлежащие нам картины».

ОТКРЫТИЕ КАРТИННОЙ ГАЛЕРЕИ

С февраля 1996 года Г. В. Пронин назначен исполняющим обязанности директора картинной галереи К. А. Васильева, его заместителем стал О. Е. Шорников. Предполагалось открыть её в день рождения художника — третьего сентября, но затянувшийся ремонт нарушил планы. Картинная галерея К. А. Васильева открылась двадцать девятого октября 1996 года — в день памяти художника. Были приглашены Президент РТ М. Ш. Шаймиев, председатель горисполкома К. Ш. Исхаков, представители Союза художников, друзья и поклонники его творчества. Как всегда, отличился М. Г. Мелентьев. К 20-летней годовщине со дня гибели К. А. Васильева, по договорённости с его сестрой Валентиной Алексевной, он привёз в Казань московскую выставку художника для экспонирования в Выставочном зале Союза художников РТ. И до её открытия, на две недели, передал картины в галерею. Это был полный триумф — казанские и московские работы составили полномасштабную экспозицию.

За первые десять лет работы галереи К. Васильева большую поддержку оказывали «Русское общество» под руководством А. Салагаева и «Славянское общество» под руководством М. Мелентьева. Они проводили «Рождественские вечера», «Красную Горку». Заметную роль в организации рождественских концертов играла Н. П. Кузьмина, преподаватель Академии культуры и руководитель народного коллектива «Колыда». Русские наигрыши, песни и пляски профессиональных артистов удивительно сочетались с былинными работами Васильева.

Важное место в жизни художника играла классическая музыка. Поэтому в картинной галерее стали устраивать концерты. Первым их организатором стал В. И. Яковлев, профессор, заведующий кафедрой народных инструментов Казанской консерватории. Но чтобы музыка звучала, нужен инструмент... и Валерий Иванович передал в галерею собственный рояль! Перед началом концерта он делал небольшое вступление, проводил параллели между музыкой и портретом композитора на стене галереи. Исполнителями музыки Скрябина, Мусоргского, Чайковского были студенты и выпускники консерватории. Будучи собирателем старинных инструментов Поволжья, В. И. Яковлев устроил небольшую выставку из марийских и чувашских гуслей, волюнок, барабанов. Инструменты разместили на парапетах под картинами, и они прекрасно гармонировали с тематикой картин художника. Иногда посетители просили сыграть на народных инструментах, настолько они вписывались в интерьер галереи.

Особую страницу в культурно-просветительскую жизнь галереи вписала литературно-музыкальная композиция «И свет во тьме светит», поставленная членами клуба любителей живописи К. А. Васильева в посёлке Дербышки. Авторами программы стали музыкант М. Апакова и поэт В. Зорин, а исполнили её поэтесса В. Зикеева, бард Н. Козаева и научный сотрудник галереи О. Е. Шорников. При свечах читали стихи, под звуки фортепиано и романсов под гитару на экране при помощи слайд-проектора демонстрировались картины К. А. Васильева. Та слайд-программа Олега Шорникова долгие годы стояла в планах галереи, и по сей день она производит сильное впечатление.

Особое место в жизни галереи занимала клубная деятельность. Философский клуб стал продолжением «Казанского философского общества», которое известно с 1992 года. В течение пятнадцати лет клуб возглавлял С. Ю. Шер. С докладами и сообщениями в клубе выступали В. И. Курашов, Э. А. Тайсина, Н. М. Солодухо, И. А. Цветков, Б. И. Нордон, В. Н. Скворцов. Они презентовали свои научные публикации, знакомили с новыми работами в области философии, истории. Некоторые из них участвовали в научно-исследовательской деятельности галереи.

Литературную студию «Галерея» возглавил поэт и друг художника Виль Салахович Мустафин. Он работал с начинающими поэтами, проводил в галерее творческие вечера. За двадцать лет работы картинной галереи К. А. Васильева её сотрудники разрабатывали и издали буклеты, сборники статей, книги, посвящённые жизни и творчеству художника.

ОТКРЫТИЕ МУЗЕЯ НА УЛ. БАУМАНА

26 июня 2013 года перед открытием Универсиады в Казани картинная галерея с улицы Гвардейской переехала в центр города — на улицу Баумана, 29/11. Это счастливое событие случилось благодаря активной поддержке казанцев и мэра И. Р. Метшина. Под галерею был отреставрирован особняк XIX века, принадлежавший когда-то пивовару О. П. Петцольду. Перед открытием музея сестра художника В. А. Васильева привезла из Москвы свою коллекцию картин и передала их на временное пользование в музей. В настоящее время экспозиция насчитывает 160 подлинных работ художника. Два малых зала на втором этаже занимает графика, сюрреалистические и абстрактные работы. В витринах представлены детские рисунки, фотографии с утраченных работ, семейные фотографии.

Главный зал музея интересен своим интерьером: восьмиметровые потолки не только усиливают ощущение пространства, но и позволяют развесить картины в два ряда, «военный цикл» К. А. Васильева выставить отдельно на галерее второго этажа.

Четвёртый зал представлен работами на скандинавскую тематику: «Вотан», «Гибель викинга», графикой на тему опер Р. Вагнера. На противоположной стене расположены «Свентовит», «Плач Ярославны», «Море», «Человек с филином» — последняя работа художника.

Знаменитые пейзажи К. А. Васильева — «Лесная готика», «Осень» и другие — размещены на галерее второго этажа. Рядом с ними расположена мемориальная часть, где представлены личные вещи художника, фото его прижизненной выставки, личный этюдник, письма и открытки к друзьям. И отдельный зал второго этажа отдан под выставки других художников: друзей К. А. Васильева, последователей его творчества. Только в 2013 году, сразу после открытия музея здесь прошли несколько выставок. А в январе 2015 года в музее проходила выставка, организованная Международным центром Рерихов из Москвы.

КУЛЬТУРНО ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

С увеличением экспозиции в новом помещении расширилась и концепция музейной деятельности. Ежегодная премия имени К. Васильева, учреждённая мэром Казани И. Р. Метшиным, вручается лучшим учителям детских художественных школ в день рождения художника — третьего сентября. Выпущен второй сборник статей о творчестве К. А. Васильева. С большим успехом прошла презентация книги О. Е. Шорникова «Константин Великоросс».

Традиционными стали в музее «Мустафинские чтения», посвящённые творчеству казанского поэта В. С. Мустафина. Их проводит Казанская городская организация Татарстанского отделения Союза российских писателей. Возобновлены при музее занятия литобъединения, проводятся поэтические вечера, презентации новых книг.

Если на улице Гвардейской за год через музей проходили две тысячи человек, то в новом здании музея только в первый год прошло двенадцать тысяч! Но мы анализируем не только количественные показатели, для нас важен состав посетителей, что приходят к нам в музей, и, если более точно, мы отслеживаем географическую составляющую экскурсионного потока — откуда едут к Васильеву люди.

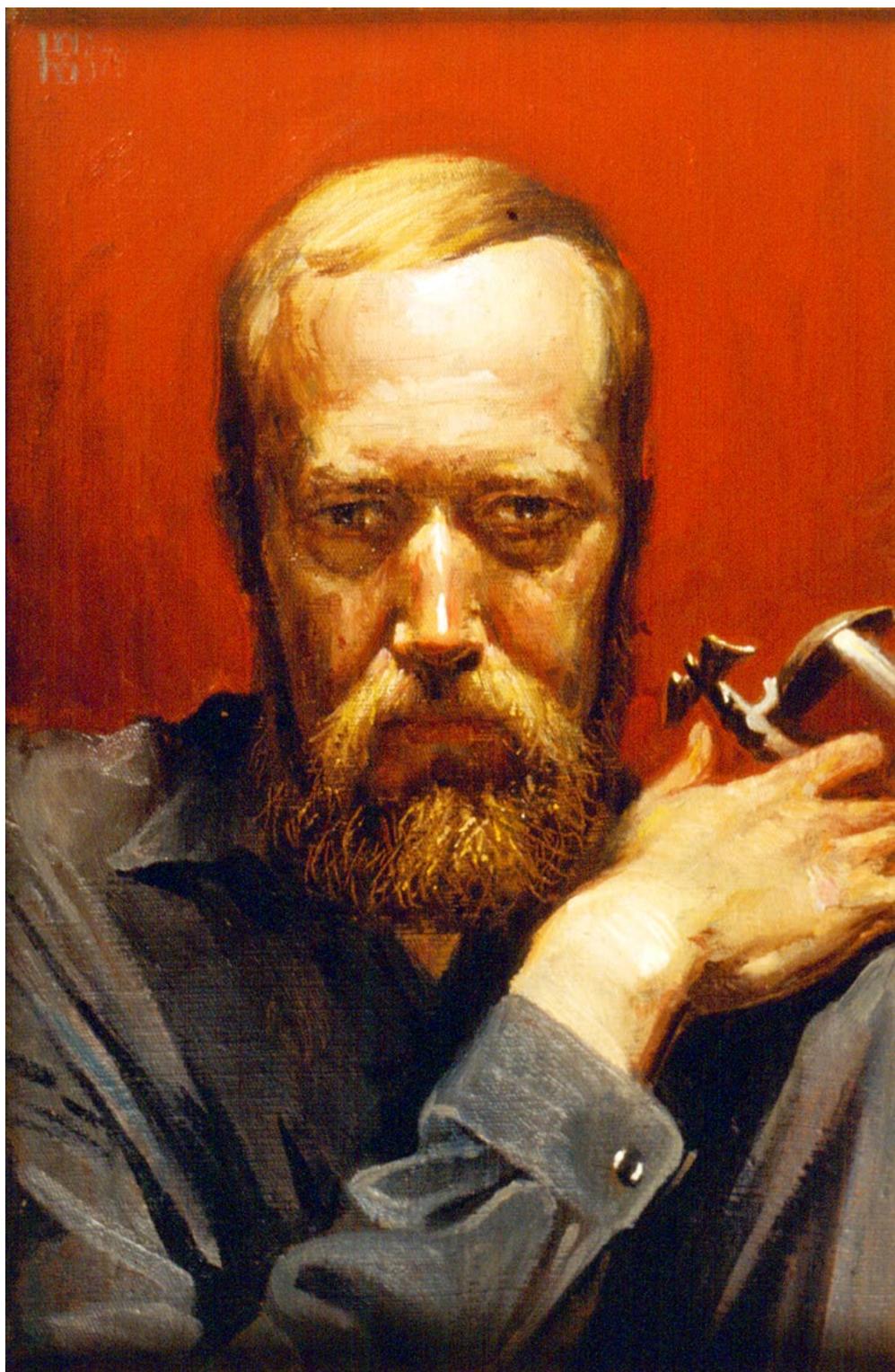
И здесь первое место занимают туристы из Москвы и Подмосковья. Конечно, это результат колоссальной работы музеев художника в Коломне и Москве. Благодаря вернисажам, прошедшим в столице за сорок лет, творчество К. А. Васильева особо востребовано москвичами. И многие из них совершенно искренне считают Константина Алексеевича... своим земляком! Это автор знает из собственного опыта экскурсовода. Например, первый вопрос туристов звучит так: почему наш Васильев оказался в вашей Казани? Одним из самых серьёзных аргументов в данном случае выступает раннее творчество художника. Ведь москвичи практически не знают раннего Васильева, для многих знакомство с ним становится открытием. Пройдя через все музейные залы, они вновь возвращаются к истокам творчества художника и, наконец, соглашаются, что Васильев из Васильева... наш!

Особо хочется сказать о казанцах и жителях республики. Большинство из них всегда любили творчество Константина Васильева и в трудную минуту вставали на его защиту. Есть и другие, которые не принимают Васильева, но это лишь доказательство того, что живопись художника до сих пор будоражит зрителя. И, конечно, благодаря В. А. Васильевой, сестре художника, которая дважды пополняла нашу экспозицию, сейчас мы представляем во время экскурсии 160 работ Константина Васильева.

Не каждый признанный в нашей стране художник имеет персональный музей. В большинстве случаев картины прославленных живописцев представлены отдельными залами в экспозициях таких известных музеев, как Третьяковка, музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина, Эрмитаж и других. Наследие Константина Васильева сегодня представлено в трёх музеях — Московском музее славянской культуры, Казанском музее К. А. Васильева и мемориальном доме-музее в посёлке Васильево. Нечасто в истории России духовными лидерами являлись не философы и писатели, а живописцы. Нечасто кисть художника так волновала русского человека. Магнетизм полотен Константина Васильева пробуждает в зрителях генетическую память, перенося воображение современников в легендарную эпоху величия и духовной мощи нашего народа.

К 75-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ КОНСТАНТИНА ВАСИЛЬЕВА

Автопортрет. Холст, масло, 1976 г.

ЛЮБИТЕ ЖИВОПИСЬ, ПОЭТЫ

Портрет маршала Жукова

К 75-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ КОНСТАНТИНА ВАСИЛЬЕВА

Парад 41 г.

Над Волгой (Свияжск)

ЛЮБИТЕ ЖИВОПИСЬ, ПОЭТЫ

Ожидание

Северный орёл

У колодца

ЛЮБИТЕ ЖИВОПИСЬ, ПОЭТЫ

Часовня

Гибель викинга

Вотан

ЛЮБИТЕ ЖИВОПИСЬ, ПОЭТЫ

Портрет сестры Людмилы

ЗВАННЫЕ ГОСТИ

ВАЛЕРИЙ ХАТЮШИН

Поэтическая стезя Валерия Хатюшина, естественно, начиналась в его детские годы, в его родном Подмоскowie. Но мне, коренному челнинцу, приятно осознавать, что начальный путь поэта пролегал и по нашей закамской земле. В начале семидесятых годов Валерий строил КамАЗ, работая монтажником-высотником. Мы вместе посещали городское литературное объединение «Орфей». Нам есть что вспомнить, нам есть чем гордиться. Ныне стезя журнала «Аргмак», как и стезя журнала «Молодая гвардия», где Валерий Васильевич — главный редактор, пролегает по необъятному русскому миру.

Николай АЛЕШКОВ

СВЕТ ВО ТЬМЕ

ЦВЕТОК ЗВЕЗДЫ

В лесной тиши, в глухом затоне
речной воды
я взял в холодные ладони
цветок звезды.
Вонзился в руку, словно жало,
её огонь,
звезда, шипя, в затон упала —
прожгла ладонь.
Тогда, склонясь над зыбкой глубиью
ночной воды,
ладони свёл я и пригубил
глоток звезды...
И мне с тех пор во тьме кромешной
светло всегда,
в моей душе, земной и грешной,
горит звезда!

* * *

Вырвусь я в своём пророчестве
из тоски лихих годин.
Даже в полном одиночестве
я на свете не один.

Пусть душа, ни с чьей не схожая,
словно комната пуста,
предо мною — мать Божия
и спокойный лик Христа.

Лампа ночью долго светится
над застывшею строкой.
Есть мне с кем глазами встретиться
и к кому прильнуть душой...

В РОДНОЙ ДЕРЕВНЕ

Вместо речки — ручеёк,
продан детства дом.
И в окошке огонёк
скрыт глубоким сном.

Всё чужое: дом не тот,
и не тот забор,
пёс рычащий у ворот
и недобрый взор.

Здесь ли я играл в лапту
и гонял гусей?
Здесь ли высмотрел мечту
жизни всей своей?

Ухожу, и боль тоски
сердце бередит,
словно вслед из-под руки
бабушка глядит...

* * *

Как жалко летнего тепла!
Оно и коротко, и зыбко.
Июля яркая улыбка,
неторопливый плеск весла...

Цветы, цветы... Вечерний свет...
Высоких лип густые тени...
Влюблённых поцелуйный бред
и женщин смуглые колени...

Истает этот нежный день,
иссякнет трав благоуханье,
плаксивых туч немая тень
погасит озера сиянье.

И долгий холод, серый цвет
откроют нам свои объятия.
И клину белому вослед
с былой тоской взгляну опять я...

* * *

В Голицынском парке скамейки пусты,
в Голицынском парке — прохлада.
На клумбах широких сгорели цветы
в багряном огне листопада.

Аллеи безлюдны, качели — тихи,
устало-безмолвны деревья,
стада облаков, как немые стихи,
спешат в ледяные кочевья.

И вновь я простился с травой и листвой,
и лету сказал «до свиданья».
В Голицынском парке над хмурой водой —
небес и тепла угасанье.

Стою над водой и не холодно мне,
и прежнего нет сокрушенья.
Угрюмому сердцу спокойно вполне.
Бесслёзны души сожаленья.

Дорога осенняя жизни моей,
недолгие годы земные
и сумрак остывших, увядших аллей
сошлись и слились, как родные.

* * *

Жёлтые бабочки в сером окне
трепетно кружатся, будто во сне.

Кто они? Что они? Отблески чьи?
Может, сгоревшие годы мои.

Может, мелькнувший из снов золотых
пепел угасших надежд молодых.

Может, забытые в сумраке дней
лица любимые жизни моей...

* * *

Судьба нас всех по кругу гонит.
И в этой спешке — все сгорим.
В летящем под землёй вагоне
глаза в глаза — вдвоём стоим.
Мы под землёй летим по кругу.
Под свист и шум. Куда? Зачем?
Без слов глядим в глаза друг другу,
нигде не связаны ничем.
Летит вагон. Чужие люди,
уйдя в себя, не вспомнят нас.
Никто на свете знать не будет,
что видел я лишь только раз
её глаза... На остановке
я через круг сойду во тьму,
с чужим плечом столкнусь неловко,
став безответным ко всему.
Среди толпящихся, галдящих
мы не расстанемся никак.
Сжигает всех, во тьму сходящих,
летающий свет, свистящий мрак.
Ждём неизбежную разлуку
мы, отражённые в стекле.
И всё ещё летит по кругу
небесный взгляд в подземной мгле...

* * *

Покуда мать жива —
ты не один на свете

и есть тебе к кому
приникнуть в горький час.
Пускай верны тебе
друзья, жена и дети,
но в жизни только мать
одна лишь не предаст.

Когда уходит мать,
душевного разлада
и с миром, и с собой
уже не избежать.
Слабеет свет в пути
и рушится преграда
меж смертью и тобой,
когда уходит мать.

ПУШКИН

Летающий сквозь громады лет,
огнём небес отмечен,
поэт в России, он — поэт,
не больше и не меньше.

Он и творец, он и боец,
певец, гонец победный,
а выше — только лишь Отец
и Сын, и Дух Заветный.

Есть слово-символ, как пароль
для всех в России, — Пушкин.
За вечную любовь и боль
нальём по полной кружке!

Когда земные времена
погрязнут в общем блюде,
его строка, хотя б одна,
но в русском сердце — будет.

И пусть во власти высших сил
течёт веков громада, —
останется: «Я вас любил...»,
и большего — не надо.

* * *

Свободу завоёвывают кровью.
Не признаёт она иных щедрот.
Она своей безжалостной любовью
на пьедестал ведёт и эшафот.

Свободу завоёвывают кровью.
Глуха к словам без жертвы и борьбы,
она, как смерть, не поведёт и бровью
на уговоры, просьбы и мольбы.

Свободу завоёвывают кровью.
Подкожный страх пред нею изживи.
Цхинвал, Донецк, Луганск
и Приднестровье
познали яд и мёд её любви.

Свободу завоёвывают кровью.
Когда остры глаза, сердца и слух,
ни жалам пуль, ни чёрному злословью
не победить в крови свободный дух.

Жестокий мир оваян русской новью.
За русский новый мир идёт война.
Свободу завоёвывают кровью —
и лишь тогда навек она верна.

МЕЧ И КАМЕНЬ

Тротил джихада и Дары волхвов...
Две веры, две надежды, две стихии.
Явленья духа этих двух миров
слились в пространстве и в судьбе России.

Сошлись непримиримые миры,
как жизнь и ложь, как Истина и нежить.
Шахидки пояса и волхвов Дары...
И лишь одно из двух должно утешить...

Несовместимы пламя и вода.
Нас вновь столкнули и легко, и быстро.
Остра их вера, но у нас — тверда.
И меч о камень высекает искры...

* * *

И ныне Божий Сын унижен и распят.
«Что истина?» —
спросил с усмешкою Пилат.

Философ, он не знал: она не «что», а «Кто».
Его глазам прозреть не помогло ничто.

Был в слепоте своей Пилат неумолим.
А Истина живём стояла перед ним.

ТАНК ПОД ИМЕНЕМ «СТАЛИН»

Укры бьют по больницам,
мрази долбят по школам...
Ополченские лица –
под святым ореолом...

От снарядного шквала
дети плакать устали...
И сошёл с пьедестала
танк под именем «Сталин».

В грудах дымных окалин,
в волнах воя и свиста
танк под именем «Сталин»
снова бьёт по фашистам.

Брызжут яд в истерии
все скоты и уроды.
Но стоит за Россию
остров русской свободы.

В дни донбасского ада
в этих заревах грозных
кто-то видел солдата
в гимнастёрке из бронзы...

* * *

...Ангелы вышли из огненной пыли
и растворились бесследно во мраке...

...Два самолёта свой груз отцепили
над Хиросимой и над Нагасаки.
И, развернувшись, ушли на Бермуды,
скрылись в безумии позавчерашнем,
чтобы в наш век, прилетев ниоткуда,
точно вписаться в нью-йоркские башни...

СВЕТ ВО ТЬМЕ

Стоит хранимый Богом Дом
времен на переломе...
Чем меньше света за окном,
тем больше света в Доме.

Где холодней ночная мгла,
там ласка звёзд теплее...

Чем в подлом мире больше зла,
тем мы добром сильнее.

А где раздор, там и разор –
бездомная дорога...
Но чем бесовский громче ор,
тем в сердце больше Бога.

И мы очнёмся от своей
душевной летаргии.
Чем тьма всемирная плотней,
тем ярче свет России.

* * *

На Рождество – крещенские морозы,
а на Крещение – оттепель и дождь.
Такие вот у нас метаморфозы,
такое вот несовпадение сплошь...

И в жизни тоже – сплошь несовпадение
с мечтой, с надеждой, с песней, со страной...
И только снега сонное круженье
с моей совпало сердца сединой...

* * *

Непривычно холодное лето,
то ли снег, то ли пух с тополей...
И от ярких цветов бересклета
хоть немного, а как-то теплей.

Хоть немного, а как-то светлее
под ненастьем блуждающих туч...
В тёмном парке беззвучны аллеи,
а ведь был он несметно певуч...

И почудилось мне, будто лето
стороной мимо нас протекло,
незаметно развеялось где-то,
растеряв безвозвратно тепло.

На аллеях безлюдно-безгласных
ранней осени столько примет...
И как отсвет предчувствий неясных
краснолистный цветёт бересклет...

ХАЙДАР БЕДРЕТДИНОВ

Хайдар Сулейманович Бедретдинов называет себя московским татаринном, но тут же уверяет, что его любовь к казанскому краю генетически нерасторжима. Нас познакомил общий друг — Рустэм Гайнетдинов. Оказалось, что мы с Хайдаром — поэтом, пишущим по-русски, и советским офицером (полковником в отставке) — ещё и одногодки, дети Великой Победы, родившиеся в 1945 году.

Николай АЛЕШКОВ

ПО ТРОПАМ ВОСТОКА

ПАМЯТЬ

Два друга, как два знака Зодиака,
Дружили. Но один из них — не вдруг —
Оставил надпись на песке, однако:
«Меня обидел самый лучший друг!»

Когда пришла беда в пустыне жаркой,
Где — никого на сотни вёрст вокруг,
Спасённый другом тем же, он, однако,
На камне высек: «Спас меня мой друг!»

Столетия стирают нашу память,
Теряются в забвения реке.
Слова о доброте сберёг тот камень,
Но не осталось строчек на песке.

ПОТЕРИ

Мы о друзьях ушедших сожалеем!
О них мы часто будем вспоминать.
Но всё-таки — я знаю — тяжелее
Живого друга в жизни потерять.

СОПОСТАВЛЕНИЕ

Писанья всех времён с особой грацией
Ума и Мудрости сопоставляют власть.

Ум может вывести из всякой ситуации,
А мудрость не дала б туда попасть.

В СУДНЫЙ ДЕНЬ

За вольный и невольный грех покаюсь
И за слова, несдержанные мной.
И только мысли, что хранил я в тайне,
Всё ж выдадут лгунишку с головой.

АУРА ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

Почтенье к предкам, хоть и не знакомым,
Нам будет в жизни крепь давать всегда.
Нас делает людьми — любовь к потомкам,
Которых не увидим никогда.
Но, угасая, наш увидит взгляд
И старый сад, и новый юный сад.

ДОБРОЕ ИМЯ

«Скажи, кто друг твой?» —
спросят ненароком,
Чтоб знать, что ты достоин похвалы.
Людей иначе ценят на Востоке.
Там спрашивают: «Чей ты сын — оглы?»

Меняются с годами предпочтения.

Тебя меняют на других друзья.
 Меняют жён, порою — убежденья,
 Вот только предков поменять нельзя.

Их славный путь нам прибавляет силы,
 Вселяет гордость за достойный род.
 Пусть, хоть и запоздалое, «спасибо»
 На небесах к их душам путь найдёт.

Нам в будущность они открыли двери
 Трудом и поведением благим,
 Чтоб добрый знак, их следуя примеру,
 Оставили потомкам мы своим.

ПРИТЧА О КОРНЯХ

Как радуемся мы весенним всходам!
 И радуется им сама природа.
 Когда они родятся на ветвях?
 Что знают листья о своих корнях?

Растут, шумят и радуются жизни,
 Не помышляя об осенней тризне.
 Ещё не ведом им житейский страх.
 Что помнят листья о своих корнях?

Но срок придёт: красивые аллеи
 Пожухнут, отцветут и пожелтеют.
 И опадая, превращаясь в прах,
 Что вспомнят листья о своих корнях?

Вот так порою происходит с нами:
 Теряем связь с былыми временами.
 Судачим о космических мирах,
 А что мы знаем о своих корнях?

На чуждое склоняя нас упорно,
 Нам подрубить враги стремятся корни.
 Куда заводит лживая молва?
 Пример — «Иван, не помнящий родства».

Забутые истории уроки
 Нас могут наказать ещё жестоко.
 Мы много раз испытывали крах,
 Но поднимались на СВОИХ корнях.

И В СТАРОСТИ ЖИЗНЬ НЕПЛОХА

С улыбкою встречный старик вопрошает,
 На посох опёршись слегка:

«Ну, что, человеке, — как жизнь молодая?»
 И с той же улыбкою сам добавляет:
 «И старая жизнь не плоха.

Устроены дети, и радуют внуки,
 И в помыслах нету греха.
 Так много умеют и сердце, и руки,
 А дел ещё много, и мне не до скуки.
 Нет — в старости жизнь не плоха».

Погладив неспешно бородку седую,
 Он притчей — короче стиха —
 Заставил осмыслить и жизнь молодую,
 Чтоб встречный без горечи тоже подумал:
 И в старости жизнь не плоха.

ЗИГЗАГИ СУДЬБЫ

В далёкие годы в безвестных краях
 Охочий к охоте царил падишах.
 С отборною свитой на резвых конях
 Отправился дичь пострелять он в степях.

Усладой гарема сияет восток,
 И голосом гурии манит рожок.
 А в скачущей коннице столько красоты,
 Что вслед, подражая ей, стелются псы.

От первой удачи охотничий раж
 Позволил полнее набить ягдаташ.
 Да вот незадача — в горячей стрельбе
 Правитель вдруг руку поранил себе.

Визирь, при дворе умудрённый в делах,
 Всегда осторожный в публичных речах,
 Сказал, мол, изведать такую беду
 Написано шаху, видать, на роду.

Тут шах возмутился, одёрнув коня:
 «Ах, так ты жалеешь, двурушник, меня?
 Я смысл провидения в толк не возьму —
 Ступай-ка, крамольник, скорее в тюрьму».

Опять с егерями помчал падишах —
 Лишь ветер завыл о недобром в ушах.
 И слева, и справа почуялся дым —
 В засаду попали к разбойникам злым.

А те людоедами были тогда –
Пришла неминуемо к свите беда.
Но шах был – мы знаем – с пробитой рукой:
Для жертвы как раз не годился такой.

Домой падишах возвратился без сил,
Аллаха молитвою благодарил.
И сразу в тюрьму поспешил, к визирю,
И молвил, входя: «От стыда я горю –

Напрасно тебя я в темницу послал
И этим, наверно, беду накликал.
Ах, если б ты знал, как, прожорлив и лют,
Всю свиту порезал разбойничий люд...»

Но умный визирь отвечает ему:
«Спасибо, что спрятал меня ты в тюрьму.
Ведь если б не этот случайный зиндан,
Попал бы я в жертвенный тоже казан».

СВЯЗЬ ВРЕМЁН

Как ласковы порой бывают внуки,
Беречь нас обещая и любить.
Смягчаются от детских слов недуги,
Которых уж, казалось, не избыть.

Конечно, мы заботливы, и всё же
Чем заслужили детскую любовь?
Ведь с детками, которых нет дороже,
Наверно, ласков человек любой.

И нас когда-то на руках носили,
И нам дарили самый нежный взгляд.
Не души ль предков мудро и красиво
Устами внуков с нами говорят?

МУДРОСТЬ

Почему в изречениях мудрости – горечь?
Отчего в них, чеканных,
вдруг слышится грусть?
Сколько истин рождалось
в трагическом споре,
Чтобы их повторяли потом наизусть.

Как же сладкой ей быть,
Если мудрость – уроки
Чьих-то горьких ошибок,

Обидных потерь?
Как весёлой ей быть,
Если в жизни жестокой
Мы не сразу находим заветную дверь?

Всем искателям истины –
Юным и старым –
Отпускает её без лимита казна.
Человечества мудрость –
Потомкам подарок,
За который заплачено в прошлом сполна.

ЛЕГЕНДА

В какие года? В государстве каком?..
Монах жил – отшельник –
в горах за селом.
Как он выживал в одиночестве сам –
Известно, наверно, лишь небесам.

Хоть скромную жизнь землепашцы вели,
Святому свои подношенья несли.
Он только молился – ни слова в ответ:
Знать, принял давно уж молчанья обет.

Лентяи иные роняли в речах:
«На что он здесь нужен –
бездельник-монах?»

Но чуяли люди: минуют их всё ж
И неурожаи, и частый падёж.

Так минуло много несчитанных лет.
Однажды в горах не родился рассвет:
Полили дожди, не смолкали грома, –
Как будто свихнулась природа сама.

Отшельник спустился в село под дождём
И в каждый стучался он запертый дом,
Впервые нарушив молчанье тогда:
«Скорей уходите отсюда! Беда!»

И люди ушли. Лишь опять крикуны
Ворчали: «Пророчества нам не нужны!»
Но с гор смертоносный обрушился сель –
Лишь трубы печные над грязью теперь.

Опять наступил долгожданный рассвет.
Все люди вернулись. Отшельника нет.
И промысел Божий стал ясен простой –
Зачем поселился однажды святой.

ИСТОКИ СИЛЫ

Давая сердцу крылья, возносила
Нас похвала порою к небесам.
Как важно, если верят в наши силы,
Ещё важнее, если веришь сам.

ПРИТЧА О ДРУЖБЕ

Уставший, голодный и жаждой томим,
Дорогой пустынною шёл пилигрим.
Нажитую ношу печалей он нёс,
За ним – тощий ослик и преданный пёс.

Манили обманом не раз миражи.
В песках бесконечных он долго кружил.
Потрескались губы, шепча о воде.
И выли шакалы о близкой беде.

И вот, словно в сказке, – оазис густой –
Зелёный и сочный, с журчащей водой.
Видение это прибавило сил –
Аллаха молитвой он благодарил.

Идут караваны в роскошный сарай.
И надпись при входе: «Пожалуйте в рай!
Бесплатно вы можете кушать и пить,
Но только животных нельзя здесь поить».

«Ну как же, – вскричал он, – поить их нельзя?
Ведь это ж – мои дорогие друзья!»
И путник в пустыню опять повернул –
Лишь трещины губ языком облизнул.

Хлестала их снова горячая плеть,
И рядом ходила коварная смерть.
Паломник уж вовсе душою поник,
Вдруг кустик увидел и слабый родник.

«Во имя Аллаха, скажите скорей:
Для всех ли вода или лишь для людей?»

Хоть скуден для жизни и мал островок,
Но как называется ваш уголок?»

«Как странен вопрос твой, –
он слышит в ответ,
Всем сущим Аллаха запретов здесь нет:
На равных и пейте, и радуйтесь тут.
А край небогатый наш Раем зовут».

Задумался путник: «Поди – угадай:
Который из двух настоящий-то рай?»
Но главное понял: там истинный ад,
Где друга предать ненароком велят...

ТАКИЕ ДЕЛА

Куда б судьба коварно ни вела,
К добру стремился, сторонился зла.
Но как бы в жизни я ни торопился,
А всё ж не переделаны дела.

И всё-таки Всевышнему хвала!
Над промыслом его для смертных – мгла:
Он взял бы, как бездельника, до срока,
Когда б я переделал все дела...

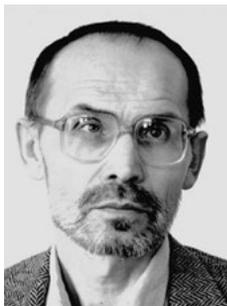
ЗАВИСТЬ

Однажды высочайшим приглашеньем
Отшельника ввели на царский двор.
И после небольшого угощенья
Царь начал с посвящённым разговор:

«Довольствуетесь малым – аж завидно –
Святым житьём бежите от тщеты».
В ответ монах: «Завидно мне, Правитель, –
Довольствуешься ещё меньшим ты.

Ведь мне принадлежат дороги, горы,
Сфер музыка и света волшебство,
Есть Бог в душе, а у тебя же, кроме
Единственного царства, – ничего».

О ЖИЗНИ СЛОВ И СУДЬБАХ КНИГ

Лишь слову жизнь дана...

Иван Бунин

СИЛЛОГИЗМ О СЛОВЕСНОСТИ

Силлогизм как форма рассуждения состоит из двух посылок и заключения, в котором даётся вывод, суммирующий общий смысл отдельных положений. Возьмём и сопоставим для примера две прописные истины.

Россия — страна логоцентрическая.

Россия — страна казённая.

Какой вывод следует из сопряжения этих утверждений? Если следовать формальной логике, то на выходе образуется постулат:

Родная литература — дело государственное.

Нравится это вам (*извините* — нам. *так корректнее*) или нет, но культуртрегерская практика на каждом этапе нашей истории подтверждает данное теоретическое положение. Другое дело — как толковать этот факт. Власть стремится направлять литературу по генеральной линии державной идеологии, а общественность старается в литературном процессе настраивать систему отношений личности и власти по параметрам времени.

Российская государственность и русская словесность являются двумя явлениями одной целенаправленности, и пока между ними нет согласия, отечественная история так и будет двигаться судорожными рывками — от экстазиса к кризису, от кризиса к экстазису.

ПРИМЕЧАНИЕ. *Экстазис в экзистенциальной философии означает пребывание вовне, то есть отрыв от действительности. Кризис в социологическом дискурсе означает разлад системности, когда ход событий меняет порядок вещей непредсказуемым образом — и болезненным способом.*

ИЗ ВЕКА В ВЕК

Россия — страна исстари логоцентрическая. В начале нашей истории было «Слово о законе и благодати», и сила русского духа из века в век прирастала словесностью.

Золотой век, озаменованный явлением Пушкина, был обусловлен всем духовным богатством и нравственным достоинством просвещённого сословия, — и его опосредованный опыт стал надёжным основанием национальной гордости великороссов. Только с явлением великой литературы Россия стала поистине мировой державой. Кто станет с этим спорить, единственно, что сможет доказать — свою необразованность.

Серебряный век, исполненный духовных исканий, не предотвратил социальной катастрофы, — но вера в лучшее, нашедшая выражение в поэзии и прозе революционного времени, пережила ледниковый период идеологии, чтобы прорасти в оттепель новыми надеждами. Величие СССР зиждилось на прочном фундаменте тысячелетней культуры.

Как изменилась культурная ситуация с отказом страны от социализма? Нельзя сказать однозначно. Но общая тенденция вызывает тревогу. Утрата интереса к литературе сопровождается обеднением обывденного языка и предшествует деградации социума. Это очень просто понять, если вспомнить, что такое *язык*. Разумное существо от неразумного отличает качественно иное свойство высшей нервной деятельности: *вторая сигнальная система — свойственная человеку система условнорефлекторных связей, формирующихся при воздействии речевых сигналов, то есть не непосредственного раздражителя, а его словесного обозначения*¹. Это значит, что человеческая реальность есть договорённость об окружающем мире, обусловленная естественным языком, и упадок словесности будет проявляться как убыток действительности.

Что век грядущий нам готовит? Вернее сказать, готовы ли мы ответить на вызовы нового времени? Рабочее напряжение креативного потенциала — государственная задача первостепенного значения. Мотивация культуры не менее важна для национального процветания, чем стимуляция экономики. В то время как культурная стратегия у нас зачастую сводится к номенклатурной тактике. Движение мысли подменяется выдвиганием тезисов. Место литераторов занимают ораторы. Сгущение пафоса затмевает ясность мысли. Российское общество, опустошённое отступничеством от былых идеалов, ожидает возрождения духовности, — но храни нас Боже от ренессанса фарисейства...

Россия — страна логоцентрическая; высшим воплощением явления слова, величайшим изобретением критического разума, стала книга — удивительный феномен, в котором происходит соединение идеального и материального уровней культуры. В книге как артефакте чудесным образом дано нераздельное и неслиянное существование текста и смысла. Книга во всех мыслимых форматах — от многотомной энциклопедии до газетной подшивки — является залогом единства поколений, вырабатывавших книжность как священное место словесности.

Книги имеют свою судьбу; тексты любой степени сложности имеют лишь служебную функцию. Комбинации слов, не нашедшие книжного пристанища, становятся всего лишь виртуальным кормом ума. Книга в цифре — не книга, а всего лишь возможность ознакомления с неким словесным материалом. Тексты, развоплощенные до виртуального облачка компьютерных символов, обречены на эфемерность. Слова, рассыпанные по потокам электронов, рассеиваются в информационном пространстве, не достигая своей цели — понимания. Таким образом в сфере сознания вместо

¹ Большой энциклопедический словарь.

понятий образуются представления. Свято место, как известно, пусто не бывает. Место смыслов в общественном сознании, отказавшемся от вербальной работы в пользу визуальной образности, займут фантомы.

*Книги — реки, напоющие вселенную*¹. Файлы, исполняющие функции книг — всего лишь сухие русла, по которым стремительно и сиюминутно протекают электронные ветры, пролетающие над умозрительным ландшафтом времени. По берегам пересохших рек прорастают тернии и волчцы, и в этих зарослях заводится всякая нечисть.

СЛОВЕСНОСТЬ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

За последние десятилетия система словесности претерпела кардинальные изменения: в сфере массовых коммуникаций произошла информационная революция. По ходу утверждения новых интеллектуальных технологий большая часть грамотного (и полуграмотного) населения попала во всемирную паутину. А в беспределе интернета всё иначе, чем в порядке мировой культуры. Интернет суть коммуникативный промискуитет: тотальное господство случайных связей. Никто никому не указ, ничто ничему не край. Что хочу, то и ворочу. Те, кому нечего сказать, оказались самыми разговорчивыми. Сбылось пророчество Маршала Маклюэна: *the medium is the message*². Быть — значит, быть на связи: быть в теме, быть в курсе, быть в речи. Чтобы иметь значение, особых способностей не надо — достаточно амбициозности и активности. В виртуальном пространстве меняются параметры популярности. Иерархия ценностей отменяется: кому быть в авторитете, решается сговором интересов. Правила поведения теряют нормативность. Правила правописания утрачивают директивность. Блаженны голимые, ибо их есть право на комментарии. Виртуальная стая анонимных Сальери травит Моцарта: *аффтар, выпей йаду!* Для нищих духом интернет — перманентный майдан. Несть власти, аще не от Сети. Последние слова становятся первыми в речи, свергнувшей иго регламента...

В ходе модернизации литературного процесса на Парнасе, священной вершине умозрительного ландшафта, также произошла смена руководства. Мнемозину, богиню памяти, заменила Фама, богиня молвы, и все девять муз вынуждены ей прислуживать — словно несчастные падчерицы злой мачехе.

В стороне от основных дискурсивных потоков, на обочине информационного общества, трудно рассуждать о разрыве словесности и действительности, свойственном нашему образу жизни. Как ни старайся, получается не анализ, но анамнез. Противоречие между тем, что говорится, и тем, что делается, порой кажется непреодолимым. Между экзистенциальными позициями пафоса и скепсиса — зияние, в котором бесследно исчезают все прекрасные иллюзии. В порядке планового производства государственной идеологии это несоответствие особенно разительно. Особенно в кризисы. Вот, в связи с обострением международной ситуации на повестку дня снова ставится вопрос об особом русском пути. Камо грядеши? Хорошо мотивированные оптимисты уверяют, что социально озабоченная власть ведёт народ трудной дорогой в рай, — а хорошо информированные пессимисты утверждают, что благие намерения ведут в другое место...

Публичные высказывания, оторванные от реальности, порождают ментальные миражи. Уставшие от тяжести жизни, мы уже почти готовы согласиться, что и впрямь верим в то, в чём нас уверяют. О, наведённый морок пропаганды! О, мёртвая вода

¹ Повесть временных лет.

² (англ.) — средство сообщения есть содержание.

кривды! Сколько её ни лей, пользы от переливания из пустого в порожнее меньше, чем мало. Казалось бы — все сложилось и срослось... но жизни в том нет. *Одна из целей лжи — скрыть её причину*¹. Что же мы хотим скрыть, делая вид, что не видим того, что видим?

Мы лжём потому, что не хотим оказаться в ложном положении. Когда все блага земные сосредотачиваются в центре житейского круга, очерченного господствующим мнением, мы боимся оказаться крайними. Когда общее дело не ладится, начинается активный поиск виноватых. И тогда каждый, кто говорит не в лад, может попасть в круг подозреваемых в сговоре с неблагоприятными обстоятельствами: *из-за таких, как ты...* И никто, кроме немногих блаженных и праведных, не сможет предъявить морального алиби.

В нашей общественной жизни изо дня в день создается множество ситуаций, когда желаемое так некритично выдается за действительное, что теряешь уверенность в том, что критерии действительности ещё в силе. Казалось бы, на то и свобода слова, чтобы освободить пути к истине — как от властного произвола, так и от самовольного беспредела. Однако в нашей жизни всё устроено не так, как узаконено. Критическое высказывание приравнивается к протестному выступлению, а принципиальное возражение должностному лицу расценивается как посягательство на авторитет власти. Так что прения допускаются только при условии предварительного согласия. Язык нам дан для того, чтобы выражать свои мысли, а мозги для того, чтобы не давать воли языку. Как сказал однажды спикер нашего парламента, — парламента не место для дискуссий. Правда, для чего он тогда нужен, спикер не сказал. Да все и так знают. Для того, чтобы разрыв между словесностью и действительностью заполнить законодательной деятельностью. Самовозрастающей и самодостаточной, — как логос в античной системе космоса. Всё, что ни есть, должно быть узаконено. От отвода стоков в реку до вылова раков в пруду. От уборки зерновых до морковкина заговенья. От правил вождения велосипеда до запрета хождения по газонам. А там хоть трава не расти...

МЕЖДУ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬЮ И ДУХОВНОСТЬЮ

Согласно утверждению великого диалектика Гегеля, *всё действительное — разумно, всё разумное — действительно*. Если это не всегда так, по крайней мере, хочется, чтобы так было. Страна, в которой нет уверенности в разумности своей действительности — страна без суверенности: территория, обречённая стать сферой влияния других государств, убеждённых в своём эвристическом превосходстве. Уверенность народа в себе обретается, хранится и утрачивается в культуре. Исторические подъёмы и спады суть проявления концентрации или кризиса национального самосознания.

Однако наша правящая элита убеждена, что для утверждения государственности нужно укреплять не социальную инфраструктуру, а систему власти. А поскольку средств в казне недостаточно (сколько ни дай чиновникам, им всегда будет мало), дефицит нужно покрыть за счёт сокращения расходов на роскошь. Согласно известному высказыванию Сент-Экзюпери, самая большая роскошь — роскошь человеческого общения. То есть, социальная сфера. Дураку ясно, что её можно и нужно урезать. Или, как говорит премьер, — *оптимизировать*. Под этим словесным камуфляжем в министерствах идёт игра под свой интерес. А организованная общественность выражает понимание и одобрение вирулентной внутренней политики: всё, что творится на горе стране, делается во благо державы.

¹ Роберт Говард «Нет числа дням».

Первой под сокращение жизненного пространства попадает культурная среда. Схема финансирования культуры — пресловутый *тришкин кафтан*: чтобы сконцентрировать средства на брендах, перспективных в плане пиара, снижаются возможности развития культуры как отрасли. Особенно показательно равнодушие власти к проблемам книгоиздания и книгораспространения.

В сложной системе отношений между разумностью и действительностью книжная премудрость была открытой возможностью для каждого приобщиться к общему смыслу. Литература занималась выяснением отношений данного и должного во всех аспектах действительности. Теперь это назначение словесности в нашей жизни утрачено. Её функции сублимируют пиар-технологии. Тот, кто имеет авторитарную власть над общественным мнением, может трактовать хронику текущих событий без зазрения совести. На выводе идеологии получается вот что: если где-то что-то у нас не так, это не потому, что дело худо поставлено, а оттого, что русского духа в людях не хватает. Поворачивая вопрос таким образом, руководство страны видит свою главную задачу в духовно-нравственном воспитании населения. Власть обращается к народу с назиданием: народ! ты же самый духовный в мире! соберись с духом и возгордись собой... и тебе будет легче терпеть, и нам лучше править.

Впрочем, свести аналитику кризиса к критике власти было бы непростительным упрощением. Проблема намного шире и глубже: не только государство, но и общество утратило понятие об актуальной культуре как первом и главном условии разумной действительности. Это несчастное обстоятельство с печальной очевидностью выявил Год литературы, в организованном порядке проведённый в стране. Само по себе это решение было, безусловно, своевременным и злободневным. В процессе социальных преобразований, происходящих в стране, литература утратила значение высшей инстанции, опосредующей нашу жизнь и определяющей общественное сознание. Современность отрёклась от первородства речи; доброе и мудрое слово более не способно влиять на ход событий. Однако порядок вещей, лишённый высшего смысла, приходит в упадок. В порядке вразумления дурной действительности власти предрежащие возлагают надежды на внедрение духовности.

Духовность как некое особенное состояние сознания — область семантической неопределённости, предоставляющая широкий простор для символических спекуляций. Это понятие отличается бессодержательностью, завалуированной многозначительностью. *Вся беда в том, что локализовать духовность практически невозможно. Оперирование высокими понятиями — самое большое искушение для человека, которому он охотно поддаётся, думая, что уже сам факт обращения к ним возвышает его*¹. Обернитесь вокруг: сколько нищих духом, исполнившись пустого самомнения, норовят стать нам пастырями!

Как соблазн духа встраивается в злобу дня? Просто и настырно. Православная догматика как культурная конъюнктура заменяет схоластику диалектического материализма. Застойный дух пропитывается патриотическим пафосом, — и из этой дурманящей смеси образуется *как бы духовность*. Благонадёжным обывателям, потерявшим историческую ориентацию, причащение к идеологии даётся как избавление от тягостных сомнений и раздумий о судьбах родины. А людям, из корысти поступившим против совести, свидетельство о духовности продаётся в виде индульгенции в счёт непогашенных нравственных обязательств.

Если верить апологетам, явление духовности наращивает своё присутствие в общественном сознании. Официальная хроника до отказа заполнена церковными праздниками и памяtnыми датами, патриотическими акциями и гражданскими

¹ Мераб Мамардашвили «Мысль в культуре».

инициативами, массовыми мероприятиями и торжественными церемониями. В государственном дискурсе душеспасительные акценты и духоподъёмные моменты становятся фирменными брендами правительственного курса, оторвавшегося от действительности. Возникает подозрение, что национальная идея потеряла эмпирическую ориентацию, и её ревнители пытаются переформатировать её в идеологию, заместив *праксис*¹ *пафосом*². Иначе говоря, бюрократическая практика покрывается патриотической патетикой, и правящая элита, сплотившаяся под знамёнами и хоругвями, парадным маршем уходит от обвинений в коррумпированности и некомпетентности.

Если правительство всерьёз озабочено судьбой страны, не духовность нагнетать надо, а действительность налаживать. То есть культивировать национальную почву, — чтобы разумное, доброе, вечное, посеянное истинными подвижниками духа, проросло плодами просвещения в массовом сознании, — ныне отданном во власть словоблудов и пустосвятов и превращённом в духовную пустошь.

Дух эпохи, растерявшийся между действительностью и духовностью, забывает о том, что было в нём хорошего, пропитывается злобой дня и становится злым духом. И ни крест, ни пентаграмма не защитят от него разобщённое общество, растерявшееся между духовностью и действительностью.

ЛИТЕРАТУРА И НОМЕНКЛАТУРА

По окраинам информационного поля прошёл слух о том, что патриотически ориентированные парламентарии обсуждают проект закона об обязательном прохождении военной службы для государственных служащих. Концепция законопроекта проста: к конкурсу на замещение ответственной должности впредь не будут допускаться лукавые уклонисты, не обученные ходить строем и стоять смирно. Ну и, значит, не наученные (теми же ретивыми сержантами) родину любить. Резон ясен: путём целенаправленной селекции улучшить качественный состав отечественного чиновничества.

Интересная идея. Но не лучше ли подумать о том, чтобы для претендентов на место в системе управления страной ввести тест на коэффициент интеллектуальности и установить культурный ценз? От такого подхода пользы для дела было бы много больше. Без умения тянуть ногу и тянуться в струнку менеджер может быть эффективным, а вот без интеллекта и кругозора — вряд ли. Надо, чтобы тот, кто должен решать общие проблемы, для начала был способен их понимать. Значит, в первую очередь должно проверяться умение должностного лица формулировать вопросы и давать ответы. А для этого ему как минимум надо хорошо владеть родным языком. Только в сфере языка зарождается и утверждается социальное согласие. *Язык и, думается, литература — вещи более древние, неизбежные, долговечные, чем любая форма общественной организации*³.

Самой успешной в истории номенклатурой была китайская бюрократия. Кадровые чиновники (*мандарины*) пять тысяч лет поддерживали порядок в Поднебесной империи — несмотря на все исторические катастрофы, вызванные нашествиями варваров, мятежами генералов или безобразиями императоров. Так вот, претенденты на все должности в обязательном порядке сдавали серьёзные экзамены, главным из которых была литература. Кто не понимал притч Кун-цзы и Лао-цзы, не помнил строк

¹ Праксис (греч. praxis — действие) — направленность к практической деятельности.

² Пафос (греч. pathos — воодушевление) — направленность к возбуждению эмоций.

³ Иосиф Бродский «Лица необщим выраженьем».

Ли Бо и Ду Фу и сам был не способен сочинить стихи на заданную тему, тому нечего было рассчитывать на карьеру.

Не ввести ли и у нас подобную практику? Чтобы те, кто не могут внятно ответить, сколько человеку земли нужно и почему мировая гармония не стоит слезинки ребёнка, не могли претендовать на ответственные посты в стране по имени Россия (Российская Федерация). В дворники такого определить можно, а в начальники никак нельзя.

А если случится так, что прошедший испытания и утверждённый в должности претендент не выдержит искушения властью? Если всё равно будет судить не по правде и служить не по совести — как его за то наказывать? Аксиома естественного права, основанная на здравом смысле, утверждает: наказание должно быть соразмерно преступлению. Однако в правовом государстве законодательная база и пенитенциарная система оставляют мало места для юридического творчества. Хорошо бы расширить судебную практику за счёт внедрения нетрадиционных методов исправления криводушных менеджеров...

Один из японских князей XVI века, дайме клана Симадзу, установил для нерадивых самураев особую меру воздействия — заключение в монастырь. *Ослушники, находясь в монастыре, должны были заниматься изучением конфуцианских текстов под присмотром главного монаха; когда они достигали прогресса в понимании классики, им возвращали первоначальную свободу*¹. Какая гениальная идея! — направлять разрушителей общественного порядка на исправительные умственные работы. В этом есть прямой резон: тупой физический труд, в котором нет никакого интереса, только озлобляет осуждённого, а духовное напряжение, обусловленное вдумчивым чтением, волей-неволей будет поднимать уровень его сознания.

Может, и наших нечестивых чиновников, преступивших черту и потерявших лицо, следует отправлять в Соловки — досконально изучать «Красное колесо» Александра Солженицына: *повествование в отмеренных сроках*, изложенное на семи тысячах страниц и состоящее из двух действий и четырёх узлов, — и пока (под строгим присмотром главного филолога) не распутают в уме все узлы, обратно в мир не выпускать ни под каким видом.

СВОБОДА СЛОВА И СВОБОДА СОВЕСТИ

От классической античности до развитого постмодерна в полемическом словаре имеет хождение красивое изречение, в котором декларируется приоритет аргументов перед сантиментами: *Платон мне друг, но истина дороже*. Так сказать, кредо правдолюбия. Однако в трудные времена старинный афоризм обретает характер сарказма: справедливость обходится слишком дорого, и никто не хочет за свой счёт оплачивать правоту Платона. Цена честного слова так возросла, что бедному интеллигенту она не по карману. Что же касается тех, кто при деньгах — одним горькая правда не по вкусу, а другим прописная истина не по уму.

Критики информационного общества говорят о том, что независимой прессы не может быть по определению, поскольку любое средство информации так или иначе кто-то финансирует. Если не государство, значит, частное лицо или группа лиц. Ежу ясно, что издатель не благотворитель: у него в деле свой интерес. Какая уж тут независимость... Кто платит, тот и заказывает истину.

¹ Дайсэцу Т. Судзуки «Дзэн и японская культура».

Однако в социально-психологическом анализе общественной жизни смешиваются две однородные, но не однозначные вещи: свобода слова и свобода совести. Говорить, что думаешь, и думать, что говоришь, — всё-таки не одно и то же. Тот, кто избрал своим делом работу со словом, должен зарабатывать своим ремеслом, но не торговать своим талантом. В нормальной обстановке так и происходит: каждый журналист сотрудничает с теми СМИ, чьи редакционные установки соответствуют его убеждениям. Конечно, порой ему приходится слегка лукавить, но никто не принуждает его нагло лгать. Такова жизнь. Что ж, — так жить можно...

Однако когда социальное напряжение возрастает до кризисного состояния, на границе частного и публичного пространства учреждается таможня, где личные мнения подвергаются досмотру, а мысли делятся на дозволенные к высказыванию и запрещённые к обращению. Это означает, что в гражданском обществе явочным порядком вводится военное положение. Начинается необъявленная информационная война, а на войне, сами понимаете, как на войне: кто не с нами, тот против нас. Всякому своеволию приходит конец. Когда говорят пушки, музы молчат. Согласно особым полномочиям, предусмотренным законом о цензуре, штатные идеологи заклеивают скотчем рты всем девяти каменам, а матери их, богине памяти, надевают мешок на голову.

Не надо думать, что редактирование правды свойственно только авторитарным режимам, — старые демократии отработали внутренний контроль над публичным пространством до такой изощрённости, что против либерального канона никто слова не скажет без того, чтобы не оказаться под риском остракизма. Свободное общество, где толерантность является латентной формой идеологии, обладает такими мощными способами принуждения, что тому, кто захочет жить не по лжи, век воли не видать.

Если власть над общественным мнением забирает идеология, перегораживающая течение речи частыми сетями цензуры, значимое молчание остаётся заводью вольномыслия. Слово объединяет единомышленников, а молчание сплачивает.

Надежда человечества в том, что в сознании людей социальность сильнее эгоцентричности, а человечность сильнее социальности. Свобода слова и свобода совести в сознательной личности соотносятся как две ипостаси человеческого достоинства.

ЗАМЫСЕЛ ИЛИ УМЫСЕЛ?

Как текст книги Андрея Григорьевича Румянцева «Валентин Распутин» в серии «ЖЗЛ» попал ко мне — это отдельная история. Одно могу сказать точно: ни автор, ни издательство не горели желанием знакомить с ним ни меня, ни моих близких родственников, хотя бы для того, чтобы попытаться избежать каких-то неточностей и ошибок. Февраль уже близился к концу и в «Молодой Гвардии» готовились отдать текст в вёрстку — спешили успеть к годовщине смерти моего отца. Для меня до сих пор остаётся загадкой: как рукопись в таком сыром виде могла находиться буквально в двух шагах от печатного станка? Почему издательство смотрело сквозь пальцы на все её недостатки? И если бы не наше незапланированное вмешательство, она была бы опубликована гораздо раньше и в ещё более далёком от совершенства состоянии. Мы со своей стороны внесли миллион поправок, однако большая их часть была оставлена без внимания. Ну что ж, Андрей Григорьевич, как автор, имел на то полное право, и надо отдать ему должное, что он всё-таки согласился кое-что убрать, а кое-что, наоборот, добавить.

Все это время я надеялся, что найдётся в литературном сообществе профессионал, который оценит книгу по достоинству, но прошёл уже почти год с момента её выхода в свет, а никакого прямого и откровенного, без лишнего человекоугодия, отзыва так и не появилось. И я решил дать свою оценку этой работе. Для краткости и удобства я буду называть А. Г. Румянцева автором, а моего отца В. Г. Распутина писателем.

На мой взгляд, книга слабая, поверхностная и вызывает разочарование. Это не кропотливый труд-исследование творчества В. Г. Распутина и не книга-размышление о его жизни. По сути, это лоскутное одеяло, сшитое из разных кусочков, или, говоря научным языком, компиляция. 65% всего текста, то есть добрые две трети, занимают слова писателя — цитаты из его произведений, выступлений и писем, а также мысли и воспоминания о нем других людей. Это точные цифры, взятые мною не с потолка, а с помощью линейки.

Встречаются главки, и их немало, вообще практически целиком состоящие из цитат. Например, главка «Деревня не даст тебе пропасть» с неоправданно длинной цитатой из «Уроков французского», занимающей три страницы, в то время как слова автора скромно умещаются в девять (!) строчек. Или другая главка «Навыки журналистские и семейные», где автор зачем-то приводит целиком рассказ «Мама куда-то ушла». Обратите также внимание на главу десять о произведении «Прощание с Матёрой». В первой главке кое-где ещё попадаются среди цитат слова автора, но прочитайте вторую главку «Удержать в себе человека» длиной в 3,5 страницы: автор написал две строчки в начале и шестнадцать строк в середине главы. Всё остальное — слова

писателя из «Прощания с Матёрой». И в следующей главке «Мы — не последние!» из 5,5 страниц пять — это цитаты из «Матёры». Или прочитайте главку «На фоне двух литератур»: вся (!) главка длиной в 4,5 страницы — беседа писателя с молодым литературоведом Ксенией Зиминной. А следующая главка «Сеющие бурю» тоже почти вся состоит из беседы писателя с Виктором Кожемяко. И так далее.

У читателя, как мне кажется, должно возникать ощущение, что его обманули: хотел прочитать о Распутине, а читаешь Распутина.

А сколько главок цитатами заканчиваются! Автор даже не утруждает себя тем, чтобы завершить их своими словами, выразить какую-то свою мысль, подвести итог. Некоторые цитаты приводятся неуместно, а в словах автора порой отсутствует элементарная логика.

Возьмём для примера последний абзац в главке «Обомлел от вошедшей в меня красоты» о детстве писателя. Привожу его полностью:

«А великое множество историй, услышанных в вечерней полутёмной избе с вагагой таких же деревенских стригунков, расположившихся на теплом полу у вихрастого дружка! Тут запоминались даже не сами необыкновенные, фантастические происшествия, сочинённые бойким рассказчиком, а его таинственный тон, ужимки и придыхания, свистящий или задыхающийся шёпот, словно это его самого кикиморы душили или бросали оземь с высоты».

Он сочинён автором, но не имеет ничего общего ни по смыслу, ни по тональности с предыдущими цитатами писателя, из которых на семьдесят процентов состоит эта главка и которые задают ей тон и определяют содержание. Очевидно, автор в спешке или по небрежности приклеил сюда этот абзац. По содержанию он больше подходит к следующей главке «Где живёт кикимора». Но и в ней он оказался бы лишним, потому что там абсолютно о том же самом, только другими словами, говорит сам писатель:

«В одной избе песня, а в другой, где собиралась ребятня, сказка да „ужасти“, которые напрашивались сами собой под древнюю ворожбу каминного огня. Чего только не придумывалось, чего не рассказывалось то затаёнными, то гробовыми голосами, до чего только не доходило разыгравшееся воображение! Не будь этого живого сопровождения огня, то завывающего, то стонущего, то ухающего, да разве мог быть у историй, рассказанных не Петькой или Васькой, а их оборотнями, и непременно выдаваемых за „правдашние“, такой жуткий накал, такая непереносимая страсть!»

В главке «Где живёт кикимора» сразу обращает на себя внимание второе предложение: «В ранних проблесках памяти у Вали могли остаться только свалившиеся беды: частое недоедание, вялые игры с ровесниками, одетыми, как и он, в драные, латаные обноски». Нелогично. Простите, как можно назвать «свалившимися бедами» частое недоедание или вялые игры с ровесниками? Да и как может быть вялой детская игра?! А «драные, латаные обноски», в которые одеты дети, совсем не предполагают, что игра будет вялой. Наконец, почему писателю могли запомниться *только* беды? И глагол «могли» тоже настораживает. То есть могли запомниться, а могли и нет? Не лучше ли обратиться к творчеству Распутина вместо того, чтобы гадать на кофейной гуще?

На самом деле, совсем не «свалившиеся» невесть откуда беды остались в «ранних проблесках памяти» писателя. Помните, как он сам пишет в очерке «Откуда есть пошли мои книги»: «Первые мои впечатления связаны с Ангарой»? А если бы автор нашёл время и задал соответствующие вопросы близким писателя, он бы узнал, с каким энтузиазмом и теплом вспоминал Распутин о своём детстве: как он ходил на охоту с дедом, как бегал в тайгу за грибами и ягодами, как рыбачил со своим дядей. Светлые воспоминания о том времени нашли своё отражение в предисловии к сборнику рассказов «Видение» под названием «В тех глубинах по ходу жизни».

А вот как выглядел в рукописи мой рассказ о летних поездках с отцом в Аталанку (курсивом выделены слова, которые я — хоть убей — не произносил):

«Мне было пять лет... Это, конечно, мало, чтобы запомнить тот приезд. Но позже мы с отцом почти каждое лето ездили в деревню. *Дедушка был молчаливым. Папа в этом походил на него. Он уединялся, писал. Летом шестьдесят шестого, наверно, повесть „Деньги для Марии“.* А дедушка с бабушкой занимались хозяйством. Для меня необычным событием, почти праздником, бывал выход на покос. Несколько километров мы шли по тайге. И не одни. Ведь вся деревня косила. Каждый на своей полосе разбивал табор. Варили на костре обед. Дед сделал для меня маленькую литовку. И я косил вместе со всеми. *Я долго не знал, что была старая Аталанка, а мы живём в новой. Новая казалась большой. Друзей у меня там было много. Бежали по посёлку, прятались в каких-то сараях. Заглядывали в лес — он темнел поблизости...».*

Какие сарай? Какой лес? И как я мог в возрасте пяти лет догадываться, что отец уединялся в баньке, чтобы писать «Деньги для Марии»?! Я вообще не помню, чтобы отец уединялся и писал; он приезжал, чтобы побыть с родителями, помочь им по хозяйству, отдохнуть в родной деревне.

Непонятно, почему автор решил прибавить кое-что от себя, и должен признаться, что мне стоило немало труда убедить его убрать лишние слова из текста. В конце концов мне пришлось переписать весь абзац целиком. То же самое произошло и с другим моим рассказом о выборе профессии, который был нужен автору для главки «Дети писателя: „Мы выбираем путь...»». Помню, как в тексте рукописи всё было красным-красно от моих исправлений и требований удалить не принадлежавшие мне фразы.

К слову сказать, кроме этих двух случаев, автор не счёл нужным обратиться ни ко мне, ни к другим близким родственникам писателя. Исключением можно считать его встречу с моей тётёй, младшей сестрой отца, Агнией Григорьевной. А ведь кто, как не мы, могли дать автору ценную информацию для книги. Но самое шокирующее заключается в том, что автору были совершенно неинтересны наши поправки. Он явно не ставил перед собой задачу докопаться до истины. Как я заметил, в целом ряде случаев он действовал следующим образом. Сначала он создавал в своём воображении некую благообразную картинку, к которой пытался затем притянуть факты. Если же тот или иной факт ей не соответствовал, автор или намеренно искажал его, или просто выбрасывал за ненадобностью, и сочинял что-нибудь от себя.

Приведу два примера. Первый — довольно забавный. В главке «Колодец земли» ещё в рукописи я наткнулся на следующие слова:

«А вокруг затихшего порта Байкал гористый берег украшают многочисленные пади — вклинившиеся в таёжные косогоры узкие низины с заповедными травами, ягодными полянками, богатыми грибницами. Одна из этих падей, Молчановская, и приютила домик Валентина Григорьевича. Судьба словно бы осветила этот байкальский уголок девичьей фамилией жены: поэзия жизни, природы и творчества получила единый адрес».

Я сделал поправку: «В Молчановской пади был дом Глеба Пакулова, а наш дом стоял на ул. Вокзальная; в нём когда-то жил путевой обходчик, прямо рядом с железной дорогой». Не думаю, что автор всерьёз полагал, что «домик Валентина Григорьевича приютила» именно Молчановская падь. Скорее всего, он просто когда-то слышал, что в порту Байкал есть такая падь и ему позарез захотелось провести линию от неё к девичьей фамилии жены писателя. А уточнять, где именно находится домик писателя, было рискованно: вдруг окажется, что не там. Но автора моя поправка не смутила. Посмотрите, как изменился текст после моего, повторюсь, незапланированного вмешательства:

«А вокруг затихшего порта Байкал гористый берег украшают многочисленные пади — вклинившиеся в таёжные косогоры узкие низины с заповедными травами, ягодными полянками, богатыми грибницами. Одна из этих падей Молчановская. Не очень далеко от неё и стоял домик Валентина Григорьевича. Судьба словно бы осветила этот байкальский уголок девичьей фамилией жены: поэзия жизни, природы и творчества получила единый адрес».

Я опять пишу: «Не так уж и недалеко: километра четыре топтать от нашего дома». Но автор на мою уже просто неприличную назойливость никак не отреагировал. Мне кажется, что если бы даже выяснилось, что Молчановской пади нет и никогда не было в порту Байкал, автор всё равно как-нибудь вывернулся, но не расстался бы со своей лирической находкой.

Давайте теперь разберём подробно второй пример. Это крошечная, всего-то на две странички, но откровенно сырая, непродуманная главка, где как нарочно собраны такие серьёзные недостатки, как отсутствие логики, притягивание фактов за уши и небрежность в использовании цитат.

Главка называется «В имени слышится: Русь...» и посвящена моей сестре, точнее её детским годам. Само это название уже режет мне слух. Никогда нам, Марусиным родным, не слышалось в её имени слово Русь. Я бы скорее поверил автору, если бы ему в имени Жанна д'Арк послышалось слово Франция. Но давайте посмотрим, что автор имел в виду.

Прочитаем внимательно первый абзац: «В мае 1971 года в семье Распутиных появилось пополнение: родилась дочка. Назвали её Машей, но с первых же дней все родственники стали звать её по старой русской (а точнее — деревенской) традиции Марусей. Валентин был счастлив. *Ещё с рождения сына Серёжи вошло в правило, что отец ежедневно гуляет с ребёнком, читает ему сказки, а когда малыша снарядили в школу, папиной обязанностью стало посещение родительских собраний*». Обратите внимание, как после первых трёх предложений, посвящённых рождению дочери писателя, автор неожиданно перескакивает на сына (выделено курсивом), оставляя читателя в полном недоумении. Более того, автор ухитряется допустить в этом же предложении сразу две неточности. Скажу вам по секрету: а) не было такого правила в нашей семье, чтобы отец ежедневно гулял со мной или с моей сестрой; б) он довольно редко посещал родительские собрания в школе. И в этом нет ничего зазорного, но автору уж очень хочется немного приукрасить, и он с удивительной лёгкостью прибегает к преувеличению и вымыслу, стремясь выдать желаемое за действительное. И следующий мой абзац — ещё одно тому доказательство.

Продолжая старательно вырисовывать портрет писателя как примерного отца, автор приводит слова Марусиной школьной учительницы начальных классов Александры Ивановны Бушмагиной:

«Валентин Григорьевич был первым помощником во всех наших внеклассных начинаниях. То зайдёт в школу, то позвонит мне: „Какие у вас заботы, чем помочь?“ Дарил классу книги. И не только свои, но и тех авторов, которых отличал, ценил. Ребята любили „классные часы“, которые он проводил. Мы выбирали тему беседы, а Валентин Григорьевич готовился к разговору. И всегда детям было интересно с ним. Он был в нашей школе своим человеком».

У меня этот рассказ сразу вызвал подозрение. Во-первых, такая общительность совершенно не в характере отца, а во-вторых, детям в начальных классах вряд ли есть смысл дарить книги Распутина и «тех авторов, которых он отличал, ценил». Я не поленился и встретился с Александрой Ивановной, которая до сих пор работает в школе № 17. По её словам, Валентин Григорьевич пару раз приходил к ним на «классные

часы», но не более того. Про «первого помощника во всех внеклассных начинаниях» даже после моих специальных наводящих вопросов не было сказано ни слова.

Сразу к рассказу Александры Ивановны безо всякого перехода автор приклеивает другую цитату, теперь уже из воспоминаний моей тётки (маминой младшей сестры) Евгении Ивановны о жизни нашей семьи на даче в порту Байкал. Непонятно, что заставило автора пойти на такой неожиданный и совершенно нелогичный шаг. Возможно, ему эта глава на полторы страницы показалась слишком короткой, и, чтобы увеличить её, он решил, как говорится, «до кучи» добавить ещё пару абзацев. Мне кажется, что автор их не читал. Во всяком случае, речь в данном отрывке идёт совсем не о моей сестре и тем более не о том, каким внимательным, чутким и заботливым был Валентин Григорьевич по отношению к своим детям и их одноклассникам.

Этой цитатой и заканчивает автор главку «В имени слышится: Русь...», точнее резко обрывает на полуслове, так и не раскрыв читателю смысл её пафосного названия.

Позвольте мне остановиться ещё на одном символическом примере, показывающем, как автор относится к фактам, насколько для него важна та или иная информация и чем он руководствуется при жизнеописании своего героя. А. Г. Румянцев не раз упоминает в своей книге фотографа Б. Дмитриева. Читая воспоминания фотографа о Распутине, возникает ощущение, будто тот был с писателем в дружеских отношениях. Да, действительно, был — до одного случая, после которого их общение полностью оборвалось. Подробно об этом написала в статье «Все беды — от наших заблуждений» В. А. Семенова. Суть его в следующем.

Писатель получил премию правительства РФ за книгу «Сибирь, Сибирь...» 2006 года издания. Автор фотоиллюстраций Б. Дмитриев награждён не был. Он направил протестное письмо в правительство, где предупредил что, если его права как соавтора книги не будут удовлетворены, он подаст в суд. Распутин, узнав об этом, принял решение отдать фотографу половину премии (500 000 руб.), несмотря на очевидную нелепость его претензий. «Шаг для Валентина Григорьевича настолько естественный, что никто не удивился», пишет Валентина Андреевна. С одной стороны, писатель, идя на такой шаг, стремился как можно скорее закрыть тему и избавить себя от общения с человеком, который вызывал у него теперь только чувство брезгливости. С другой стороны, предлагая фотографу половину премии, писатель, возможно, пытался дать ему последний шанс. Он как бы искушал его кругленькой суммой и ставил перед выбором: взять чужие деньги, на которые при любом раскладе у того не было никаких прав, и окончательно потерять лицо, или хотя бы попытаться остаться — конечно, с большим натягом — порядочным человеком, натянув на себя маску «борца за справедливость», ищущего «правду» в суде. Дмитриев деньги взял, не моргнув и глазом, и навсегда исчез из жизни писателя. Многие иркутские литераторы расценили тогда его поступок как вымогательство.

Но речь не о Дмитриеве. Речь о книге, которую мы обсуждаем. Прочитав рукопись, я предложил автору раскрыть всю правду. Сказал «А», упомянув фотографа в своей книге, так скажи и «Б». Но автор предпочёл этот злополучный инцидент замолчать, сделав вид, будто ничего не произошло. А зря. Мне кажется, что подобные истории из жизни героя в сто раз интереснее и ценнее, чем целые отрывки из его произведений, которыми так бесцеремонно злоупотребляет автор. Потому что не только работа и творчество, но и поведение человека в непростых ситуациях характеризует его как личность.

И ещё: есть что-то лицемерное в этих дружеских воспоминаниях фотографа о писателе без правдивого рассказа о том, как полмиллиона рублей, принадлежавшие писателю, чудесным образом оказались в кармане его «друга».

Всё вышесказанное наводит меня на мысль о том, что труд о замечательном человеке должен создавать настоящий исследователь, художник и философ, вдумчивый, ответственный перед читателем и требовательный к своему творчеству. Он, как учёный, должен проявлять уважение к фактам и спокойно, не торопясь, дотошно и кропотливо собирать их из самых разных источников, не забывая проверять на достоверность. Затем ему предстоит проанализировать и осмыслить всю информацию, переварить её, пропустив через себя, выдвинуть предположения, поделиться своими размышлениями. В серьёзном исследовании такого рода автор обычно старается избегать делать однозначные выводы. Он ненавязчиво вовлекает читателя в мыслительный процесс, даёт тому толчок для раздумий и возможность самому принять окончательное решение. В конечном счёте, перед ним стоит невероятно сложная задача: постичь внутренний мир своего героя, чтобы честно и достоверно поведать о нём современникам и потомкам.

Автор же книги «Валентин Распутин» выбирает иной путь, не требующий значительных творческих сил. Он решает по максимуму упростить себе работу и берёт за основу чужие тексты и чужие мысли. Он предпочитает предоставлять слово другим, а сам склонен оставаться в стороне. Даже описывая студенческую жизнь писателя, с которым он учился вместе в университете и даже прожил целый год в одной комнате в общежитии, автор охотнее цитирует красноярца Владимира Зыкова, а своими воспоминаниями делится крайне скупо.

Наверное, поэтому книга напоминает мне больше реферат студента филфака, чем серьёзное исследование. Ведь как бы студент делал реферат, скажем, об известном писателе? 1. Расписал бы по пунктам биографию. 2. Распечатал бы библиографический справочник. 3. Продумал бы части, расставляя биографические и библиографические данные в хронологическом порядке. 4. Изучил бы литературную критику творчества объекта исследования, посмотрел бы, какие спектакли и фильмы были поставлены по его произведениям, нашёл бы пару неопубликованных писем и несколько воспоминаний о нем известных личностей. 5. Собрал бы всё это вместе, как конструктор и — реферат готов. Даже больше, чем реферат, но до полноценной дипломной работы ещё далеко.

Упрощаю? В любом случае, такая аналогия напрашивается неслучайно.

И возникает вопрос. Не лучше ли, если вас, например, интересует родословная писателя, познакомиться с нею в оригинале? Сотрудники Иркутского областного архива ещё при жизни Валентина Григорьевича провели исследование и выпустили любопытнейшую по содержанию книжечку. А если вы захотите узнать, что сказал Распутин о Пушкине, Толстом, Леонове, Свиридове, Шукшине, Вампилове, может быть, стоит прочитать полностью, без сокращений, его статьи и очерки об этих выдающихся личностях в книге «В поисках берега»? А вместо главы 14 «Что в имени твоём, Сибирь?» просто взять само произведение «Сибирь, Сибирь...»? Вместо главы 16 «Смысл давнего прошлого» найти опубликованные в ежемесячной газете «Литературный Иркутск» замечательные эссе «Из глубин в глубины» к 1000-летию Крещения Руси и «Ближний свет издалека» о Сергии Радонежском? Вместо главок «Жупелы: один, два, три...», «Зажги свечу — растает тьма» и «Жрецы „новой“ культуры» купить книгу «Эти двадцать убийственных лет. Беседы с Кожемяко»?

А сколько потрачено бумаги на главы, посвящённые повестям «Деньги для Марии», «Последний срок», «Вверх и вниз по течению», «Живи и помни», «Прощание с Матёрой» (о «Матёре» я уже говорил выше), «Пожар»! И зачем? Неужели достаточно для книги из такой серьёзной и уважаемой серии, какой является (или уже не является?) «ЖЗЛ», проскакать галопом, как по европам, по основным произведениям писателя, надёргав оттуда бесчисленное количество цитат? Разве литературные

критики не сказали своё слово об этих сочинениях? Или мы узнаем здесь что-то принципиально новое?

Не скрою: есть в книге места, которые вызвали у меня интерес, например, главки, посвящённые отношениям Астафьева и Распутина в девяностые годы, или интервью писателя журналисту «Литературной газеты» о том, как он создаёт свои повести и рассказы, или воспоминания о писателе современников, наших и зарубежных. Очень хорошо сказали о нем актёр Михаил Ульянов, прозаик Владимир Карпов, французский исследователь русской литературы Жорж Нива и другие. Любопытна история, упомянутая ещё в начале книги, как писатель ступил на творческую стезю случайно, оставшись без стипендии. Но и здесь центральное место занимают цитаты, а слова автора играют в основном лишь связующую роль. И стоит только собрать вместе и опубликовать все эти и другие, не упомянутые в книге, воспоминания, не говоря уж о полном собрании произведений писателя, включая его речи, статьи, письма и интервью, как ценность книги, и так не слишком высокая, упадёт ещё ниже.

Мне кажется, что немалая доля ответственности за качество этой работы лежит на издательстве. Ведь если бы в «МГ» не устраивали гонку, чтобы отдать книгу в печать к определённой финишной дате, а редакторы поставили бы перед автором вопрос ребром, обозначив чёткие требования к тексту, и дали ему ещё хотя бы год, она по крайней мере имела какой-то шанс получиться более добротной. И тогда выиграли бы все: и автор, и издательство, и читатель, ради которого по большому счёту и пишутся книги. Что же касается информационного повода, если уж он так был необходим, — чем хуже 80-летие писателя годовщины его смерти? По-моему, даже лучше.

Но в том-то весь и секрет, что ни автор, ни издательство не были сильно заинтересованы в добротной работе. Насколько я знаю, главный редактор «МГ» отдавал себе отчёт в том, что это произведение, даже при многочисленных исправлениях, априори не может получиться сильным. Но для него, скорее всего, главную роль сыграла скорость. Дело в том, что А. Г. Румянцев начал писать книгу о Распутине ещё при жизни писателя, и к моменту его смерти уже имел, как я подозреваю, существенные наработки. Тем самым автор автоматически получил в издательстве преимущество перед другими литераторами, которые почти наверняка подошли бы к этой работе более ответственно и выполнили бы её более профессионально и талантливо.

К тому же есть одна особенность у «ЖЗЛ». При приобретении книги из этой серии зачастую смотрят не на автора, а на название, то есть на имя замечательного человека, поэтому у «Молодой гвардии» всегда есть возможность издавать заведомо слабые вещи и не переживать о том, что они будут долго пылиться на прилавках книжных магазинов.

Остаётся лишь надеяться, что после знакомства с книгой «Валентин Распутин» благодаря многочисленным цитатам из произведений писателя у читателя возникнет желание ещё раз (а может быть, и впервые) прикоснуться к его творчеству. А это самое главное.

АКУЛИНА ИВАНОВНА

НЯНЬКА

Моя бабушка по отцовской линии родилась в деревне Иванаевка после Петрова дня (12 июля по новому стилю). Точную дату своего появления на свет она не знала. Наверное, не помнили и родители её — Иван и Александра Константиновы, у которых, по словам бабушки, было шестнадцать детей. Выжило пятеро: Варвара, Михаил, Любовь, Ульяна и Акулина. Акуля была среди них самой младшей. Родилась она в тяжёлое для семьи время: жарким летом 1893 года в деревне был сильный пожар, сгорел дотла и дом Ивана со всем скарбом. Бабушка моя родилась в 1895 году. К этому времени домишко уже срубили на прежнем месте, но обжить, как следует, ещё не успели.

В страдное время (в июле и августе) весь деревенский люд от мала до велика трудился в поле — шла изнуряющая и выматывающая силы косьба и жатва хлебов.

Очень выразительно описал это время русский поэт Константин Ключевский:

*Полдневный час. Жара гнетёт дыханье;
Глядишь, прищурясь, — блеск глаза слезит,
И над землёю воздух в колебанье,
Мигает быстро, будто бы кипит.*

.....

*А в поле труд... Обычной чередою
Идёт косьба: хлеба не будут ждать!
Но это время названо страдаю,-
Другого слова нет его назвать...*

Вся семья Константиновых, кроме десятилетнего Миши и грудной Акули, трудилась в поле. Мишу оставляли дома в роли няньки. Мать Александра, сготовив накануне еду, строго наказывала сынишке следить за девочкой: регулярно пеленать и кормить её из тряпичной соски — жвачки, в которой была пшённая каша на молоке.

Родительский наказ был твёрдым, но жизнь деревенская шла своим ходом. Оставшиеся дома ребяташки частенько собирались на завалинке Мишиной избы, где он нянчился в томлении и без явной охоты. Под окном вовсю шла бойкая игра в подкидного дурачка. Мише тоже страсть как хотелось играть, но надо и малышку качать. Тогда он придумал вот что: прикрепив один конец верёвки к зыбке, другой протягивал через окно. Устроившись на завалинке, Миша привязывал верёвку к ноге и качал ею люльку. Сам же с азартом включался в игру. Окно было раскрыто. Время от времени до ребят доносилось попискивание малютки. В такие моменты Миша старался

чаще качать ногой. Ребёнок постепенно успокаивался и, видимо, на время засыпал. Однако тишина была недолгой. В избе снова и снова раздавался плач. Миша, не отрываясь от игры, ещё сильнее дёргал верёвку. Акуля плакала, уже не переставая, всё громче и громче. Ребята советовали Мише успокоить сестрёнку. Да и сам он понимал, что нужно её проведать.

Вот заскочил Миша в избу и видит: ребёнок, высвободившись из пелёнок, вывалился из люльки и заходится рёвом на полу. Миша подхватил сестрёнку на руки, успокоил, запеленал и накормил из соски. Малютка задремала, а «нянька» уже опять сидел на завалинке.

Такое случалось не раз — братец, нежно говоря, не очень любезно и трогательно водился с сестрёнкой. Родителям же он докладывал, что старается изо всех сил, подопечная, мол, им довольна и няньку любит.

Но однажды мама заметила на лбу Акули синяк приличного размера. Она попросила сына объяснить, откуда он взялся. Пай-мальчик сказал, что не знает, но предполагает, что Акульку укусила шальная муха или даже ненасытный слепень. Однако провести маму было не так-то легко. Она догадывалась, что ребёнок падал из зыбки.

Но жатву остановить невозможно, каждый работник — на вес золота. Мама опять уходила в поле, а Миша оставался нянчиться.

Акуля не погибла и не стала калеккой, выросла здоровой, выносливой и очень терпеливой.

И всё же иногда она признавалась нам, своим внукам, что братец Миша, которого она горячо любила, «наполовину убил её в детстве»: из-за сильного головокружения бабушка не могла подолгу ехать ни в машине, ни на тракторе, ни в санях. Она отчаянно просила остановиться, сходила и готова была идти пешком хоть сотню километров. Единственное, что она признавала, а может быть, даже обожала, был велосипед — я сажал её на раму и катал по просёлочной дороге. Так она, обдуваемая приятным ветерком, могла кататься долго.

ОТРОЧЕСТВО

Когда ребятам исполнялось по девять-десять лет, родители в страдную пору брали их с собой в поле. «Пусть хоть пять снопов нажнут за день — и те пойдут в общую копилку», — говорили они. Но главное, конечно, заключалось в том, чтобы приобщать молодёжь к труду на земле, без которого в деревне не прожить.

В праздничные и воскресные дни не работали — ходили молиться в церковь в соседнее село Юсупкино. (Храм до сих пор стоит там, полуразрушенный.) При церкви работала школа, которая называлась церковно-приходской. Акулину учёба не увлекала, и она долго не проучилась. Старшие сёстры одна за другой вышли замуж. Создал семью и брат. У всех стали появляться детишки, а им требовалась хорошая нянька. Моя бабушка очень любила маленьких. Два года Акуля водилась с ребяташками старшей сестры Варвары, которая жила в соседнем селе Гулькино.

К сожалению, дети часто болели и выживали не все. Бабушка рассказывала нам, как долго она переживала, плакала и горевала, когда умер четырёхлетний Гараня — так сильно она успела привязаться к племяннику.

В доме отца с матерью долгими зимними вечерами много пряли. Быстро научилась этому рукоделию и Акуля. Брат готовил для прях «светец» — это такое корытце из дерева с водой и стойкой, на которой крепилась лучина. Её поджигали, и она светила рукодельницам. При догорании остаток падал в воду и там гас. До его падения

нужно было поджечь другую лучину и успеть вставить её в светец. Брат с этим делом успешно справлялся и норовил ещё сам рукодельничать — плести лапти из лыка.

За работой дружно пели. Моя бабушка утверждала, что у всех были хорошие голоса. Втроём — она, брат и сноха Прасковья — пели народные песни: «Ой, мороз-мороз», «У церкви стояли кареты», «Цыганка гадала, за ручку брала...» и многие другие. Это скрашивало вечера, окрыляло душу и поднимало настроение.

НЕВЕСТА

Едва Акуле исполнилось пятнадцать лет, женихи стали засылать сватов. Две зимы сватался к ней парень Филипп, живший через улицу. Полной самостоятельности в ту пору у подросших детей не было — родители были вольны выдать дочь за жениха, который им самим приглянулся. Однако мнение невесты или жениха родители всё же спрашивали. Акуля наотрез отказалась выходить за Филиппа замуж. Она считала его не вполне серьёзным для семейной жизни. Засланные сваты после безуспешных попыток отступились.

Вскоре появился новый жених — Ион. Он был единственным сыном у дяди Матвея и тётки Дарьи. В маленькой деревне все неплохо знали друг друга. Рассматривая кандидатуру нового жениха, рассуждали так: один сын в семье — редкое на селе явление, его не призвуют на военную службу в мирное время. Родители — уважаемые люди. Сам парень серьёзный, «не вертлявый», окончил полный курс церковно-приходской школы с похвальным листом, который выдавали тогда редко. Такое тщательное «взвешивание» всех за и против привело к общему согласию. Понравился Ион и Акуле, которой было тогда неполных семнадцать лет. В 1912 году молодые обвенчались. Как принято, отшумела весёлая деревенская свадьба и началась семейная жизнь.

Молодая невестка, привыкшая в родительском доме к труду и порядку, быстро сошлась со свекровью и свёкром. А уж с мужем — и говорить нечего! — начали жить душа в душу. Ион был толковым и рассудительным, работающим и в меру «смирным».

Всё шло очень даже хорошо, и люди по-доброму завидовали молодой семье. Однако вскоре грянул лихой 1914 год. Началась война, которую вскоре назвали мировой. Мужа Акулины призвали на фронт. Очень тяжело было им расставаться. Прощались в слезах. Бабушка, вспоминая ту далёкую разлуку, рассказывала: «Ион сильно любил меня и знал, что я отвечаю ему тем же. Он верил в то, что я не предаю его и не изменю ему — встречу с войны каким угодно, только бы живым». И всё же при расставании Ион сказал Акуле: «Я люблю тебя и верю, что мы ещё будем вместе, только ты не увлекайся, не заглядывайся на мужчин. Если дойдёт до меня слух, что ты вела себя неверно, я домой не вернусь — от стыда»...

Три долгих года находился рядовой Ион на передовой, участвовал в непрерывных и затяжных боях в болотах Белоруссии и Польши. Немцы воевали с ожесточением: впервые на этом участке фронта стали применять отравляющие вещества, против которых не было в России необходимых средств защиты. Но, как известно, голь на выдумки хитра: воины смачивали мочой повязки, дышали через них и тем самым спасались.

Ион был контужен несколько раз и получил серьёзное ранение в бедро. Рана долго не заживала. Больного поставили на ноги в военном госпитале в Самаре. После этого он снова отправился на фронт, в свою часть. Не было ни единой возможности хоть на час заглянуть в родную деревню, повидать молодую жену да отца с матерью.

В 1917 году Ион сильно простудился, заболел сыпным тифом и попал в лазарет. Выздоровливал тяжело, условия были плохие. Больных «вши ели напоед». В таком состоянии застала его революция.

Солдаты стали возвращаться домой. Для больных это было невероятно сложным делом. Но каким-то чудом Ион добрался до дома. В деревню его привезли на телеге, с которой он даже и слезть-то самостоятельно не мог: сильно болели простуженные в болотах ноги. Однако со временем молодой организм — двадцать три года, радость возвращения, долгожданная встреча с любимой и родителями, целебный деревенский воздух да здоровая еда сделали врачующее дело: воин поправился, стал работать дома и в поле.

А работы было много. Новая власть увеличила крестьянские наделы, отобрав землю у местного помещика Маланчева. Молодые думали, что теперь дело в стране пойдёт на лад. К большой радости Акулины и Иона осенью 1918 года у них родился сын. Назвали его Мишей. Имя выбрала мать — в честь горячо любимого брата, того самого, что качал её в зыбке. Брат Михаил тоже ушёл на войну. От него не было ни слуху ни духу. Родители и сёстры уже не чаяли увидеть его живым.

Потом в стране разразилась гражданская война, и Ион ушёл с красными защищать революцию. Бойня была страшная — с огромными потерями как с той, так и с другой стороны. В одном из боёв на станции Дебальцево Донецкой области Ион погиб. Он был зарублен шашкой. На станции муж Акули был приставлен к телеграфу, благодаря которому осуществлялась связь между бронепоездами. Ворвавшиеся в Дебальцево белоказаки порешили Иона на месте. Это случилось в том же 1918 году.

В возрасте двадцати двух лет Акулина осталась вдовой с младенцем на руках.

Бабушка рассказывала нам, с какой болью отправлялся Ион на гражданскую войну. При расставании долго держал на руках сына, согревал его своим теплом и горько плакал, словно предчувствовал, что не вернётся. Будто навсегда прощался с крошкой.

ЖИЗНЬ БЕЗ МУЖА

Невыносимо тяжело перенесла моя бабушка один из первых суровых ударов судьбы. Верная своему выбору в двенадцатом году, она осталась в семье мужа. Вместе со свёкром и свекровью вела крестьянское хозяйство и поднимала сына. Ещё в годы Первой мировой войны в отсутствие мужа стала выполнять мужскую работу — ухаживала за скотиной. Тогда они держали две лошади, корову, от пяти до десяти овец, две свиньи и полтора десятка кур. Всю живность надо было вовремя накормить, напоить, прибрать и приглядеть за ними. На Акулине были и полевые работы: пахали тогда тяжёлой деревянной сохой, косили вручную косой, жали серпом, молотили цепом. Молодая вдова крутилась, как белка в колесе, целыми днями — с утра до позднего вечера. С сынишкой чаще всего нянчилась свекровь Дарья.

А время легче не становилось, гражданская война продолжалась. Через деревню проходили то белые, то красные. После их ухода крестьяне не досчитывались многого: то живность со двора заберут и зарежут, то в амбаре зерно уполовинят или же вообще подчистят, то в поле кладь снопов обмолят. Грабили что одни, что другие. Кормиться надо было всем, выживали любой ценой. Сопровивляться было невозможно — это были люди с оружием. Оставалось только горевать да терпеть.

Свёкор часто болел. В непогоду, во время обострения болезни он неделями не слезал с печи — только советы давал. Наравне с мужиками Акуля ездила на лошадях

за дровами на делянку. Жала, косила, трепала лён, молотила, пряла, ткала. Вместе со свекровью топила печь, стряпала, воспитывала сына.

Сельчане говорили ей, да она и сама чувствовала, что находится в беспросветной кабале. Овдовевшие деревенские мужики и даже парни предлагали ей руку и сердце, но она отказывала всем.

В поздних беседах со мной и сестрой Валентиной она, воскрешая в памяти те дни, говорила: «Я много думала и хорошо сознавала, что для себя, возможно, и найдю некоторое облегчение и утешение, но сына я, скорее всего, потеряю». А она его безмерно любила и ещё более сиротить не собиралась. В отношениях с мужчинами держала стойкое табу. В нашей деревне даже легенды о ней ходили. Да я и сам однажды был свидетелем таких разговоров. Сидят на завалинке женщины, наблюдают, как петух за курицей по улице гоняется. «Это наша Акуля от мужиков удирает», – говорит одна. И сцена, и сказанные слова красноречиво характеризовали мою бабушку.

ВОЗВРАЩЕНИЕ БРАТА

Стояло лето 1920 года. Однажды в деревню прибыла подвода. На дровнях – солома. На соломе существо с обликом человека, измождённого, в лохмотьях. Сельчане узнали в нём родного брата Акули – Михаила Ивановича Вершинина. (В деревне Иван и его сын Михаил выделялись большим ростом. Их и стали называть Вершининными. Прозвище закрепилось за ними, и они даже поменяли фамилию Константиновы на Вершинины). Прибежавшая Акуля едва разглядела в оборванце черты любимого брата. Жива была ещё мать Михаила. Она и жена Прасковья с двумя подростками дочками обнимали родного человека, вернувшегося практически с того света. Через шесть лет абсолютного отсутствия вся деревня на него дивилась. «Сущий скелет», – сокрушались женщины.

Никто не верил, что Михаил выживет и поправится. Однако чудо произошло: Михаил Иванович начал вставать с постели и кое-как разговаривать. Домашние узнали, что был он в плену, очень далеко – в какой-то очень жаркой стране, где живут чёрные, как чугунки в печке, люди.

Постепенно Михаил стал вспоминать, что же с ним происходило. С группой солдат российской армии он попал в германский плен. Немцы использовали пленных как рабочую силу на заводах, фабриках и шахтах. Они перебрасывали их даже в свои колонии на африканском континенте. Так вот и оказался Михаил Иванович в Конго. Оказался он там не один. Через Средиземное море немцы отправили туда целый пароход, набитый пленными. Все работали в Конго на руднике, под землёй. Кормили их ужасно. К тому же душила несусветная жара. Многие не выдерживали таких условий – умирали, гибли вдали от Родины. Выживали только закалённые жизнью, крепкие здоровьем люди. Но и они мучились, томясь в плену и не имея никаких шансов вернуться на родину. Но эта цель, цель единственная – возвратиться на отчизну – грела в душе каждого.

Однажды с небольшой группой пленных Михаил разгружал в порту торговое судно, прибывшее из Одессы. Родная речь матросов обострила чувства – обманув охрану, друзья по несчастью потихоньку поднялись на пароход, договорились с командой и спрятались в трюме в мешках из-под муки.

Без денег, без продуктов, почти без одежды, но добрались-таки они до обетованной земли. С невероятными трудностями эти практически безграмотные люди

каким-то чутьём стали искать путь к родному порогу. Сумел и Михаил Иванович, основательно подорвав здоровье, добраться до своей деревни.

Дома он лечился целебными травами, питался здоровой деревенской пищей, был окружён лаской и заботой матери, жены, родных дочек и сестры Акулины. Его здоровье пошло на поправку.

Всё бы хорошо, но грянул 1921 год — сухой и холодный. В Поволжье мало чего собрали. Впереди маячил голод. Бабушка нам рассказывала, что за всё лето в нашей Иванаевке не выпало ни одной капли дождя. Не уродилась даже картошка, не говоря уж о хлебе. Никаких запасов в семье Михаила Ивановича, конечно, не было. Нужно было принимать какое-то решение. Случайно Михаил сумел связаться с земляком, жившим в Подмоскovie. Узнав, что прокормиться там можно, он погрузил на телегу свои нехитрые пожитки, забрал семью и отправился в село Батюшево под Москвой. Оттуда он сообщил Акуле, что у них всё в порядке и с голоду умирать не придётся. Так оно и было.

Но от судьбы, как говорится, не убежишь. Во время родов, умерла жена Михаила — Прасковья, а спустя некоторое время, простудившись, слёг с воспалением лёгких и Михаил Иванович. Вскоре умер и он.

Сестра Акулина заочно оплакала горячо любимого брата и долго-долго о нём горевала.

Голодное время деревня перенесла очень тяжело: к весне 1922 года люди подъели все запасы небольшого урожая — вытрясали из пустых мешков всё, даже пыль. Люди съели в деревне всех кошек и собак — ни мяуканья, ни собачьего лая больше не было слышно. И всё же от голода вымерло полдеревни. Погибали, порой, целыми семьями. Акулина Ивановна всю оставшуюся жизнь вспоминала, как со свекровью пекли маленькие караваи — наполовину с отрубями и лебедой для трёхлетнего сынишки. Сами же питались лебедой, заготовленной с осени, да корой деревьев — вяза и ильма.

Весна оказалась очень ранней и тёплой. Прошли обильные дожди, согнали снег. Половодье было очень дружным и доселе невиданным. Влага и тепло делали своё дело. В апреле в лесу появились сморчки. Их было так много, что на маленьких полянах можно было косить их косой. Такой тёплой и грибной весны бабушка больше никогда не наблюдала. Изголодавшийся люд, еле передвигая ноги, потянулся в лес. Однажды на обратном пути бабушка и её подруги увидели лежащего на обочине под-ростка. Подойдя к нему, поняли, что он мёртв. Рядом валялась корзиночка с грибами — не хватило сил мальчонке донести их до дома. Пережившим это голодное время людям долго не верилось, что они уцелели в столь страшной беде.

ВСТУПЛЕНИЕ В КОЛХОЗ

В 1929–30 годах в деревне началась бурная агитация за вступление в колхоз. Из центра в деревни были направлены передовые рабочие заводов и фабрик, так называемые двадцатипятидесятники. На местах они подбирали себе активных помощников, как правило, из числа бедноты. Вначале активисты посещали каждый двор и рассказывали о планах партии большевиков по созданию на селе колхозного строя. Ходоки тут же записывали желающих вступить в колхоз. После такого подомового обхода выяснялось, что желающих вступить в колхоз практически не было. Написал заявление о добровольном вступлении только один человек из всей деревни — Артемий Демидов. Он считался самым зажиточным по тем временам: содержал маленькую торговую лавку, продавцом в которой работала его жена. Никакого наёмного труда

он не использовал, ему помогали только взрослые дети. Одну из комнат своей пятистенной избы он предложил под контору — правление будущего колхоза. Вслед за Артемием пошли в колхоз несколько бедных безлошадных мужиков. Некоторые из них слыли на деревне откровенными бездельниками. «Трудились» они чаще всего по принципу: «Работа, ты меня не бойся, я тебя не трону!» Видя, что средние хозяйства по доброй воле в колхоз не идут, агитаторы перешли к открытым методам принуждения. Ходить по домам они больше не стали, а начали приглашать по одному в свою контору (правление) и там заставляли писать заявление о вступлении. Если согласия не было, в ход шли штрафы и угрозы — вплоть до высылки в Сибирь.

Бабушкин свёкор Матвей Матвеевич был обстоятельным крестьянином, знал порядок в делах, но по характеру был довольно робким и контактов с представителями власти старался избегать. По вызову в контору он сам ходить не решался, а отправлял сноху, Акулину Ивановну, которой давал наказ — прежде всех в колхоз не вступать. Советовал так говорить партийному начальству: «Пойдут в колхоз все сельчане — мы тоже пойдём». Но такую же позицию занимало большинство деревенских жителей.

Чтобы сдвинуть дело с мёртвой точки, партийцы начали вызывать к себе каждого крестьянина по два раза в день. При встрече диалог был кратким: «Идёшь, Матвеева Акулина, в колхоз?» — «Нет, не иду!» Если было утро, то ей говорили, чтобы вечером она принесла штраф в размере десяти рублей. Корова тогда стоила дешевле. Один раз с согласия свёкра Акулина Ивановна эти деньги скрепя сердце внесла. Но процесс продолжался, а денег в хозяйстве больше не было. Пришлось-таки заявление о вступлении в колхоз написать. То же самое сделали и остальные сельчане. Но были и такие упрямы, как, например, сосед по двору Матвеевых Ермил Парфёнов, двоюродный брат Акулины Ивановны. Никакие штрафы и угрозы на него не действовали. Забрали у него всё имущество, все предметы домашнего обихода, весь крестьянский скарб, забрали даже деревянные ложки (а других и не было). Забрали у него и избушку, выпроводив его с женой на улицу. До самого начала Отечественной войны Ермил в колхоз так и не вступил — жил в бане, плёл лапти сельчанам.

Что касается Артемия Демидова, первым вступившим в колхоз, то с ним поступили не лучше. Когда колхоз практически оформился, его исключили как «кулацкую образину» и увезли, видимо, в Сибирь. Больше никто его из деревенских не видел.

Как и всё новое, колхозная жизнь внедрялась с большим трудом. Бабушкин свёкор отвёл со своего двора в колхоз главную ценность — двух лошадок. Увёл со слезами на глазах. Умные животные тоже не хотели расставаться со своим хозяином. Часто после тяжёлой колхозной работы они, уставшие, подходили к родным воротам. Прадед мой, Матвей, поглаживал их, впускал во двор и кормил, как членов семьи, — делал замес мелкой овсяной соломы с мякиной и посыпал его отрубями. Сытым, им и со двора уходить не хотелось... И как же горевали свёкор и Акулина Ивановна, когда узнали, что обе лошадки вскоре погибли. Кто-то из новоявленных хозяев зимой напоил их, разогретых до пара и пены, ледяной водой. И на ночь оставил на лютом морозе. Лошади погибли, как часто умирали и люди, от воспаления лёгких.

Долго привыкала деревня к колхозной жизни. Постепенно руководить колхозом стали люди поумнее и понадежнее. До конца дней своих бабушка добрым словом вспоминала колхозного бригадира Демьяна Парфёнова, родного брата Ермила, не вступившего в колхоз. Два брата антипода. Акулина Ивановна так и говорила: «Такие люди, как наш Демьян, и должны управлять любым хозяйством. Они в душе готовы к этому и знают толк в порученном им деле». За весь долгий путь в колхозе она не припомнила ни одного случая, чтобы кто-то обиделся на Демьяна за то, что он не учёл какой-либо выполненной работы или оценил её неверно. Ничто не забывалось

у Демьяна, ничего не пропадало. Он не курил и никогда не употреблял спиртного. Дела в колхозе пошли в гору. Правильно организованный коллективный труд стал давать свои результаты. По рассказам Акулины Ивановны, наш колхоз перед войной стал богатым, а трудодень был весомым. Где-то в 1936–37 годах на трудодень колхозники получали вдоволь и хлеба, и овощей, и корма для скотины. Заработанного было столько, что богатство это некуда было ссыпать — все домашние хранилища были переполнены. Да и все обязательства перед государством были перевыполнены. Вполне возможно, что такие результаты закрепились бы и вошли в обычную практику, если бы империалисты не навязали нам тяжёлую войну, которая обескровила не только маленькие селенья, но и большие города.

КОММУНЫ

Большевики пытались организовать в деревне так называемые коммуны — поселения бедноты, которой власть старалась всячески помочь встать на ноги, как говорится, «опериться». Им подвозили отобранные у помещиков предметы быта, одежду, обувь, продукты и прочее. Ожидалось, что эти люди, принимая такие знаки внимания, станут в знак благодарности отлично работать, показывая образец коллективного труда. Предполагалось создавать такие показательные поселения в пример единоличным хозяйствам. Но увы! Этого не произошло. Люди, собранные в коммуны, стали нежиться в барских хоробах и вовсе не желали работать. Когда всех помещиков разорили, обеспечивать «коммунаров» стало нечем. А ведь им нужны были, в первую очередь, продукты: хлеб, молоко, мясо и т. д. Организаторы коммун пошли в народ, к мужикам, что жили своим трудом, но чуть лучше других. Мужиков уговаривали поделиться с коммунарами — отдать им корову, овец, лошадь. Пришли с таким предложением и к Матвеем Матвееву. Это были представители соседней деревни Берёзовки, а с ними и два местных активиста Иван Кузнецов и Демьян Парфёнов — тот самый двоюродный брат Акулины Ивановны.

Моя бабушка вспоминала: она только что убаюкала сынишку и принялась мыть пол в избе. Нежданные гости, как говорится, явились, не запыхались. У мужиков в руках была верёвка. Иван Кузнецов зачитал решение деревенской власти об изъятии из хозяйства Матвея коровы в пользу бедствующих. Свёкор Акули лежал на печи, болел. Молодая мать представила на минуту, как они останутся без единственной кормилицы. Недолго думая, она, размахнувшись, швырнула мокрую тряпку гостям под ноги и крикнула: «Уходите! Корову я вам не отдам!» Мужики попятнулись. Акуля заметила на глазах брата Демьяна выступившие слёзы.

Мужики ещё некоторое время потоптались перед избой, о чём-то переговариваясь, потом ушли.

«Акуля, вот ты не отдала корову, а ведь отправят в Сибирь умирать меня!» — сказал свёкор. «Я не отдала — пусть меня и везут», — ответила сноха.

На этот раз всё обошлось.

Однако через некоторое время за коровой пришли снова. И как ни упрашивала Акуля, как ни плакала, корову со двора увели.

«Что это за власть-то такая? — думала Акуля. — Муж за неё погиб, а она, эта власть, оставляет маленького его ребёнка без молока».

Кто-то из сельчан посоветовал пойти Акулине Ивановне в Набережные Челны (сто километров от нашей деревни) к «самому большому начальнику». Он-де разбирается в жизненных делах и имеет полномочия.

Акулина отправилась пешком, три дня в одну сторону, три – назад. Вернулась с бумагой на имя Ивана Кузнецова, в которой начальственной рукой было написано: «Гражданке корову вернуть! Что же вы творите?» Так корова вернулась домой, хорошо хоть зарезать не успели.

Бойко действовали тогда и продотряды, имеющие неограниченную власть. В один день такой отряд подкатил к хозяйству Матвея Матвеевича. Бойцы выяснили, что в сусеках амбара есть кое-какой запас, в том числе пшено. Эти запасы они скоренько уполовинили. После этого начальник продотряда распорядился амбар закрыть на замок, а ключи передать активисту Константину Лазареву. Ему был дан строгий наказ выдавать хозяевам зерно по мизерной норме в сутки. После отъезда продотряда Константин отдал ключи Акулине Ивановне и посоветовал перепрятать зерно в подполье, а в амбаре оставить лишь часть – для видимости. Лазарев, конечно, рисковал. Тем не менее, он поступил по-человечески.

ОРЕНБУРГСКИЙ ТРАКТ

После завершения коллективизации для сельчан помимо полевых «нашлась» дополнительная работа – ещё более тяжёлая и суровая. В стране стали появляться первые грузовые машины, а дорог для них в нашей местности не было. Был, конечно, многорядный гужевой тракт «Казань-Оренбург», по которому когда-то в кибитке мчался сам Пушкин. Добротными на этом тракте были только мосты, построенные, как говорят, ещё во времена правления Екатерины II.

Нужда в автодороге в тридцатые годы XX столетия была крайне острой. На строительство дороги бросили деревенский люд – с лопатами и носилками. В летнее время каждый колхоз выделял бригаду из мужчин и женщин. На лошадях подвозили песок, гравий и речные камни из оврагов. Женщины с помощью носилок создавали гравийно-песчаную подушку, мужчины специальными деревянными бабами утрамбовывали её. Подъёмы и спуски дороги выкладывали булыжниками. Люди, как муравьи, копошились на этой стройке. Это был непосильный ручной труд – не было ни тракторов, ни бульдозеров, ни экскаваторов. Женщины лопатами рыли кюветы длиной в десятки километров. Вконец обессилив, бригада отправлялась не на отдых, а в поле. Эту бригаду заменяла другая, пришедшая с полевых работ. Так работали – без выходных, за всё те же трудовые дни – на протяжении трёх лет. Наконец адова работа была завершена.

Акулина Ивановна до последних дней своей жизни вспоминала этот каторжный, нечеловеческий труд. Он был сродни тому труду, который так правдиво описал Н. А. Некрасов в стихотворении: «Железная дорога». Люди с отчаяньем обращались к бригадирам: «Когда же закончатся эти мученья?» Один из них, Ананий Ермилов, явно с чувством юмора, отвечал: «А вы разве забыли, как вас агитировали в колхоз, как обещали вывести вас на „светлую дорогу жизни“? Вот она и есть эта дорога. Так чему вы удивляетесь?»

В наших краях, от Чистополя до Бугульмы (а это двести километров), дорогу строили жители сёл и деревень, по которым она проходила. На других участках Оренбургский тракт создавался так же. Эта дорога без асфальтового покрытия служила народному хозяйству страны четыре десятка лет. По ней пылили полторки, газики, ЗИСы и ЗИЛы, послевоенные «студебеккеры», МАЗы и КРАЗы; направлялись на новостройки Заинска, Набережных Челнов и Нижнекамска БелАЗы, скреперы, экскаваторы, бульдозеры и прочая техника. Пробегали редкие легковушки. Дорогу

выпрямили, расширили и покрыли асфальтом только в 70-е годы XX века. Теперь она идёт полями и лугами мимо многих сёл и деревень.

ЖИЗНЬ СЫНИШКИ МИШИ

Миша рос крепеньким мальчиком. Акулина Ивановна в нём души не чаяла. И он, в свою очередь, трогательно и нежно любил свою мать. А к деду Матвею был привязан, как к отцу. Ни на шаг от него не отходил и за столом, во время обеда, вскарабкивался на стул рядом с дедом. Акулина Ивановна умилялась такой идиллии. С десяти-двенадцати лет мальчик стал ездить с дедом в поле. Дед разбрасывал из лукошка семена по пашне, настраивал борону, а боронил внук, ловко управляя лошадкой. Даже соху он начал осваивать чуть ли не в детские годы.

Учиться в школе Миша начал с большим интересом и учился настолько хорошо, что после второго класса его перевели сразу в четвёртый, который он также закончил на «отлично». Потом была семилетняя школа в соседнем селе Добромыш, что в четырёх километрах от нашей деревни. Каждый день Миша ходил туда и обратно пешком. Семилетку он закончил с похвальной грамотой.

Очень хотел учиться дальше, но дед Матвей старел, да и болезнь не давала ему покоя. Дед частенько ворчал, что не хватает помощника в хозяйстве. Конечно, в каникулы Миша очень помогал Матвею Матвеевичу, успевал ещё и в колхозе работать.

Но тяга к учёбе одолевала парня. Однажды во время обеда дед опять стал жаловаться на слабость и пытался вразумить внука. Миша, не выдержав, заплакал и сказал: «Вы готовы повесить на меня пастушеский кнут!» Дед Матвей не стал более упорствовать и отправил внука учиться в среднюю школу, в районный центр Акташ, находившийся от нас в тридцати километрах. Там Миша три года жил на квартире, на выходные же приезжал или приходил домой пешком. В каникулы на полную катушку работал в родном колхозе: косил, подвозил снопы к формируемой клада, работал на конной молотилке.

Миша едва ли не первым из нашей маленькой деревни успешно окончил среднюю школу. Все домашние, включая и деда Матвея, радовались этому событию. Образованных людей на селе в то время практически не было. Порой и письмо, присланное кому-нибудь из сельчан, прочитать было некому.

По окончании учёбы — в 1937–38 году — Миша был назначен учителем начальных классов в школу соседнего села Олимпиадовка. Там он проработал два года.

Летом 1938-го же года Михаил женился на девушке из Юсупкино. Женился по любви. Невеста, Александра Михайловна Чекрыжова, отвечала ему взаимностью. Была он стройная, крепкая и очень работящая, под стать Акулине Ивановне. Молодые были ровесники. Через год у них родился первенец — моя сестра Валя, а потом, через два года, появился я. К тому времени наш отец работал учителем начальной школы в родной деревне Иванаевке.

Ещё в то время, когда Миша жил в Олимпиадовке, умер дед Матвей. Горькими слезами провожали его в последний путь жена Дарья, сноха Акулина Ивановна и Михаил с Александрой.

Однако жизнь продолжалась.

Над страной начали сгущаться тучи — во всю мощь загрохотало на западе страны, началась Великая Отечественная война. Отец был активным комсомольцем и в первый же день войны написал заявление с просьбой об отправке его на фронт добровольцем. Сразу его не взяли, до декабря 1941 года отец продолжал учить детей...

6 апреля 1942 года с дороги, ведущей на передовую, от отца пришла домой последняя открытка. Дальше следовало молчание до самого окончания войны. После Победы наша семья, как и многие семьи страны, получила не «похоронку», а официальное извещение о том, что рядовой Матвеев Михаил Ионович, 1918 года рождения, числится пропавшим без вести на фронте Великой Отечественной войны 12 апреля 1942 года. С такой скупой и скорбной информацией мы жили целую четверть века, не зная где и как воевал отец, какая судьба выпала на его долю, как он погиб и где похоронен.

На момент получения «похоронки» мне шёл четвёртый год. Я мало что понимал, но помню отчаянные рыдания Акулины Ивановны, моей дорогой бабушки. Сражённая известием, как пулей, она упала на пол, навсегда потеряв единственного сына. Это был второй после гибели мужа страшный удар судьбы, который ей предстояло вынести и пережить.

Много раз, значительно позднее, она, вспоминая, произносила: «Ушли отец и сын, как будто одногодки — и тому, и другому было по двадцать четыре года».

ЖИЗНЬ АКУЛИНЫ ИВАНОВНЫ И МОЕЙ МАМЫ В 1941–1952 ГГ.

Война внесла радикальные перемены в жизнь тыловой деревни. Тяжёлый сельский труд перестал делиться на мужской и женский. Все колхозные и домашние дела целиком легли на плечи женщин, стариков и подростков.

Мама днями и ночами пропадала на работе, ухаживала за лошадьми, коровами и овцами. Без добротной одежды (в фуфаячке) и обуви (в лаптях), в любую погоду несла свою вахту. Без полноценного питания (хлеб наполовину с мякиной и лебедой) она целыми сутками ухаживала за колхозной скотиной. Корма для животных тоже не хватало: лошади, ослабев, падали от изнурения прямо на колхозном дворе. Лошадок поднимали при помощи верёвок и привязывали так, чтобы они стояли, не падали, к переводам, имеющимся в основании кровли. Бывало, что, окончательно ослабев, они погибали.

Однажды по весне мама пасла лошадей на первых проталинах. Один жеребец, на котором обычно разъезжал председатель колхоза, вернувшийся с фронта после ранения, увлечшись сочной травой, потерял осторожность и подошёл очень близко к обрыву. Грунт под ним начал сползать, и конь свалился с кручи в бурлящую полую воду и утонул. Сколько было тогда переживаний мамы и Акулины Ивановны! Председатель настаивал на том, чтобы мама полностью покрыла ущерб. То есть нам надо было продавать всю свою скотину, в том числе и корову. Всё же здравый смысл восторжествовал — хоть и была волокита, но коровы-кормилицы мы не лишились.

Колхозные коровы, как и домашние, тоже часто голодали. Из-за того и молока давали мало. А спрос на него был огромный.

На ферме висел большой транспарант: «Всё для фронта, всё для Победы!» В этих условиях жестоко карали за падёж скота — можно было реально угодить в Сибирь на лесоповал. Могли и мать туда отправить, не оглядываясь на её малолетних детей. Слава Богу, наша мама избежала этой участи.

Мама отдавалась колхозной работе целиком, на нас просто не оставалось времени. Я и сестра были на попечении бабушки Акулины и её ослепшей свекрови, нашей прабабушки Дарьи. Они топили печь, готовили еду, ухаживали за скотиной. Иногда маме предлагали «передохнуть» — её перебрасывали на самые тяжёлые работы: в поле — пахать на упрямых быках, формировать кладь из больших снопов, либо

на лесозаготовки. Местный лесоповал находился в тридцати километрах от дома, в окрестностях села Урганча Новошешминского района. Добирались туда пешком, жили в лесных избушках «на курьих ножках» — и это зимой. В лесу — всё в тех же лаптях и фуфачках — тонули по пояс в сугробах. Поваленный лес шёл на строительство, на топливо для тепловых станций и на военные нужды. Все женщины, побывавшие на лесозаготовках, получили хронические болезни. Мама заболела туберкулёзом лёгких.

На полевых работах тоже было нелегко. Пара колёсных тракторов марки ХТЗ и комбайн «Коммунар» постоянно ломались. Чинили их в МТС. Можно сказать, что все работы выполнялись вручную или же на капризных быках и еле передвигающих ноги лошадях. И тем не менее все поля были обработаны, засеяны, и с них был собран весь урожай, до колоска. Даже нас, первоклассников, в 1949 году выпускали, как цыплят, в поле собирать оставшиеся после уборки колосья. Впереди нас, не спеша, на телеге с пологом ехал старичок-инвалид. В телегу мы и складывали колоски. Все тогда были при деле!

В моей памяти остались очень яркие картинки того невыносимого труда: в страду женщины поле жали серпами, снопы свозили в несколько мест и там формировали из них добротные клады, которые не боялись дождей.

В один день приходит указание обмолотить клады, а зерно отправить государству. У комбайна хоть и был мотор для молотилки, но комбайн не самоходный — двигаться сама машина не могла. Да и тракторов на ходу нет. Работу же надо выполнить любой ценой. И тогда все — от мала до велика — выходили в поле, привязывали верёвки к комбайну и на счёт «Раз! Два! Взяли!..» трогали с места многотонный монстр и по чуть-чуть, повторяющимися рывками дотаскивали-таки его до клады. Пожалуй, бурлакам с картины Репина приходилось легче — как-никак, а баржу тащили мужики, а не обессилевшие женщины да подростки.

Обмолотив кладь, народ тащил комбайн к следующей клады и так — до полного изнеможения...

Домашнее хозяйство и огород — сорок соток земли — обслуживала большей частью Акулина Ивановна, поздним вечером к ней присоединялась мама. По ночам они пряли. А весной, Великим постом, ткали на ручном стане холст. Тогда я впервые узнал слова, ныне, кстати, во многом забытые: навой, пришво, набилки, ниченки, бёрдо, челнок, уток, основа и другие. Вытканые холсты белили по определённой технологии. Потом их расстилали просушиваться на травку возле избы. В моей памяти эти холстинные полосы до сих пор сияют снежным цветом. Помню, как хотелось пробежаться по этим белым дорожкам! Но делать это было строго-настрога запрещено. Из домотканого холста шили рубашки, штаны, пиджаки, портянки, мешки под зерно и картошку и прочее.

Вскоре после окончания войны вдовы, старики и подростки были «обеспечены» новой работой — очень трудоёмкой: копать глубокие ямы под посадку деревьев. Был тогда сталинский план преобразования природы. Одна из составных его частей — создание в полях лесозащитных полос. Все поля были расчерчены прямыми линиями, вдоль которых и формировались посадки.

Перед каждым личным хозяйством ставилась конкретная задача — где и сколько высадить деревьев, чаще всего берёз и сосен. Мама и Акулина Ивановна брали нас с сестрой в поле. Что и говорить, огромный труд был положен на создание этих полос. Главной задачей выполнения плана было защитить поля от иссушающих горячих ветров летом. Зимой же деревья задерживали на полях снег, который так необходим почве. Была и ещё одна польза: в этих посадках росли и до сих пор растут

замечательные грибы, в берёзовых — подберёзовики, белые и грузди; в сосновых и еловых — маслята и рыжики. К сожалению, сегодня отношение к лесополосам безобразное: берёзы беспощадно рубят на дрова владельцы коттеджей и бань, на веники срезают верхушки деревьев. То есть творится полнейший произвол.

В послевоенное время у деревенских жителей была ещё одна обязанность — собирать бересклет, так это называлось. Нужно было с корней кустарников, к примеру, волчье лыко или бересклет, надрать кору, очистить её от земли, высушить и сдать несколько килограммов государству. И мама, и Акулина Ивановна, и мы с сестрой — все его драли. Нам говорили, что бересклет используется как сырьё в шинной промышленности. С созданием заводов по выработке искусственного каучука кустарный способ сбора бересклета утратил смысл. Однако нашим родителям пришлось в своё время изрядно помучиться.

УХОД ЗА СВЕКРОВЬЮ

В 1940 году свекровь Акулины Ивановны Дарью ударил инсульт. Сначала старушка ослепла, а чуть позже её парализовало, и она перестала передвигаться. На Акулину Ивановну легла дополнительная и очень тяжёлая забота — уход за свекровью. Свёкор Матвей умер почти сразу — воспаление лёгких «скрутило» его за неделю. А Дарья была прикована к постели целых девять лет. Акулина Ивановна была очень терпелива и великодушна, с большим вниманием она ухаживала за больной.

Условия жизни в нашей деревне были тяжёлыми: сюда не дошли ещё ни электричество, ни телефон, ни газ, ни водопровод. Воду — два ведра по десять литров каждое, носили на коромысле. Деревенские жители хоть и с горечью, но и с каким-то лихим оптимизмом шутили: «Коли цивилизация до нас не доходит, то и конец света не дойдёт».

Акулина Ивановна купала обездвиженную свекровь в большом корыте, передевала несколько раз в сутки и кормила из ложечки трижды в день. И всё это выполняла безропотно на протяжении многих лет. Схоронила она свекровь по всем правилам, предусмотренным Православной церковью и житейскими традициями. Было в Акулине Ивановне что-то от самой Матери Терезы и, видимо, в большой мере. Я считаю, что испытание, выпавшее на долю бабушки, — сродни большому человеческому подвигу.

РАБОТА НА СЕНОКОСЕ

Прекрасная летняя пора — месяц июнь. В деревне начиналась страдная пора по заготовке корма для скота. Для колхозной скотины выкашивались все заливные луга по берегам Шешмы и её притока Кичуя. Большой отряд косцов, строем ведущий прокосы, — зрелище невероятно красивое. Тем более, если это женский строй. Даже в военное и послевоенное время женщины в эту пору одевались ярко, по-своему красиво — ситцевые платья и кофточка в цветочек, лёгкие разноцветные платки и косыночки. Однако косить вручную, на самом деле, очень трудно. Временами при широком размахе косы в густой траве «ребро за ребро заходит».

Моя мама косила мастерски, она обладала природным здоровьем и силой. Это признавали все: и мужики, и бабы, её подружки. Акулина Ивановна тоже хорошо косила, умела это делать, но ей уже не хватало силёнки. Её покосы были уже. От мамы

и бабушки я рано обучился этому ремеслу. Однако силы мне часто не доставало. Но если долго мучиться, что-нибудь получится. И на сенокосе так же.

В 1957 году, когда я учился в девятом классе, Иванаевку подсоединили к соседнему совхозу, а наш колхоз ликвидировали. Для владельцев домашнего скота в подворьях разделили, помнится, второй укос клевера с люцерной в поле. Каждому владельцу коровы выделили по полгектара. Некоторые мужики подряжались косить наделы тракторной косилкой за небольшие деньги или за «натуру», то есть, водку. У нас с Акулиной Ивановной не было ни того, ни другого и я тихонько начал косить сам. Три дня я не ходил в школу, но пай одолел с похвальным качеством. И даже бригадир Борис Ладанкин ставил мужикам меня в пример. Бабушка радовалась моей удали, старанию и умению. Это был едва ли не единственный год, когда мы не бедствовали из-за недостатка кормов для бурёнки.

Уборка сена на селе — яркое и удачное воплощение коллективного человеческого труда. На лугах всем находится дело. В сенокосную пору «вся деревня на лугу», как писал А. Н. Некрасов. Одни сгребают подсушенные ряды сена в небольшие копны, другие вилами складывают их на «лозы», прикреплённые к передку тележной упряжки, третьи — детвора — сидя верхом, подвозят копны к стогу. А крепкие мужики и женщины поднимают вилами эти копны на стог, делая его всё выше и выше... Наша мама часто работала у стога. Когда наступал обед, всех созывали к костру, где в огромном котле кипела лапша с бараниной. Даже в нашем бедном колхозе руководство для этого выделяло одного барана. Вкусной была эта добротная еда на свежем воздухе, тем более, что вкуса мяса в летнюю пору деревня практически не знала.

В жару молодёжь уговаривала председателя дать хотя бы полчаса на купание в Кичуе. Порой он соглашался и демонстративно доставал карманные часы. Что тут начиналось! Нырjali, переплывали речку. Кого-то хватили за ноги, за руки, раскачивали и плашмя бросали в воду. Кто не умел плавать, тот барахтался у берега, на мели. Крик, визг, гам, ликование, а вокруг переливаются на солнце радужные брызги. Ну, а потом — снова за дело. Пора сенокосная недолгая.

Война окончилась, но в деревне ещё долго жизнь была трудной. Немногие мужчины вернулись домой. Редкому двору, редкой хозяйке повезло — «повезло на три села одной...» В нашей деревне Иванаевке насчитывалось двадцать пять дворов. Двадцать пять мужиков не пришли с фронта. Овдовевшие женщины выматывались на изнуряющих работах и приходили в полное отчаяние.

Осенью 1950 года нашей маме сделал предложение Иван Дмитриевич — вдовец, фронтовик. Его жена Варвара умерла десять лет назад — простудилась на работе, тяжело заболела и выздороветь не смогла. Мама долго раздумывала, колебалась, робела. У Ивана Дмитриевича было пятеро детей. Правда, трое уже выросли и жили отдельно. При нём были дочь Евдокия и сын Ваня, мой ровесник. Маму настораживало ещё и то, что Иван Дмитриевич любил выпить.

В сложной житейской ситуации оказалась и Акулина Ивановна. Идти в дом к Ивану Дмитриевичу ей совсем не хотелось, а оставаться одной в избе — тоже не выход.

— Ты, Шура, иди, коли надумала. А я никуда из своей избы не пойду, — говорила она.

Мама отвечала:

— Дети будут постоянно бегать к тебе, пойдут всякие разговоры. Скажут ещё, что я их бросила.

Мы с сестрой, и правда, очень любили нашу бабушку и не представляли, как можно жить в большой семье без неё. Так мама и заявила жениху, что без свекрови она

замуж не пойдёт. После нелёгких раздумий Акулина Ивановна опять выбрала жертвенный путь: скрепя сердце она пошла с нами.

Осень и зиму (1950–1951 годы) мы прожили в большой и сложной семье. С Ваней и Дуней мы сдружились, но с отчимом — нет. Не помню, назвали ли мы его хоть раз отцом. А ему этого хотелось. Привыкнуть к «новому» отцу для нас с сестрой было очень сложно... Иван Дмитриевич после женитьбы с месяц крепился, не пил. Но на большее его не хватило: раз за разом всё чаще и чаще стал он «принимать на грудь». С мамой у них пошли нелады, и она решила уйти от него. По весне, когда сошёл снег, мы вернулись в родной дом. Мы с Валею помним, как чистили и отмывали его после квартирантов. И всё же это было радостное возвращение.

Радость возвращения была недолгой: нервозность краткого и неудачного замужества отразилось на мамином здоровье, она стала часто кашлять. Кроме того, мама была беременна. Все домашние дела свалились на всемогущую нашу Акулину Ивановну.

Осенью 1951 года мама родила девочку. Назвали её Надеждой. Имя очень символичное, однако мамины надежды не оправдались. После родов мама совсем ослабла и разболелась — у неё стал развиваться туберкулёз лёгких в открытой форме. Все мы жили в одной избе. Она была дырявой, продуваемой, и зимой мы часто ютились на тёплой печке всем скопом.

Туберкулёз в то время был практически неизлечим, да и жили мы в глуши. Бабушка старалась исполнять все советы и рекомендации врачей. К примеру, больную нужно было поить растопленным барсучьим салом. Акулина Ивановна бросилась к охотникам, в село Ерсубайкино, за двадцать километров от нашей деревни. Купила там пудовую тушку барсука и на горбу, пешком, притащила домой.

Какое-то время мама лежала в больнице, но лекарства не помогали. Не помогло ни сало, ни мясо барсука — мама таяла, как свечка. Я до сих пор помню, как она кашляла с кровью.

Всё это время она продолжала кормить грудью Надю.

Акулина Ивановна всё молилась Богу, чтобы помог снохе: «Пусть лучше я умру, — говорила она, — а ей нужно жить и растить детей. Зачем их сиротить?»

Чуда не произошло. Десятого июня 1952 года мама умерла.

Кроме нас с сестрой, на руках у бабушки осталась девятимесячная Надя. Девочка порывалась уже вставать на ножки и припрыгивала на руках у бабушки. Сельчане советовали отдать ребёнка родному отцу, но Акулина Ивановна понимала, что для безвинного младенца это будет равносильно гибели.

После смерти мамы прошло два месяца. Ни мы, ни бабушка, которая не отходила от больной, не заразились. Не убереглась только Надя. В конце лета мы её похоронили рядом с матерью.

ПОХОРОНЫ МАМЫ

Я держал бабушку за руку.

— Не плачь, — шептал я ей дрожащими губами.

Рядом навзрыд плакала моя старшая сестра Валя.

Мы втроём сидели возле гроба, в котором лежала, навсегда упокоившись, наша мама. Мы с сестрой очень боялись, что от сильных переживаний и неуёмного плача и с бабушкой может случиться что-то непоправимое, и тогда мы останемся совсем

одни на этом свете. Но как было не плакать, как удержать слёзы, если Акулине Ивановне предстояло похоронить не просто сноху, не просто дочь, как она её называла, а мать маленьких детей-сирот.

Смерть мамы, Александры Михайловны, не была для сельчан неожиданной. Они скорбели вместе с нами и сочувствовали всей душой.

Похороны пришлось на православный праздник Троицу. Вся природа цвела и ликовала, а на наши плечи навалилось непосильное горе. Маму хоронили всем селом и со всеми возможными в послевоенную пору почестями: гроб несли на руках до самого кладбища, которое находилось в селе Юсупкино, — три километра от нашей деревни. На этом же кладбище покоились родители мамы Устинья и Михаил и свекровь и свёкор Акулины Ивановны Дарья и Матвей.

В последний путь маму провожал весь колхоз. Гроб, обильно политый нашими слезами, с телом любимой мамы, опустился в землю.

Мне было десять лет, сестре — двенадцать, Акулине Ивановне — пятьдесят восемь. Со всей остротой вставал вопрос: как жить дальше?

ВЫЖИВАНИЕ

Некоторые советовали бабушке отдать нас в приют. Так тогда в деревне называли детский дом для детей-сирот. Акулина Ивановна выслушивала эти советы, и сердце её обливалось кровью. Для неё было невыносимо даже представить нас в таком заведении, она считала это откровенным предательством. Бабушка решила: оставаться жить всем вместе в своей избе. Только одно её беспокоило — хватит ли ей сил и здоровья вырастить нас. В молитвах к Богу она просила продержаться на этом свете хотя бы лет пять-семь.

Глядя на эту непростую ситуацию с высоты своего возраста и житейского опыта, я с благодарностью говорю: «Дорогая наша бабуля, какая же ты была у нас молодчина!» Прошло ведь только семь лет, как закончилась тяжелейшая война. Деревня, обессилив основательно, бедствовала. Многое было запущено, хотя, надо отдать должное женщинам и подросткам, поля ежегодно были вспаханы и засеяны. Колхозные стада коров и овец не уменьшались. Правда, работать приходилось с большим надрывом. Смерть мамы — свидетельство тому.

Перед нами во весь рост вставали вопросы: как выжить и не умереть от голода, где взять средства на одежду и обувь, как и чем обогревать жильё зимой, держать или не держать корову? Если держать, то как и где заготавливать для неё корм?

Жизненный опыт бабушки показывал, что для здоровья необходимы молоко и молочные продукты и, пусть не так часто, мясо — свинина или баранина. Телят не резали, их либо меняли на хлеб, либо, из-за полного безденежья, продавали. Эти деньги, как правило, шли на одежду и обувь. Содержать корову в послевоенное время было делом трудным даже для семьи, где был хотя бы один здоровый мужчина. Для коровы на зиму надо было накопить и привезти домой — на лошади или быке — не менее десяти возов сухого сена. Если эти запасы пополнить ещё и соломой, особенно овсяной, то продержать бурёнку в сытости будет всю долгую зиму. Проблема заключалась ещё и в том, что заливные луга выкашивались на корм колхозной скотине, а на всех буграх, откосах и возвышенностях всё лето пасся скот, и сена там накопить, даже в дождливое лето, было невозможно. Трава там просто не успевала вырасти.

Акулина Ивановна решила с коровой не расставаться. Однако её содержание обходилось дорогой ценой. По зарослям ивняка с риском потерять зрение бабушка махала серпом и теребком и привозила домой возок-другой душистого сена.

Иногда колхоз делил на трудодни так называемый второй укос на заливных лугах. Однако учитывались трудодни, заработанные исключительно на колхозном сенокосе. У нас таких было меньше всех, потому что не было реальных косцов.

К бабушкину маханью серпом по неудобьям подключались и мы с сестрой. Конечно, неумело, без сноровки и опыта. В один из таких дней я чуть не отхватил себе палец на левой руке. Увидев мою окровавленную руку, бабушка сильно перепугалась и долго меня после этого с собой не брала.

От матери осталась хорошо отлаженная коса. При жизни мама иногда брала меня с собой на косьбу, но не как работника: я любовался Кичуем, дышал воздухом, настоящим на луговых травах, и даже хрумкал, как лошадка, витаминным борщовником. Наблюдения мои помогли потом довольно быстро освоить косьбу. Уже вскоре после смерти мамы я прытко косил по крутым оврагам, стараясь делать прокосы в травах на манер матери.

Но косьба вручную — дело нелёгкое. Силёнки для этого у меня было маловато, но я старался изо всех сил и очень радовался, когда из накошенной мной травы получалась вязанка-другая душистого сена. Скашивал я в оврагах даже жгучую крапиву и зимой удивлялся тому, как наша корова уплетает её, как самое вкусное лакомство.

Вообще, за непривередливость в еде нашей бурёнке можно было памятник поставить — если не было сена, она с большим аппетитом питалась грубой ржаной соломой. Заготовленного летом корма на всю долгую зиму не хватало. Частенько я после уроков брал большие салазки и шёл, утопая в снегу, в поле. Там отыскивал место, где осенью стояли стога. Их уже давно свезли на колхозный скотный двор и скормили. Но под снегом остались окрайки омета. Я вилами теребил остатки соломы, выковыривал её и, набрав, по детским меркам, воз, с удовлетворением волочил его к дому. Голодная корова ждала меня с нетерпением. Иногда она призывно мычала, глядя в мою сторону. Порой её нетерпение было столь велико, что она, перемахнув через низенький забор, шла, проваливаясь по брюхо в снегу, встречать меня. С голодной радостью хватала она ртом пучки грубой соломы и, смачивая слюной, с трудом глотала. Я легонько поглаживал её. У нас с ней была трудная жизнь, но мы шевелились, стараясь не думать о смерти.

По весне, когда скотину выгоняли на травку, наша бурёнка своим тощим видом и неровными клочками шерсти выделялась среди других коров. Ей очень радовались галки, вороны, сороки и скворцы. По-моему, они любили её, как мать родную. Безо всякой боязни они садились на неё и набирали для гнёзд шерсть, отслужившую своё. Кажется, и бурёнке было приятно это пощипывание и почёсыванье. Как бы то ни было, но на травке корова быстро поправлялась и хорошела. Теперь она радовала уже нас, надёжно поила целебным молоком, кормила творогом, сметаной и маслом. К слову сказать, масло и сметана были на столе не всегда — часть сдавали государству, часть, от большой нужды, продавали.

Корова не только давала нам молоко, она почти каждый год вынашивала в себе телёнка. Он появлялся в середине зимы. Как радовались мы с сестрой его появлению! Тёплого клева у нас не было, и поэтому телёнок жил с нами в избе до весны. Бывало, глядя с печки на него, только что родившегося, ещё мокренького, мы мечтали о том, как он начнёт вставать на ножки. Телёнок подрастал, пытался подняться, но его нежные копытца разъезжались в разные стороны. «Вставай, не ленись, — поддерживали мы его, — скоро научишься ходить и бегать!» И действительно, за один вечер постигал

телёнок столь сложную науку. Несмотря на то, что телёнок был привязан верёвкой к ножке кровати, он умудрялся и прыгать, и припрыгивать, бегать и брыкаться. Когда же по весне его первый раз выпускали на улицу — что тут было! Почуввав желанный и настоящий дух свободы, телёнок ошалело носился по двору, резвился и играл. Вырвавшись на улицу, он бегал наперегонки с такими же телятами и был готов махнуть через плетень от обуявшей его радости. В такие моменты я думал: удастся ли мне хоть раз в жизни испытать такую радость чудных перемен?

Подросших телят Акулина Ивановна, как правило, меняла в соседнем совхозе на хлеб, которого нам всегда не хватало. Государство нам выплачивало пенсию за погибшего отца — сто пятьдесят рублей ежемесячно. Один пуд (шестнадцать килограммов) ржаной муки стоил тогда пятьдесят рублей, а на месяц нам еле-еле хватало три пуда. Но ведь нужно было ещё покупать и соль, и спички, и мыло, и керосин — электричества в нашей деревне тогда не было. Да много чего ещё. Какие-то деньги бабушка умудрялась выручить от продажи яиц, масла, зимой — свинины. Большую же часть сдавала государству в качестве налога. Даже шерсть с овец облагалась налогом. Никаких льгот нам, как сиротам, не было.

Не освобождали нас и от подписки на госзайм. Эта подписка всегда осуществлялась добровольно-принудительно. В нашей деревне её и начинали, как правило, с нас. В результате долгих переговоров Акулина Ивановна с болью в сердце отдавала двадцать пять рублей. Зато какой рекламный козырь появлялся у агентов, осуществляющих подомовую подписку! «Вы посмотрите, — говорили они, — старуха с двумя сиротами подписалась, а вы упираетесь». Так они, пристыживая односельчан, побуждали их отдать государству столь необходимые в хозяйстве деньги. Распространение госзайма шло успешно каждый послевоенный год. Правду сказать, раз-другой нам выпадал небольшой выигрыш. В такие моменты мы радовались: можно было купить хотя бы учебники и тетрадки к новому учебному году. Жаль, что выигрыши были мизерными и выпадали редко.

Нуждались мы не только в деньгах. Трудно даже сказать, в чём мы тогда не нуждались.

ДРОВА

Все избы в нашей деревне отапливались дровами. Жалко, что леса близко не было. Ближайший лесок был в трёх километрах от нас, но его почти подчистую вырубили за годы войны. Дрова приходилось доставлять из дальнего леса, принадлежавшего при царе помещику Маланчеву. Этот лес по сей день земляками зовётся маланчевским. Когда там хозяйничал помещик, мужикам нельзя было даже сухую палку из леса вынести. Непослушных травили борзыми собаками, иногда до смерти. Мужикам приходилось вскладчину выкупать у Маланчева делянки.

Акулина Ивановна, когда ещё была жива мама, летом — на коляске-двуколке, зимой — на больших салазках вдвоём волочили к избе дровишки из этого леса. Он находился в пяти километрах от деревни.

После смерти матери в дальний лес мы ездили редко и только летом, когда бригада каким-то чудом давал нам лошадей или, чаще, быка. В жару быки, искусанные слепнями и оводами, были неуправляемы. Не слушались даже опытных и сильных мужиков, что уж говорить о нас с бабушкой. Бывали случаи, когда бык шёл напролом, не разбирая дороги, и ложился отдыхать в тени, забравшись в самую чашу. При этом он ввал сбрую и ломал колёсную ось повозки. В таких случаях само возвращение домой

было весьма проблематичным. Мы возвращались поздно, совершенно опустошённые и в слезах.

Летом дров тратилось немного, хотя печь топили ежедневно. В ней пекли хлеб, готовили еду себе и скотине — свинье и курам. Коровы и овцы паслись в табуне — там они щипали травку и их водили на водопой. Вечером, когда они возвращались домой, их только поили во дворе.

Зимой дров требовалось в разы больше. Кроме большой печки, топилась ещё и маленькая, «буржуйка», для быстрого, хоть и краткого, обогрева избы. Мы с Акулиной Ивановной ходили рубить и пилить ивняк по берегам Кичуя. Ивняк сначала заготовливали, потом просили у бригадира лошадь или быка и везли домой эти сизые, мёрзлые дровишки. Растапливать такими дровами печь было сущим мученьем — они только пытели и трещали. На торцах поленьев закипала, обильно пенилась выжимаемая огнём вода. Шёл и пар, и дым, а огня почти не было. А тот, что появлялся, был каким-то ущербным: не красным, а грязно-фиолетовым. Тепла от таких дров было тоже крайне мало. Если нужно было испечь хлеб, то надо было сжечь прорву таких дров. Приходилось снова и снова ходить за ними. Когда Акулина Ивановна болела, за дровами отправлялись мы с сестрой, школу нам приходилось пропускать.

Однажды бригадир выдал нам совсем слабую, замученную на колхозной работе лошаде́нку. Ещё когда мы ехали на берег с пустыми санями, она от бессилия упала на зимней ледяной дороге и, похоже, надумала испускать дух. Что мы только с сестрой не делали: гладили животное, уговаривали, умоляли, скормили ей два ломтя хлеба, которые бабушка дала нам в дорогу, — толку не было. Мне пришлось распрячь лошадь и, поглаживая её, потянуть за узду. Каким-то чудом лошадка поднялась. Мы снова её запрягли и всё же поехали за дровами с надеждой привезти хоть малость. К счастью, путь проходил мимо колхозного стога. Сено уже отсюда брали. Мы тоже надёргали для лошади душистую охапку. Пока рубили дрова, наша лошадка жадно ела. С грузом мы ехали ещё медленнее, а на подъёмах, помогая животному, толкали сани. К дому добрались вечером. Бабушка уж заждалась нас.

КОЛХОЗНАЯ РАБОТА

И после смерти матери Акулина Ивановна каждое лето в страду ходила наравне со всеми жать хлеба. Серпом она владела мастерски, навык у неё в этом деле был огромный. Несмотря на большую занятость по дому и преклонный возраст, она ни в чём не уступала молодым. Это касалось не только жатвы, но и любой другой колхозной работы. Часто даже ей, одной из первых закончившей отмеренную полосу, приходилось помогать другим, менее расторопным.

Мы с сестрой все каникулы тоже работали в поле. Я на лошади возил сено, когда метали стога; снопы, когда вершили кладь; зерно на ток. Сестра вместе с подружками пропалывала сорняки в поле. Девочки обрабатывали мотыгами капустные и свекольные плантации, веяли ручной веялкой зерно на току, вязали липовые венки на корм колхозным ягнятам, выполняли и другую работу наравне со взрослыми женщинами.

За лето у нас накапливались кое-какие трудовни, на которые под осень выдавали зерно — по сто-двести граммов на один трудовень. Конечно, это не обеспечивало нас хлебом, но небольшое подспорье было. Но главное, мы приобщались к настоящему взрослому труду, к слаженной работе в коллективе. В постоянном труде мы росли быстрее и очень этому радовались. Акулина Ивановна с удовлетворением замечала

и наш трудовой азарт, и наше взросление. Бабушка всегда была очень внимательна ко всему, что с нами происходило.

Мои друзья курили вовсю, ловко выпуская кольца дыма через нос. Однажды летом дали папироску и мне, третьекласснику. Некоторое время я баловался, пытался затягиваться, хоть и было очень противно. Курили, конечно, украдкой, потихоньку от взрослых. Но что в деревне утаишь? Однажды Акулина Ивановна говорит мне: «Сынок! (Она часто звала меня так.) Я слышу от людей, что ты курить начал. Если, действительно, тебя затянуло это дело и ты не в силах бросить, то кури открыто, не прячься. Кругом на крышах и на повети солома, зароните огонь и сгорит деревня. Вот какая беда может случиться!» Бабушка меня не ругала, а мне почему-то до слёз стало перед ней стыдно. После этого я решил больше никогда курево в рот не брать и верен себе до сих пор.

НАША УЧЁБА В ШКОЛЕ

Начальную школу мы с сестрой закончили в родной деревне. Школа была малокомплектной — один учитель на четыре класса. Занятия проходили в две смены. В первую смену в одной классной комнате занимались первый и третий классы, во вторую — второй и четвёртый. Учителю приходилось нелегко, нужно было маневрировать. Пока в одном классе дети делали самостоятельную работу, в другом учитель проводил опрос. Я и сестра учились с большим интересом. После начальной школы стали ходить в среднюю — в село Кузайкино, что в пяти километрах от нашей деревни.

Сестра, которая была старше меня на два года, зимой жила в интернате при школе. Я же все шесть школьных лет ходил туда и обратно при любой погоде. В лютые холода учителя говорили: «Если завтра будет мороз ниже сорока, в школу не приходите!» Утром слезешь с тёплой печки, выйдешь на крыльцо, наберёшь воздуха в нос и гадаешь, сколько же сегодня градусов. В деревне не было ни одного термометра. Пропускать занятия не хотелось. Встаёшь на лыжи и катишь до школы. На углу школьной избы был прилажен термометр, который показывал минус сорок три по Цельсию. Тогда поворачиваешь лыжи назад и едешь домой. По такому-то морозцу — дар здоровью.

После восьмого класса мне купили велосипед, весной и осенью я добирался до школы уже на нём.

Занятия в старших классах — восьмой-десятый — были платными. Мы с сестрой, как сироты, учились бесплатно. Учились мы очень хорошо, и на родительских собраниях нас хвалили. Акулина Ивановна была страшно горда. Иногда она с грустью вздыхала: «Как бы радовался этому ваш отец! Он очень любил своих учеников, особенно тех, кто учился увлечённо, с интересом».

В 1957 году сестра окончила среднюю школу. Вале присуждалась серебряная медаль, но районная комиссия снизила балл за сочинение, и медаль сестра не получила. Тем не менее, она в этом же году поступила на агрономический факультет Казанского сельскохозяйственного института.

Я окончил школу с золотой медалью. Потом два года проработал учителем русского языка в новой, только что открывшейся восьмилетней школе в селе Берёзовка.

В нашей стране установка на всеобщее среднее образование тогда ещё не было. Обязательной считалась семилетка, но и её не все одолевали. Я понимаю, насколько легче пришлось бы нашей бабушке, живи мы возле неё и помогая по хозяйству. Но никогда, ни одним словом она не посетовала на это, видя, с каким старанием мы учились.

Акулина Ивановна была малограмотной, однако как толково она разбиралась во многих делах и жизненных обстоятельствах. Порой нам с сестрой давала ценные, можно сказать, профессиональные советы по психологии и педагогике. Я думаю, что не всё даёт образование, оно только шлифует, «обтёсывает» человека. Есть ещё и природный дар. Приведу один пример. Обычно домашние задания я выполнял быстро, но иногда по математике или по физике встречались такие задачи, над которыми я засиживался. Я работал за столом, возле «мигалки» – керосиновой лампы без стекла. Бабушка уже почти засыпала на печи. Время от времени она открывала глаза и видела меня всё в той же позе. «Сынок, отступись от задачки, ложись спать, отдохни – утром всё сделаешь наилучшим образом», – говорила она. Так и выходило – на свежую голову всё быстро решалось. Не зря в народе говорят: «Утро вечера мудренее».

РАБОТА НА ОГОРОДЕ

При создании колхоза всем его членам выделили сравнительно большой участок земли – сорок соток. Причём между дворами разделено было поровну, чтобы никто не обижался. Земля эта примыкала к дворовым постройкам и предназначалась для посадки картофеля и для посева конопли. Так уж повелось, что в нашей деревне ничего, кроме этого, не возделывали, если не считать ещё подсолнухов. С картошкой тогда всё было понятно – собирали её очень много. Малая часть шла себе на пропитание, большая – скотине. До войны в семьях народу было много, к работе все были привычны. Порой, не дожидаясь плуга, вскапывали свой надел лопатой, под лопату же высаживали в лунки картофель. Прополка и окучивание тоже проходили довольно быстро, с такой-то прорвой рук. Колорадского жука тогда не было и в помине. Копали картошку тоже дружно и не особо напрягаясь.

На посев конопли отводили четверть площади. Прадеды, деды, отцы, да и люди моего поколения брали от конопли всё самое ценное: кудель и масло. Из кудели пряли тонкие и прочные нити, из которых ткали потом на домашнем станке холст, шедший на одежду и прочие нужды. А каким вкусным и полезным получалось конопляное масло – густое, зеленоватое, ароматное! Ни в какое сравнение оно не идёт с так называемыми растительными маслами, от которых сегодня ломаются полки продовольственных магазинов. Мне ещё удалось попробовать масло конопли на вкус. Грустно, что из-за тех недочеловеков, которые стали из незрелой конопли производить наркотики, растение впало в немилость.

После войны обрабатывать выделенные сотки становилось всё труднее. Население деревни сокращалось на глазах: старики умирали, молодёжь потянулась в город. И тем не менее наш многожильный деревенский люд продолжал творить чудеса: возделывали, засевали, обрабатывали каждую сотку и получали отменный урожай. «Это, деточки, только глаза боятся, а руки делают», – говорила нам Акулина Ивановна. Когда очень уж уставали, бабушка отправляла нас на речку искупаться, а сама принималась за обед. Передохнём – и снова за работу. И ничего, не хныкали.

ПОМОЩЬ СОЧУВСТВУЮЩИХ

«На миру и смерть красна», – любила говорить бабушка. Односельчане наши были чуткими к чужой беде, помогали и нам. Участник войны Иван Григорьевич Тимофеев, побывавший в плену, часто давал нам дрожки. Сделал он их собственноручно

и колхозу не отдавал. Делился он с нами и добротной длинной верёвкой, чтобы перевязывать дрова или воз сена.

Егор Михайлович Павлов, наш сосед, шестью годами старше меня, не раз вспахивал плугом наш огород под посадку картошки. До ухода в армию (Егор служил в ГДР) он подвозил горючее и смазочные материалы к тракторам и комбайнам из МТС. За ним была закреплена лошадь Карько. Иногда Егор предлагал Акулине Ивановне: «Давайте мы с вашим Колькой съездим на колхозную делянку вам за дровами». Бабушка с радостью меня отпускала. Работал Егор хорошо и ловко. Я старался брать с него пример. Егор также помогал привезти возок-другой сена с Кичуя, которое бабушка, кланяясь, серпом собирала по кустам. Он и на мельницу отвозил какой-нибудь мешочек зерна, полученный нами на трудовни, и возвращался с мукой. Вообще помогал нам часто и бескорыстно. А ведь их семья жила чуть ли не беднее нас. Отец Егора Михаил был колхозным трактористом. Однажды ему пришлось долго ремонтировать трактор. Лёжа на сырой земле, дядя Миша крепко простудился, заболел и умер перед самой войной. На руках у вдовы осталось пятеро детей, Егор был старшим. Никакой пенсии за потерю кормильца в колхозе тогда не предусматривалось. Маясь от постоянного безденежья, мать Егора Ефросинья говорила бабушке: «Вы хоть пенсию получаете, Акуля. А у меня нет ни копейки». И это было сущей правдой — так жили многие в деревне в военное и послевоенное время.

Помогал нам и бабушкин «жених». Когда-то давно, две зимы подряд, сватался к Акулине Ивановне Филипп Яковлевич. Он чудом уцелел в Первую мировую войну, побывав в австро-венгерском плену в Албании. Во время Гражданской войны воевал в 25-й Чапаевской дивизии, был ранен, получил инвалидность и в Великой Отечественной войне уже не участвовал.

Бывало, попросит его Акулина Ивановна заколоть барашка или зарезать свинью, придёт непременно. Потом бабушка приглашала его к самовару, подносила стаканчик самогона. За столом Филипп Яковлевич возьмёт да и напомним бабушке: «Замуж вот за меня не пошла, а барашка заколоть теперь просишь». Жenu он, конечно, нашёл — женился тоже накануне Первой мировой. Жили они многодетно и долго.

Помогал бабушке и Николай Никитович Симонов. Коля был года на четыре постарше меня. Жил он с бабушкой Афанасией и дедом Романом. Очень они любили своего единственного внука. Отец Николая Никита Андронович погиб на фронте. Мать Аня с дочерьми Ольгой и Верой какое-то время жила в Вычегде, однако горжанками они так и не стали. Николай рос крепким мальчишкой. Учиться бросил, кажется, ещё в шестом классе и стал работать помощником конюха — очень уж он любил лошадей. Часто выручал нас Коля лошадкой и раз-другой вспахивал плугом наш огород.

Школа нас поддерживала чисто символически. Мы с Валею за отличную учёбу получили один раз по сто рублей. Да, школа была тоже крайне бедной, но авторитет учителя был тогда очень высок.

Всегда сочувствовала нам, стараясь хоть чем-то помочь, Вера Фёдоровна Егорова. Она почему-то называла нашу бабушку няней. Возможно, Акулина Ивановна когда-то водилась с маленькой Верой. Вера Фёдоровна часто приглашала нас помыться в приготовленную, хорошо натопленную баню, за что мы ей были несказанно благодарны.

В первые годы после смерти мамы нам помогал колхоз. Раз или два правление нам оказывало материальную помощь — выдавало восемь килограммов муки в год. На отчётном собрании председатель Алексей Ефимович Кувшинов докладывал о содеянной благотворительности — как колхоза, так и его лично.

Мы были благодарны всем людям, хоть чем-то помогавшим в трудное для нас время. Жить без этого нам было бы ещё сложнее.

ОТРАДНОЕ В ЖИЗНИ СЕЛЬЧАН

Конечно, времени для веселья и развлечений в военное и послевоенное время было крайне мало. Однако люди грели свои угнетённые души любимыми песнями. Отправляясь на работу в луга и возвращаясь домой, женщины пели — на всю округу разносились их сильные голоса. Пели «Катюшу», «Каким ты был», «Шумел камыш», «Живёт моя отрада», «Бродяга», «Валенки» и другие песни.

Ежегодно отмечали все двенадцать православных праздников. Особенно торжественно праздновались Пасха, Троица, Рождество и Крещение. На них съезжались гости — родные из соседних деревень. Собирались в компании из трёх-четырёх дворов и по очереди накрывали столы. Спиртное готовили сами — ставили брагу и гнали самогон. Под хмельком пели. Аккомпанировал исполнителям «ложечный оркестр». Играла и гармонь-хромка. Тут же были пляски. Мы с сестрой, забравшись на полати, очень любили смотреть, как с топаньем и свистом веселилась наша родня. Мама и Акулина Ивановна были гостеприимными, хлебосольными хозяйками. Они замечательно пели и нередко задавали в этом тон.

Очень радовалась деревня приходу весны, бурному половодью, первой зелёной травке, первым цветочкам душистой черёмухи и грибочку-сморчку в лесной чаще, робкой трели соловья.

В Пасху женщины катали крашеные яйца. Для азартного состязания шили специальный мяч со сплюснутыми боками, похожий на колесо, наполняли его ветошью и хлопьями от кудели. На земле играющие раскладывали расписные яйца и отмеряли от них расстояние в двадцать пять-тридцать шагов. Перед игроком стояла задача — сбить с этого расстояния мячом яйца, которые победитель и забирал себе.

К июлю созревали ягоды. Каждое лето в это время женщины и дети устремлялись на Духову гору — так называлась возвышенность на правом берегу Кичуя. Росли там отменные душистые ягоды: земляника и луговая клубника. Ягод хватало на всех. Недели две-три, урывками, ранним утром до работы или поздним вечером люди собирали этот замечательный дар природы. Варенье тогда не варили — не было сахара. Ягоды сушили в русской печке на листьях, а порой и на жарком солнышке. С сушёными ягодами зимой пили ароматный чай. Они же шли в начинку для пирогов. Ходили и за малиной на вырубы в большой лес.

Временами собирали грибы. Попадались изумительные грузди с красивой бахромой. Акулина Ивановна принесла однажды на коромысле два больших десятилитровых ведра молоденьких груздей. Много было опят — летом в траве попадались мелкие луговые опята, а осенью на пеньках и гниющих деревьях мы срезали роскошные лесные опята.

Ходили в лес за лесными орехами. Тогда их было очень много. Из леса носили их мешками, сушили, запасали к зиме. Потом, как белки, разгрызали их, наслаждаясь ароматом и вкусом. Одаривала нас ими лещина — щедрое тонкое деревце.

Веселился послевоенный народ и на свадьбах. Хоть и редко, но они всё же справлялись. Невесту привозили в дом на ярко украшенных председателевых санках. Коня тоже украшали полотенцами, вытканными невестой, и шёлковыми лентами. Санки катились по деревенской улице, и под дугой звенел колокольчик. Очень уж любила его звучанье Акулина Ивановна, вспоминала свою далёкую свадьбу.

ДЕТСКИЕ ИГРЫ, УВЛЕЧЕНИЯ, ЗАБАВЫ

Труд и помощь родителям составляли суть жизни подростков послевоенного времени. Но выкраивалось время и на игры. Уже на первых проталинах начиналась суматоха по сбиванию «клёка» «свистом» (битой). Игра очень азартная и не вполне безопасная. Однажды, когда мне выпало стоять на меже и бегать за сбитым «клёком», чтобы его поставить на место, случилось непредвиденное. Кто-то сумел размахнуться и пробить по «клёку» так, что тот попал мне прямо в глаз. Пошла кровь, и я, прикрыв глаз рукой, побежал домой. Увидев меня, бабушка охнула и на миг остолбенела. А потом принялась промывать мне глаз. Бровь была рассечена, из неё-то и текла кровь. Промыв глаз, бабушка наложила на него повязку, чтобы остановить кровотечение и защитить от мух. Слава Богу, всё обошлось, а ведь я мог остаться и без глаза.

С большим азартом мы играли в «городки» и лапту. Даже девчонки бегали с нами на равных. Гоняли мы и в «чижика», и в «казаков-разбойников», играли в «Чапаева» и в «Павку Корчагина». Зимой находили время для игр в домино и шашки, а так же в карты — в «дурака» и «козла». Позже научились играть в шахматы.

Читали и книги, правда, не так часто. Мне очень нравились русские народные сказки и сказки А. С. Пушкина. Акулина Ивановна их тоже любила и часто перед сном просила почитать их вслух.

Конечно, всё лето мы на прицеле держали Кичуй. Как только выпадала свободная минута, вприпрыжку бежали на берег. Там и купались, и рыбачили, и смородину собирали — её много было в зарослях ивняка. На реке мы рвали съедобную травку, порой спасавшую нас от голода: борщовник и дикушу, по-другому спорыш, которая пахла редиской. Я всегда радовался, когда бабушка звала меня на реку, на луга. Я научился жать и косить траву, рубить и пилить ивовые дрова. Во время отдыха я разматывал удочки и приступал к любимейшему занятию — рыбалке. До сих пор помню всё, что было на нашем Кичуе: могу показать место, где я впервые переплыл реку и был страшно горд и счастлив, словно одолел океан; где поймал первую в жизни уклейку; где выгатачил первую большую сорожку и дал поддержать её дружку Шурке. Он так залюбовался ею, что она, не будь душой, выскользнула из рук и была такова. Как мне было обидно! Шурка клятвенно пообещал поймать мне такую же — ловит до сих пор. Отлично помню то место, где крупный голавль, сидящий на крючке, стащил меня с берега в воду и долго таскал за собой. Кончилось тем, что уплыли мои штаны, пришлось возвращаться с речки в набедренной повязке.

КАК БАБУШКА УГОВАРИВАЛА КУРИЦУ ПРИНЯТЬ НА ВОСПИТАНИЕ ЧУЖИХ ЦЫПЛЯТ

На третий день, после того, как цыплята вылупились из яйца, бабушка выпустила клушку с выводком из избы на двор. Погуляв по двору, курица надумала вывести семейку на задворки. Цыплята, как маленькие жёлтые шарики, перекатились через подворотню, а вот маме клуше пролезть через узкую щель не удалось. Тогда она, видимо, попыталась перелететь через калитку, да неудачно — шея её оказалась в зазоре между досками, и курица безжизненно повисла на штакетнике. Когда бабушка вышла из избы, цыплята растерянно цвикали возле калитки. Акулина Ивановна всплеснула руками и горестно воскликнула: «Опять сироты!» Она собрала в подол попискивающих птенцов и опять принесла их в дом.

В жаркую пору курицы неслись плохо, многие начинали квохтать и усаживаться в гнёзда, готовя себя на роль клуши. Бабушка выбрала из них схожую опереньем

с погибшей. Поднесла ей гостинец — пшено и ключевую воду. Курочка клевала из деревянной доски зёрнышки и запивала водицей, не вставая с гнезда. Бабушка же, ласково приговаривая, одной рукой гладила несушку, а другой подсаживала ей под крылья цыплят. Курица сначала относилась к ним недоверчиво, но постепенно смирилась. Акулина Ивановна не отходила от семейки двое суток, и чудо произошло: новоявленная клуша повела за собой цыплят. Как истинная мать, она отыскивала в земле зёрна, личинки и червяков и трогательно призывала малюток. Бережно она водила их за собой всё лето. Делилась с ними пшеном, укрывала крылом, оберегала от хищников. Курица не раз вступала в схватку с кошками и собаками, подступавшими, как ей казалось, недозволенно близко. Однажды сразилась даже с коршуном — долго кружились в воздухе пух и перья налётчика. Приёмная мать оказалась не хуже родной.

НЕКОТОРЫЕ ЭПИЗОДЫ ДЕРЕВЕНСКОЙ ЖИЗНИ ПОСЛЕ СМЕРТИ МАТЕРИ

После кончины мамы мы прожили в деревне двенадцать лет. Много чего отрадного и не очень произошло за это время. Гнетуще трудными были первые годы. В то лето, когда похоронили маму, к нам приходила ночевать Валентина Яковлевна, наша соседка. Она очень любила нас. Сама жила бедно, воспитывала шестерых ребятшек. Муж, Гаврила Феоктистович, погиб под Ленинградом.

Избушка наша была старой и дырявой, соломенная крыша за годы войны совсем обветшала. Во время дождя мы расставляли на полу тазики и вёдра, куда ручейками и струйками лилась и капала коричневая, как заварка, вода.

А если ночью начиналась гроза, Акулина Ивановна будила нас с сестрой и усаживала возле себя. Вылезать из постели не хотелось, да мы и не понимали, зачем это было нужно. Позднее, когда мы повзрослели, бабушка нам рассказывала: «Боялась я, что гроза убьёт меня первой, а вас, случись пожар, и разбудить будет некому». В пятидесятые годы прошлого столетия в нашей местности грозы были очень сильными, и чуть ли не после каждой в сёлах наблюдались пожары. Летом 1954 года в нашей деревне от молнии сгорела изба Анания Ермилова. После этого люди стали ещё пуще бояться гроз. Взрослые, уходя в поле, наказывали ребяткам, как загромыхает, бежать домой.

Однажды Акулина Ивановна попросила к её приходу достать картошки из погреба. Помнится, мы с сестрой забрались в подземелье и долго, прежде чем наполнить ведро, перебирали клубни. Когда поднялись наверх, увидели, что надвигается гроза. Поднялся шквалистый ветер. В воздухе кружились пучки соломы и летали переметины, сорванные с крыши. Одна из них высадила окно. Нам бы опять спуститься в погреб и там переждать, пока стихия утихомирится, но мы, помня бабушкин наказ, бросились через весь двор к дому. В избе был потоп — крыши не было, её сорвало ветром.

Когда природа поутихла, с поля стали возвращаться взрослые. Впереди всех бежала Акулина Ивановна. Увидев нас, невредимых, она не сдержалась, заплакала.

Зимой в избе было люто холодно. Ночи мы ютились на печке. Уроки делали там же — на куске фанеры раскладывали тетрадки и писали. К утру вода в вёдрах покрывалась толстым слоем льда. Чтобы набрать воды, нужно было несколько раз ударить по льду тяжёлым железным ковшом.

ГОРОДСКАЯ ЖИЗНЬ АКУЛИНЫ ИВАНОВНЫ

После окончания института сестра начала работать агрономом в колхозе «Искра» Заинского района ТАССР. Я же в 1961 году поступил на первый курс механико-математического факультета Казанского университета. Деревенский период нашей жизни завершился.

Через два года сестра Валя вышла замуж и вскоре вместе с мужем переехала в молодой строящийся город Нижнекамск. В 1964 году у них родилась дочь Ирина, и в этом же году семья получила квартиру. Для малышки нужна была нянька, и лучшей бы нянькой была Акулина Ивановна. Однако расставаться с родной деревней, в которой она безвыездно прожила шестьдесят девять лет, бабуле не хотелось. Но и помочь родной внучке тоже надо — после долгих колебаний и раздумий Акулина Ивановна переехала в город. Я приезжал к ним на каникулы.

После окончания университета, в 1966 году, меня ждало распределение. Мне, как отличнику учёбы, предлагали лучшие места. В том числе Новосибирский академгородок, где академиком М. А. Лаврентьевым были собраны блестящие умы во всех научных областях.

«Сибирь далеко, — думал я, — случись что с бабушкой, приехать будет сложно». И я остался в аспирантуре при КГУ.

В 1967 году я женился, а через год у нас родился первенец. Я мечтал о сыне. Мы с женой, Марией Сергеевной, назвали его в честь моего отца Михаилом.

Жена после окончания Казанского медицинского института год проработала врачом-стоматологом в районной больнице в селе Лаишево. Жилья ни в Казани, ни в Лаишево у нас не было. Мы упаковали нехитрые пожитки и отправились в Нижнекамск. Здесь я стал преподавать высшую математику в филиале Казанского химико-технологического института и одновременно продолжал заочное обучение в аспирантуре. Мария Сергеевна устроилась работать врачом в стоматологическую поликлинику.

Новый 1969 год наша семья встречала в только что полученной квартире. Акулина Ивановна радовалась правнукам и нашей мирной, счастливой жизни. В этом же году у Валентины родился сын Сергей. А в 1973 году Мария Сергеевна подарила мне второго сына. Назвали мы его Юрой, в честь первого космонавта Юрия Гагарина.

Бабушка очень любила малышей. С ними она занималась, играла и умудрялась на свою мизерную пенсию — двадцать рублей — баловать их подарками.

Акулина Ивановна жила на два дома. Без работы она себя не представляла: успевала и обед приготовить, и в квартире прибраться. Теперь таких, как моя бабушка, называют трудоголиками. В таком случае, Акулина Ивановна — трудоголик высшего класса. Всего за несколько дней до смерти она просила: «Сынок, поделай бы чего-нибудь!»

Умерла она покойно, вечером во сне. Я слышал её последний выдох. Случилось это в 1988 году на девяносто третьем году жизни. Нашу маму бабушка пережила на тридцать шесть лет, двадцать четыре из них она прожила в городе. Всю свою жизнь Акулина Ивановна была рядом с нами, заботилась и любила нас.

В трудные моменты жизни, на крутых поворотах судьбы, бабушка горестно восклицала: «Ну, хоть бы кто-нибудь взял бы да описал мою жизнь!» Мы прожили с Акулиной Ивановной почти полвека, и, кроме нас с Валентиной, лучше её жизнь никто не знал. Да, наша бабуля прожила трудную и очень скромную жизнь. Судьба много раз испытывала её на излом, но сломать не смогла. Горького в её жизни

было больше, чем сладкого. Но ей было чем гордиться, подводя итоги. Она была законопослушной и устояла при десяти правителях России: Николае Втором, Керенском, Ленине, Сталине, Маленкове, Хрущёве, Брежнев, Андропове, Черненко и Горбачёве. Стояла твёрдо на матушке-земле, что бы ни вытворяли руководители. Она схоронила отца, мать, свёкра, свекровь, потеряла брата и трёх сестёр. У неё погиб на Гражданской войне муж, а было ему всего двадцать четыре года. Одна растила сына и вырастила достойного человека. И он сложил голову на войне, ещё более жестокой. Было ему, как отцу, тоже двадцать четыре года. На её руках умерла сноха, не дожив до тридцати пяти лет. Она подняла, выкормила и выучила двух внуков. Внуки подарили ей четверых правнуков. Она и их вынянчила и растить помогала. Она дождалась

рождения одного из праправнуков — Артёма, и даже успела покачать его на слабеющих уже руках. В наследниках её теперь значатся два внука — я и Валентина, четыре правнука — Ирина, Михаил, Сергей и Юрий, и три праправнука — Артём, Антон и Маргарита. Среди потомков её есть два кандидата наук, а в скором времени будет и доктор наук. Во всех нас течёт кровь Акулины Ивановны. Без неё никого бы из нас не было сейчас на белом свете.

Лев Толстой в конце своей жизни говорил о том, что в будущем писатели не станут выдумывать своих героев, наделяя их вымышленными качествами. Героев своих произведений писатели будут брать из жизни — такими, какие они есть.

Герои моей повести — все реальные люди. События и явления, описанные в ней, тоже происходили в действительности. Именно так это было на земле.

СТИХИ ИЗ ПЕРВОЙ КНИГИ

ЕЛЕНА КАЛАШНИКОВА

ЗА РОДНИКОВОЙ ВОДОЙ

* * *

Замечательная, радующая сердце картина изображена уже в первом стихотворении этой книги! Вслед за автором так и хочется из нынешней тревожной неопределённости перескочить в морозное утро российской глубинки, откуда мы все и вышли, увидеть как

*Петляет, извивается тропинка,
Искрится иней светло-голубой,
И женщина в изношенной косынке
С потёртым коромыслом, по старинке,
Торопится к колодезю за водой.*

Елене Калашниковой, дебютантке современного литературного процесса, свойственно стремление к гармонии с природой и со всем окружающим миром. Это стремление интуитивное, а не придуманное. Своё выражение оно находит не в новомодной форме постмодерна, а в продолжении русской классической традиции, внося в её развитие собственный взгляд и опыт. Вслед за нашими великими предшественниками (Пушкин, Бунин, Рубцов) Елена не декларирует своих пристрастий или неприятий, а убеждает, рисуя словом, видя земную красоту острым, равнодушным зрением, ощущая «музыку сфер» чутким слухом. Она не клянётся в любви к малой и большой родине, не закатывает истерик по поводу «Руси уходящей», но найденные ею детали, эпизоды, подробности ложатся в строку, как самые нужные слова в нужном порядке, и перед читателем возникает образ мыслей и искренних чувств не абстрактной лирической героини стихов, а самой поэтессы — современной русской женщины, которая по определению Владимира Солоухина — «и мать, и сестра, и жена».

Не откажу себе в удовольствии процитировать то, что считаю подлинными поэтическими находками начинающего автора.

*Вроде бы вчера играли в прятки
Караси весёлые в пруду...
За околицей бродит туман ошалелый и пьяный...
И луна задремала на крыше пустого сарая...
Растекаясь, несутся, спешат и смеются ручьи...
Краской нарисованное солнце
На асфальте радуется дню...
... любовь бесконечно длинее ночи...
Поздняя осень — любовь безответная...*

*Елена Калашникова, жительница татарстанской глубинки (районный центр Те-
тюши, Волга, красота неопишная) выпускает свою первую книгу. Не сомневаюсь, что
не последнюю. Доброго пути!*

Николай АЛЕШКОВ

МОРОЗНОЕ УТРО

И снова утро радует Россию!
Воркует стая сизых голубей.
Какая-то неведомая сила
Вновь солнце золотое воскресила
И оттого на улице теплей.
Петляет, извивается тропинка,
Искрится иней светло-голубой,
И женщина в изношенной косынке,
С потёртым коромыслом, по старинке,
Торопится к колодцу за водой.

* * *

Весна чуть слышной поступью по крыше
Шагает и смеётся надо мной.
И с каждым днём всё выше, выше, выше
Шатёр небес воздушно-голубой.

Ручей хохочет искренне и звонко,
Несёт кораблик вдаль из бересты.
Я помню, как совсем ещё ребёнком
Срывала мать-и-мачехи цветы.

А ветки вербы в банке трехлитровой,
Шум города в открытое окно!..
И так обидно от того, что снова
Мне детство пережить не суждено.

* * *

По старинке закрыты ставенки,
Чтоб рассвет не нарушил сна.
Ждут хозяев у двери валенки,
Неведомёк им — пришла весна.

Ветер злой за окном беснуется,
Беспокоит сирени куст.
Пахнет дымом печным на улице,
Двор большой одинокий и пуст.

Подморозило за ночь лужицы,
Все проталины замело.
Над погостом ворона кружится,
В чистом поле белым-бело.

Пёс залаял с надрывом, с горечью —
Возвестил о начале дня.
Померещилось — мчится троечка,
Бубенцами впотьмах звеня.

* * *

Мне бы кисти и холст белёный,
Да пойти бы в осенний лес,
Золотой он, а был зелёный,
И над ним — синева небес
Алый цвет — бузина лесная,
Голубая вода в пруду,
Серым цветом — тумана тайну
Рисовать на заре приду.
Жёлтым — пижмы цветков последний,
Белым — стройных берёзок ряд.
У берёз вчера, в воскресенье,
Облетел золотой наряд.
Мне не хватит обычных красок,
Кисть устала, исписан холст.
Не картина, а просто сказка,
В лес осенний волшебный мост!
Мне б ещё карандашик в руки,
Без полей в линейку тетрадь,
Чтобы эту картину хрупкую,
Я успела в стихах записать.

* * *

Обледенели берёзы ветви,
Хрустальным звоном тревожат слух.
На сельской крыше, дырявой, ветхой,
В молчанье скромном закат потух.

Холодный ветер топорщит перья
На спинах чёрных немых грачей.
Май на пороге, в его преддверье
Лёд в тёмных лужах зимы страшной.

На купол церкви упали тучи,
Растрочен солнца дневной запас.
Баском калитка поёт скрипучим,
Зовёт прохожих пуститься в пляс.

Дорога в прятки со мной играет,
Опять вильнула за поворот.
Через неделю — начало мая,
А за окошком метель метёт.

* * *

Отгуляла золотая осень
Свой недолгий, хлебосольный пир.
Вроде бы вчера, роняя росы,
Ветер за околицей бродил.
Вроде бы вчера играли в прятки
Караси весёлые в пруду.
А сегодня в небе, без оглядки
Тучи одинокие бегут.
Сыплет сверху щедро, неустанно
Белая, холодная крупа.
Флюгер на соседском доме старом
От порыва сильного упал.
Где ты, где ты, осень золотая?
Где твоя волшебная краса?
Журавлей летящих к югу стая
В голубых от солнца небесах?
Где твои туманы и рассветы,
Листьев шорох, золото осин,
Астр цветных красивые букеты,
Бусы ярко-алые рябин?
Отгуляла, бросила, смутьянка!
Что же, осень, Бог тебе судья!
Воет ветер стылый, полупьяный,
Душу мне печалю и дразня.

ПЕРЕД ГРОЗОЙ

От берега левого к берегу правому,
Пыхтя и волнуясь, бежит катерок.
В воздухе пахнет душистыми травами,
Берёзки колышет слегка ветерок.

В тени, надрываясь, стрекохут кузнечики,
Лижет волна тёплый берег реки,
Сумерек скорых немые разведчики,
Из-под камней выползают жуки.

Дремлют уставшие вёсла в уключинах,
Волга раскинулась синим ковром,
Несколько ив, оголённых и скрюченных,
Рядом стоят с озорным родником.

Вверх убегает ступеньками лесенка,
Словно на Вшиху¹ зовёт за собой.
Скорой грозы громкогласой предвестники —
Тучи закрыли простор голубой.

ВОЛГА

Что-то шепчешь, тихо напеваешь,
Русская красавица-река.
Словно зыбку, ласково качаешь
Лодку молодого рыбака.

В тёмных водах по какой причине
Топишь лодки, топишь корабли,
Зная — души сгинувших в пучине
Всё ещё покой не обрели?

Промолчишь, перебирая гальку,
Будто чётки в жилистых руках...
Разнесут по всей округе чайки
Крик об утонувших рыбаках..

* * *

Потеплело. Листва опавшая
Под ногами сырая лежит.
Как заплатки чернеют пашни
От одной до другой межи.

Разревелся дождём обиженным
День ненастный. Уж время пять.
Хулиганами пёс постриженный
Все пытается завывать.

От селения до селения
Нет дороги и нет пути.
Даже к церкви, ища спасения,
Не проехать и не пройти.

ДИАЛОГ

— Ты знаешь, я завтра уже уйду.
— Уверена? — Да, на рассвете.
— Не стоит давать обещаний в бреду, —
Ты мне в тишине ответил.
— А я без тебя не смогу дышать,
Бессонница будет ночью.

¹ Вшиха — гора в Тетюшах, археологический памятник.

– Ты думаешь, я буду крепко спать,
 Когда к тебе сердце хочет?
 – Пойми, нам иначе уже никак!
 – Кто принял такое решение?
 – Не знаю... Часы на стене «тик-так»,
 Холодный январь, воскресенье.

У ОКОН ВОКЗАЛА

Не слушай меня, я немного устала,
 Поэтому вру, как всегда, невпопад.
 Ну вот и свиданье у окон вокзала,
 И щёки багряным румянцем горят.
 Смущённо я прячу глаза от вопросов,
 Солгать очень сложно под взглядом твоим.
 Какая прекрасная выдалась осень!
 А мы друг от друга, как прежде, бежим.
 Бежим от вопросов, от честных ответов,
 От нужных признаний, от ласковых слов.
 Тут касса в углу, покупай же билеты
 В страну под чудесным названьем Любовь.
 Опять промахнулась... Ну да, не семнадцать,
 Уже к сорока, а всё дурь в голове.
 Мы в тысячный раз попытались расстаться,
 Но сердце предательски тянет к тебе!

ЗАБРОШЕННЫЙ ДОМ

Покосились стены, крыша обвалилась,
 От ворот остались чёрные столбы.
 В доме на пригорке только мрак да сырость,
 Знать, хозяин прежний про него забыл.
 Может, помер где-то, или вышла боком
 Сделка по продаже. Что теперь гадать?

Вдаль глазницы окон смотрят одиноко,
 Красный угол¹ прячет паутины прядь.
 Занавески треплет ветер предвесенний.
 Что от них осталось? Жалкое тряпьё.
 Растащили доски, обнажились сени,
 На трубе кирпичной кучкой вороньё.
 А когда-то в доме веселились гости,
 Под гармошку пели песни о любви.
 Многие к несчастью, стынут на погосте,
 Дарят им под утро трели соловьи.
 Жизни той далёкой будто звонким эхом
 В мае сад вишнёвый белым зацветёт...
 «Гляньте, внук Ивана к нам в село приехал,
 Дом поставит новый», – шепчется народ.

* * *

Чирикают беспечно воробьи,
 купаются в ещё холодных лужах,
 И хлеба крошки чудом обнаружив,
 Слетелись на тропинку снегири.

В весеннем парке ветер заплутал
 И, зацепившись бородой за ветки,
 Он, будто пограничник на разведке,
 Притих и ждёт, чтоб час его настал.

Длиннее день, и стрелами лучи
 Сквозь тучи пробиваются упрямо,
 И с колокольни городского храма
 Звон благодатной музыкой звучит.

¹ Красный угол – часть жилого помещения, где установлена икона или домашний иконостас.

МИР ГЛАЗАМИ ЮНЫХ

В Набережных Челнах есть детская школа театрального искусства – учреждение дополнительного образования. В ней при содействии Татарстанского отделения Союза российских писателей, писательской организации Закамского региона, редакции детской газеты «Комеш кын гырау» («Серебряный колокольчик»), начиная с 2013 года, проводится конкурс «Мир глазами юных писателей». Учредитель конкурса – управление культуры Исполкома города. Итоги по традиции подводятся ежегодно в тукаевские дни (26 апреля – дата рождения великого татарского поэта Габдуллы Тукая). Конкурс проводится на двух государственных языках нашей республики: татарском и русском.

Нынешней весной, как и в прошлые годы, в работе жюри принял участие главный редактор литературного журнала «Аргамак. Татарстан», председатель Татарстанского отделения Союза российских писателей Николай Алешков. Он и отобрал для сегодняшней публикации произведения, которые представлены вашему вниманию, уважаемые читатели. Порадуйтесь искренности и чистоте слога юных талантов!

**Ольга АРХИП, заместитель директора
детской школы театрального искусства**

Арсений ПЛЕВАКО

8 лет, ученик второго класса
средней школы № 19 г. Набережные Челны

НАБЛЮДЕНИЯ

В паутине облака –
два пушистых Паука.
Прибежала Жучка –
чёрненькая тучка.
Доросла до облаков –
проглотила Пауков.

* * *

Сорока-Белобок
Стала одинока.
Нет помощников, все дети
водят пальцем на планшете.
Кашу с ними не сварить.
Можно ль так на свете жить?

* * *

Зайка-побегайка,
где твоя лужайка?
Моя лужаечка в лесу,
только я боюсь осу.
Оса ужалить может в нос.
Не Зайка будет, а Барбос.

* * *

Вышла Мамочка
Имя на панамочке.
Посмотрел я в зеркало –
всё перековеркала!

* * *

Ах, соска, соска, соска!
Не соска, а присоска!

Присосалась к язычку,
Как принцесса к дурачку.

* * *

Малышок, малышок,
покажи гребешок.
«Нет у деток гребешка.
Гребешок – у петушка».

* * *

В лужице – солнышко.
А по солнышку – да судёнышко.
Хоть и море света.
Не горит газета...

Алина СИДОРОВА, 13 лет, 8-й класс
основная общеобразовательная
школа деревни Тючевка Заинского района

МОЯ РЕЧКА

У меня есть любимое место для размышлений. Это речка, на берегу которой я и устраиваюсь поудобнее на старом берёзовом пенёчке.

Речка журчит, журчит. Чувствую, что она меня ждёт. Я ей благодарна, что она меня понимает. Иногда прихожу злая, не знаю, кому выразить своё негодование. Обниму стройный молодой тополёк, послушаю журчание воды, умоюсь холодной, чистой водичкой, и – снова прежняя, всё спокойно у меня на душе. Я сижу, беззаботно наблюдаю за солнечным блеском на волнах.

От скольких бед она меня спасла, от скольких невзгод! Всё объяснит, всё расставит на места. Сама бы без неё не догадалась.

Осенью моя речка холодная и печальная, но и тогда она прекрасна в своей звенящей красоте.

Печально уносятся прочь упавшие жёлтые листья. Весь берег усыпан золотыми листьями клёна и берёзы. Сдержанная красота навевает холод, чувствуется приближение зимы.

А зимой, когда спускаешься к ней за водой, она сверкает и искрится на солнце. Так весело и радостно встречает меня. Я осторожно поставлю вёдра на край проруби, зачерпну ледяной воды со снежинками. Чувствую, что я здесь не чужая, что я тоже нужна речке. Правда, мои мысли бывают непонятными, а размышления – скверными, а речка всегда чистая и светлая.

Я люблю зимой кататься на льду в калошах, на коньках не развернёшься, речка-то неширокая. Бывает, мама меня давно потеряла, а я всё не оторвусь от зимнего удовольствия. Домой приду голодная, замёрзшая, но счастливая. Это счастье мне сегодня подарила речка. Пускай она маленькая, незаметная, но она моя. Мы с ней чувствуем друг друга. Если я долго не прихожу к ней, она сердится, не разговаривает. Я долго

буду сидеть на пенёчке, наблюдая за ней. А она даже не обращает внимания на меня, беседует с птичками, играет с ветерком.

Весной она становится тяжёлой и грозной, хочет быстрее избавиться от лишней воды и снова засверкать на солнце, пронося свои воды в спокойном раздумье. Ей нравится весенняя вечерняя тишина или утреннее соловьиное пение.

Сколько тайн она знает, сколько историй. Никому не рассказывает, всё уносит и уносит.

Только мне дарит спокойные, мудрые, журчащие ответы...

Глафира ВОРОНОВА, 8 лет,
средняя школа № 32, г. Набережные Челны

ЛИХО ОДНОГЛАЗОЕ

В тёмном-тёмном лесу, на полянке стоял замок Кощея Бессмертного. Этот Кощей был добрым, совсем не похожим на своего отца. Он любил петь, рисовать и сочинять стихи.

Каждый вечер в замке собирались его друзья: Леший, Кикимора, Баба Яга и даже Водяной с Русалочками, чтобы послушать его стихи. Только Лихо Одноглазое не звали, уж очень оно вредное.

Кощей выходил на середину зала, откидывал голову назад и вдохновенно читал:

Зима — чудесная пора!

Зима красива и бела!

Зимой есть праздник Новый год,

Он лучший праздник в мире.

Дед Мороз подарки раздаёт,

И зовёт всех в хоровод.

Все аплодировали Кощею, а потом садились за стол пить чай и обсуждать лесные новости.

Расходились под утро по своим домам: Леший забирался в трухлявый пенё, Кикимора — в болото, Баба Яга — на печку в своей избушке на курьих ножках, а Водяной с Русалочками отправлялись на дно озера.

Шли дни за днями. Ничего особенного не происходило. Лишь иногда спокойствие нарушало Лихо Одноглазое. Обижалось оно, что никто не хотел с ним дружить, вот и вставляло «палки в колёса».

Как-то в начале лета в лесу появился лесник с внучкой Дашей. Даша была озорной девчушкой восьми лет с забавными косичками и весёлыми ямочками на щёчках.

Заигралась Даша с зайчиками и белочками, засмотрелась на цветы и на бабочек и не заметила, как забрела в самую гущу леса. Страшно стало Даше, и только собралась она заплакать, как увидела сквозь деревья замок. Подошла поближе, а на крыльце сидит худощавый мужчина, смотрит вдаль и что-то бормочет про себя. Увидел он девочку и улыбнулся.

— Здравствуй, девочка! Здравствуй, красавица! Как ты попала сюда?

— Здравствуйте, дяденька! Заблудилась я, дорогу домой не помню.

— Не дяденька я, а Кощей Бессмертный! Оставайся со мной — чаю попьём, в шашки поиграем.

— Я бы осталась, но не могу. Дедушка, наверно, волнуется.

— Ну, раз так, то иди вот по этой тропинке, никуда не сворачивай. Будь внимательна. Обойди высокий дуб, там Лихо Одноглазое живёт — вредное оно. А если будешь в этих местах — заходи. Буду рад!

— Спасибо. Мы с дедушкой зайдём. До свидания!

И побежала Даша по тропинке, которую указал ей Кощей. Бежит Даша, торопится к дедушке. Вдруг большое дерево прямо на тропинку падает, дорогу перегородило. Даша еле успела отскочить в сторону. Смотрит, за деревом старушка чудная сидит и посмеивается.

— Зачем же вы, бабушка, меня пугаете?

— Скучно мне. Дружить со мной никто не хочет, в гости не зовёт, играть не предлагает.

— Так вы — Лихо Одноглазое? Мне про вас Кощей Бессмертный говорил. И предупредил, что вы очень вредное.

— Как мне вредной не быть? Живу одна-одинёшенька...

— А вы приходите к нам с дедушкой в гости. Мы будем рады. Только, чур, не безобразничать.

— Хочу в гости. А где ты живёшь?

— Эта тропинка ведёт прямо к дому. Идёмте скорее.

И пошли Даша и Лихо по тропинке. Лес становился всё реже и реже. Вот и избышка показалась. А на скамейке дедушка сидит, внучку ждёт, переживает. Увидел Дашу, обрадовался. А Лихо стоит в сторонке, подойти стесняется.

— Дедушка, познакомься. Это — Лихо Одноглазое. Оно помогло мне из леса выбраться.

— Спасибо. Очень рад знакомству. Заходите в дом, будем пить чай с баранками и телевизор смотреть.

С той поры Лихо стало часто приходиться в гости к Даше с дедушкой, вредить всем перестало. Кощей, Леший, Баба Яга, Кикимора, даже Водяной с Русалочками заметили, как Лихо изменилось, и стали приглашать её в замок, чтобы слушать стихи, пить чай и обсуждать лесные новости.

Владислав МИНЯКИН, 8 лет, ученик второго класса
средней школы № 35 г. Набережные Челны

ПОД СВОЕЙ КРЫШЕЙ

Сказка о буквах

Когда-то совсем давно, когда писали чернилами, а грязные кляксы сами выпрыгивали из-под пера, буквы стали между собой спорить, кто же станет в начале алфавита.

Буква Я говорила, что именно она должна быть первой, так как она самая важная буква. Всё начинается с Я: яблоко, ягоды, язык, каждый человек и каждая буква говорит Я, а Я — это самое важное слово.

Буква Б тоже стала спорить, что именно она должна быть во главе алфавита, потому что она большая, круглая и много замечательных слов начинается с неё: богатство, благородность, благородство. И многие другие важные слова начинаются именно с этой буквы.

Услышав это, все буквы стали между собой ругаться, Д — драться, О — обижаться, В — ворчать, Ж — жаловаться и так далее И только буква А скромно стояла в сторонке и не принимала участия в этом беспорядке... И вдруг прогремел гром, засверкали молнии, начался сильный дождь и буквы задрожали от страха. Куда же им спрятаться? Тогда буква А позвала всех к себе и спрятала все буквы алфавита под своей крышей.

Когда дождь кончился, буквы вышли и сказали, что именно А должна стоять самой первой, а буква Я, которой стало стыдно за своё поведение, встала скромно в самом конце алфавита.

Наши авторы

стр. 137 АЛЕШКОВ Николай Петрович родился в 1945 году в селе Орловка Челнинского района ТАССР. Работал монтажником связи, электриком, кровельщиком, диспетчером домостроительного комбината. Но основная трудовая деятельность связана с журналистикой и литературной работой. Был литсотрудником газеты Московского округа ПВО «На боевом посту», редактором набережночелнинской городской газеты «Время», межрегиональной литературной газеты «Звезда полей». В настоящее время главный редактор литературного журнала «Армак. Татарстан».

В 1982 году закончил заочное отделение Литературного института имени А.М. Горького (семинар Н.Н. Сидоренко). В 1984 году принят в Союз писателей СССР.

Автор десяти книг стихов. Лауреат республиканской литературной премии имени Г.Р. Державина (Казань, 2005), Всероссийской литературной премии «Ладога» имени А. Прокофьева (Санкт-Петербург, 2009), литературной премии им. Марины Цветаевой (Елабуга, 2016), литературной премии им. Николая Рыленкова (Смоленск, 2017).

Заслуженный деятель искусств республики Татарстан, почётный гражданин города Набережные Челны.

стр. 197 БЕДРЕТДИНОВ Хайдар Сулейманович, 1945 года рождения, по профессии военный инженер. Стихи пишет с юности. Публиковался в газетах и журналах. Автор одиннадцати поэтических сборников. Лауреат ряда литературных премий. Участвует в работе ветеранской организации, выступая со стихами перед различными коллективами. Живёт в Москве.

стр. 143 БЕЛЯЕВ Николай Николаевич (1937-2016) — русский поэт, родившийся в Ярославле. Окончил Казанский государственный университет, много ездил с геологическими партиями по стране, которая когда-то называлась Советским Союзом. Неоднократно приезжал в строящиеся Набережные Челны, выступал с чтением своих стихов на стройплощадках, в общежитиях, в заводских цехах. Двадцать лет жил в селе Ворша Владимирской области. В 2012 году вернулся в Казань, которую ощущает родиной с детства. Автор поэтических книг, изданных в Казани, Москве, Красноярске, Набережных Челнах. Автор книги воспоминаний «Поэма солнца» — о друге-художнике Алексее Анкиенке, о своём поколении, о жизни в Казани. Известен также как переводчик татарской и латышской поэзии. Лауреат литературной премии имени Г.Р. Державина.

стр. 27 БУЛАТОВА Галина Ивановна. Родилась в Нижнем Новгороде (бывший Горький), окончила институт культуры в г. Самара, с 2008 живёт в Казани. Автор

книги стихов и поэтических переводов «Сильнее меня» (Татар. кн. изд-во, 2017). Редактор-составитель более 20-ти изданий, среди них — книга деда Петра Булатова «Письма из Валков», матери Нины Булатовой «Записки сельского доктора», сборника стихов Рамазана Байтимерова «Ради жизни» (билингва, 2016), а также — совместно с Эдуардом Учаровым — книг ушедшего казанского поэта Ивана Данилова «Птица долгой зимы» (2015), Гавриила Каменева «Избранное» (2016) и др. Лауреат международного поэтического конкурса имени Игоря Царёва «Пятая стихия» (2015), победитель и призёр ряда конкурсов поэтического перевода. Стихи переведены на сербский язык.

стр. 182 ВАСИЛЬЕВ Константин Алексеевич (1942–1976) — русский художник, широко известный своими работами на былинно-мифологические темы, родился в городе Майкопе, но затем его родители вместе с детьми переехали в посёлок Васильево Татарской АССР. Здесь, на берегу Волги и получил своё развитие его талант. Творческое наследие Константина Васильева насчитывает более 400 произведений живописи и графики: портреты, пейзажи, сюрреалистические композиции, картины на сказочные сюжеты и на темы древней и современной истории России.

стр. 13 ВОРОНИН Александр Геннадьевич родился 29 декабря 1958 года в Куйбышеве (ныне — Самара). Учился в Казанском театральном училище, играл в спектаклях театра юного зрителя. Выпускник Литературного института имени Горького 1986 года (семинар драматургии В.С. Розова). В 1987 году в Казанском тюзте поставлена его пьеса-фантазия «Четыре вечера и одно утро». Участник Всесоюзных семинаров драматургов в Рузе, Дубултах, Ленинграде. С исчезновением СССР подался в журналистику. В газете «Молодёжь Татарстана» опубликовал роман с продолжением «Ясновидящая». С 1998 по 2001 год работал в журнале «Казань», опубликовал в нём три повести. В 2005 году в Казанском тюзте к 60-летию Великой Победы поставили пьесу Александра Воронина «Прикосновение к войне» — по автобиографической прозе Виктора Розова. Там же через год сыграли премьеру комедии «Полёты в параллельных мирах». Более двадцати лет Александр Воронин преподаёт историю театра в Казанском театральном училище. В 2008 году вышли его книги «Драма диаспизма» (к 70-летию Диаса Валеева) и «Монарх — монах» (сборник пьес). Под его редакцией издано несколько альманахов «Галерея». Заместитель главного редактора литературного журнала «Армак. Татарстан». Председатель Казанской городской организации Татарстанского отделения Союза российских писателей. Член бюро Правления Союза театральных деятелей Татарстана.

стр. 201 ЕРМАКОВ Владимир Александрович, поэт, эссеист, родился 6 июня 1949 года в пос. Метенино Петушинского р-на Владимирской обл. В настоящее время живет в городе Орле.

В 1971 году окончил исторический факультет Орловского пединститута, отслужил в рядах СА на Дальнем Востоке; награжден знаком «Отличник ВВС». С 1975 года работал в Орловском краеведческом музее; автор ряда теоретических концепций и практических разработок стационарных экспозиций и выставок, а также публикаций в местной прессе и специальных изданиях. В 1996 году удостоен звания «Заслуженный работник культуры РФ». Впервые опубликовал стихи в 1974 году. С началом перестройки успешно работает в востребованном временем жанре эссе. С середины 90-х гг. активно публикуется в областных газетах и в литературных журналах. Наиболее значимые публикации связаны с журналами «Дружба народов» (Москва) и «Ragnasso» (Хельсинки). Основные тексты вошли в книги, изданные в Орле.

стр. 182 ЕФИМОВ Алексей Вячеславович родился в 1976 году в Казани. Окончил Институт международных отношений, истории и востоковедения (отделение переводоведения и всемирного наследия) Казанского федерального университета в 2016 году. Работает научным сотрудником Картинной галереи Константина Васильева — филиала Национального культурного центра «Казань».

стр. 26 КАМЕНЕВ Гавриил Петрович (1773–1803), русский поэт, современник и земляк Г.Р. Державина, родился в Казани, в богатой купеческой семье. Получил воспитание в лучшем казанском пансионе того времени у немца Вюльфинга,

Активно участвовал в литературном процессе, был знаком с Карамзиным, Дмитриевым, публиковался не только в Казани, но и в Москве и Санкт-Петербурге. Его баллада «Громвал» в течение многих лет печаталась в русских хрестоматиях. Известен и как переводчик немецкой поэзии.

стр. 243 КАЛАШНИКОВА Елена Викторовна родилась в городе Буйнске Татарской АССР. В 1998 году окончила школу-лицей и поступила в Тетюшское педагогическое училище, где получила специальность «Преподавание в начальных классах». Затем – заочное обучение в Казанском социально-юридическом институте на факультете педагогики и психологии.

Первое стихотворение написала в третьем классе. В школьные годы её произведения и небольшие заметки публиковались на страницах районной газеты «Знамя».

Замужем, воспитывает двух сыновей. Сейчас живет в городе Тетюши Республики Татарстан. Работает корреспондентом в филиале АО «Татмедиа» «Редакция газеты „Авангард“».

стр. 32 КАШЕВАРОВА Светлана Николаевна (Светлана Летяга) родилась 8 сентября 1970 года в Пензенской области. Окончила филологический факультет Елабужского государственного университета. Работает учителем русского языка и литературы. Победитель конкурса поэтов «Непризнанный гений» (г. Набережные Челны, 2014). Автор книги стихотворений «Стихотерапия». Член Союза российских писателей. Публикации – в журналах «Аргамак. Татарстан», «Идель», на сайте «Русский писатель», в газете «День литературы». Живёт в Набережных Челнах.

стр. 156 стр. 177 МАКАРЕНКОВ Владимир Викторович. Поэт, публицист. Родился в 1960 г. в Смоленске. В 1983 г. окончил факультет ВТ МЭИ. Полковник внутренней службы в отставке. Автор семи поэтических книг, книги статей, очерков и интервью «Тюремные записки» (Смоленск, 2007), аудио-альбома «Я родом из шестидесятых» (Смоленск, 2015, стихи, поэма, песни). Публиковался в центральных и региональных журналах и альманахах, антологиях, коллективных сборниках, автор проекта и участник книги «Перо Гамаюна» (Смоленск, 2013). Лауреат литературных премий: им. А.Т. Твардовского, им. М.В. Исаковского, им. Н.И. Рыленкова, награжден памятными медалями «100 лет со дня рождения А.Т. Твардовского» (2010), «Василий Шукшин» (2015), ведомственными наградами ФСИН России, лауреат и дипломант различных литературных конкурсов и песенных фестивалей. С 2004 г. – председатель Смоленского отделения Союза российских писателей, составитель альманаха «Под часами», член Союза журналистов России. Делегат трёх съездов СРП, I Российского Литературного Собрания с участием Президента России В.В. Путина (2013 г.). Живёт в Смоленске.

стр. 209 РАСПУТИН Сергей Валентинович родился 21 ноября 1961 г. в г. Иркутске. Закончил Иркутский педагогический институт иностранных языков в 1985 г. Работал грузчиком, дворником, учителем английского языка в средней школе, литейщиком-формовщиком в литейном цехе на заводе тяжелого машиностроения, комендантом базы в строительном кооперативе «Северный». В 1992 г. основал языковую школу «Эй-Би-Си», где и работает по настоящее время.

стр. 172 РЫЛЕНКОВ Николай Иванович (1909–1969), русский советский поэт, переводчик, один из основателей смоленской поэтической школы, родился в деревне Алексеевка Рославльского уезда Смоленской губернии (ныне Рославльский район Брянской области). В 1933 году окончил Смоленский педагогический институт. До начала Великой Отечественной войны издал 6 поэтических сборников.

С первых дней ВОВ – Николай Иванович на фронте, в течение года он был командиром сапёрного батальона, далее – военный журналист, военкор армейской печати. После войны активно участвовал в восстановлении разрушенного фашистами родного города. Долгие годы возглавлял Смоленское отделение Союза писателей СССР. В послевоенные годы выпустил более 30 книг поэзии и прозы. В 1962 году завершил работу над литературным переложением «Слова о полку Игореве». В 1994 году Николаю Ивановичу Рыленкову было присвоено звание «Почётный гражданин города-героя Смоленска» (посмертно). В 2013 году администрация области и правление Союза российских писателей учредили литературную премию имени Николая Рыленкова.

стр. 163 РЫЛЕНКОВА Ирина Николаевна, дочь писателя Н.И. Рыленкова. Родилась в г. Смоленске. С отличием окончила Смоленский государственный педагогический институт, где и проработала 52 года: лаборантом, преподавателем, доцентом на кафедре химии. Автор более 40 публикаций в местной и республиканской печати. Составитель трех книг Н.И. Рыленкова, две из которых изданы в Смоленске.

стр. 216 МАТВЕЕВ Николай Михайлович родился в 1941 году в деревне Иванеевке Альметьевского района Татарской АССР. В десять лет остался без родителей. Окончил среднюю школу с золотой медалью и механико-математический факультет Казанского

Государственного университета с отличием. Имеет учёную степень кандидата педагогических наук и учёное звание доцента. Два года преподавал русский язык и литературу в семилетней школе (до поступления в КГУ) и 33 года — высшую математику в Нижнекамском химико-технологическом институте.

Живёт в городе Нижнекамске. Пишет прозу и стихи. Публикации — в журнале «Аргмак», в коллективных сборниках, в газетах «Нижнекамская правда» и «Нефтехимик».

стр. 10 МОРОЗОВ Геннадий Сергеевич, поэт, прозаик, переводчик, родился в Рязанской области в 1941 году. В 1961 году окончил Касимовский индустриальный техникум, позже — Литературный институт им. А.М. Горького. Работал в геологических экспедициях в Карелии и Якутии. С 1981 года работал редактором в Лениздате. Г. Морозов — автор более десяти поэтических сборников, вышедших в издательствах «Художественная литература», «Советский писатель», «Современник», «Детская литература», «Лениздат». Своеобразие художественного языка Г. Морозова состоит в использовании народной фольклорной интонации и классического русского стиха. Живёт в городе Касимове Рязанской области.

стр. 3 НЕПОМНЯЩИЙ Валентин Семёнович родился в 1934 году в Ленинграде. Российский литературовед-пушкинист, лауреат Государственной премии Российской Федерации (2000 год), доктор филологических наук, старший научный сотрудник Института мировой литературы РАН, председатель Пушкинской комиссии ИМЛИ РАН с 1998 года и по настоящее время.

стр. 147 СИБГАТУЛЛИН Минкадыр Идиятович (1942–1994) родился в деревне Балыклы Чукаево Корноуховского (ныне Рыбно-Слободского) района ТАССР. После окончания средней школы получил про-

фессию электромонтёра, работал на заводе органического синтеза в Казани, затем был призван в Советскую Армию. После службы вернулся на прежнее место работы, а в 1972 году без отрыва от производства окончил Казанский Государственный университет. Более десяти лет работал литсотрудником в редакции районной газеты. С 1978 года жил и работал в Набережных Челнах. Награждён званием «Ударник строительства КАМАЗа», лауреат литературно-краеведческой премии имени Эдуарда Касимова. Член Союза писателей СССР с 1978 года. Автор более десяти книг стихотворений.

стр. 40 ТУКТАРОВА Гульсара Сагиндыковна. Поэт, прозаик, родилась в селе Лапас Астраханской области, автор поэтических сборников «Пять лепестков лотоса» (Саратов, 2012), «Страница» (Саратов, 2014), главный редактор литературно-художественного журнала «Возрождение», ответственный секретарь Ассоциации свободных поэтических объединений Саратовской области, член Союза журналистов России.

стр. 193 ХАТЮШИН Валерий Васильевич родился 13 ноября 1948 года в г. Ногинске (Богородске) Московской обл. Там же закончил среднюю школу. Служил в ракетных войсках в Сибири. Работал на строительстве газопровода «Север — Центр», строил КАМАЗ. Первая книга стихотворений «Быть человеком на Земле» вышла в 1982 году. С 1986 г. член Союза писателей СССР и России. Закончил Высшие литературные курсы при Литературном институте им. Горького. Стихи, рассказы и статьи публиковались в журналах «Москва», «Наш современник», «Молодая гвардия», «Слово», «Кубань», «Дон», «Аврора», в альманахе «Академия поэзии». Автор многих книг. Лауреат отечественных и международных литературных премий.

Более двадцати пяти лет Валерий Хатюшин отдал работе в журнале «Молодая гвардия». В настоящее время он — главный редактор этого русского национально-патриотического издания.

СОДЕРЖАНИЕ

НА ФОНЕ ПУШКИНА

РОССИЯ, ВЫРАЖЕННАЯ В СЛОВЕ 3

ГЕННАДИЙ МОРОЗОВ

В ГОСТЯХ У ПРАВНУКА 10

ДОСТОЯНИЕ РЕСПУБЛИКИ

АЛЕКСАНДР ВОРОНИН

ВОССТАНОВЛЕНИЕ СОБОРА И СПРАВЕДЛИВОСТИ 13

НАСЛЕДИЕ

ГАВРИИЛ КАМЕНЕВ

«В СПОКОЙСТВЕ ИХ ДУШИ И Я СПОКОЕН БУДУ...» 26

ЭДУАРД УЧАРОВ

ОБ ИТОГАХ ВСЕРОССИЙСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО КОНКУРСА

ИМ. ГАВРИИЛА КАМЕНЕВА «ХИЖИЦЫ-2017» 31

Я ШАГАЮ ПО НАБЕРЕЖНЫМ ЧЕЛНАМ

СВЕТЛАНА ЛЕТЯГА

«БЕЗ МЕНЯ НАРОД НЕПОЛНЫЙ...» 32

РОМАН В ЖУРНАЛЕ

ГУЛЬСАРА ТУКТАРОВА

ДВА БЕРЕГА 40

ПОЭТЫ УХОДЯТ, СТИХИ ОСТАЮТСЯ

НИКОЛАЙ АЛЕШКОВ

«РАВЕНСТВО РАВНЫХ МНЕ» 137

НИКОЛАЙ БЕЛЯЕВ

ТАМ, ГДЕ ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ ЗАВЯЗАНЫ 143

КАДЫР СИБГАТУЛЛИН

ПЕПЕЛЬНЫЕ ВЕТРЫ 147

ЗДРАВСТВУЙ, СМОЛЕНСК!

ВЛАДИМИР МАКАРЕНКОВ

БЕЛЫЙ АНГЕЛ РЫЛЕНКОВА 156

ИРИНА РЫЛЕНКОВА

СПИРАЛЬ СУДЬБЫ 163

НИКОЛАЙ РЫЛЕНКОВ

ГНЕЗДО ОРЛА 172

ВЛАДИМИР МАКАРЕНКОВ

ИДУ ПО ЗВЁЗДАМ БОСИКОМ 177

ЛЮБИТЕ ЖИВОПИСЬ, ПОЭТЫ

АЛЕКСЕЙ ЕФИМОВ

КИСТЬ, ВОЛНУЮЩАЯ ПАМЯТЬ 182

ЗВАННЫЕ ГОСТИ

ВАЛЕРИЙ ХАТЮШИН

СВЕТ ВО ТЬМЕ 193

ХАЙДАР БЕДРЕТДИНОВ

ПО ТРОПАМ ВОСТОКА 197

ОСАДОК ДНЯ

ВЛАДИМИР ЕРМАКОВ

О ЖИЗНИ СЛОВ И СУДЬБАХ КНИГ 201

СЫН ЗА ОТЦА	
СЕРГЕЙ РАСПУТИН	
ЗАМЫСЕЛ ИЛИ УМЫСЕЛ?	209
ДАЛЁКОЕ – БЛИЗКОЕ	
НИКОЛАЙ МАТВЕЕВ	
АКУЛИНА ИВАНОВНА	216
СТИХИ ИЗ ПЕРВОЙ КНИГИ	
ЕЛЕНА КАЛАШНИКОВА	
ЗА РОДНИКОВОЙ ВОДОЙ.....	243
ПРОБА ПЕРА	
МИР ГЛАЗАМИ ЮНЫХ	247
АРСЕНИЙ ПЛЕВАКО	
СТИХИ.....	247
АЛИНА СИДОРОВА	
МОЯ РЕЧКА.....	248
ГЛАФИРА ВОРОНОВА	
ЛИХО ОДНОГЛАЗОЕ.....	249
ВЛАДИСЛАВ МИНЯКИН	
ПОД СВОЕЙ КРЫШЕЙ.....	250
НАШИ АВТОРЫ	
.....	251

ПЕРВАЯ ЦВЕТНАЯ ВКЛЕЙКА: Я ШАГАЮ ПО НАБЕРЕЖНЫМ ЧЕЛНАМ
ФОТО НИКОЛАЯ ТУГАНОВА,
КАМИЛЯ СИТДИКОВА,
ИРАКА САДЬКОВА

ВТОРАЯ ЦВЕТНАЯ ВКЛЕЙКА: ЛЮБИТЕ ЖИВОПИСЬ, ПОЭТЫ
ХУДОЖНИК КОНСТАНТИН ВАСИЛЬЕВ.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

Аргамак

ТАТАРСТАН

Выходит ежеквартально
(1 раз в 3 месяца)

Учредитель

АО «Татмедиа»

420016, г. Казань, ул. Декабристов,
д. 2. Тел.: (8-843) 222-09-84

Адрес редакции:

423812, г. Набережные Челны,
Московский проспект, 95, офис 253, 254;
тел. (8-8552) 58-13-71.

Издатель:

**Татарстанское отделение
Союза российских писателей**

423812, г. Набережные Челны,
Московский проспект, 95, офис 253, 254;
тел. (8-8552) 58-13-71.

Представительство в Москве:

8-966-380-04-00

Ларина Ксения Владимировна

Подписано в печать 10.08.2017 г.

Формат 70x100^{1/16};

Печать офсетная. Бумага ВХИ.

Усл. печ. л. 18,15 . Тираж 1000 экз.

Заказ

Цена свободная

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленного
электронного оригинал-макета
в типографии филиала

АО «ТАТМЕДИА»
«ПИК «Идел-Пресс»

420066, Казань, ул. Декабристов, 2

Со всеми номерами литературного журнала «Аргамак. Татарстан» можно познакомиться на сайте Татарстанского отделения Союза российских писателей www.srpkn.ru.

Рукописи принимаются по адресу: **423809, Татарстан, г. Набережные Челны, а/я 126** или e-mail: anp45@mail.ru. Желателен диск с набором, фотография, краткая биографическая справка.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Читательские письма и предложения могут быть опубликованы в альманахе. Ответственность за достоверность информации несут авторы материалов. Мнения авторов могут не совпадать с мнением редакции. При перепечатке материалов ссылка на журнал «Аргамак. Татарстан» обязательна.

Для приобретения номера и размещения рекламы социальной направленности обращайтесь: e-mail: anp45@mail.ru, тел.: (8-8552) 58-13-71; 8-927-241-01-19.

С ЮБИЛЕЕМ, МАЭСТРО!

Сергей Фёдорович Лукин – выдающийся музыкант, легендарный исполнитель на домре, композитор, профессор, солист Национального академического оркестра народных инструментов России имени Н. Осипова, общественный деятель – в 2017 году отмечает сразу две даты: свой 60-летний юбилей и 45-летие творческой деятельности. Русское исполнительское искусство он представляет во многих странах мира. Его выступления в Карнеги-холл (Нью-Йорк), Кеннеди-центр (Вашингтон), Альберт-холл (Лондон), а также на лучших концертных площадках Италии, Франции, Германии, Голландии, Японии, Кореи высоко оценила публика и зарубежная пресса, давая восторженные рецензии на его выступления. Американцы назвали его русским Паганини.

В течение года проходит юбилейный фестиваль, посвящённый творчеству Мастера. Во многих городах России состоятся сольные концерты Сергея Лукина в сопровождении оркестров народных инструментов, а также будут исполняться камерные программы в дуэте с блистательной пианисткой Натальей Богдановой.

Татарстанские любители музыки тоже смогут посетить концерты юбилейного фестиваля. 19 октября Сергей Лукин выступит в Большом зале казанской филармонии в сопровождении Государственного оркестра русских народных инструментов (художественный руководитель – народный артист России Анатолий Шутиков). 24 октября Сергея Фёдоровича будет встречать Органный зал в Набережных Челнах, где Маэстро даст очередной в автограде концерт в сопровождении ансамбля народных инструментов «Наигрыш» под руководством Николая Фёдорова.

К. Васильев. Человек с филином.
Последняя прижизненная работа художника...